Кр.63.3(2...) Кр4112
С-50
Кр 9(С13-4.5)
С 50

М. К. Смирновъ.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛѢССКІЙ.

ЕГО ПРОШЛОЕ
И
НАСТОЯЩЕЕ.

МОСКВА.
Типо-Литографія Т-ва И. М. Машистова.
1911.

БИБЛІОТЕКА
№ 9260
Владимір. Губерск. Земской
УПРАЗЫ.

356

М. И. Смирновъ.

ПЕРЕСЛАВЛЬ-ЗАЛѢССКІЙ.

Его прошлое и настоящее.

Кр. 9/С 134.5
С 50
кр. 63.3 (2Р-4Вл)

Типо-литографія Т-ва И. М. Машистова. Москва.

кр. 4112 т 0
Н
ВЛАДИМИРСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Географическія свѣдѣнія о Переславскомъ уѣздѣ и древнемъ Запѣсьи.—Задачи настоящаго изданія.

Переславскій уѣздъ находится въ сѣверо-западномъ углу Владимірской губерніи, между 56°,31′ и 57°,7′ сѣверной широты и между 37°,58′ и 39°,59′ восточной долготы. Сѣверную границу его составляютъ Углицкій и Ростовскій уѣзды Ярославской губерніи, на востокѣ и югѣ примыкаетъ къ уѣздамъ своей губерніи: Юрьевскому и Александровскому, на западѣ граничитъ Калязинскимъ уѣздомъ Тверской губерніи. Занимаетъ пространства 3178,7 квадр. верстъ.

Вмѣстѣ съ большею частью Александровскаго уѣзда имѣетъ особое устройство поверхности, которымъ значительно отличается отъ остальныхъ частей губерніи, составляющихъ въ сущности бассейнъ р. Клязьмы. Заключая его въ себѣ кромѣ верховьевъ, находящихся въ предѣлахъ Московской губерніи, Владимірская губернія въ общемъ наклонена на юго-востокъ къ Нижегородской губерніи, что кромѣ направленія главныхъ рѣкъ подтверждается профилемъ Московско-Нижегородской желѣзной дороги, который постепенно понижается по мѣрѣ удаленія отъ Москвы; такъ напр., ст. Кусково расположена на высотѣ 84,22 саж. надъ уровнемъ моря, а ст. Новки, отстоящая отъ нея на 215 вер., уже только на 46,96 саж. Переславскій же уѣздъ, находясь на водораздѣлѣ лѣвыхъ притоковъ р. Клязьмы и правыхъ притоковъ р. Волги, лишь меньшею частью связанъ съ общимъ строеніемъ площади Владимірской губерніи,—тамъ именно, гдѣ идетъ притокъ Клязьмы р. Малая Нерль; въ большей же своей части относится къ притокамъ Волги и наклоненъ своей поверхностью на сѣверо-западъ къ губерніи Тверской и на сѣверъ къ Ярославской, т. е. въ противуположную сторону отъ остальныхъ частей губерніи.

Водораздѣломъ между тѣми и другими притоками служитъ гряда Алаунской возвышенности, входящая сюда изъ губерній Московской и Смоленской. Высшая точка ея находится въ Александровскомъ уѣздѣ и достигаетъ 143 саженъ. Въ предѣлахъ Владимірской губерніи это—наибольшая возвышенность. Входя въ Переславскій уѣздъ широкой полосой съ юга, она направляется на сѣверъ съ постепеннымъ пониженіемъ и, спускаясь амфитеатромъ въ долину Переславскаго озера, огибаетъ его съ восточной стороны; продолжаетъ затѣмъ свое сѣверное направленіе и на протяженіи

нѣсколькихъ верстъ составляетъ правый нагорный берегъ р. Малой Нерли, поворачиваетъ къ д. Горки, отсюда на Ченцы и Скоморохово при ширинѣ 5—6 вер. уходитъ въ Ярославскую губернію. Средняя высота гряды можетъ быть принята равною 100 саж., въ рѣчныхъ же долинахъ 75 саж.

Эта возвышенность, захватывая собою половину уѣзда, состоитъ изъ ряда холмовъ и болѣе или менѣе обширныхъ террасъ, покрытыхъ лиственными и смѣшанными перелѣсками, чередующимися съ полевыми угодьями. Тамъ, гдѣ проходятъ ручьи и рѣчки, встрѣчаются глубокіе овраги; на значительныхъ ровныхъ площадяхъ попадаются болота и хвойные лѣса. Села и деревни чередуются весьма близко одни съ другими и вся мѣстность принадлежитъ къ самымъ населеннымъ и наиболѣе плодороднымъ въ уѣздѣ.

Въ противуположность этому сѣверо-западная половина уѣзда—плоская болотистая низина, мѣстами песчаная, покрытая сосновыми и еловыми лѣсами, которые занимаютъ большія пространства, населеніе здѣсь рѣдкое, почва мало плодородная. По этой части проходятъ самыя значительныя рѣки въ уѣздѣ, составляющія притокъ рѣки Волги,—р. Большая или Волжская Нерль и р. Дубна.

Свое начало обѣ эти рѣки берутъ на возвышенной части уѣзда, но собственно въ Переславскомъ уѣздѣ находятся лишь истоки Б. Нерли, а Дубна, вытекающая съ той же возвышенности, начинается въ предѣлахъ Александровскаго уѣзда. Обычно Нерлью считаютъ притокъ Волги, выходящій изъ Сомина озера, но, строго говоря, Векса и Трубежъ—продолженіе одной и той же рѣки и такимъ образомъ истоки Большой Нерли слѣдуетъ отнести къ Берендѣеву болоту, представляющему собою самое значительное водохранилище въ нагорной сторонѣ уѣзда.

Расположено оно на южной границѣ и принадлежитъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ Александровскому уѣзду. Во времена отдаленной старины было озеромъ, но давно вымерло и заросло мшистой трясиной, по краямъ кустарниками и ольхой. По своимъ размѣрамъ принадлежитъ къ крупнымъ болотамъ, насчитывая до 10 вер. длины и до 4 верстъ ширины. Вслѣдствіе своего положенія на возвышенномъ плато (на 104 саж. надъ поверхностью моря) даетъ начало цѣлому ряду рѣчекъ. По южному склону отсюда вытекаютъ къ Клязьмѣ—р. Киржачъ и Сѣра (Серня, Сарна); по сѣверо-восточному къ Малой Нерли—Сотьма, Шаха, Рокша и, наконецъ, по сѣверному—къ Большой Нерли—р. Трубежъ.

Начинаясь близъ д. Василисино, Трубежъ течетъ на протяженіи верстъ 25-ти, сначала въ низкихъ берегахъ по лугамъ и частью по болотистымъ мѣстностямъ, по мѣрѣ приближенія къ Переславлю—между крутыхъ холмовъ, но дойдя до озерной равнины, версты за три до Переславскаго озера, снова оказывается въ низкихъ берегахъ и впадаетъ въ него съ восточной стороны. Наибольшую ширину, саженъ до семи, Трубежъ имѣетъ предъ впаденіемъ, а въ остальной части высота воды поддерживается запрудами мельницъ. Теченіе его тихое, грунтъ дна иловатый. Значительныхъ прито-

ковъ не имѣетъ: впадающіе въ него—Каменка, Кипса, Мурмажъ, Ветлянка, Черная рѣчка и другіе—не больше какъ маленькіе рѣчки и ручьи. По теченію Трубежа расположено до десяти разныхъ поселеній, въ томъ числѣ самый большой по населенности и важный въ административномъ отношеніи пунктъ уѣзда—г. Переславль Залѣсскій (подъ 56°,43′ сѣверной широты и 38°,49′ восточной долготы), раскинутый невдалекѣ отъ устьевъ рѣки по обоимъ берегамъ ея на при-озерной равнинѣ. При самомъ же устьѣ Трубежа находится Рыбная Слобода, называемая обычно Рыбаки, населеніе которой живетъ главнымъ образомъ рыбнымъ промысломъ на Переславскомъ озерѣ.

Знаменитое своими сельдями (рыбы сиговой породы, coregonus albula) Переславское озеро по величинѣ является однимъ изъ большихъ въ средней Россіи; восточнѣе въ этой полосѣ нѣтъ такихъ значительныхъ озеръ. По исчисленію ученыхъ занимаетъ около 45 квадр. верстъ (по Стрѣльбицкому 42,5 кв. вер., а по Швейцеру—44 кв. вер.); при овальной формѣ имѣетъ длины 10 вер. и ширины 8 вер. Дно его полого спускается отъ береговъ и на разстояніи полуверсты отъ нихъ мелководно; состоитъ изъ чистаго плотнаго песка, но приближаясь къ серединѣ, становится иловатымъ, и достигаетъ глубины не менѣе 25 саж. На днѣ бьетъ множество родниковъ, которые придаютъ водѣ такую чистоту и прозрачность, что при значительной глубинѣ съ поверхности можно разсматривать ясно все лежащее на днѣ. Исключеніе составляетъ теперь восточная сторона, гдѣ вслѣдствіе близости города и особенно его красильныхъ и другихъ фабрикъ, спускающихъ черезъ рѣку Трубежъ сюда свои отбросы, прилегающая къ устьямъ часть озера значительно загрязнена и покрыта травою и тиною.

Такъ какъ съ востока и запада берега открыты, то озеро нерѣдко бываетъ бурливо, особенно при сѣверо-западныхъ вѣтрахъ и съ силою плещетъ вспѣненными волнами. Отъ этого явленія, отъ этихъ „плесковъ“, производимыхъ имъ, оно измѣнило свое старинное названіе—Клещино на Плещино и Плещее (Ак. Арх. Эксп., IV, 282), передѣланное потомъ въ Плещеево. Къ его особенностямъ относится также способность выплескивать утерянные или утонувшіе въ немъ предметы. При воронкообразномъ пологомъ днѣ сильное волненіе постепенно подвигаетъ предметъ по дну и прибиваетъ его къ берегу или выкидываетъ на самый берегъ.

Окрестности озера весьма живописны и немного найдется въ средней полосѣ Россіи такихъ видовъ. Само по себѣ уже такое значительное водное пространство представляетъ чудную картину, но оно становится еще болѣе неотразимымъ въ связи съ окаймляющей его рамкой береговъ. На сторонѣ противуположной Переславлю виднѣется на горизонтѣ синева лѣсовъ покрывающихъ западный берегъ. Справа, отступивъ отъ озера, возвышается сѣверный нагорный берегъ съ исторической Александровой горой, близъ ея с. Городище, бывшій ранѣе г. Клещинъ, ближе къ Переславлю старинный Никитскій монастырь. Лѣвый южный берегъ также возвышенный; на гребнѣ его стоитъ живописный Горицкій монастырь, нѣсколько далѣе подъ горой

село Веськово, а выше его—Ботикъ, такъ называется теперь мѣстность, гдѣ жилъ Петръ Великій, учась здѣсь мореплаванію. Отсюда особенно хорошъ видъ на озеро и раскинутый въ долинѣ г. Переславль.

Озеро лежитъ на границѣ нагорной и низменной части уѣзда. Принявъ въ себя съ юга рѣчку Веськовку, съ юго-запада Веленку, оно изливается къ сѣверо-западу и выпускаетъ изъ себя р. Вексу, по теченію которой начинается низменная часть уѣзда Векса проходитъ на протяженіи верстъ семи въ низкихъ и мѣстами то болотистыхъ берегахъ, то покрытыхъ пескомъ, лѣсомъ и кустарникомъ. Далѣе по теченію долина расширяется, а высоты отходятъ въ глубь праваго берега и, наконецъ, совершенно теряются, особенно послѣ Сомина озера, въ которое впадаетъ Векса.

Озеро Сомино (называемое въ разныхъ актахъ и документахъ также Сумино, Самино, Семино) небольшое по размѣрамъ ($1^1/_2$ вер. длины и 1 вер. ширины), тинистое и болотистое. Въ противоположность Переславскому—вода мутная, загрязненная тиной, дно вязкое; отъ этого и рыба обладаетъ непріятнымъ вкусомъ, тогда какъ рыба Переславскаго озера славится своими прекрасными вкусовыми качествами. Лѣвый берегъ озера болотистый, правый повыше лѣсистый. При впаденіи Вексы—маленькій островокъ.

Съ сѣверо-западной стороны озера вытекаетъ Большая Нерль и подобно р. Вексѣ долгое время течетъ среди болотистыхъ луговъ и лѣсовъ, но еще до выхода въ Тверскую губернію за с. Святовымъ оба берега начинаютъ возвышаться и становятся круты и открыты. Большая часть ея теченія принадлежитъ Тверской губерніи, гдѣ берега ея населены гораздо гуще, чѣмъ въ предѣлахъ Переславскаго уѣзда. Всего на протяженіи 110 верстъ теченія р. Большой Нерли въ обѣихъ губерніяхъ расположено до 65 поселеній съ 11 тысячъ жителей. На югъ отъ г. Калязина при с. Кснятинѣ она впадаетъ справа въ Волгу.

Раньше Нерль была судоходна. По ней, главнымъ образомъ, ходили въ Залѣсье новгородцы во времена глубокой старины и пользовались ею какъ путемъ-дорогой, который тогда одинъ былъ возможенъ среди безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсовъ. Позднѣе (въ срединѣ XV в.), въ дни юности преп. Даніила, здѣсь свободно проходили „большія лодіи“ съ товарами тверскихъ купцовъ. При Иванѣ Грозномъ на Вексѣ появилась мельница, которую, быть можетъ, обходили волокомъ. Въ самомъ концѣ XVII ст. по приказанію Петра Великаго изъ Переславскаго озера въ полую воду былъ проведенъ выстроенный здѣсь корабль въ р. Волгу, несмотря на то, что „отъ города Переславля въ озеро, также и изъ озера въ р. Вексу, проходы зѣло мелки“ были уже тогда. Въ концѣ XVIII в. составитель топографическаго описанія Владимірской губерніи писалъ относительно Нерли: „Теченіе сей рѣки заставляетъ полагать, что на оной рѣкѣ можно было бы учредить отъ г. Переславля до Волги судовой ходъ, разчистивъ оную рѣку въ мелкихъ мѣстахъ и уничтоживъ находящіяся на оной мельницы; а сія водяная въ Волгу коммуникація могла бы принести чрезвычайную пользу какъ гор. Переславлю,

такъ и живущимъ по оной рѣкѣ, каковой въ нынѣшнемъ состояніи ходъ отправляется по оной верстъ на 40, начиная отъ г. Переславля до с. Святова большими прошивными лодками".[1])

Но съ тѣхъ поръ много утекло воды и рѣка сильно обмелѣла, особенно въ начальномъ теченіи. Здѣсь она узка и неглубока. Около с. Святова становится шире, ближе же къ устью достигаетъ до 30 саж. ширины. Ни судоходства, ни сплава теперь изъ г. Переславля по ней не производится. Промышенное значеніе рѣки ограничивается ея двигательной силой для устройства мельницъ и фабрикъ.

Большая Нерль богата притоками. Справа впадаетъ въ нее: Речена, Исполдомъ, Угласъ, Жуковка, съ Зубенкой, Меленка, Сольба съ своими притоками: Рыбинкой, Кисьмой, Черной Варго, Бушей и Саблей слѣва, Воленкой съ Павловкой справа. Наиболѣе значительные изъ этихъ притоковъ Сольба и Сабля. Первая вытекаетъ изъ болота невдалекѣ отъ д. Песковъ Половецкой волости, вторая беретъ свое начало въ Углицкомъ уѣздѣ и на протяженіи верстъ десяти составляетъ границу Калязинскаго и Переславскаго уѣздовъ до впаденія въ р. Сольбу.

Слѣва въ Нерль впадаютъ: Кубрь (или Кубря) съ ея притоками: Курахтой, Дубцомъ. Саблей Малой, Паршей, Игоблой съ Тушперомъ, Талицей; р. Пашма, Вьюлка, Волкотка. Самый значительный изъ лѣвыхъ притоковъ р. Кубря, берущая начало верстахъ въ пяти отъ г. Переславля за Московско-Ярославскимъ шоссе въ Леховомъ болотѣ. Первоначально течетъ на югъ среди холмовъ возвышенной гряды, а потомъ выходитъ отсюда на равнину, поворачиваетъ на сѣверо-западъ и впадаетъ въ р. Нерль при д. Григорово послѣ 70 верстъ теченія.

Другой значительный притокъ Волги, орошающій Переславскій уѣздъ, р. Дубна имѣетъ свои истоки между дер. Зезевитово и Дубной Александровскаго уѣзда въ горной возвышенности, проходитъ уѣздами: Александровскимъ, Переславскимъ, Калязинскимъ, Дмитровскимъ и Корчевскимъ и впадаетъ въ Волгу послѣ 150 верстъ своего теченія при с. Дубна. Судоходна на 10 верстъ отъ впаденія р. Сестры до устья. Въ первой половинѣ XIX ст. посредствомъ р. Дубны и Сестры предполагалось соединить рѣку Москву съ Волгой.

Въ Переславскомъ уѣздѣ Дубна протекаетъ по самой юго-западной границѣ съ Александровскимъ уѣздомъ, между дер. Ваулино и д. Островомъ, и захватываетъ незначительную его часть, проходя, главнымъ образомъ, по болотистой мѣстности. Собственно эти болота тянутся отъ с. Константиновскаго Александровскаго уѣзда на протяженіи верстъ 35-ти. Дубна протекаетъ здѣсь по долинѣ, имѣющей отъ 2-хъ до 6-ти верстъ ширины и представляющей котловину, въ которой нѣкогда находилось обширное озеро. Нынѣ эта долина—зыбкое болото, поверхность котораго находится почти

---

[1]) Г. Владиміръ, 1906 г., стр. 34.

на одномъ уровнѣ съ р. Дубной, образующей здѣсь множество заливовъ и небольшихъ озеръ. Нѣкоторые изъ нихъ соединены съ рѣкой проливами, другіе на поверхности закрыты трясиной, но сообщаются съ рѣкой сквозь болотистую землю.

Одно изъ такихъ озеръ въ предѣлахъ Переславскаго уѣзда—Заболотское, лежитъ близъ западной границы уѣзда въ одной верстѣ отъ села Заболотья, соединяется съ Дубной рукавомъ. Длина озера $1^1/_2$ версты, ширина 1 верста, глубина до 3-хъ саженъ. Грунтъ дна вязкій и иловатый; болотистые берега покрыты кустарникомъ. Съ сѣверо-восточной стороны впадаетъ сюда ручей Сулоть (Сулотня), текущій по болотистой долинѣ и соединяющій его съ другимъ озеромъ Батьковскимъ или Ботковскимъ. Это озеро находится въ лѣсу въ 2-хъ верстахъ отъ села Вѣдомши, длиною оно до 200 саж., шириною до 150 саж., дно и берега болотистые.

Въ предѣлахъ Владимірской губерніи рѣка Дубна принимаетъ въ себя притоки: справа—Маску, Цилибушку, Нушполку, Плотинку; слѣва—Сухоть, (въ которую впадаютъ: Курга, Вашкыдла съ Крестницей и Ножками), Малгу, Карповку, Куньимы, Тюрюшбу, Кунья, Махорку, Чернцову, Сидоровку, Дубжу, Велю или Влену съ своими притоками: Чермянкой, Пальбижью, Аршей, Шобахтой. Этимъ и ограничивается связь Переславскаго уѣзда съ Волжскимъ бассейномъ.

Съ Клязьминскимъ бассейномъ соединяетъ его другая Нерль—Малая. Верховье ея находится близъ с. Лыченецъ и д. Ченецъ въ Бѣломъ или Ивановскомъ болотѣ. Отъ верховьевъ р. Сольбы, притока Волжской Нерли, отдѣляетъ ее только незначительная лѣсистая и песчаная гряда. Малая Нерль протекаетъ по сѣверной части Переславскаго уѣзда, подходитъ къ Ростовскому, гдѣ составляетъ границу Владимірской губерніи съ Ярославской, потомъ снова возвращается въ Владимірскую губернію и протекаетъ по уѣздамъ—Юрьевскому, Суздальскому и Владимірскому, впадая въ послѣднемъ въ Клязьму у с. Боголюбова послѣ 350 верстъ теченія. Вдоль ея расположено 74 селенія съ 16 тысячъ жителей. Недалеко отъ устьевъ весною судоходна и достигаетъ значительной ширины (до 60 саж.) и глубины (до 6 саж.). Въ среднемъ же и верхнемъ теченіи прегражденa во множествѣ мельничными плотинами, которыя хотя и дѣлаютъ ее многоводной, но въ то же время лишаютъ ее сплавнаго значенія. Теченіе рѣки довольно быстрое, дно песчаное и въ иныхъ мѣстахъ каменистое. Лѣвый берегъ на всемъ своемъ протяженіи постоянно пологъ, правый же мѣстами окаймленъ возвышенностями, особенно въ верхнемъ и нижнемъ теченіи; большею же частію рѣка идетъ среди обширныхъ болотъ и лѣсовъ, наносныхъ песковъ и отложеній торфа. По теченію ея находятся заливные луга, богатые покосами.

На своемъ протяженіи Малая Нерль принимаетъ цѣлый рядъ притоковъ: справа—р. Мося, Нилка, Тошма (съ своими притоками: Сотьмой, Сухопарой, Шуховкой, Тезой съ Баширкой); Шаха (съ притоками: Бабухой съ Чернецкой, Одарихой, Гремячкой, Рокшей съ Кащункой и Чернымъ

потокомъ; Черной Тешмой съ Дулнихой). За предѣлами Переславскаго уѣзда: Нижа, Монаевка, Лода, Шокша съ Рахмашевкой и Коменкой, Селекша (въ нее справа Симка, справа въ Симку—Веска, слѣва: Лубянка, Клобуковка, Кушка, справа въ Кушку Карабузна съ Которохой, Плоская), Пигля съ рѣчкой Черемушкой, Чапка, Ворожанка; Печегда съ Садовкой, Хорошевкой; Каменка (въ нее слѣва Поколабка съ истокомъ Уловскимъ и ручей Хичинъ, справа Урышма съ Тулкой); Ирмисъ (въ нее справа Шуга, Кукса, Урда съ Поддубной, слѣва—Концеревка, Дубенка съ Нетечкой, Войтма съ Чудухой); Потыевка, Воротиха, Новоселка.

Слѣва въ рѣку Малую Нерль впадаютъ въ границахъ Переславскаго уѣзда Вашенка, вытекающая изъ Вашутинскаго озера, находящагося близъ деревни Вашутино, въ одной верстѣ слѣва отъ Московско-Ярославскаго шоссе. Озеро имѣетъ въ длину 2 версты, въ ширину 1 вер., глубины до 3 саж.; дно иловатое, берега пологіе. Принимаетъ въ себя рѣчку Дубецъ съ Нюньгой и Карповкой. На границѣ съ Ярославскою губерніею впадаетъ р. Режма. Далѣе идутъ: Куница, Юрьевецъ, Висина, Черная, Азименка, Уранда, Сухода (справа Ирмиса съ Сахтой, слѣва Векса съ Протомойкой), Туга съ Каменкой, Ручей Тевсѣевъ, Горшкова, Сахтышъ, Нельма, Карношка съ истокомъ Рузаминскимъ, Подакса, Раекъ, Волочка, Печуга (справа Задечья, слѣва—Воземха, Денисовка).

Воды и болота Переславскаго уѣзда занимаютъ шестую часть его поверхности и даютъ въ общемъ достаточное орошеніе краю, а въ низменной части уѣзда—весьма обильное. Что же касается прочей части поверхности, то она распредѣляется слѣдующимъ образомъ: половина находится подъ пахатными и луговыми угодьями, распредѣляющимися между собою почти въ равной долѣ (пахатной земли—80382 дес., луговой—77101 дес.); треть (110403 дес.)—подъ лѣсами, которыми край богатъ изстари; остальное—подъ селеніями, усадьбами, дорогами и пр. Почва довольно разнообразна: въ низменной части супесчаная и болотистая, въ возвышенной преобладаетъ глинистая, которая въ восточной части уѣзда переходитъ по мѣстамъ въ суглинистый черноземъ (лессъ) и тянется отсюда полосой черезъ Юрьевскій уѣздъ къ Суздалю. Своимъ образованіемъ она обязана главнымъ образомъ ледниковому періоду, въ теченіе котораго съ далекихъ горъ Скандинавіи и Финляндіи опустились сюда мощныя отложенія валунной глины и песка и покрыли собой болѣе древнія породы земной коры. Если бы не существовало этихъ отложеній, наша область представляла бы каменистую пустыню съ крайне бѣдною растительностью. [1])

На зарѣ русской жизни, когда сосредоточіемъ ея былъ Кіевъ, мѣстность Переславскаго уѣзда входила въ составъ „Страны Залѣсской“, [2])

---

[1]) Военно-статистич. обозрѣніе Рос. Имперіи. VI, часть 2, Влад. губ., С.П.Б., 1852 г.; Журналъ Сельск. Хозяйств. Им. Моск. О-ва, 1855 г., № 7, стр. 203—239; Матеріалы для геологіи Россіи, т. X, С.П.-Б., А. Крылова. Геологическіе очерки Владимірской губ. и др.; Труды геологич. комит., т. V, С. П.-Б., 1888—1889, стр. 60—98; Семеновъ, Географ. Словарь.

[2]) П. С. Р. Л., II, стр. 258.

каковою считалась значительная часть средней Россіи, получившая свое названіе оттого, что находилась отъ Кіева за Брынскими или Брянскими лѣсами. Позднѣе, когда центръ русской жизни перешелъ съ юга на сѣверъ, цѣлый рядъ городовъ продолжалъ носить названіе „Залѣсскихъ", среди которыхъ былъ не только Переславль, но и Владиміръ на Клязьмѣ.[1]) Числясь въ спискѣ Залѣсскихъ городовъ, Переславль вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно находился среди густыхъ лѣсовъ и былъ городомъ *въ лѣсу*, подобно тому, какъ сосѣдній ему Юрьевъ—городомъ *въ полѣ*. При сравненіи мѣстностей, окружавшихъ тотъ и другой городъ, наблюдался контрастъ, который встарину былъ гораздо ярче, чѣмъ теперь. Мѣстность Переславскаго уѣзда, покрытая дремучимъ лѣсомъ-боромъ, была Залѣсьемъ со стороны окружавшихъ его городовъ, особенно отъ Юрьева. Основанный въ мѣстности степной, полевой, Юрьевъ, сохранившій и теперь названіе Польскóго, вмѣстѣ съ Суздалемъ былъ сосредоточіемъ Ополья.

Переславское Залѣсье въ старину заключало въ себѣ гораздо бóльшую площадь, чѣмъ занимаетъ теперь Переславскій уѣздъ. Послѣдній составляетъ лишь часть Переславской области, въ которую со временъ кн. Переславскихъ до конца XVIII столѣтія входили также теперешній Александровскій уѣздъ и часть Покровскаго съ г.г. Покровомъ и Киржачемъ.[2]) Во времена государства Московскаго и частью въ Петербургскій періодъ эта область называлась „Переславль-Залѣсскій уѣздъ" и отмежевывалась отъ сосѣднихъ слѣдующими границами, въ общемъ, можно признать, совпадающими съ тѣми, которые окружаютъ современные намъ уѣзды Переславскій и Александровскій, а именно: съ сѣвера—Ярославской губ., съ сѣверо-запада—Тверской, съ запада—Московской, съ востока—Юрьевскимъ уѣздомъ. Что же касается южной части прежняго „Переславль-Залѣсскаго уѣзда", входящей теперь въ составъ Покровскаго уѣзда, то здѣсь крайнюю южную границу составляла р. Клязьма, съ востока Юрьевскій и Владимірскій уѣзды. Послѣдняя граница проходила между притоками р. Клязьмы—р.р. Вольгой и Липней по направленію къ р. Шернѣ, притоку Киржача, и далѣе къ Юрьевской границѣ. Въ частности же современныя границы мѣстами имѣютъ нѣкоторыя неточности въ сравненіи съ прежними, такъ: граница съ Тверской губ. въ старину выдавалась нѣсколько болѣе на западъ и заключала въ себѣ волость по р. Вьюлкѣ, находящейся теперь въ предѣлахъ Тверской губ.; сѣверная граница также подверглась нѣкоторому измѣненію: со времени генеральнаго межеванія (1786 г.) отнесенъ къ Углич-

---

[1]) П. С. Р. Л. VII, 241.

[2]) Въ этой части Покровскаго уѣзда находятся теперь слѣдующія села (приходы), принадлежавшія встарину къ Переславскому уѣзду: Алексино, Андреевское, Аргуново, Архангельское на Утороскѣ, Богородское, Борисоглѣбское, Васильевское, Воинова Гора, Воскресенское, Головино, Данутино, Елецъ, Житенино, (Жегулино), Заболотье, Зарѣчье, Ивановское-Прозоровское, Ильинское, Козлятьево, Коробовщина, Кумашь, Ново-Сергіевское, Ново-Спасское, Овчинино, Паньково, Смольнево, Филипповское, Флорищи и пр. съ относящимися къ нимъ деревнями.

кому уѣзду Ярославской губ. бывшія Переславскія деревни Волнинскаго прихода—Бѣлоусово, Кривцово, Лопаткино и Полеткино, и т. п.

Въ отношеніи физическаго строенія поверхности Залѣсье имѣло болѣе цѣльный видъ, чѣмъ современный Переславскій уѣздъ, такъ какъ въ районъ его входила вся гряда Алаунской возвышенности, находящаяся теперь въ предѣлахъ Владимірской губ. со всѣми склонами, по которымъ сбѣгали многочисленные ручьи и рѣчки. Новыхъ волжскихъ притоковъ, кромѣ Дубны и Б. Нерли, не было; но что касается Клязьминскихъ, то на ряду съ р. М. Нерлью сюда же относились: р. Сѣра съ притокомъ Мологчей; Дубенка; Киржачъ Малый и Большой съ впадающими въ него рѣчками Богоной, Шерной, Вохчелой, Молоданью и Шередаремъ; Вольга. Изъ озеръ въ дополненіе къ перечисленнымъ можно указать Торбѣевское и Дичковское, находящіяся теперь въ Александровскомъ уѣздѣ, и озеро Вятское (или Всесвятское) Покровскаго уѣзда. Изъ нихъ самое значительное—Вятское; имѣетъ $1\frac{1}{2}$ вер. длины, по срединѣ его небольшой островокъ съ построенною на немъ Введенскою пустыней; озеро совершенно круглое, берега болотистые и мѣстами песчаные. Изъ болотъ слѣдуетъ отмѣтить Нушпольское, лежащее въ бассейнѣ р. Дубны, притока р. Волги.

Таково въ общихъ чертахъ Переславское Залѣсье. Оно занимало пространства около $8\frac{1}{2}$ тысячъ квадр. верстъ и по своему объему было нѣсколько болѣе современной намъ Черногоріи, не говоря уже о такихъ нѣмецкихъ герцогствахъ, какъ Гессенъ, Ольденбургъ и пр.

Составляя отдѣльную область обширной Русской Земли, оно имѣло свою историческую судьбу, видоизмѣнявшуюся сообразно условіямъ русской жизни. Въ теченіе многовѣковаго существованія воспринимало и отражало эту жизнь, какъ одна изъ центральныхъ областей государства, вслѣдствіе чего судьба его имѣетъ не одинъ только мѣстный интересъ, а служитъ иллюстраціей общей русской исторіи.

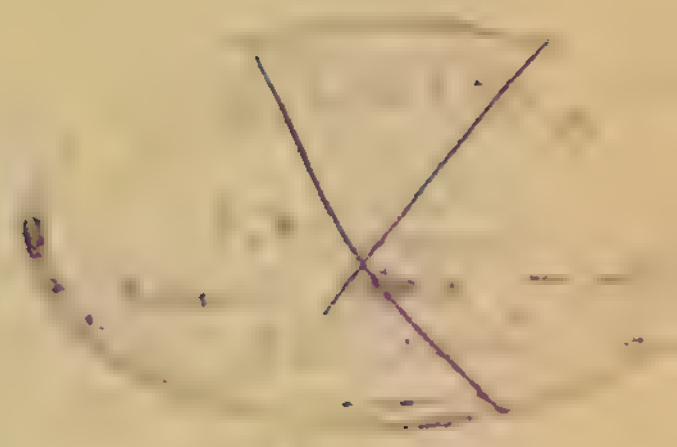
Прослѣдить судьбу эту съ древнѣйшихъ временъ, передать хронику имѣвшихъ здѣсь мѣсто событій и составляетъ предметъ нашей работы. Не задаваясь цѣлью представить это во всей полнотѣ, авторъ поставилъ себѣ болѣе скромную задачу—дать историческій очеркъ края въ предѣлахъ ему доступныхъ. Оправданіе этого онъ видитъ въ томъ соображеніи, что болѣе полустолѣтія не появлялось ни одного цѣльнаго изложенія исторіи Переславля Залѣсскаго и потому будетъ своевременно и вполнѣ цѣлесообразно дать, хотя бы и не полный очеркъ; тѣмъ болѣе, что предшествовавшія изданія по исторіи Переславля составляютъ теперь библіографическую рѣдкость и не доступны для публики. Въ то же время появившіяся въ изобиліи цѣнныя изслѣдованія по отдѣльнымъ сторонамъ Переславской исторіи и археологіи нуждаются въ общемъ сводѣ и объединеніи, что, на сколько было возможно, и старался сдѣлать авторъ, хотя при этомъ вынужденъ оговориться, что, живя вдали отъ центральныхъ книгохранилищъ и книжныхъ собраній Владимірской губ., онъ далеко не всегда могъ имѣть въ рукахъ то, что было ему необходимо. Наконецъ, самое важное оправданіе для

себя авторъ видитъ въ назрѣвшей потребности времени. Въ послѣдніе годы русская жизнь всколыхнулась и ищетъ выхода. Это стремленіе должно сопровождаться самосознаніемъ исторической роли народа, прошлаго его родины. Справедливый упрекъ Гоголя: „велико незнаніе Россіи--внутри Россіи", не долженъ болѣе имѣть мѣста. Каждый обязанъ знать минувшую судьбу своего края и не только знать, но цѣнить и любить: „любовь къ родинѣ— основа любви къ отечеству". Авторъ считалъ бы свою задачу вполнѣ достигнутой, если бы ему удалось возбудить или даже лишь освѣтить это чувство въ комъ-либо изъ уроженцевъ Залѣсья, для которыхъ главнымъ образомъ и предназначенъ предлагаемый очеркъ.

Первоначально предположено было выпустить настоящее изданіе иллюстрированнымъ, снабдивъ его разными снимками съ многочисленныхъ памятниковъ Переславской старины и видами историческихъ мѣстностей, но, къ нашему глубокому сожалѣнію, эту мысль пришлось оставить до болѣе благопріятнаго времени.

М. С.

Нижній-Новгородъ,
23-го апрѣля 1911 года.



I.

Древнее населеніе Залѣсья. Меря. Мерянскія географическія названія. Курганы. Находки. Бытъ мерянъ. Лѣтописныя свѣдѣнія о мерѣ. Колонизація Залѣсья. Древніе города. Образованіе великорусскаго населенія.

Въ началѣ историческаго періода въ Залѣсьи жилъ народъ; имѣвшій нравы, обычаи и языкъ, совершенно не сходные съ нашими. Народъ этотъ былъ—Меря, принадлежавшій къ чудскому или финскому племени, переселившемуся сюда изъ Азіи во времена глубокой старины. Финны пришли сюда въ то время, когда страна средней русской равнины была покрыта дремучими непроходимыми лѣсами, прерываемыми по мѣстамъ озерами, болотами и многочисленными рѣками и ручьями. Послѣдніе были единственными путями, по которымъ могъ пробраться человѣкъ въ этой первобытной тайгѣ. Подвигаясь постепенно на сѣверо-востокъ Европейской равнины, финны могли проникнуть сюда по притоку Клязьмы—р. Малой Нерли и по притоку Волги—р. Большой Нерли. Самыя раннія и самыя значительныя поселенія въ Залѣсьи они основали на прибрежныхъ поляхъ Клещина (Переславскаго) озера и весьма возможно, что нашли здѣсь первобытныхъ людей, отъ которыхъ наслѣдовали множество каменныхъ орудій, встрѣчавшихся потомъ въ мерянскихъ могилахъ. Одновременно или, быть можетъ, даже ранѣе подобныя же поселенія основаны были мерянами на берегахъ Ростовскаго озера, куда они могли придти съ Волги р.р. Которослью и Вексой. Это тѣ именно два пункта, которые отмѣчены древнею лѣтописью: „на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ меря же“, какъ говорится тамъ при перечисленіи народовъ, населявшихъ равнину сѣверной Руси. Но и кромѣ мѣстности нынѣшней Владимірской и Ярославской губерній, племя мерянъ распространилось, хотя и не въ такой степени, въ предѣлахъ Костромской губерніи и сѣверной части Московской. Такимъ образомъ, мерянская земля была обширна.

На сколько часты были мерянскія поселенія въ Залѣсскомъ краю, можно судить по множеству географическихъ названій, полученныхъ нами отъ первыхъ поселенцевъ, а также по количеству принадлежав-

ныхъ имъ кургановъ или могилъ, сохранившихся до половины XIX ст. Но при разсмотрѣніи этихъ названій, чуждыхъ русско-славянскому языку, нужно имѣть въ виду, что далеко не всѣ онѣ уцѣлѣли до нашего времени: нѣкоторыя замѣнены славянскими (напримѣръ; озеро Клещино, рѣка Трубежъ и т. п., мерянскія названія ихъ забыты), другія переведены съ мерянскаго на русскій языкъ (напримѣръ, Киболъ стала именоваться Каменкой), наконецъ, многія искажены и передѣланы примѣнительно къ корнямъ русско-славянскимъ, (напр. р. Сѣра, называвшаяся ранѣе Серия и Сарна). Названія эти по изслѣдованію ученыхъ сродны черемисскимъ, мордовскимъ, вогульскимъ и др. финскимъ и могли быть даны только аборигенами края—мерянами. По замѣчанію гр. А. С. Уварова самое названіе р.р. Нерлей ясно сохранило въ себѣ имя народа—мери. Притоки же ихъ и р. Дубны не только значительные, но и самые малые въ большинствѣ носятъ мерянскія названія: Вашка, Векса, Веська, Нигобла (Игобла), Кижилка, Кисьма, Киниса, Клязьма, Кубря, Курча, Ламнейка, Маска, Мурмажъ, Мося, Нюньча, Нилка, Парша, Пашма, Режма, Рокша, Сольба, Соболка, Сотьма, Серокша, Сулать (ня), Сухохома, Слуда, Тушперъ, Тошма, Теза, Тальма, Щельма, Шаха, Яхрома и др. Все это указываетъ, что меряне обитали вблизи ихъ и весьма возможно, что многія находящіяся при нихъ села и деревни, хотя и носятъ теперь русскія названія, основаны во времена отдаленной старины финнами.

На ряду съ названіями рѣкъ также уцѣлѣло не мало селеній съ мерянскими названіями: Аламово, Брембола, Биберево, Бакшево, Вашка, Вашутино, Воргуша, Веська, Кисемка, Катунино, Кижила, Купань (Хупань), Кріушкино, Кичибуха, Кіучеръ, Нила, Сарево, Сотьма, Селково, Шурма и др. [1]). Въ первой половинѣ XVI в. въ

---

[1]) Нѣкоторыя изъ названій рѣкъ и селеній объяснены или переведены на русскій языкъ учеными такъ:

Веська. Веськово. Весьлево—отъ финскаго слова *веси*—вода: финны поклонялись водѣ и олицетворяли ее въ видѣ особаго божества. (Гр. Уваровъ. Меряне и ихъ быты, стр. 640).

Сарево—отъ слова *сара*—особая трава (ibid).

Векса—имѣетъ нѣсколько объясненій: 1) „Въ странѣ Мери замѣчательны особенности названія рѣкъ, истекающихъ изъ озера, въ томъ, что первый потокъ, который обыкновенно имѣетъ недлинное теченіе, называется **Віокса**–(*Векесъ*). Если же соединяется съ другимъ притокомъ, или пробѣгъ черезъ озеро, то теряетъ первоначальное, какъ бы общее всѣмъ такимъ истокамъ названіе, и получаетъ названіе, принадлежащее рѣкѣ на остальномъ протяженіи, непремѣнное другое“ (Военно-стат. Обозрѣніе Рос. Имп., VI т. ч. 2, стр. 19 прим). Дѣйствительно, первоначальные истоки Переславскаго и Ростовскаго озеръ носятъ названіе Векесы. 2) *Векса*—съ вогульскаго языка значитъ наводненіе (Шестаковъ, Родственна-ли Меря съ Вогулями. Изд. Имп. Казан. Универс. 1873 г., № 1).

Кі-учеръ—*Кі*—камень *учеръ*—топоръ—(ibid).

Баншево—*баки*—съ Черемисскаго—мельница.

восточной части уѣзда существовалъ Мерьскій (онъ же Нерльскій) станъ, который соотвѣтствуетъ теперь части Елизаровской и Смоленской волостей [1]). Въ настоящее время есть деревня Мерлново, названіе которой считается происшедшемъ также отъ имени Мери [2]).

Вблизи нѣкоторыхъ изъ этихъ селеній и рѣкъ, сохранившихъ свои первоначальныя названія, до половины XIX в. существовало значительное число мерянскихъ кладбищъ, такъ: при деревнѣ Аламово на берегу рѣки Сотьмы при с.с. Большой и Малой Брембола, при с. Веськовѣ, дер. Кріушкинѣ. Но болѣе всего найдено кургановъ при селеніяхъ. носящихъ русскія названія: при с. Городищѣ на берегу озера—1341 курганъ, вблизи с. Осиповой Пустыни на берегу р. Кубри въ лѣсу—301 курганъ, за с. Кабанскимъ на горѣ при сліяніи р.р. Тезы и Сотьмы—251 курганъ, у с. Романова, д. Борисова и др. Кромѣ того не мало оказалось мерянскихъ могилъ въ окрестностяхъ самого Переславля—за Ѳедоровскимъ монастыремъ у пруда и въ урочищѣ Собилка, а также у Борисоглѣбской Слободы и др. Всего въ окрестностяхъ Переславскаго озера (въ 1853—1854 г.г.) было открыто и обслѣдовано 2358 могилъ.

Значительно отличаясь отъ нашихъ, мерянскія кладбища устраивались весьма основательно и на столько прочно, что просуществовали цѣлое тысячелѣтіе. Сожженный прахъ покойника или его трупъ полагали прямо на землю или вырывалась для него неглубокая яма, сюда же клали необходимые предметы домашняго обихода покойника: утварь, оружіе, украшенія, идоловъ и т. п. и все это засыпали холмомъ земли, что замѣняло собою современные намъ кладбищенскіе памятники. Могилы располагались непрерывно одна послѣ другой, иногда обносились рвомъ, но встрѣчались могилы и разбросанныя на значительные промежутки. Самыя кладбища располагались на возвышенныхъ мѣстахъ и занимавшія ихъ могилы представляли собой насыпи до 3-хъ аршинъ высоты и въ окружности при основаніи иногда до 80 аршинъ. Надъ всѣми-ли умершими мерянами дѣлались такія насыпи, или только надъ богатыми и знатными—неизвѣстно; вѣроятнѣе послѣднее. Въ теченіе многовѣковаго существованія, многіе изъ курга-

---

Биберево—*пи-берь* собачье мѣсто.

Брембола—*прем.*– завитушка, *бел*—сторона или *бал*—поверхность; извилистая сторона или поверхность.

Купань—*купан* болотистый.

Нюньча—поичье—вязскій, тягучій.

Кипса—*кипаш* или *купаш*—затхнуть, заплѣснѣть.

(Семеновъ. Къ вопросу о родствѣ и связи Мери съ Черемисами. (Труды VII Археологическаго Съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г., М. 1891 г. стр. 228).

Селково—*селка*—хребетъ; *сэлкэа*—ясный, свѣтлый, прозрачный. (Веске. Славяно-Финскія культурныя отношенія, Казань, 1890 г. стр. 70).

[1]) Добронравовъ В. Исторія Данилова Монастыря, Приложеніе стр. 16.

[2]) Гр. Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ, стр. 640.

новъ застроены селеніями, распаханы, размыты водой и т. п.; первоначально ихъ было гораздо больше.

Но тѣмъ не менѣе обслѣдованіе сохранившихся кургановъ дало весьма цѣнные результаты. П. С. Савельевымъ, при участіи К. Н. Тихонравова, извлечено изъ нихъ множество разныхъ находокъ, свидѣтельствующихъ о бытѣ, нравахъ, обычаяхъ и вѣрованіяхъ мерянъ. Предметы эти помѣщены въ Московскомъ Румянцевскомъ Музеѣ въ отдѣленіи древностей доисторическихъ, въ собраніи Савельева и графа Уварова по Владимірской губерніи.

Среди этихъ находокъ, нужно, впрочемъ, сказать, не представляющихъ особаго интереса въ художественномъ отношеніи, но важныхъ въ бытовомъ, самое обычное въ головной части могилы—височныя кольца, нерѣдко съ остатками ремня. По всей вѣроятности ремни, черезъ которые продѣты были кольца, служили для придерживанія длинныхъ волосъ, какъ это и теперь еще дѣлаетъ простой народъ и ремесленники, чтобы волосы не падали на глаза, когда для работы приходится часто нагибать голову. Число колецъ самое разнообразное, изготовлялись они изъ бронзы и частію серебра.

На ряду съ височными кольцами находили въ могилахъ серьги бронзовыя или серебряныя, кольцеобразной формы, многогранныя и серповидныя съ бусами и привѣсками.

Въ „богатыхъ" погребеніяхъ у шеи остова встрѣчались позументы съ пуговицами, составлявшіе, очевидно, воротники истлѣвшей одежды, у другихъ обручи въ видѣ простой проволоки, или витые, а также цѣпочки. Иногда къ нимъ привѣшивались разныя украшенія: бусы, монеты и т. п. и тогда образовывали собой мониста, у нѣкоторыхъ цѣнныя. Тутъ же находили бусы самыхъ разнообразныхъ формъ, величины, цвѣта и матеріаловъ; большинство сдѣлано изъ стекла, есть глиняныя, сердоликовыя, хрустальныя, металлическія и т. п.

На плечевыхъ костяхъ встрѣчались треугольныя украшенія; на груди позументы, иногда подложенные берестой, остатки грубой шерстяной ткани, застежки бронзовыя или серебряныя, бубенчики и пуговки; при ручныхъ костяхъ погребенныхъ—кольца, перстни и браслеты.

Наибольшее число находокъ разнаго рода было около пояса. Погребаемыхъ клали въ ременныхъ поясахъ, иногда снабженныхъ металлическимъ наборомъ съ бронзовыми и желѣзными пряжками круглой и овальной формы. Къ поясу прицѣплялись привѣски въ видѣ коньковъ, птицъ, звѣрей и т. п. Здѣсь, а также около бедръ, находили: ключи, металлическіе гребни, огниво, игольники, вѣсы, гирьки, копья, ножи, топоры, молотки, серпы, косы. Въ ногахъ—подковки, шпоры, кости домашнихъ животныхъ, особенно коня.

Въ могилахъ находили также въ видѣ черепковъ глиняной посуды остатки „поминальнаго обычая", обычая снабженія покойника пищей въ загробную жизнь;—горшки, величиною съ наши чугунки, нерѣдко отличнаго достоинства и по свойству глины, и по издѣлію. Въ нихъ иногда оказывались остатки пищи, которую можно разсматривать вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ жертвенное приношеніе.

Для опредѣленія времени, къ какому относятся эти погребенія и находки, особое значеніе имѣютъ монеты. Въ значительныхъ количествахъ, въ видѣ кладовъ, они не встрѣчались, а какъ указано ранѣе,—въ видѣ украшеній или единичныхъ находокъ. Это были серебряныя деньги: арабскія, греческія и западно-европейскія. Самыя раннія изъ нихъ относятся къ началу X вѣка, самыя позднія къ XI вѣку. Эти монеты могли явиться сюда только послѣ того, какъ меряне завели торговыя сношенія съ отдаленными народами, а до этого времени долженъ былъ пройти весьма значительный промежутокъ времени съ момента прихода ихъ сюда и слѣдовательно поселенія основаны ими здѣсь гораздо раньше X-го вѣка.

На основаніи находокъ, добытыхъ при раскопкахъ кургановъ, типъ залѣсскихъ мерянъ (X и XI в.в.) обычно представляется теперь въ слѣдующемъ видѣ: мужчины и женщины носили на головѣ колпакъ или шапку, на волосахъ кожаный ремень, который иногда обивался листочками мѣди, на вискахъ на этотъ ремень вѣшались особыя кольца, главнымъ образомъ, мѣдныя и бронзовыя, въ ушахъ серьги разныхъ фасоновъ и металловъ. На шеѣ ожерелья изъ бусъ разнаго цвѣта, достоинства и матеріала, изъ котораго они сдѣланы. Богатые носили монисто. Нижняя одежда состояла изъ плотной шерстяной ткани (остатковъ льняной, которую, вѣроятно, также носили меряне, не найдено); вокругъ шеи и прорѣха на груди праздничной одежды обшивалась позументомъ съ подкладкою изъ бересты. На плечахъ нарядnаго платья нашивались треугольныя бляхи или бубенчики, на груди до пояса бронзовыя привѣски или бубенчики вмѣсто пуговицъ. Одежду обхватывалъ кожаный поясъ съ металлическимъ наборомъ, коньками и т. п. На поясѣ: ключъ, ножикъ, огниво, шило, брусокъ, гребень, кожаный мѣшечекъ для денегъ и для складныхъ вѣсовъ съ гирями. На рукахъ браслеты изъ бронзы и серебра; на пальцахъ—перстни и кольца; на ногахъ—сапоги (вѣроятно, носили больше лапти), отъ которыхъ (т. е. сапогъ) въ курганахъ сохранились только подковки. Верхняя одежда мѣховая.

Домашняя утварь мерянъ состояла изъ глиняной и деревянной посуды, которую они умѣли дѣлать сами. Имѣли деревянные сундуки, запиравшіеся на замки, ключи отъ которыхъ носили на поясѣ. Ножи, топоры, долота, клещи, скобы, гвозди, найденные въ могилахъ, показываютъ, что они умѣли владѣть ими для необходимыхъ подѣлокъ.

Жилищами ихъ, повидимому, были не только землянки, а деревянные дома, которые они умѣли строить.

Главнымъ занятіемъ мерянъ была охота за пушными звѣрями и рыболовство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они, по крайней мѣрѣ, въ самое послѣднее время своего этнографическаго существованія умѣли обрабатывать землю для хлѣбопашества, на что указываютъ находки сошниковъ, серповъ и косъ. Умѣли рѣзать по дереву и кости, выдѣлывали кожи, а, можетъ быть, занимались и обработкой металловъ. Имѣли домашнихъ животныхъ, изъ которыхъ конь, какъ рѣдкое животное, весьма цѣнился и былъ принадлежностью богатыхъ и знатныхъ людей.

Для охоты и войны меряне имѣли разнообразное оружіе: рогатину, копье, сѣкиру или боевой топоръ, ножикъ, кистень, метательныя стрѣлы. Боевые топоры съ широкимъ лезвіемъ имѣли длинное древко, почти въ ростъ человѣка. Мечи были большой рѣдкостью: во всѣхъ могилахъ Залѣсья найдено лишь два меча и одна сабля. Шлемовъ и щитовъ, повидимому, они не знали. При верховой ѣздѣ употребляли удила и шпоры.

Меряне жили нисколько не бѣднѣе, если не богаче тѣхъ обитателей, которые населяютъ ихъ страну въ наши дни, и вели торговыя сношенія съ востокомъ и западомъ. Главнымъ рынкомъ на востокѣ въ то время былъ городъ Великіе Болгары, столица волжскихъ болгаръ, куда, какъ въ наше время на Нижегородскую ярмарку, съѣзжались купцы со всѣхъ сторонъ, между прочимъ проѣзжали арабскіе купцы и привозили съ собой большую часть тѣхъ украшеній, къ которымъ питали такую страсть меряне: стеклянныя и металлическія бусы, цѣпочки, бляхи для украшенія одежды, конскую сбрую и восточныя монеты, послѣднія преимущественно арабскія—династіи абассидовъ, буидовъ и саманидовъ, владѣвшихъ Месопотаміей и Персіей. На ряду съ арабскими издѣліями продавались мерянамъ и мѣстныя болгарскія; расплата производилась также и болгарскими монетами.

Посредниками между мерянами и восточными купцами были вожди или начальники племени мерянъ, въ лицѣ которыхъ соединялись занятіе купца и воина одновременно. Главнымъ предметомъ ихъ мѣнового торга были столь цѣнимые на востокѣ мѣха, въ обиліи добывавшіеся тогда въ дѣвственныхъ лѣсахъ, воскъ и т. п. Спускаясь внизъ по Волгѣ, меряне достигали г. Болгаръ или же въ свою очередь болгарскіе купцы пріѣзжали сюда въ Залѣсье.

Съ запада по Шекснѣ, а потомъ по Волгѣ, отсюда Нерлью и Которослью въ область Переславскаго и Ростовскаго озеръ приходили варяги, которые, надо думать, не всегда ограничивались мирными сношеніями съ туземцами. Предметами ихъ торга были: янтарь, хрустальныя, аметистовыя и сердоликовыя бусы, бронзовыя пряжки

въ видѣ черепахи или овальной чашки, сѣкиры, топоры, наконечники копій, шерстяныя ткани, цареградскіе позументы, монеты: нѣмецкихъ и англо-саксонскихъ королей и византійскихъ императоровъ.

Въ религіозномъ отношеніи меряне были, такъ называемыми, язычниками. Въ ихъ могилахъ находили: небольшихъ идоловъ, глиняныя изображенія руки, звѣриной лапы, колецъ или обручей и т. п. Повидимому, они обоготворяли животныхъ, змѣй и камни. Одинъ изъ такихъ камней, лежавшій на берегу озера, вблизи Борисоглѣбской Слободки, долгое время почитали переславцы и ежегодно 29 іюня собирались къ нему на поклоненіе. Пр. Иринархъ Ростовскій, отправляясь въ Москву къ царю Василію Ивановичу Шуйскому, убѣдилъ свалить этотъ камень въ яму и тогда только (въ началѣ XVII в.) уничтожилось чествованіе камня. Въ настоящее время въ Берендѣевомъ болотѣ есть другой такой же камень или, быть можетъ, каменная баба, которая не забыта даже современнымъ намъ населеніемъ, особенно со стороны женщинъ окрестныхъ деревень и селъ: очень часто можно находить при камнѣ принесенные туда въ видѣ жертвы хлѣбъ и ягоды.

Раскопки на Александровой горѣ, находящейся вблизи с. Городищъ, даютъ возможность полагать, что она была особо чтимымъ мѣстомъ поклоненія мерянъ, гдѣ было ихъ капище или жертвенникъ. Нужно отдать справедливость мѣрянамъ, что для этого они избрали замѣчательно величественное и живописное мѣсто. Возвышаясь на сѣверномъ берегу и выступая отъ него къ озеру, гора господствуетъ надъ всею мѣстностью, съ нея открывается очаровательный видъ на озеро и его берега. Жертвенные огни на вершинѣ ея въ былое время далеко были видимы въ окрестности.

Меряне вѣрили въ загробную жизнь, хотя представляли себѣ ее грубо и чувственно, считая, что покойнику на томъ свѣтѣ понадобятся его любимыя вещи и потому клали ихъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу: воина хоронили съ оружіемъ, земледѣльца—съ косой, сошникомъ, хозяйку—съ украшеніями, иглами и т. п. Этимъ именно и объясняется такое обиліе разныхъ предметовъ въ мерянскихъ могилахъ. Способовъ погребенія у нихъ было два: сожженіе и обычное погребеніе, при чемъ самымъ древнимъ было сожженіе, которое было замѣнено потомъ погребеніемъ.

Въ политическомъ отношеніи меряне не представляли организованнаго цѣлаго. Вѣроятнѣе всего управлялись старѣйшинами отдѣльныхъ родовъ и мѣстностей. Что они были, это доказывается названіями нѣкоторыхъ мерянскихъ кладбищъ. Одно изъ такихъ близъ с. Большой Бремболы и сейчасъ носитъ названіе: „Княжи могилы“. Раскопки подтвердили, что ,судя по богатству украшеній, обилію ихъ, присутствію хорошаго вооруженія, наконецъ по костямъ коня, здѣсь

были погребены вожди и начальники рода, которые, очевидно, управляли этой мѣстностью въ X и XI в.в.

Мерянъ окружали финскіе и славянскіе племена. Изъ славянскихъ племенъ сосѣдями мери были: на сѣверо-западѣ—Ильменьскіе славяне, на западѣ—кривичи и на юго-западѣ—вятичи. Изъ этихъ сосѣдей раньше другихъ меряне вошли въ соприкосновеніе съ Ильменьскими славянами, которые уже въ эпоху отдаленной сѣдой древности нашли путь къ мерѣ. Въ общемъ можно представить, что славяне направлялись сюда съ Бѣлоозера по Шекснѣ, отчасти, можетъ быть, по Мологѣ, а съ Ильменя по р. Мстѣ въ Волгу, отсюда Которослью въ Ростовское озеро и далѣе, быть можетъ, волокомъ въ Малую Нерль и въ Клязьму, или же съ Волги въ Большую Нерль и потомъ въ Клещино озеро, отсюда Малою Нерлью въ Клязьму. Открывъ этотъ край, славяне мирною-ли колонизаціею или военною силою поставили его въ зависимость отъ Новгорода.

Сколько времени продолжалось такое положеніе неизвѣстно, но уже подъ 859 г. лѣтописи передаютъ, что славяне и финскія племена платили за море дань варягамъ „отъ мужа по бѣлѣ вериці“. Эта зависимость Ростовско-Клещинской мери отъ варяговъ ослабила среди нея вліяніе новгородскихъ славянъ и ознаменовалось наплывомъ варяговъ, которые повели здѣсь торговлю съ мерянами. По свидѣтельству одной скандинавской саги въ IX вѣкѣ владѣнія гардовъ или новгородцевъ, завоеванныя варягами, дотого были обширны, что вмѣщали въ себѣ земли многихъ государствъ, правителями въ которыхъ были: Маро въ Мономарѣ (Муромѣ), Радставъ въ Радставѣ (Ростовѣ) Эдваль въ Сурздалѣ (Суздалѣ) и т. д. Всѣ они были подручниками верховнаго правителя Новгорода.

Собравшись съ силами, славяне и финны возстали противъ варяговъ, изгнали ихъ за море, перестали высылать дань и „начаша сами владѣти и грады ставити“. Но взаимныя распри, по свидѣтельству лѣтописи, заставили ихъ обратиться къ варягамъ съ просьбою принять на себя береженіе земли и княженіе надъ ними. На призывъ пришелъ Рюрикъ съ братьями. Отдѣльное упоминаніе лѣтописей объ участіи мери, Новгородской колоніи, въ признаніи князей (862 г.) свидѣтельствуетъ о болѣе или менѣе независимомъ существованіи тогда мерянской области, въ которой подъ этимъ годомъ лѣтопись отмѣчаетъ существованіе здѣсь своего города: „быша первіи насельницы... въ Новгородѣ Славени, въ Полоцкѣ Кривичи, въ Ростовѣ Меря, на Бѣлоозерѣ Весь, въ Муромѣ Мурома. А всеми обладаша Рюрикъ“.

Въ малолѣтство Игоря, когда княжествомъ правилъ Олегъ, меряне на ряду съ другими финскими племенами и славянами (въ 882 г.) участвовали въ походѣ подъ Кіевъ, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ.

Основавшись здѣсь, Олегъ сталъ управлять изъ Кіева русскою землею, „а Славеномъ и Кривичемъ и Меряномъ дань наложи". Собираясь въ знаменитый походъ на Царьградъ (907 г.), такъ удачно законченный, Олегъ „поя съ собою воя многи: варяги, славены, чудь, кривичи, мерю".

Это послѣднее упоминаніе лѣтописей о мерѣ. Далѣе въ нихъ при изложеніи событій этнографическіе термины изчезаютъ и замѣняются географическими, главнымъ образомъ, по именамъ городовъ. Лѣтописи говорятъ о странѣ Залѣсской, Ростовѣ, землѣ Ростовской, Суздалѣ, Владимірѣ и т. д., какъ нераздѣльныхъ областяхъ русскаго государства. Между тѣмъ меря продолжала еще существовать значительное время. Судя по археологическимъ даннымъ, въ X и XI в. меряне ярко сохраняли свои самобытныя черты и крѣпко держались своихъ обычаевъ. Очевидно, пользуясь подъ защитой князей Рюриковичей безопасностью, въ эти столѣтія предъ концомъ своего этнографическаго существованія достигаютъ большого разцвѣта, на что указываетъ обиліе разныхъ находокъ и особенно монетъ. Но тѣ же курганы свидѣтельствуютъ, что начался уже переломъ или переходъ къ другому гражданскому быту и другимъ религіознымъ воззрѣніямъ. На ряду съ могилами, такъ называемыхъ „первыхъ поселеній" появились могилы „вторыхъ поселеній". Въ послѣднихъ не оказалось случаевъ сожженія, число находокъ разныхъ предметовъ сократилось и потомъ уничтожилось совершенно.

Первою по времени причиною, вызвавшею этотъ переломъ, была княжеская власть, стремившаяся создать изъ разноплеменныхъ областей одно государство русское. Для этого еще Олегъ „нача грады ставити", т. е. для поддержанія княжеской власти ставилъ укрѣпленные пункты, посылалъ сюда отряды дружинъ, которые слѣдили за порядкомъ въ краю и сборомъ дани. Несомнѣнно, что въ области Залѣсской мери такіе города были поставлены. Этого требовала необходимость. Не предрѣшая вопроса, когда это было сдѣлано, (вѣроятно позднѣе Ростова), можно указать, что на берегу Клещина озера, въ мѣстѣ самаго значительнаго поселенія мерянъ, въ XI вѣкѣ существовалъ славянскій городъ Клещинъ или Клешнинъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ первоначальная лѣтопись, когда перечисляя народы русскаго государства, говоритъ: „на Ростовскомъ озерѣ Меря, а на Клещинѣ Меря же". Лѣтописецъ, жившій въ концѣ XI вѣка или самомъ началѣ XII в., называетъ озера не финскими именами и вмѣстѣ съ тѣмъ не собственными, а опредѣлительными, основанными на особыхъ признакахъ. Въ этомъ случаѣ весьма цѣнно, что совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ и въ общей связи упоминаются оба озера. Если бы лѣтописецъ хотѣлъ назвать ихъ первоначальными именами, то каждое изъ нихъ имѣло его и онъ могъ бы это сдѣлать,

при чемъ Ростовское носитъ названіе Неро и сейчасъ [1]). Нельзя же допустить, что одно озеро онъ назвалъ по имени города (Ростовское), а другое (Клещино) финскимъ именемъ. Нужно признать поэтому, что оба озера онъ называетъ по имени городовъ: Ростовское по имени города Ростова, Клещино—по имени города Клещина. Подобно тому, какъ Ярославль получилъ названіе отъ собственнаго имени „Ярославъ", Ростовъ—отъ имени „Роста", Клещинъ могъ получить его отъ имени „Клеща" или „Клешни", каковое, можно полагать, носилъ тотъ изъ начальниковъ княжеской дружины, который основалъ этотъ городъ.

Клещинъ—это теперешнее село Городищи; небольшой земляной валъ его сохранился до настоящаго времени. Здѣсь, надо думать, было сосредочено управленіе Залѣсскимъ краемъ, здѣсь былъ нарядъ княжеской дружины, готовый водворить миръ и порядокъ среди населенія и защитить переселенцевъ, однимъ словомъ это былъ въ краю оплотъ русской государственности. Возможно, что онъ былъ не одинъ. Можетъ быть, городокъ на верховьяхъ рѣки Кубри (теперь дер. Городище въ 16 верстахъ отъ Переславля Залѣсскаго), въ области Дубны (теперь д. Городище Александровскаго уѣзда) и на Волчьихъ горахъ при Берендѣевомъ болотѣ основаны также въ этотъ періодъ времени. Послѣдцему городку присвоивается нѣсколько названій: Гридина или Григорева Городища, а также Берендѣевъ городокъ. Народная легенда говоритъ, что здѣсь жилъ сказочный царь Берендѣй, такъ поэтично изображенный въ сказкѣ Островскаго Снѣгурочка, послужившей темой для одноименной оперы Римскаго-Корсакова—одного изъ перловъ русскаго музыкальнаго творчества, а также для чудесныхъ къ ней декорацій художника В. Васнецова. [2])

Къ древнѣйшимъ сооруженіямъ относятся также сторожевыя насыпи, которыхъ до половины XIX ст. сохранилось двѣ: одна вблизи с. Ефимьева, другая между с. Купанью и д. Хмельники. Насыпи эти имѣли правильную конусообразную форму, состояли изъ груды мелкаго камня, засыпанной землей и поросшей травой. Высота каждой до двухъ саженъ, окружность при основаніи до 75 саж. Очевидно здѣсь находились сторожевые посты, съ которыхъ производилось наблюденіе за непріятелемъ и подавались сигналы въ ближайшіе города и поселенія о его появленіи.

Такимъ образомъ, Залѣсье было покрыто рядомъ укрѣпленій и княжеская власть могла твердо проводить здѣсь начала государст-

---

[1]) А. Сергѣевъ въ ст. Опытъ объясненія названій рус. городовъ и селеній—(въ Древ. и Нов. Россіи, 1876 г., т. II, стр. 354) называетъ Переславское озеро Клекшино, а не Клещино.

[2]) Семеновъ—Россія, т. I, ст. 271; Владимір. Сборн., 63 стр.

венности. Безопасность стала привлекать сюда переселенцевъ, особенно съ юга, гдѣ одолевали кочевники. Появились новыя славянскія поселенія, изъ которыхъ нѣкоторыя удержали свое названіе до настоящаго времени (напримѣръ, можно думать, сельцо Словеново). Такъ какъ княжеская власть была славянскою по языку, нравамъ и обычаямъ, то создалось положеніе, что колонисты сильнѣе стали вліять на туземцевъ, чѣмъ послѣдніе на первыхъ; славянскій элементъ не только сталъ преобладать, но даже поглащать собою финское населеніе края; особенно сильно сказалось это со времени появленія въ этомъ краю христіанства.

Кіевская Русь приняла его въ концѣ X-го вѣка, но, вѣроятно, изъ политическихъ соображеній князья не спѣшили распространять его здѣсь „огнемъ и мечемъ“, какъ это было съ собственною Русью, и давали времени сдѣлать постепенно. Правда еще вел. князь Владиміръ старался насадить на сѣверѣ христіанство [1]) и въ главномъ городѣ Мерянской земли въ Ростовѣ основалъ (991 г.) епископскую каѳедру, но въ началѣ дѣло просвѣщенія, очевидно, ограничивалось русской командой и отрядомъ княжескихъ дружинъ, а также тѣми немногими изъ инородцевъ-туземцевъ, которые склонялись добровольно по убѣжденію. Болѣе значительное распространеніе христіанства въ этомъ краю пошло со времени св. Леонтія епископа Ростовскаго (въ половинѣ XI вѣка), постриженика Кіево-Печерской Лавры. Не смотря на сильное сопротивленіе язычниковъ, ему удалось многихъ обратить въ православіе. Его дѣло успѣшно продолжалъ его преемникъ епископъ Исаія. Просвѣщая Ростовскую мерю, онъ, надо думать, доходилъ и до Клещинской. Жизнеописатель его говоритъ: „и обходитъ убо прочіе грады и мѣста его въ Ростовстѣй и Суздальстѣй области и невѣрныхъ увѣщаетъ вѣровать въ св. Троицу и просвѣщаетъ св. крещеніемъ“. Гдѣ сѣмена христіанства падали на благопріятную почву, или гдѣ были славянскія колоніи, строились церкви, монастыри, послѣднія основывались также и въ незаселенныхъ мѣстностяхъ. Каждая новая церковь, каждый новый монастырь все шире и дальше распространяли христіанство и вмѣстѣ съ нимъ русскую культуру. Просвѣтительная дѣятельность ростовскихъ святителей и основанныя ими церкви и монастыри поколебали вѣковые устои мерянской жизни и заставили на первое время, по крайней мѣрѣ, наружно измѣнить свои обряды. Меряне (въ XI вѣкѣ и окончательно въ XII вѣкѣ) перестали насыпать надъ могилами своихъ покойниковъ курганы и стали хоронить по-христіански.

---

[1]) „Въ лѣто 6498 (990 г.). Пойде Володимеръ въ землю Славенскую и *страну Залѣсскую*, въ Суждальстѣй области и въ Ростовстѣй... повелѣ людей повсюду крестити и церкви ставити. П. С. Р. Л., т. II, ст. 258. Ср. Четьи—Минеи, Іюль, М., 1759 г., л. 314 об·

Будучи вынужденными принять вѣру, исповѣдываемую правительствомъ, меряне также въ силу исторической неотвратимости должны были принять государственный языкъ. Свой же языкъ, остатки котораго намъ извѣстны по разнымъ географическимъ названіямъ края, стали забывать. Но принимая новый языкъ и новую вѣру, понятно, сразу они не могли разстаться съ своимъ исконнымъ и привычнымъ и привнесли сюда свое финское. Получилась порча того и другого, которая въ религіи выразилась введеніемъ языческихъ суевѣрій, а въ языкѣ—измѣненіемъ, удалившимъ его отъ древняго славянскаго говора. „Въ говорѣ владимірскомъ, замѣчаетъ профессоръ В. О. Ключевскій, мы видимъ первый моментъ порчи русскаго языка подъ финскимъ вліяніемъ, а говоръ московскій представляетъ дальнѣйшій моментъ этой порчи". [1])

По своимъ фонетическимъ особенностямъ говоры старой Ростово-Суздальской области дѣлятся на *окающіе* (владимірскій говоръ) и *акающіе* (московскій говоръ), на *цокающіе* и *не цокающіе*. Считается, что оканье и цоканье принесены сюда Новогородскими колонистали, а нецоканье—вятичами. Оставаясь окающимъ до настоящаго времени, говоръ Переславскаго уѣзда имѣетъ цокающее нарѣчіе въ лѣсныхъ селахъ и деревняхъ юго-западной части. Встарину, повидимому, цоканье было и въ самомъ Переславлѣ Залѣсскомъ: по крайней мѣрѣ написанные здѣсь въ 1354 г. евангеліе имѣетъ слѣды цоканья. Въ этомъ можно видѣть новое подтвержденіе, что Новгородская колонизація въ нашемъ краю была очень сильной, но не единственной. Отсутствіе цоканья въ большей части уѣзда свидѣтельствуетъ, что сюда переселилось въ свое время немало и вятичей.

Послѣднимъ факторомъ, давшимъ преобладаніе славянскому элементу надъ финскимъ, было политическое устройство края. Въ теченіе долгаго времени (отъ 862 г.—по 1100 или 1105 г.г.) мерянская земля управлялась князьями изъ Приднѣпровья. Они наѣзжали сюда временами, чинили судъ и расправу, ставили города и снова возвращались къ себѣ. При дѣтяхъ Ярослава Залѣсскій край принадлежалъ къ Переяславскому княжеству (Переяславля южнаго) и былъ для него такой же инородческой колоніей, какою позднѣе для москвичей Сибирь, но послѣ Любечскаго съѣзда составилъ особый удѣлъ. Понятно, это усилило еще больше славянскую колонизацію, усилилось строеніе городовъ, монастырей и церквей. Меря ославянивалась все болѣе и болѣе и сливалась съ пришельцами. Отъ сліянія этихъ племенъ образовалась въ этомъ краю новая нераздѣльная народность—**Великорусская.**

Лѣтописи не сохранили извѣстій о борьбѣ этихъ племенъ. Принято думать, что поглощеніе одного племени другимъ происходило мирно и тихо. Принимая во вниманіе значительное количество сво-

---

[1]) Курсъ Русской Исторіи, часть I-ая, ст. 367.

бодныхъ земель, считаютъ, что едва ли могли существовать самыя причины къ столкновенію туземцевъ съ колонистами. Не желавшіе подчиниться пришельцамъ и вести съ ними совмѣстную жизнь забирали свое небогатое хозяйство и уходили въ глубь лѣсовъ. Есть мнѣніе, что современные намъ черемисы—потомки Ростовской и Клещинской мери. [1])

II.

Ростовско-Суздальское княжество. Князь Юрій Долгорукій. Время основанія Переславля. Перенесеніе города изъ Клещина въ Переславль. Сооруженіе земляного вала и церкви Спаса. Сборщикъ податей Никита. Монастыри Никитскій и Борисоглѣбскій. Окончаніе постройки каменной церкви. Ея внѣшній видъ и украшенія.

Первымъ княземъ Ростовско-Суздальской области былъ младшій сынъ Мономаха Юрій Владиміровичъ Долгорукій. Получивъ это захолустье въ удѣлъ, онъ переѣхалъ сюда на жительство, избралъ мѣстомъ своего пребыванія Суздаль и положилъ начало постоянному пребыванію князей въ этомъ краю. Долгорукій оказался хорошимъ хозяиномъ и скоро привлекъ въ свой удѣлъ множество переселенцевъ, среди которыхъ было немало выходцевъ изъ южной Руси, тѣснимой тогда половцами и страдавшей отъ междоусобицъ князей. Край сталъ богатѣть и покрываться новыми поселеніями. Но князь не могъ свыкнуться съ нимъ. Все время онъ считалъ себя какъ бы въ ссылкѣ и все время стремился на дорогой ему югъ въ Переяславль и Кіевъ. Обильныя средства, доставлявшіяся ему съ волости, пошли, главнымъ образомъ, на борьбу, завязавшуюся у него изъ-за юга съ другими князьями. Борьба эта наполняетъ значительную часть времени его княженія и только за три года до смерти, послѣдовавшей въ 1157 г., ему удалось окончательно утвердиться на велико-княжескомъ престолѣ въ Кіевѣ и осуществить свою мечту. Но тамъ ждала его борьба съ кочевниками—половцами, а также русскими князьями и полная нелюбовь кіевлянъ.

Возвратившись въ 1152 г. изъ похода подъ Черниговъ, по свидѣтельству лѣтописи „того же лѣта Юрій Воладимеричь въ Суждальстѣй земли постави многи церкви каменны; созда на Нерли церковь во имя св. муч. Бориса и Глѣба, и въ Суждали Всемилостиваго Спаса; а въ Володимери св. муч. Георгія и городъ Юрьевъ основа и церковь каменну св. Георгія, и въ Переславль преведе отъ Клещина заложеніе церкви и заложи во имя Всемилостиваго Спаса“. [2])

---

[1]) Семеновъ Т. Къ вопросу о родствѣ и связи Мери съ Черемисами.

[2]) П. С. Р. Л., V, 163; Карамзинъ, II, пр. 376.

Это первое упоминаніе лѣтописи о Переславлѣ; оно заслуживаетъ особаго вниманія. Здѣсь относительно одного лишь г. Юрьева указано, что онъ основанъ въ 1152 г. кн. Юріемъ; остальные же города упоминаются какъ существующіе. О Переславлѣ сказано: „и въ Переславль преведе заложеніе церкви". Отсюда слѣдуетъ, что г. Переславль существовалъ до 1152 г. Въ этотъ существовавшій уже городъ, князь Юрій и перенесъ заложеніе каменной церкви. Предполагая первоначально построить ее, очевидно, въ Клещинѣ, куда были свезены строительные матеріалы и, какъ видно, произведена закладка, князь измѣнилъ свое намѣреніе и перенесъ закладку и заготовленные матеріалы на новое мѣсто въ Переславль.

Когда основанъ Переславль, прямого отвѣта въ лѣтописи не имѣется. Многими историками и географами 1152-й годъ обычно и считается годомъ основанія его.[1]) Въ противоположность этому нѣкоторые относятъ его начало ко временамъ глубокой древности. Старинный историкъ Переславля г. Плишкинъ[2]) полагаетъ, что онъ существовалъ во времена Олега. Основываясь на археологическихъ данныхъ, П. Е. Забѣлинъ является сторонникомъ того же взгляда: „Переславль и Суздаль", говоритъ онъ, „упоминаемые лѣтописью позднѣе Ростова, существовали однако уже въ X-мъ, а вѣроятно и въ IX-мъ вѣкѣ, когда впервые упомянутъ и Ростовъ".[3]) Не имѣя въ виду оспаривать мнѣніе покойнаго ученаго, постараемся съ своей стороны привести нѣсколько соображеній, могущихъ служить къ къ разрѣшенію этого вопроса. Лѣтопись, говоря о междоусобіяхъ сѣверныхъ городовъ по смерти Андрея Боголюбскаго, передаетъ, что на вѣчѣ, происходившемъ по случаю выборовъ князя, присутствовали уполномоченные отъ слѣдующихъ городовъ: Ростова, Суздаля, Владиміра и Переславля. Городовъ въ Ростовско-Суздальской области въ то время было немало и еще, напримѣръ: Юрьевъ, Дмитровъ,

---

[1]) Напр., Карамзинъ II, 166; Географическій словарь Щекатова, IV, 1048; Географическій—статистическій словарь Семенова, IV, 50 и пр.

[2]) Кол. ас. П. Плишкинъ, авторъ Историческаго, географическаго и топографическаго описанія г. Переславля Залѣсскаго, М., 1802, повидимому, служилъ въ Переславской духовной консисторіи. Быть можетъ, по этому отдѣлъ о Переславской епархіи, монастыряхъ и пустыняхъ, какъ хорошо ему извѣстныхъ предметахъ, написанъ съ обстоятельностью и заключаетъ въ себѣ весьма цѣнныя свѣдѣнія, извѣстныя автору изъ архивныхъ документовъ. Та же часть его труда, гдѣ содержится политическая исторія, особенно гдѣ перечисляются Переславскіе князья, представляетъ одно сплошное недоразумѣніе: всѣхъ князей, въ какомъ бы Переславлѣ они ни княжили, онъ приписалъ Переславлю Залѣскому. Послѣ Герарда Миллера (Геогр. лексиконъ, М. 1773 г., ст. 243—244; Новыя ежемѣсячныя сочиненія, 1779 г. ч. 42 (декабрь), ст. 3—34) Г. Плишкинъ—первый историкъ Переславля. Фамилія Плишкиныхъ встрѣчается въ числѣ боярскихъ дѣтей Переславскаго уѣзда XVI и XVII ст. (Сторожевъ, Матер. для исторіи дворянства, вып. 2 М. 1909, стр. 42).

[3]) Исторія русской жизни, 2-ая часть, М. 1879 г., стр. 387.

Москва и др., но они не были приглашены и не имѣли права голоса на этомъ вѣчѣ, очевидно, какъ новооснованные и незначительные. [1]) Слѣдовательно, Переславль древнѣе ихъ, основанъ раньше половины XII вѣка, когда заложенъ былъ Юрьевъ; но съ другой стороны моложе Суздаля, упоминаемаго въ лѣтописи въ началѣ XI вѣка, такъ какъ вмѣстѣ съ Владиміромъ считался пригородомъ Ростова и Суздаля. Остается, на основаніи этого, считать, что Переславль возникъ приблизительно въ то же время, какъ и Владиміръ, построенный Мономахомъ. Такимъ образомъ, началомъ существованія г. Переславля можно считать первые годы XII ст или самые послѣдніе XI-го.

Владимірцы и переславцы по поводу событій, происшедшихъ по смерти Боголюбскаго, называли себя людьми „новыми и меньшими", а ростовцы и суздальцы отзывались о нихъ, какъ о „холопахъ, каменьщикахъ, древодѣлахъ и орачахъ". Однимъ словомъ, это были недавніе колонисты. Если принять за достовѣрное, что колонисты всѣхъ странъ любятъ приносить съ собой названіе покинутой ими родины, то нетрудно будетъ указать, откуда пришли эти переселенцы. Они могли быть изъ того же Переяславля южнаго, къ которому до начала XII вѣка принадлежала Клещинская область, и покинули свою родину вслѣдствіе набѣговъ и опустошеній половецкихъ. Возможно, что утвердиться въ другомъ, тихомъ и безопасномъ краю своего княжества помогали сами князья переяславскіе и оказывали имъ поддержку. Быть можетъ также, переселеніе это падаетъ на первые годы княженія Юрія Долгорукаго, который самъ вызывалъ къ себѣ колонистовъ. Придя сюда, они основали въ 4-хъ верстахъ отъ города Клещина на лѣвомъ берегу рѣки, носившей забытое теперь мерянское названіе, городъ, недалеко отъ впаденія ея въ озеро съ восточной стороны, и дали ему родное имя Переславля, а рѣкѣ—Трубежа. Съ подобнымъ же именемъ такіе же переселенцы основали поселокъ въ долинѣ рѣки Дубны, въ 45 верстахъ отъ Переславля,—это существующая до настоящаго времени д. Переславицы.

На берегу озера при князѣ Юріи Долгорукомъ, такимъ образомъ, было два города, одинъ невдалекѣ отъ другого, Клещинъ и Переславль. Въ мѣстоположеніи ихъ была большая разница. Клещинъ стоялъ на высокомъ берегу въ мѣстности здоровой и живописной. Укрѣпленія его состояли изъ небольшого и невысокаго земляного вала; городъ могъ считаться болѣе или менѣе неприступнымъ съ южной стороны отъ озера и не имѣлъ естественныхъ преградъ съ другихъ сторонъ. Видимо былъ построенъ въ самой густотѣ мерянскихъ поселеній съ цѣлью лучшаго наблюденія за туземцами. Въ противоположность Клещину, городъ Переславль расположенъ былъ

---

[1]) Лѣтоп. Переяславля—Суздальскаго подъ 1175 г.

на при-озерной равнинѣ, сильно болотистой. Болото это, остатки котораго есть и теперь, съ трехъ сторонъ окружало городъ, а съ сѣверной стороны была рѣка Трубежъ.

Князю Юрію, любившему искать для своихъ городовъ воды и болота въ качествѣ естественныхъ преградъ отъ враговъ, Переславль, очевидно, понравился больше Клещина. По примѣру того, какъ г. Юрьевъ и Дмитровъ онъ основалъ въ болотистыхъ низкихъ мѣстностяхъ при р.р.—первый Колокшѣ, а второй—Яхромѣ и считалъ, очевидно, съ своей точки зрѣнія такое положеніе лучшимъ въ военномъ отношеніи, рѣшилъ сдѣлать главнымъ городомъ Залѣсья вмѣсто Клещина городъ Переславль. Для этого нужно было перенести сюда не только заложеніе церкви Спаса, но вмѣстѣ съ тѣмъ перевести сюда изъ Клещина военно-административное управленіе и устроить болѣе сильную крѣпость. Никоновская лѣтопись говоритъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ: „Градъ Переаславль отъ Клещина перенесе и созда больши стараго, и церковь въ немъ постави камену св. Спаса". [1]) Свидѣтельство это не совсѣмъ точно и ясно: можно думать, что на берегу Клещина озера было два Переславля въ разныхъ мѣстахъ—одинъ старый, который не понравился князю Юрію, другой новый, основанный имъ; старый былъ оставленъ, созданъ большой новый и въ немъ поставлена церковь Спаса. Если принять во вниманіе, что былъ еще г. Клещинъ, то слѣдовательно на берегу озера надо искать три города. Но несомнѣнно, что ихъ было только два: бывшій Клещинъ и существующій теперь Переславль. Самое цѣнное въ этомъ свидѣтельствѣ то, гдѣ говорится, что Юрій „созда (Переславль) больши стараго", т. е. первоначальнаго, основаннаго колонистами укрѣпленія или же г. Клещина. И дѣйствительно имъ создано было сильное укрѣпленіе по тому времени, сохранившееся до нашихъ дней. „Заложи великъ" говоритъ относительно Переславля другая лѣтопись. [2]) Какъ большинство сильныхъ крѣпостей того времени, Переславль былъ обнесенъ земляным валомъ, имѣлъ въ окружности около 2¼ вер. Соотвѣтственно своему значительному протяженію, валъ былъ до 3-хъ саженъ ширины, и въ вышину отъ 5 до 8 саженъ. Съ трехъ сторонъ защищался глубокимъ, наполненнымъ водой, рвомъ, называвшимся Гроблей или Греблей, съ четвертой стороны р. Трубежемъ, куда впадали оба рукава крѣпостного рва. На валу были поставлены Юріемъ стѣны, или, такъ называемый, „рубленый городъ". Сюда вели трое воротъ, надъ которыми неизбѣжно должны быть башни; изъ города къ Трубежу былъ тайникъ или тайный ходъ, слѣды его остались и теперь. Внутри земляного города, въ сѣверной

---

1) П. С. Р. Л. IX, 196—197.

2) П. С. Р. Л. IV, 8.

сторонѣ, примыкающей къ р. Трубежу, заложенъ былъ каменный храмъ во имя Всемилостиваго Спаса. [1])

Ко времени возведенія этихъ сооруженій преосв. Филаретъ относитъ мірской періодъ жизни пр. Никиты Столпника. Излагая его житіе, онъ говоритъ: „Князь Юрій, преобразовывая Суздальскій край, велѣлъ перенести Переяславль съ Клещина озера на нынѣшнее мѣсто; земляное укрѣпленіе на берегу Трубежа надлежало сдѣлать обширнѣе прежняго; даже каменный храмъ Спасителя, заложенный въ старомъ городѣ, перенести на новое мѣсто. Понятно, что все это не нелегко было жителямъ Переяславля. На покрытіе издержекъ князя потребовался усиленный сборъ податей. Новымъ несчастьемъ для жителей новаго города былъ уроженецъ Переяславля Никита, завѣдывавшій сборомъ податей. Онъ былъ безпощаденъ къ другимъ не столько для князя, сколько для своей корысти: грабилъ бѣдныхъ, тѣснилъ слабыхъ и ненаказанно наживался на счетъ другихъ. Вмѣстѣ съ тіунами и другими начальниками жилъ онъ весело, засыпая ихъ подарками. Несчастные люди лили слезы, а онъ былъ покоенъ и доволенъ. [2])

Итакъ, построеніе Переславля ознаменовалось лихоимствомъ княжескаго сборщика податей, запятнавшаго себя и другими преступ-

---

[1]) Въ исторіи Переславля кн. Юрію принадлежитъ большая роль. Переславль обязанъ ему своимъ возвышеніемъ; точно такъ же, какъ Клещинъ своимъ паденіемъ. Одинъ сталъ главнымъ городомъ края, другой простымъ поселкомъ. Укрѣпленный имъ Переславль по счету былъ третьимъ городомъ съ такимъ же наименованіемъ. Первый находился въ Придніѣпровской Руси, основанъ въ 993 г. и названъ по побѣдѣ Яна Усмовича надъ Печенѣжскимъ великаномъ: „понеже отрокъ русскій *перея славу* отъ Печенѣговъ". Этотъ Переяславль назывался южнымъ или русскимъ, такъ какъ собственно Русью первоначально звалась Кіевская область. Второй Переяславль былъ основанъ въ 1095 г. въ Рязанской области. Третій Переяславль—въ отличіе отъ первыхъ двухъ—назывался въ лѣтописяхъ и разныхъ актахъ: „Новымъ", „иже на Клещинѣ озерѣ", „Суздальскимъ" и наконецъ „Залѣсскимъ". Изъ всѣхъ этихъ названій укрѣпилось за нимъ послѣднее, которое онъ носитъ и теперь.

Со времени переименованія Переяславля при-Окскаго въ г. Рязань, осталось два: старшій и младшій. Первый—уѣздный городъ Полтавской губерніи, сохранилъ свое старинное начертаніе или правописаніе—Переяславль, но обычно зовется у себя на югѣ Переяславъ, съ ударепіемъ на предпослѣднемъ слогѣ и усѣченнымъ окончаніемъ; второй—уѣздный городъ Владимірской губерніи, пишется и произносится Переслáвль, при чемъ ударепіе дѣлается на послѣднемъ слогѣ. По сравненію съ предыдущимъ здѣсь оказывается выброшеннымъ звукъ *я*, вслѣдствіе чего и самое названіе получаетъ какъ бы другое словопроизводство: отъ приставки *пере* и глагола *славить*. Насколько правильно такое искаженіе и какъ давно началось оно, отвѣчаютъ на это лѣтописи и другіе историческіе документы. Въ нихъ можно встрѣтить и полную, и сокращенную форму названія города, т. е. Переяславль (также Переаславль), и Переславль. Съ теченіемъ времени послѣдняя форма становится почти исключительной и наконецъ пріобрѣтаетъ права гражданства; она допустима такъ же, какъ начертаніе собственныхъ именъ—Ѳедоръ вмѣсто Ѳеодоръ, Яковъ вмѣсто Іаковъ и т. п.

[2]) Житія рус. святыхъ, 1, май, 176—177 стр.

леніями. Явленіе не чуждое и нашимъ днямъ; но окончилось оно тогда совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь. Мучимый угрызеніями совѣсти и побуждаемый внѣшними знаменіями, Никита совершенно измѣнилъ свое отношеніе къ подчиненнымъ и, чтобы искупить свои грѣхи притѣснителя, пошелъ въ монастырь, гдѣ въ суровыхъ подвигахъ его душа нашла забвеніе и миръ.

Монастырь, въ который онъ поступилъ, былъ, существующій и теперь, Никитскій. Время построенія его неизвѣстно, но, видимо, это одинъ изъ древнѣйшихъ въ краю монастырей. [1]) Расположенъ онъ былъ вблизи города Клещина, находившагося среди самаго значительнаго поселенія мерянъ, для которыхъ былъ училищемъ просвѣщенія христіанской вѣры и русской культуры. Приблизительно въ это время или нѣсколько ранѣе, основался Борисоглѣбскій монастырь, упоминаемый лѣтописью подъ 1155 г.,[2]) построенный также на высокомъ озерномъ берегу недалеко отъ Никитскаго, по дорогѣ къ Переславлю.

Поступленіе Никиты въ монастырь произошло гораздо позднѣе окончанія постройки въ Переславлѣ земляного вала и собора. Сколько времени производилась насыпка вала и копанье рва, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ не скоро: условія мало благопріятствовали быстрому ходу работъ, такъ какъ вся тяжесть ихъ лежала только на мѣстномъ населеніи. Въ этотъ годъ одновременно возводили цѣлый рядъ сооруженій по всѣмъ почти областямъ княжества. О постройкѣ же Спасской церкви имѣются точныя указанія. Переѣхавъ на княженіе въ Кіевъ, князь Юрій оставилъ постройку далеко не оконченной. Но дѣло не остановилось: его сынъ князь Андрей Юрьевичъ Боголюбскій продолжалъ сооруженіе и довелъ его до конца въ 1157 г. Такимъ образомъ, церковь Спаса строилась пять лѣтъ.

Построена она изъ бѣлаго камня, привезеннаго издалека, такъ какъ этого строительнаго матеріала на мѣстѣ достать нельзя. Собственно бѣлымъ камнемъ облицованы обѣ стороны стѣны—внѣшняя и внутренняя, а самая средина стѣны состояла изъ кирпича и камней, залитыхъ крѣпкимъ строительнымъ растворомъ. Желѣзныхъ связей не примѣнялось, но замѣняющія ихъ деревянныя также прочны и простояли нѣсколько вѣковъ. Внѣшнему виду храма придана форма четыреугольника (длиною 7 саж. 8 арш. и шириною 5 саж. 2¼ арш.) съ полукруглыми выступами для алтарей съ восточной стороны. Стѣны оканчиваются со всѣхъ сторонъ полукружіями, отъ которыхъ идутъ своды, въ центрѣ ихъ возвышается глава на кругломъ трибунѣ.

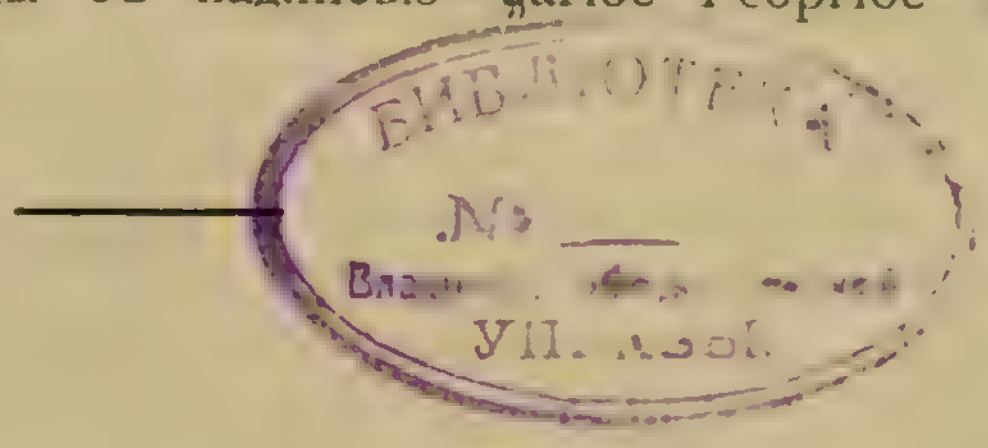
---

[1]) Полагаютъ, что онъ возникъ около 1170 г., но точныхъ данныхъ для этого нѣтъ.

[2]) Полн. Собр. Л. III, 189.

(высота храма 16 саж. 1 арш.). По своей архитектурѣ храмъ сроденъ Новгородскому и построенному позднѣе Московскому Успенскому собору; основной стиль его византійскій. Но въ противуположность церквамъ, построеннымъ тѣмъ же княземъ Юріемъ въ Владимірѣ (Дмитровскій соборъ) и въ г. Юрьевѣ, Переславскій отличается скромностью и простотой оборонныхъ украшеній. Въ то время, какъ тѣ соборы поражаютъ сложностью и богатствомъ внѣшняго убранства, здѣсь его весьма мало: впрочемъ нѣсколько болѣе на алтарныхъ стѣнахъ и почти полное отсутствіе на остальныхъ. Верхняя часть алтарныхъ стѣнъ украшена подзорами, вырѣзанными вглубь на камнѣ, подъ ними зубчатый поясъ изъ бѣлыхъ камней, еще ниже дугообразныя перемычки. Остальныя же стѣны въ вертикальномъ направленіи украшены плоскими колоннами, въ горизонтальномъ откосами или уступами стѣнъ, отчего нижняя часть имѣетъ наибольшую толщину стѣнъ, средняя меньшую, наконецъ верхняя самую малую. Стѣны оканчиваются тремя полукружіями каждая, надъ которыми возвышается среднее. Окна узкія щелеобразныя.

Внутри храма четыре каменныхъ столба, поддерживающихъ своды; съ западной стороны хоры, на которыя былъ прямой ходъ изъ княжескихъ палатъ построенныхъ рядомъ съ храмомъ; на восточной сторонѣ алтарь, раздѣленный на три части. Внутреннее убранство храма по свидѣтельству Степенной книги было великолѣпное: „Украси ю (церковь Спаса)“, говорится тамъ о князѣ Андреѣ, „дивно чудною подписью, и св. иконами, и книгами, прочими священными драгими утварьми и всякимъ благолѣпіемъ“. Боголюбскій былъ весьма щедръ на украшеніе церквей. Успенскій соборъ во Владимірѣ былъ украшенъ имъ съ поразительной роскошью. Конечно, далеко не въ такой степени, но все же щедро могла быть украшена и Переславская церковь. Нѣкоторыя изъ церковныхъ принадлежностей, повидимому, пожертвованы были сюда еще основателемъ собора—кн. Юріемъ до его окончанія: по крайней мѣрѣ и теперь сохраняются старинные серебряные сосуды съ надписью—„agioc Georgioc“ т. е. святой Георгій (или Юрій).



III.

Кн. Андрей Боголюбскій. Его кончина. Борьба старыхъ и новыхъ городовъ Ростовско-Суздальской области. Начало Переславскаго княжества. Первый Переславскій князь Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо. Его единовластіе. Рожденіе кн. Ярослава. Отправленіе его на княженіе въ Переяславль южный. Устройство деревянныхъ укрѣпленій въ Переславлѣ Залѣсскомъ. Подвиги и кончина пр. Никиты Столпника Переславскаго Чудотворца.

Распредѣляя предъ смертью между своими сыновьями княжества, Ростовско-Суздальскую область Юрій Долгорукій завѣщалъ младшимъ кн. Михаилу и Всеволоду; но княземъ Суздальскимъ сталъ старшій сынъ Андрей, который въ противуположность своему отцу не любилъ югъ и противъ воли отца ушелъ оттуда при его жизни. Населеніе, не смотря на то, что цѣловало крестъ Юрію на младшихъ сыновьяхъ, охотно приняло его. Посаженный на „отнѣ столѣ“ въ Ростовѣ, Боголюбскій однако избралъ мѣстомъ своего пребыванія не старѣйшій городъ земли—Ростовъ и не Суздаль, резиденцію своего отца, а младшій городъ Владиміръ на Клязьмѣ. Онъ не пожелалъ стѣснять себя вѣчевыми порядками и сильнымъ земскимъ боярствомъ старыхъ городовъ, стремившимся заправлять всѣми дѣлами волости, а обосновался тамъ, гдѣ менѣе всего могъ ожидать отпора своимъ самовластнымъ притязаніямъ. Скрѣпя сердце, старые города подчинились твердой рукѣ князя и не выходили изъ его воли. Со временемъ онъ достигъ такой силы, что изъ своего отдаленнаго Владиміра распоряжался судьбами Руси Кіевской и смирялъ строптивыхъ новгородцевъ, считавшихъ по старой памяти Ростовско-Суздальскій край своей колоніей. Боголюбскій сталъ первымъ стремиться къ тому, что позднѣе получило развитіе въ Московскомъ государствѣ: къ единовластію, борьбѣ съ боярствомъ и единенію церкви съ государствомъ. Онъ палъ жертвой своей политики: бояре составили заговоръ, въ которомъ принимали участіе и его приближенные. Князь былъ убитъ въ ночь на 29 іюня 1174 г. [1])

Смерть этого замѣчательнаго князя вызвала оживленныя сношенія городовъ сѣверной области, во главѣ которой сталъ обиженный

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 16; другія же лѣтописи (напр. IV, 13; V, 164—165; VII, 89—90; IX, 249 и др.) относятъ это къ 1175 г. Н. М. Карамзинъ и С. М. Соловьевъ считаютъ годомъ смерти 1174-ый.

Ростовъ. Опасаясь, чтобы въ будущемъ не повторилось подобное униженіе, старшіе города составили цѣлый планъ, какъ избавиться отъ этого. Созвали областное вѣче, чтобы рѣшить вопросъ о князѣ, и повели на немъ особую политику. Во Владиміръ, назначенный мѣстомъ сбора, съѣхались ростовцы, суздальцы и переславцы; послѣдніе выступили на политическомъ поприщѣ впервые. Самые младшіе города: Москва, Дмитровъ, Юрьевъ и др. не имѣли своихъ представителей. На вѣчѣ сразу же образовалось двѣ партіи: одна старшихъ городовъ и другая младшихъ городовъ, отстаивавшихъ свои интересы. Населеніе старыхъ городовъ богатое и зажиточное, стремясь руководить краемъ и въ томъ числѣ младшими городами, старалось провести въ князья того, кто ходилъ бы по ихъ волѣ. Съ другой стороны населеніе младшихъ городовъ, состоящее изъ недавнихъ переселенцевъ, видѣло поддержку въ своихъ прежнихъ князьяхъ и, стремясь освободиться отъ опеки старшихъ городовъ, оставалось вѣрнымъ крестному цѣлованію, данному Юрію Долгорукому. На съѣздѣ ростовцы говорили: „Князь нашъ убитъ, дѣтей у него здѣсь нѣтъ, сынокъ его молодой въ Новгородѣ, братья въ Руси, за какимъ же княземъ намъ посылать?—сосѣди у насъ князья Муромскіе и Рязанскіе, надобно бояться, чтобы они не пришли на насъ внезапно; пошлемъ къ рязанскому князю Глѣбу, скажемъ ему: князя нашего Богъ взялъ: такъ мы хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ“ (сыновей старшаго сына кн. Юрія Долгорукаго). На вѣчѣ были рязанскіе послы, дѣйствовавшіе въ интересахъ своего князя, и большинство составилось въ пользу Ростиславичей, молодыхъ и не опытныхъ князей. Младшіе города остались въ меньшинствѣ и не могли провести своихъ кандидатовъ. Такимъ образомъ, дѣло закончилось на съѣздѣ такъ именно, какъ того желали старшіе города.

Вскорѣ, однако, оказалось, что эти разсчеты не были вѣрны и испортили ихъ сами Ростиславичи. Приглашеніе застало князей въ Черниговѣ, гдѣ они въ то время вмѣстѣ съ своими дядьями Юрьевичами проживали у черниговскаго князя Святослава Всеволодовича. Не смотря на то, что звали однихъ племянниковъ, тѣ и другіе вошли въ соглашеніе между собою и дѣло уладили такъ, что всѣ четверо отправились въ Ростовско-Суздальскую землю, чтобы княжить въ ней сообща. Старшинство признали за Михаиломъ Юрьевичемъ и свой союзъ скрѣпили присягою предъ епископомъ Черниговскимъ. Кн. Михаилъ Юрьевичъ и кн. Ярополкъ Ростиславичъ поѣхали впередъ, но когда достигли Москвы, ихъ встрѣтило посольство ростовцевъ, которое высказало своему избраннику сильное неудовольствіе по поводу случившагося и приказало ему ѣхать въ Переславль, гдѣ находилась сборная дружина всѣхъ участвовавшихъ на вѣчѣ городовъ для встрѣчи князя. Такой пріемъ въ Москвѣ настолько смутилъ Ярополка, что онъ, забылъ о своемъ соглашеніи съ дядей, оставилъ

его въ Москвѣ и украдкой, не сказавшись ни кому, уѣхалъ оттуда. Въ Переславлѣ дружина цѣловала ему крестъ на вѣрность; тогда-же волей-неволей присягнули и переславцы.

Когда ростовцы посылали Ярополка въ Переславль, то князю Михаилу говорили, чтобы онъ дожидался рѣшенія въ Москвѣ. Но онъ оказался не такъ сговорчивъ, какъ племянникъ, и уѣхалъ во Владиміръ, гдѣ его охотно приняли и признали своимъ княземъ. Понятно, съ такимъ положеніемъ вещей ростовцы помириться не могли. Сначала они обратились къ владимірцамъ съ требованіемъ, чтобы тѣ отослали отъ себя князя Михаила, но получивъ отказъ, двинули туда все еще находившуюся въ Переславлѣ дружину и обложили Владиміръ. „Переславцы же не отъ сердца шли,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—но принужденіемъ ростовскимъ". Союзники держали городъ въ осадѣ семь недѣль и заставили голодомъ подчиниться своему требованію: Владиміръ отказался отъ Михаила. Но торжество ростовцевъ все же было неполное: пришлось во Владиміръ дать князя, а не посадника, какъ предполагали они раньше.

Послѣ этого князь Михаилъ Юрьевичъ уѣхалъ снова въ Черниговъ. Ростиславичи же сѣли по городамъ: въ Ростовѣ старшій Мстиславъ, во Владимірѣ—Ярополкъ. Какъ люди молодые и неопытные, они вполнѣ подчинились вліянію ростовскихъ бояръ, учившихъ ихъ на „многое иманіе" и южно русскихъ дружинниковъ, которыхъ привели съ собой. Обиды и притѣсненія, допускавшіяся тѣми и другими, скоро вызвали недовольство въ младшихъ городахъ. Пошли совѣщанія между ними, на которыхъ обсуждалось поведеніе князя, и обратились съ жалобой къ старшимъ городамъ. „Они же", по замѣчанію лѣтописи, „токмо словомъ мало полицемѣриша по нихъ, а дѣломъ ничто же сотвориша". Тогда владимірцы и переславцы, укрѣпившись между собою крестнымъ цѣлованіемъ, рѣшили дѣйствовать на свой страхъ и послали въ Черниговъ за Юрьевичами.

Князья не заставили себя ждать и вскорѣ отправились въ дорогу, во время которой князь Михаилъ сильно заболѣлъ и не могъ сидѣть на конѣ, такъ что его несли на носилкахъ. Остановившись въ Москвѣ, черезъ которую тогда неминуемо шла дорога съ юга, во время обѣда они получили вѣсть, что Ярополкъ выступилъ противъ нихъ изъ Владиміра. Братья съ отрядомъ, пришедшихъ сюда владимірцевъ и черниговской дружиной, поспѣшили на встрѣчу Ярополку, но разошлись въ лѣсахъ. Узнавъ дорогою, что кн. Михаилъ и Всеволодъ съ дружиною прошли ко Владиміру, Ярополкъ повернулъ обратно и настигъ ихъ недалеко отъ города. Завязалась битва, въ которой принялъ участіе и подоспѣвшій князь Мстиславъ ростовскій. Ростиславичи не устояли и спаслись бѣгствомъ изъ Ростовско-Суздальской земли. Вмѣстѣ съ этимъ политика старыхъ городовъ понесла полное

пораженіе, а новые города, очевидно, сильные численностью своего населенія, восторжествовали надъ тѣми и внесли новый порядокъ вещей въ жизнь края.

Побѣдители торжественно въѣхали во Владиміръ 15-го іюня 1175 года. По праву старшинства кн. Михаилъ Юрьевичъ основалъ свой княжескій столъ здѣсь во Владимірѣ, а младшій Всеволодъ Юрьевичъ—въ союзномъ Переславлѣ. Старые города не только лишались князей, но поступили въ раздѣлъ между ними и Ростовско-Суздальская область распалась на два княжества: Владимірское и Переславское.[1])

Больше другихъ выигралъ въ этой борьбѣ Переславль, ставшій стольнымъ городомъ своего особаго княжества. Но по краткости времени раздѣльнаго существованія княжествъ роль его совершенно не выяснилась. Дѣло въ томъ, что князь Михаилъ Юрьевичъ скоро умеръ (20-го іюня 1176 года) и подъ властію переславскаго князя снова объединилась вся область. Переславль, не теряя своего значенія, примкнулъ къ личнымъ владѣніямъ князя. Всеволодъ переѣхалъ во Владиміръ, гдѣ населеніе цѣловало ему крестъ и „на дѣтяхъ его". Едва успѣвъ похоронить Михаила, онъ принужденъ былъ начать борьбу съ ростовцами, увидавшими въ смерти князя удобный случай для достиженія своихъ незабытыхъ притязаній. Во главѣ старыхъ городовъ снова сталъ князь Мстиславъ Ростиславовичъ. Прежде чѣмъ начать борьбу, князь Всеволодъ хотѣлъ было помириться съ соперникомъ, предложивъ ему оставить область, раздѣленною на двѣ части, только съ инымъ распредѣленіемъ городовъ: „тебя ростовцы привели и бояре,—говорилъ Всеволодъ,—а меня съ братомъ Богъ привелъ, да Владимірцы съ Переславцами; а Суздальцы пусть выбираютъ изъ насъ двоихъ, кого хотятъ". Но ростовцы помѣшали этому плану и Мстиславъ послалъ отказъ. Тогда Всеволодъ поѣхалъ къ Юрьеву, здѣсь дождался вызванныхъ имъ переславцевъ и объявилъ имъ объ отказѣ. Тѣ отвѣчали: „ты Мстиславу добра хотѣлъ, а онъ головы твоей ловитъ; такъ ступай, княже, на него; а мы не пожалѣемъ жизни за твою обиду, не дай намъ Богъ возвратиться назадъ; если отъ Бога не будетъ намъ помощи, то пусть, переступивъ черезъ наши трупы, возьмутъ женъ и дѣтей нашихъ; брату твоему еще девяти дней нѣтъ, какъ умеръ, а они уже хотятъ проливать кровь". Ростовцы тѣмъ временемъ придвинулись съ своими полками также къ Юрьеву, открытыя поля котораго были удобны для ратнаго дѣла и предпочтительны предъ дремучими лѣсами другихъ мѣстностей. Битва произошла (27-го іюня 1176 г.) на берегахъ р. Гзы; побѣдителями и на этотъ разъ остались младшіе города. Владимірцы и Переславцы захватили добычу,

---

[1]) В. О. Ключевскій. Курсъ рус. ист., ч. I. М. 1904 г., стр. 400; срав. Сергѣевичъ В. Рус. юридич. древности, т. I, ст. 25.

повели къ себѣ плѣнниковъ, а также отбитыхъ у враговъ коней и скотъ.

Борьба съ Ростиславичами на этомъ не окончилась, а привела къ столкновенію съ рязанскимъ княземъ. Мстиславъ, убѣжавъ къ князю Глѣбу рязанскому, сталъ подстрекать его къ войнѣ съ Всеволодомъ и достигъ того, что тотъ напалъ на принадлежавшій Всеволоду небольшой городокъ Москву и пожегъ его весь Всеволодъ сталъ собирать полки и, когда былъ за Переславлемъ подъ Шеренскимъ лѣсомъ, [1]) къ нему пришли Новгородцы и предложили свою помощь. Прождавъ ихъ понапрасну, Всеволодъ пошелъ на встрѣчу рязанцамъ и встрѣтился съ ними близъ Юрьева на р. Колокшѣ. На этотъ разъ одержалъ также сильную побѣду надъ врагами, взялъ въ плѣнъ самого рязанскаго князя съ сыномъ и Ростиславичей. Находясь въ плѣну во Владимірѣ, послѣдніе были ослѣплѣны и высланы въ Смоленскъ.

Рязанская политика привела Всеволода въ свою очередь къ войнѣ съ черниговскимъ княземъ Святославомъ, у котораго онъ находилъ пріютъ въ черные дни, когда скитался вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ. Воюя съ рязанцами, Всеволодъ схватилъ, сидѣвшаго въ Коломнѣ, сына Святослава —Глѣба, присланнаго отцомъ на помощь рязанцамъ, и въ оковахъ отослалъ во Владиміръ. Не трудно догадаться, какъ оскорбленъ былъ Святославъ, когда узналъ объ этомъ. Собравъ войска, онъ отправился въ походъ на Всеволода и подлѣ устья Тверцы соединился съ новгородцами, положилъ всю Волгу пусту, пожегъ всѣ города по пути и въ 46 верстахъ отъ Переславля на р. Вленѣ, притокѣ р. Дубны, встрѣтился съ Всеволодомъ. Дѣло было къ веснѣ (1181 г.). Всеволодъ выбралъ выгодную позицію для войска, огородился и не хотѣлъ выходить въ поле, не смотря на вызовы непріятеля. Святославъ не рѣшился нападать, а между тѣмъ снѣгъ сталъ сильно таять. Боясь наступленія весны, вынужденъ былъ бросить обозъ и уйти налегкѣ съ своими союзниками въ Новгородъ. Вскорѣ князья помирились.

Настало время наибольшаго могущества Всеволода: подобно брату Андрею заставилъ признать себя великимъ княземъ всей русской земли; распоряжался кіевскимъ столомъ и сажалъ князей изъ своей руки; воевалъ съ волжскими болгарами и половцами; подчинилъ своему вліянію Рязань, его слово было рѣшающимъ въ Галицкой землѣ, Смоленскѣ и Новгородѣ и только подъ конецъ жизни, столкнувшись съ княземъ Мстиславомъ Храбрымъ, долженъ былъ ему уступить.

При такомъ положеніи дѣла старымъ городамъ Ростовско-Суздальской области, какъ и во времена князя Андрея, оставалось

---

[1]) Теперь мѣстность въ Ростовскомъ уѣздѣ Ярославской губерніи.

слушаться воли княжеской и не выходить изъ нея. Никакой роли играть не пришлось и каждый изъ нихъ сталъ жить въ кругу своихъ мѣстныхъ интересовъ. Новымъ городамъ, способствовавшимъ упроченію положенія князя, понятно, отдавалось предпочтеніе предъ старыми, но это больше замѣтно на Владимірѣ, чѣмъ на Переславлѣ, что, впрочемъ, легко объясняется положеніемъ Владиміра, какъ стольнаго велико-княжескаго города.

Судя по тому, съ какой преданностью переславцы относились къ потомству Всеволода, можно заключить, что Переславль пользовался также особеннымъ вниманіемъ князя, что могло выражаться не въ украшеніи города новыми постройками, какъ было во Владимірѣ, а въ видѣ напр. податныхъ льготъ или чего-либо подобнаго. Отрывочныя сообщенія лѣтописи показываютъ, что великій князь не забывалъ его, посѣщая иногда съ семействомъ. Между прочимъ, былъ здѣсь въ 1191 г. „на полюдьи“, т. е. по старинному обычаю самъ ѣздилъ по областямъ, уставлялъ и собиралъ дани, судилъ преступниковъ и разбиралъ тяжбы. Княгиня, съ которою онъ на этотъ разъ прибылъ въ Переславль, 8-го февраля разрѣшилась сыномъ Ярославомъ и въ Переславлѣ, такимъ образомъ, было семейное торжество.

Лѣтомъ 1201 г. (3 го или 10-го августа) великій князь былъ здѣсь съ тремя старшими сыновьями: Константиномъ, Юріемъ и Ярославомъ. Сюда пришло посольство изъ Переяславля южнаго звать на княженіе къ себѣ велико-княжескаго сына Ярослава. Разумѣется, самъ Ярославъ, которому шелъ всего лишь одиннадцатый годъ, не могъ быть желаннымъ княземъ для нихъ: дѣтскія руки его были слишкомъ слабы, чтобы держать мечъ для огражденія Переяславскихъ предѣловъ отъ половецкихъ набѣговъ, но переяславцы вынуждены были слушаться велико-княжеской воли и послали просить Ярослава, потому что другого выбрать было нельзя. Обычно посылая малолѣтняго сына на княженіе (за годъ передъ этимъ послалъ въ Новгородъ Святослава, который былъ еще моложе Ярослава), Всеволодъ отправлялъ вмѣстѣ съ нимъ своихъ бояръ, черезъ которыхъ въ сущности онъ и управлялъ краемъ. Тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ лѣтописецъ: „переяславцы поимше князя своего Ярослава отъ св. Спаса, придоша съ радостью великою, хвалящи Бога и св. Богородицю, и св. Михаила, давшаго имъ князя, его же желаша“. На югѣ онъ пробылъ около пяти лѣтъ, но въ концѣ концовъ долженъ былъ возвратиться назадъ къ отцу.

Считая Переславль Залѣсскій надежной опорой, великій князь заботился объ укрѣпленіи его. Въ этихъ видахъ перестроилъ деревянныя стѣны Переславскаго кремля: можетъ быть усилилъ ихъ сравнительно съ первоначальной постройкой добавочными башнями или же просто замѣнилъ обвѣтшавшія старыя стѣны новыми, болѣе прочными. „Городъ“, т. е. укрѣпленіе было срублено въ теченіе

одного лѣта.[1]) Быстрота, съ которою было закончено такое значительное сооруженіе, показываетъ, что въ Переславской области было достаточное количество работниковъ въ распоряженіи князя, умѣвшихъ быстро производить постройки. А съ другой стороны, повидимому, было правиломъ, чтобы крѣпостныя стѣны строились непремѣнно въ теченіе одного лѣта, чего требовала военная предосторожность.

Переславскаго уроженца Никиты, принимавшаго участіе при устройствѣ первоначальнаго укрѣпленія Переславля, теперь не было въ живыхъ. Свою порочную жизнь, какъ замѣчено было выше, онъ окончилъ въ монастырѣ. Но былъ принятъ сюда не сразу, а послѣ суроваго предварительнаго искуса. Когда онъ открылъ Никитскому игумену свои грѣхи и просилъ его принять въ монастырь, тотъ, желая испытать твердость его намѣренія, приказалъ ему стоять три дня при монастырскихъ воротахъ и исповѣдывать передъ всѣми свои грѣхи. Никита съ полнымъ смиреніемъ раскаявшейся души принялся за исполненіе приказанія игумена и цѣлый день со слезами на глазахъ разсказывалъ всѣмъ, кого видѣлъ у воротъ, о своей грѣшной жизни, просилъ молитвъ и прощенія. Ему показалось мало этого и на второй день онъ пошелъ въ находящееся недалеко болото и, снявъ одежду, остался нагой, чтобы мошки и комары истязали его тѣло. Послѣ трехъ дней игуменъ послалъ одного изъ монаховъ за Никитой и тотъ, не видя его у монастырскихъ воротъ, сталъ искать въ окрестности. Нашелъ лежащимъ въ болотѣ, обезсиленнымъ отъ трехдневнаго поста и безчисленныхъ укусовъ болотныхъ насѣкомыхъ. Узнавъ объ этомъ, игуменъ убѣдился въ искренности раскаянія Никиты, принялъ его въ монастырь и постригъ въ монахи. Никита наложилъ здѣсь на себя самые суровые подвиги покаянія. Проводилъ дни и ночи въ постѣ, молитвѣ, пѣніи священныхъ пѣсней и чтеніи священныхъ книгъ, облекъ себя въ тяжелыя желѣзныя вериги; уходя по ночамъ изъ монастыря, вырылъ два колодца: одинъ близъ монастыря св. Бориса и Глѣба, другой близъ потока Студенаго или Слуднаго.[2]) Со временемъ ископалъ себѣ столпъ для молитвы, на голову

---

[1]) Въ лѣтописи подъ 1194 г. (въ др. подъ 1195 г.) говорится: „Заложи в. кн. Всеволодъ Переяславль у озера іюля 29-го; того же лѣта срубленъ бысть" (П. С. Рус. Л., I, 173). Нѣкоторыми это было понято въ томъ смыслѣ, что именно Всеволодъ устроилъ всѣ Переславскія укрѣпленія: земляныя и деревянныя, что „земляной валъ сдѣланъ позже начальнаго основанія города вопреки сына Георгіева—Всеволода" (Переяславскій ботикъ Петра Великаго, М., 1872, ст. 8). Такое пониманіе неправильно. Приведенное выраженіе лѣтописи ясно говоритъ только о сооруженіи рубленаго города и обычно употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно сказать о постройкѣ деревянныхъ укрѣпленій. Ср. Карамзинъ, V т., пр. 137, гдѣ говорится въ тѣхъ же словахъ о починкѣ Переславскихъ стѣнъ при Дмитріи Донскомъ.

[2]) До нашего времени уцѣлѣли оба колодезя; надъ ними деревянныя часовни. Ежегодно въ 9 и 10-е воскресенье послѣ пасхи сюда совершаются крестные ходы.

возложилъ каменную шапку и прокопалъ узкій проходъ подъ стѣну церкви, чтобы тутъ ходить на церковныя службы. Такъ провелъ онъ немало лѣтъ, спасаясь въ своемъ столпѣ. Подвиги добровольнаго мученика привлекли въ монастырь множество паломниковъ. Не только изъ окрестностей, но и издалека приходили сюда нуждающіеся въ молитвахъ, совѣтахъ и утѣшеніяхъ; многіе по молитвѣ столпника получали исцѣленія. По преданію, приходилъ къ нему юный князь Михаилъ Всеволодовичъ, родной внукъ князя Святослава черниговскаго, у котораго великій князь Всеволодъ вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ проживалъ въ дни княженія Андрея Боголюбскаго. Страдая разслабленіемъ, Михаилъ прибылъ въ Переславль и, не доходя версты до монастыря, раскинулъ шатеръ, послалъ отсюда къ подвижнику своего боярина съ просьбой придти къ нему. Преподобный прислалъ ему свой посохъ, взявъ каковой въ руки, князь чудесно исцѣлился и сталъ твердо ходить. Это произошло въ 1186 г. 16-го мая.[1]) Въ память этого чудеснаго событія князь поставилъ на этомъ мѣстѣ крестъ съ подписью года, мѣсяца и числа исцѣленія. Со временемъ надъ этимъ мѣстомъ устроена каменная часовня, называемая Черниговской, сохранившаяся до нашего времени.

Черезъ нѣсколько дней послѣ исцѣленія юнаго черниговскаго княжича къ подвижнику пришли „двое отъ ближникъ его“, желая получить благословеніе, но, увидя на немъ блестящіе вериги и кресты, пріобрѣвшіе отъ тренія видъ серебра, рѣшили завладѣть ими, такъ какъ приняли ихъ за серебряные. Ночью 24-го мая они раскрыли крышу столпа, убили подвижника и скрылись съ его веригами по направленію къ Ярославлю. Преступленіе было обнаружено по утру понамаремъ, который по обычаю подошелъ къ столпу, чтобы принять благословеніе отъ пр. Нивиты, но, увидя крышу столпа разломанной и не получивъ отвѣта на призывъ, оповѣстилъ о томъ игумена съ братіей. Когда вошли въ столпъ, нашли преподобнаго убитымъ, а тѣло его еще теплымъ. На похороны его собралось множество народа, въ присутствіи котораго положили его въ церкви великомученика Никиты по правую сторону близъ алтаря. Похищенные вериги черезъ нѣсколько времени были найдены однимъ благочестивымъ старцемъ Ярославскаго Петропавловскаго монастыря [2]). Узнавъ объ этомъ, монахи Никитскаго монастыря взяли ихъ обратно и возложили на гробъ преподобнаго Никиты.

Необыкновенные подвиги и насильственная кончина его рано описаны въ житіи, которое было распространено въ древней русской письменности во множествѣ списковъ и, видимо, было любимымъ назидательнымъ чтеніемъ.

---

[1]) Подробно объ этомъ въ „Описаніи Перес. Никит. монастыря“ А. Свирѣлина, М., 1879 г., стр. 19—21.

[2]) Теперь не существуетъ, на этомъ мѣстѣ находится Петровская церковь.

Пр. Никита первоначально считался мѣстнымъ святымъ, а со временемъ былъ признанъ всею церковью. Черезъ три столѣтія по кончинѣ его были попытки открыть его мощи, уже нашли бересту, въ которой вмѣсто гроба завернуто было его тѣло, но онъ не захотѣлъ лежать поверхъ земли, поднялась сильная буря и разрытая могила сама собой засыпалась, т. е. мощи искали, но обрѣтенія не послѣдовало. И до нынѣ лежатъ они подъ спудомъ въ соборномъ храмѣ в. м. Никиты, у праваго клироса, въ серебряной ракѣ. При ней находятся малыя вереги и три креста, которые онъ носилъ на тѣлѣ. Память ему празднуется церковью 24-го мая [1]).

IV.

Смерть в. кн. Всеволода Большое Гнѣздо. Раздѣленіе Ростово-Суздальской области на отдѣльныя княжества. Второй Переславскій князь—Ярославъ Всеволодовичъ. Составъ Переславскаго княжества. Переславскій лѣтописецъ. Междусобіе. Липицкая битва. Примиреніе съ кн. Мстиславомъ и новгородцами. Взятіе Переславля татарами. Раздѣлъ Переславскаго княжества. Третій Переславскій князь—Александръ Ярославичъ. Александрова гора. Второе разореніе Переславля татарами. Возстаніе 1262 г. Кончина благ. кн. Александра Невскаго.

Незадолго до своей смерти великій князь Всеволодъ распредѣлилъ „волости дѣтемъ своимъ". Но видимо, до кончины отца молодые князья не были самостоятельными въ своихъ удѣлахъ, а скорѣе посадниками великаго князя. Быть можетъ, даже кромѣ князя Константина Всеволодовича, они и не жили въ назначенныхъ имъ волостяхъ, во владѣніе которыми должны были вступить послѣ смерти отца. Въ 1212 году великій князь сильно заболѣлъ и послалъ въ Ростовъ за старшимъ сыномъ, желая „благословить" его великимъ княжествомъ владимірскимъ, а Ростовъ отдать второму сыну Юрію. Такая воля отцовская не полюбилась Константину Всеволодовичу и онъ не захотѣлъ выѣхать изъ своего удѣла, доказывая отцу, что онъ, какъ старшій сынъ, имѣетъ право на все великое княжество. Безъ сомнѣнія молодой князь поддался вліянію ростовскаго боярства, которое при помощи князя Константина хотѣло снова стать во главѣ Ростовско-Суздальской области и подговаривало его не уступать отцу. Встревоженный непослушаніемъ сына, Всеволодъ отдалъ вели-

---

[1]) Ключевскій В. О., Древне-русскія житія святыхъ какъ историческій источникъ, М. 1871 г., стр. 43—50; срав. Е. Е. Голубинскаго, исторія рус.-церкви, т. I, ч. 2-ая, стран. 760—762.

кое княжество второму сыну Юрію. „Князь же Константинъ, говоритъ лѣтописецъ,—услышавъ сія, разгорѣвшеся яростью и воздвигше брови своя гнѣвомъ на кн. Юрія“, но при жизни отца не смѣлъ ничего сдѣлать.

Великій князь Всеволодъ померъ 15-го апрѣля 1212 года. На похоронахъ его были всѣ сыновья кромѣ ростовскаго князя Константина. Недовольный завѣщаніемъ отца другой сынъ Святославъ съ похоронъ бѣжалъ къ Константину, а великій князь Юрій, ожидая отъ нихъ нападенія, вошелъ въ союзъ съ княземъ Ярославомъ и цѣловалъ съ нимъ въ этомъ крестъ. Ярославъ поспѣшилъ въ назначенную ему Всеволодомъ отчину Переславль Залѣсскій и 18-го апрѣля „созвавъ всѣхъ переславцевъ къ св. Спасу, сказалъ имъ: „братья переславцы, отецъ мой отошелъ къ Богу, а васъ отдалъ мнѣ, меня же вамъ, скажите мнѣ, братья, хотите-ли имѣть у себя, какъ имѣли моего отца и сложить за меня свои головы“. Тогда всѣ отвѣтили ему: „хорошо, будь, ты намъ господинъ, ты Всеволодъ“. И цѣловали ему всѣ крестъ. И такимъ образомъ сѣлъ въ Переславлѣ на столѣ, гдѣ родился“ [1]). Любопытно отмѣтить, что даже въ такомъ молодомъ городѣ, какимъ былъ Переславль, требовалось, чтобы народъ одобрилъ и призналъ его назначеніе; очевидно, удовлетвориться однимъ распоряженіемъ отца нельзя было, а нужно кромѣ того вступить въ соглашеніе съ самимъ населеніемъ.

Теперь Переславль снова отошелъ отъ великаго княжества и сталъ особымъ удѣломъ. При Ярославлѣ, вмѣстѣ съ Залѣсьемъ, къ нему принадлежалъ Дмитровъ, Поволжье съ Зубцовымъ, Тверью и Коснятинымъ, а также Нерехоть (Нерехта). Княжество имѣло своего лѣтописца, о которомъ важно отмѣтить, что лѣтописецъ этотъ, имени котораго мы напрасно стали бы доискиваться, писалъ свою лѣтопись или вѣрнѣе говоря, передѣлывалъ и продолжалъ первоначальную, живя въ Переславлѣ, и хорошо зналъ и по преданію, и лично событія, предшествовавшія времени Ярослава и его княженія Его безыменному труду мы обязаны многими подробностями, которыхъ нѣтъ въ другихъ лѣтописныхъ сводахъ. „Подъ 1175 г. лѣтописецъ разсказываетъ, согласно съ Лаврентьевскимъ спискомъ, обстоятельства войны между Михаиломъ и Всеволодомъ Юрьевичами съ одной стороны, и Мстиславомъ и Ярополкомъ Ростиславичами съ другой: но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавляетъ извѣстія о переяславцахъ, чего въ Лаврентьевскомъ спискѣ не находимъ: „а переяславцамъ, не хотящимъ его (Ярополка), но хотѣша Михалко съ братомъ его Всеволодомъ“. Въ другихъ мѣстахъ: „переяславцы же не отъ сердца идяхуть (противъ Михаила), но принужденіемъ

---

[1]) Лѣт. Пер. Суздал., ст. 110.

ростовскимъ" и „а съ переславцы имяхутъ володимерцы едино сердце"... Изъ этихъ мѣстъ ясно видно, говоритъ кн. Оболенскій, открывшій самую лѣтопись, что Лѣтописецъ русскихъ царей, какъ онъ озаглавленъ въ рукописи, составленъ жителемъ Переяславля Залѣсскаго, который могъ подробнѣе и лучше знать образъ мыслей Переяславцевъ и обстоятельства, касавшіяся исторіи его родного города" [1]). Особенно цѣнно изложеніе событій съ 1175 по 1214 г., которымъ оканчивается лѣтопись. Но странно, что подъ 1152 г. о Переславлѣ здѣсь нѣтъ никакого упоминанія. Справедливѣе потому можетъ считаться предположеніе, что самая оригинальная лѣтопись не дошла, а лишь составленный на основаніи ея сборникъ, въ который могли попасть не всѣ сообщенія подлинника. Время составленія лѣтописи относится къ началу XIII в., когда князь Ярославъ не имѣлъ еще дѣтей, т е. до 1219 года.

События, послѣдовавшія за смертію Всеволода, были таковы. Въ Ростовско-Суздальской землѣ наступило сильное волненіе. Братья-князья раздѣлились на два лагеря: въ одномъ былъ старшій Константинъ, къ которому примкнули Святославъ и Владиміръ, въ другомъ— Юрій, заключившій союзъ съ княземъ переславскимъ Ярославомъ. Вскорѣ же послѣ похоронъ отца Юрій прислалъ ему сказать: „идетъ на меня братъ Константинъ; ступай къ Ростову, и какъ Богъ тамъ дастъ: уладимся или станемъ биться". Ярославъ пошелъ съ своими переславцами, а Юрій съ владимірцами и суздальцами. Стали за рѣкою Ишнею и начали биться. Пожгли лишь села въ окрестности, но города взять не могли и помирились. Но, конечно, ненадолго. Константинъ собралъ рать и отнялъ у Юрія Соль Великую, пожегъ Кострому, а у Ярослава отнялъ Нерехоть. Опять братья Юрій и Ярославъ пошли къ Ростову, съ ними пошелъ на помощь князь Давидъ муромскій. Въ это время въ тылу у нихъ князь Владиміръ Всеволодовичъ, самовольно завладѣвши Москвой, собралъ дружину и пошелъ къ Дмитрову „къ Ярославлю городу брата своего", стремясь отвлечь этимъ силы князей отъ Ростова. Дмитровцы крѣпко бились и хотѣли застрѣлить Владиміра, вышли изъ города и отогнали обратно къ Москвѣ. Тѣмъ временемъ союзники города не взяли и на этотъ разъ и снова помирились. Возвращаясь оттуда, Юрій осадилъ Москву, принадлежавшую къ его княжеству, и предложилъ брату Владиміру удѣлъ въ Переяславлѣ южномъ, куда тотъ и удалился. [2])

Въ 1214 году переславскій князь, бывшій тогда уже вдовцомъ, вторично женился. Первый разъ былъ женатъ на дочери половец-

---

[1]) Лѣтописецъ изданъ кн. К М. Оболенскій подъ названіемъ „Лѣтописецъ Переяславля Суздальскаго", составленный въ началѣ XIII в., (между 1214 и 1219 г.) М., 1851 г.

[2]) Лѣтоп. Переяславля Суздальскаго, стр. 111—112.

каго хана Юрія Кончаковича, когда находился на княженіи въ Переяславлѣ русскомъ; второй разъ—на дочери торопецкаго князя Мстислава Мстиславовича Удалого: „ведена бысть Ростислава", говоритъ переславскій лѣтописецъ, „изъ Новгорода дщи Мстиславля Мстиславича за Ярослава, сына великаго князя Всеволода въ Переяславль Суждальскій". Обстоятельства вскорѣ сложились такъ, что зять и тесть стали съ оружіемъ одинъ противъ другого и родственныя отношенія на время были порваны. Виноватъ въ этомъ былъ Ярославъ, котораго сгубила новгородская политика. Нужно сказать, что границы его княжества соприкасались съ новгородскими предѣлами. Владѣя верховьями Волги, Ярославъ въ сущности держалъ въ своихъ рукахъ ключъ къ новгородской торговлѣ, которою жилъ Новгородъ Великій. Торговля эта теперь, вслѣдствіе обѣдненія южной Руси, больше шла въ восточную Русь, откуда въ Новгородъ вывозился хлѣбъ, котораго мало родилось въ Новгородской области. Это выгодное положеніе переславскаго князя создало ему партію среди новгородскихъ купцовъ, старавшихся жить съ ними въ ладахъ. При первой возможности они призвали его княжить въ 1215 г., когда тесть Ярослава Мстиславъ отъѣхалъ изъ Новгорода. Вѣче согласилось на приглашеніе переславскаго князя и прислало въ Переславль Залѣсскій звать его къ себѣ тысяцкаго и десять старѣйшихъ купцовъ.

Княженіе въ богатомъ Новгородѣ, гдѣ можно было получать обильные доходы и добычу, для Ярослава было весьма интересно. Поручивъ Переславль намѣстнику изъ своихъ бояръ, онъ поѣхалъ въ Новгородъ, но съ первыхъ же шаговъ показалъ насколько неумѣренны его аппетиты. Началъ онъ съ того, что опираясь на свою партію, велѣлъ схватить и заковать двухъ бояръ, принадлежавшихъ къ партіи ему враждебной. „И *поточи я въ Тверь*".[1]) Такое насиліе произвело волненія, въ которыхъ были убиты нѣкоторые изъ сторонниковъ князя. Считая свое пребываніе здѣсь не безопаснымъ, оставилъ въ Новгородѣ намѣстника, а самъ удалился въ Торжокъ и задумалъ сдѣлать этотъ пригородъ главнымъ городомъ Новгородской земли, по примѣру того, какъ Владиміръ—пригородъ возвысился надъ старѣйшими городами Ростовомъ и Суздалемъ. Обстоятельства, казалось, помогали ему: морозъ побилъ хлѣбъ у новгородцевъ, сдѣлалась дороговизна, потомъ начался голодъ, а Ярославъ не пропускалъ въ Новгородъ хлѣба. Отсюда нѣсколько разъ присылали къ нему въ Торжокъ, прося его въ Новгородъ, но онъ самъ не шелъ и не отпускалъ пословъ.

Тогда новгородцы обратились за помощью къ его тестю князю Мстиславу. Онъ тотчасъ же явился на ихъ призывъ (въ 1216 г.), схватилъ Ярославова намѣстника и обѣщалъ новгородцамъ добыть имъ правду,

---

[1]) II. С. Р. Л., VII, 119.

или положить свою голову. Ярославъ въ это время укрѣпился въ Торжкѣ и дѣлалъ засѣки на дорогахъ. Готовясь къ войнѣ, онъ отвергъ предложеніе Мстислава о выдачѣ задержанныхъ новгородцевъ и вмѣсто этого отослалъ ихъ въ Переславль и другіе города своего княжества. Тогда Мстиславъ объявилъ на вѣчѣ походъ и поклялся, что „не быть Торжку выше Новгорода; но гдѣ св. Софія, тамъ и Новгородъ".

Новгородское ополченіе выступило въ походъ 1-го марта 1216 г. По дорогѣ Мстиславъ взялъ, принадлежавшій къ Переславскому княжеству, г. Зубцовъ; отсюда шла дорога на Торжокъ, гдѣ былъ Ярославъ, но вмѣсто этого Мстиславъ сталъ жечь и грабить Тверь. Это заставило Ярослава выйти изъ укрѣпленнаго Торжка для защиты своего удѣла. Послѣ взятія Коснятина враги покинули берега Волги и направились къ самому Переславлю Залѣсскому. По пути сюда въ Городцѣ на р. Сарѣ [1]) присоединился къ новгородцамъ князь Константинъ ростовскій, который увидѣлъ въ благопріятно сложившихся для него обстоятельствахъ возможность возобновить борьбу за свое первенство. Такъ какъ подходила весна, то, чтобы скорѣе окончить походъ, союзники оставили воза и, сѣвши на коней, пошли въ Залѣсье. На Ѳоминой недѣлѣ (16 апрѣля) соединенные полки стали противъ Переславля, здѣсь подъ городскими стѣнами захватили въ плѣнъ одного человѣка и узнали отъ него, что князя въ городѣ нѣтъ, ушелъ къ брату Юрію, съ которымъ собралъ противъ нихъ большое ополченіе. Не причинивъ никакого вреда городу, войска пошли далѣе на встрѣчу союзникамъ и сошлись близъ Юрьева. Владимірско-переславская рать стояла на берегахъ р. Гзы, впадающей въ Колокшу. Мстиславъ, придя съ ополченіемъ, расположился вблизи города, Константинъ ростовскій—далѣе на рѣчкѣ Липицѣ.

Такимъ образомъ, новгородскія притязанія Ярослава навлекли бѣду на весь Ростовско-Суздальскій край и затихшая усобица между братьями возгорѣлась вновь, принявъ теперь гораздо большіе размѣры. Та и другая сторона привела значительныя войска, но особенно многочисленна была рать у кн. Юрія и Ярослава. Это дало послѣднему такую увѣренность въ побѣдѣ, что онъ нѣсколько разъ отвергалъ предложеніе Мстислава о мирѣ. „Мира не хочу", говорилъ онъ, „вы шли далече, а очутились какъ рыба на сухомъ мѣстѣ". Отказомъ отвѣчалъ на мирныя предложенія и его братъ Юрій.

Оставался одинъ исходъ: рѣшить дѣло оружіемъ и это произошло 21 апрѣля 1216 г. Въ ночь передъ самой битвой переславцы и владимірцы укрѣпились на Авдовой горѣ, а новгородцы стали на Юрьевой, ихъ раздѣлялъ глубокій оврагъ. Утромъ Мстиславъ уговорилъ своихъ союзниковъ атаковать непріятеля и тогда закипѣлъ зна

[1]) Близъ с. Діаволь Ростовскаго уѣзда. Срав. Карамзинъ III-й т., прим. 164.

менитый Липицкій бой. Новгородцы, оставивъ коней, бросились черезъ болотистый оврагъ на гору, гдѣ встрѣтили ихъ густыми толпами дружинники кн. Юрія и Ярослава. Но такъ какъ это въ большинствѣ были люди непривычные къ бою, а новгородцы, по словамъ лѣтописи, „разсвирѣпѣша, яко звѣри“, то первые не выдержали стремительнаго натиска и разстроили свои ряды. Сначала побѣжали полки Ярослава. Князь Юрій нѣкоторое время держался противъ ростовцевъ, но въ концѣ концовъ и его воины также не устояли. Пораженіе переславскаго и владимірскаго князей было полное. Однихъ павшихъ на полѣ битвы лѣтопись насчитываетъ свыше девяти тысячъ человѣкъ, кромѣ раненыхъ и погибшихъ во время преслѣдованія. Князья успѣли спастись бѣгствомъ.

Убѣгая съ поля сраженія, князь Ярославъ, по сообщенію Новгородской лѣтописи, загналъ, будто-бы, четырехъ коней дорогою и лишь на пятомъ „во единой сорочицѣ“ явился въ свой Переславль Залѣсскій. Затворился здѣсь и въ порывѣ досады велѣлъ перековать всѣхъ новгородцевъ, новоторжцевъ и смольнянъ, какъ присланныхъ имъ въ заточеніе, такъ и зашедшихъ сюда по торговымъ и другимъ дѣламъ. Засадилъ однихъ въ погреба, другихъ въ тѣсныя и душныя избы и здѣсь полтораста новгородцевъ задохлись до смерти, а смольняне, на которыхъ не такъ злобился Ярославъ, были заперты особо и остались всѣ живы.

Между тѣмъ новгородско-ростовское ополченіе взяло Владиміръ, лишило Юрія велико-княжескаго стола и посадило на него князя Константина. Оставалось разсчитаться съ Ярославомъ. Сначала тотъ думалъ было отсидѣться за крѣпкими стѣнами въ Переславлѣ, но затѣмъ не рѣшился на оборону и 3 мая выѣхалъ на встрѣчу шедшему отъ Владиміра ополченію, отдавшись въ руки старшаго брата и прося его помирить съ тестемъ. Мстиславъ согласился помириться, однако не заѣхалъ къ нему въ Переславль и отказался принять угощеніе отъ зятя. Расположился станомъ внѣ города; взялъ дары и забралъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ задержанныхъ новгородцевъ, новоторжцевъ и смольнянъ, а также тѣхъ изъ нихъ, которые добровольно находились въ дружинѣ Ярослава. Потребовалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и дочь свою Ростиславу, жену переславскаго князя, и, не смотря на то, что „Ярославъ многожды сылая съ мольбою къ Мстиславу, прося своея княгини, князь Мстиславъ не дась ему“. „Услышимъ и уразумѣемъ, говорилъ онъ, аще истинно есть покаяніе твое“. И, наказавъ князя презрѣніемъ, уѣхалъ.

Такъ печально закончилась для Ярослава эта война, вызванная притязаніями его къ новгородцамъ и распрями братьевъ-князей.

Со временемъ Мстиславъ простилъ своего зятя и черезъ три года послѣ Липицкой битвы у Ярослава родился въ Переславлѣ старшій сынъ княжичъ Ѳедоръ, а на слѣдующій годъ (30-го мая 1220 г.)—

второй сынъ, знаменитый впослѣдствіи Александръ Невскій. Уладились со временемъ также отношенія съ новгородцами, чему немало способствовали взаимные интересы. Для новгородцевъ переславскій князь былъ сильнымъ сосѣдомъ, который оправившись послѣ даннаго ему урока, могъ снова тѣснить ихъ, когда ему было выгодно. Съ своей стороны Ярославъ не переставалъ стремиться въ богатый Новгородъ, гдѣ разсчитывалъ на хорошую добычу и доходы. Оставивъ мысль сдѣлать Торжекъ Новгородомъ, онъ повелъ теперь болѣе скромную политику. Въ 1222 г. новгородцы прислали къ нему въ Переславль своихъ пословъ звать его на княженіе. Онъ, конечно, согласился и вскорѣ же оказалъ Новгороду большія услуги въ войнѣ съ литовцами и нѣмцами, ходилъ подъ Колывань (Ревель), воевалъ всю чудскую землю и возвратился въ Новгородъ съ богатой добычей. Но неизвѣстно отчего, Ярославъ не захотѣлъ оставаться здѣсь и собрался въ свою волость—Переславль Залѣсскій. Новгородцы кланялись ему и уговаривали: „не ходи, княже“, но онъ не послушалъ ихъ просьбы и, пробывъ около года въ новгородской области, отъѣхалъ. Узнавъ, что литовцы напали на новгородскіе предѣлы (1225 г.), Ярославъ, по выраженію лѣтописи, сжалился надъ новгородцами и повелъ на враговъ изъ Переславля свои полки. Предводительствуя ими, соединился съ князьями торопецкимъ и псковскимъ, настигъ непріятеля близъ Усвята, положилъ на мѣстѣ до двухъ тысячъ непріятелей, взялъ въ плѣнъ ихъ князей и освободилъ плѣнниковъ. Въ этомъ сраженіи сами новгородцы не были, однако же Ярославъ, пріѣхавъ къ нимъ, ничѣмъ не выразилъ своего гнѣва; остался въ Новгородѣ, ходилъ въ сѣверную Финляндію, гдѣ никогда не бывали еще русскіе, и привелъ оттуда множество плѣнныхъ. Потомъ отправилъ священниковъ въ Корельскую землю и безъ всякаго насилія крестилъ почти всѣхъ обитавшихъ тамъ инородцевъ.

Въ 1228 г. Ярославъ захотѣлъ поставить въ зависимость отъ Новгорода Псковъ и съ этою цѣлью вызвалъ изъ Переславля войска. Новгородцы не только холодно отнеслись къ этому, но потребовали удаленія переславскихъ войскъ и отказались воевать. Тогда Ярославъ вмѣстѣ съ женой отъѣхалъ къ себѣ въ Переславль, оставивъ въ Новгородѣ сыновей Ѳедора и Александра. Тѣ вынуждены были вскорѣ бѣжать къ отцу, такъ какъ начались по случаю вздорожанія хлѣба народныя волненія. Новгородцы призвали къ себѣ князя Михаила Всеволодовича черниговскаго, исцѣленнаго въ молодыхъ годахъ пр. Никитою Столпникомъ. Ярославъ всячески старался отмстить за это новгородцамъ и готовъ былъ объявить войну, но вскорѣ помирился и былъ призванъ (въ 1230 г.) въ Новгородъ. Потомъ опять отъѣхалъ въ Переславль. Сюда псковичи прислали ему нѣмцевъ, плѣненныхъ подъ Изборскомъ, и тогда, собравъ нѣсколько полковъ въ своей вотчинѣ, самъ пошелъ съ ними на нѣмцевъ. Разо-

рилъ окрестности Одепие и Дерпта и освободилъ плѣнныхъ новгородцевъ. И все же, не смотря на свои заслуги предъ ними, не пользовался любовью въ Новгородѣ и долго уживаться здѣсь не могъ. Разъ даже княжилъ всего двѣ недѣли и его смѣнилъ потомъ другой князь. Виною этого были съ одной стороны непостоянство и борьба новгородскихъ партій, а съ другой характеръ самого Ярослава, его самовластіе и частыя попытки поживиться на новгородскій счетъ.

Не всегда Ярославъ жилъ въ ладахъ и съ самимъ великимъ княземъ Юріемъ, который снова сѣлъ во Владимірѣ по смерти болѣзненнаго Константина. Одно время (1229 г.), по замѣчанію лѣтописи, „слушая нѣкыхъ льсти... мысляжеть противися Юрью брату своему“, но помирился и до открытой борьбы дѣло не дошло.

Стремясь къ усиленію своего вліянія, Ярославъ на ряду съ новгородской политикой сталъ вмѣшиваться въ интересы южной Руси и въ 1236 году добился того, что былъ посаженъ на Кіевскомъ столѣ. Въ то же время онъ не желалъ отказаться ни отъ одного изъ своихъ прежнихъ пріобрѣтеній и владѣній: въ Новгородѣ оставилъ своего сына князя Александра (старшій Ѳедоръ умеръ тринадцати лѣтнимъ мальчикомъ въ томъ же Новгородѣ), Переславль поручилъ боярамъ. И вотъ въ то время, какъ Ярославъ находился въ Кіевѣ, а князь Александръ въ Новгородѣ, произошло величайшее бѣдствіе въ исторіи русскаго народа—нашествіе татаръ. Овладѣвъ 8-го февраля 1238 года Владиміромъ, гдѣ погибло рѣшительно все семейство великаго князя, татары разсыпались для опустошенія и грабежа по всей Ростовско-Суздальской области. „Иніи поидоша къ Переславлю, замѣчаетъ лѣтописецъ, и тотъ градъ взяша, а людей изсѣкоша. И оттоле всю ту страну и городы многи плѣниша: Юрьевъ, Дмитровъ, Волокъ, Тферь“.[1]) Въ теченіе одного февраля взяли 14 городовъ въ Ростово-Суздальской землѣ, кромѣ слободъ и погостовъ; лѣтописецъ говоритъ, что не было мѣста, ни веси и селъ такихъ рѣдко, гдѣ бы не воевали татары. Въ началѣ марта на р. Сити погибъ въ сраженіи самъ великій князь Юрій Всеволодовичъ и въ то же время отрядъ враговъ шелъ по направленію къ Новгороду. Но приближалась весна и, боясь распутицы, татары повернули на югъ. Новгородъ и юнаго князя новгородскаго, по выраженію лѣтописи, Богъ соблюлъ отъ татарскаго меча.

Едва Батый удалился на время къ Дону въ землю половецкую, Ярославъ Всеволодовичъ оставилъ Кіевъ и прибылъ въ свою разоренную волость. По праву старѣйшинства къ нему теперь переходилъ велико-княжескій столъ во Владимірѣ. Подъ тяжестью обру-

---

[1]) П. С. Р. Л. X. 109.

шившихся бѣдствій Ярославъ совершенно переродился и проявилъ истинное величіе духа. Первымъ его дѣломъ было изгладить слѣды опустошенія, собрать народъ, возстановить города и села. Онъ ревностно занялся выпавшей на его долю задачей, облегчилъ, насколько было возможно, народное горе и пріобрѣлъ общую любовь. Покаряясь необходимости, онъ первый изъ князей отправился къ Батыю, чтобы получить утвержденіе въ велико-княжескомъ достоинствѣ, а младшаго сына Константина послалъ на берега р. Амура къ великому хану. По возвращеніи Константина изъ Корокарума вынужденъ былъ самъ снова ѣхать сначала въ Золотую Орду, затѣмъ къ великому хану и по дорогѣ оттуда умеръ 30 сентября 1246 года.

У Ярослава было большое семейство и чтобы наградить своихъ сыновей княжествами, пришлось, между прочимъ, переславскую вотчину подѣлить между нѣкоторыми изъ нихъ. Сдѣлано это было заблаговременно при жизни великаго князя. Святославъ Всеволодовичъ, занявшій послѣ него велико-княжескій столъ, лишь оставилъ племянниковъ по тѣмъ городамъ, „якоже і братъ уряди Ярославъ", т. е. за каждымъ изъ нихъ утвердилъ то, что уже дано было Ярославомъ. Лѣтописи не содержатъ прямого указанія, когда было послѣднее. Но, повидимому, дѣло можно представить такъ: занявъ велико-княжескій столъ, Ярославъ первое время оставилъ за собою и свою Переславскую вотчину и, подобно отцу великому князю Всеволоду Юрьевичу, присоединилъ ее, какъ личное владѣніе, къ великому княжеству Владимірскому. Но не надолго. Въ 1240—1243 г.г., сѣверо-западную половину Переславскаго удѣла съ городами Тверью, Зубцовымъ, Кснятинымъ, Кашинимъ, Калязинымъ и др. выдѣлилъ въ особое княжество Тверское и отдалъ его своему предпослѣднему сыну Ярославу Ярославичу. Около этого же времени четвертому сыну Константину Ярославичу отдѣлилъ Дмитровъ въ придачу къ Галицкому (Галича Мерьскаго) княжеству. Такимъ образомъ, Переславское княжество сократилось въ своихъ границахъ болѣе, чѣмъ на половину. Осталось одно Залѣсье съ Переславлемъ. [1]) Надо думать, въ это именно время установились тѣ границы, которыми потомъ во времена Московскаго Государства обмежевывался „Переславль-Залѣсскій уѣздъ". Въ составъ его входили нынѣшній Переславскій, весь Александровскій и часть Покровскаго уѣзда. Переславское Залѣсье Ярославъ еще нѣсколько раньше отдалъ своему старшему сыну князю Александру Ярославичу. Это было въ 1240 г. „Размолвиша новгородцы съ Александромъ Ярославичемъ, говоритъ лѣтопись, и отыде Александръ

---

[1]) С. М. Соловьевъ считаетъ, что в. кн. Ярославъ, оставивъ за собою Переславль, удержалъ его при великомъ княжествѣ почти до смерти и передалъ свою Переславскую отчину кн. Александру нераздѣльной. Т. III, 186; IV, 141.

скоро къ отцу своему, и мало пребывъ у отца и иде въ Переславль на княженіе, иже на Клещинѣ озерѣ". [1])

Третій Переславскій князь Александръ Ярославичъ до своего княженія въ Переславлѣ Залѣсскомъ подолгу находился въ Новгородѣ Великомъ, то съ своимъ отцомъ, то безъ него, занимая новгородскій столъ со дней своего отрочества. Въ это время князь Александръ сжился съ Новгородомъ, проникся его интересами и, получивъ въ княженіе Залѣсье, въ сущности болѣе находился опять въ Новгородѣ, куда влекла его дѣятельная жизнь торговаго города, непрерывная борьба вѣча съ княжеской властью, и, наконецъ, почти постоянныя угрозы и нападенія сосѣдей. Между тѣмъ положеніе дѣлъ въ Переславлѣ не вызвало прямой необходимости въ постоянномъ присутствіи князя.

Александръ Ярославичъ прибылъ въ Переславль на княженіе, имѣя всего двадцать лѣтъ отъ роду, окруженный уже славою героя и народнаго витязя. Это было послѣ знаменитой битвы 15-го іюля 1240 г., давшей Александру прозваніе Невскаго, когда онъ проявилъ во всемъ блескѣ свои богатыя стратегическія дарованія. Узнавъ, что въ новгородскіе предѣлы неожиданно явилось шведское ополченіе подъ начальствомъ Биргера, онъ не захотѣлъ терять времени на посылку за помощью къ своему отцу, великому князю, или даже собирать войско въ новгородской области, а взявъ свою новгородскую дружину и, присоединивъ на пути ладожанъ, съ этими небольшими силами стремительно ударилъ на шведовъ, расположившихся на берегу р. Невы при впаденіи въ нее Ижоры. Онъ совершенно вѣрно рѣшилъ, что только быстротою и натискомъ можно добиться успѣха. Шведы на столько растерялись отъ неожиданнаго нападенія, что успѣхъ былъ обезпеченъ съ перваго момента. Не смотря на свою большую численность, они дали горсти храбрецовъ разбить ихъ и заразить паническимъ страхомъ. Александръ проявилъ при этомъ еще замѣчательную личную храбрость: „невѣрному кралю ихъ (Биргеру) возложилъ остріемъ меча печать на челѣ".

Этотъ блестящій подвигъ, завершившійся бѣгствомъ шведовъ обратно за море, не спасъ князя Александра отъ непостоянства новгородцевъ. Какъ выше было упомянуто, новгородцы жестоко обидѣли его чѣмъ-то и, разсердившись на нихъ, онъ вмѣстѣ съ своей женой, матерью и всѣмъ дворомъ уѣхалъ къ своему отцу во Владиміръ, не имѣя, очевидно, другого мѣста, гдѣ могъ бы найти пристанище. Тогда отецъ и далъ ему Залѣсье.

Есть преданіе, что, вступивъ во владѣніе отчиной, князь Александръ основалъ монастырь на берегу Переславскаго озера, на такъ

---

[1]) Никон. лѣт.-III, 3.

называемой съ тѣхъ поръ Александровой горѣ. По имени основателя монастырь сталъ называться Александровымъ, церковь же, построенная княземъ, была посвящена имени св князей Бориса и Глѣба, которые, по сказанію, дали князю Александру Ярославичу чудесную помощь при одолѣніи шведовъ.[1])

Дѣйствительно, на Александровой горѣ былъ монастырь, но когда онъ основанъ сказать трудно. Археологическія данныя свидѣтельствуютъ въ противуположность преданію, что возникновеніе его слѣдуетъ отнести къ болѣе позднему времени, примѣрно къ XV столѣтію. На основаніи находокъ производившій здѣсь раскопки г. Савельевъ-Ростиславичъ излагаетъ исторію этого слѣдующимъ образомъ. Первоначально здѣсь было языческое капище, которое со времени введенія христіанства въ этомъ краю было сожжено. На мѣстѣ сожженнаго капища возникла православная церковь, дабы изгладить самую память о бывшемъ идолопоклонствѣ. Церковь въ свою очередь была разрушена и слѣдъ ея существованія обозначился полосою щебня и костями, схороненныхъ вокругъ ея христіанъ, а указаніе на истребленіе ея бусурманами сохранилось въ найденныхъ въ томъ же слоѣ татарскихъ монетахъ. (Джани-бека хана около 1350 г.), стрѣлѣ и кинжалѣ. Тутъ же нашелся серебряный слитокъ или гривна вѣсомъ въ 42 зол. Татары, опустошивъ край, удалились. Православіе вновь воздвигло на этой горѣ храмъ и слѣды новой постройки обозначены были новымъ слоемъ остововъ съ тѣльными крестами, съ плитами и денежками великаго князя Ивана III. Храмъ этотъ разрушился отъ времени или несчастныхъ событій и надъ нимъ воздвигся монастырь, обнесенный деревянною оградою съ пятью круглыми башнями, отъ которыхъ сохранились основанія, даже остались слѣды печи съ горшками. Слой этихъ основаній былъ отдѣленъ отъ другого нижняго слоемъ, въ которомъ найдены угли, бревна, рядъ кирпичей, обломки плитъ и пр. Судя по очертаніямъ и расположенію ихъ, планъ монастырскихъ строеній былъ слѣдующій. Главная церковь стояла возлѣ кладбища, а по сторонамъ выстроены кельи. Замѣтны даже слѣды дорожекъ. Весь монастырь обнесенъ стѣною или оградою и шестью башнями. На время существованія монастыря указываютъ лишь открытыя въ его развалинахъ монеты царя Ивана IV и плата съ надписью 1512 г. Деньги, числомъ болѣе тысячи, лежали въ грудѣ, но вѣроятно выпали изъ глинянаго сосудика, на на которомъ была надпись: „Кубышка“. Среди разныхъ находокъ

---

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ есть другое преданіе, что на Александровой горѣ былъ загородный дворецъ кн. Александра Ярославича (Влад. Епарх. Вѣд., 1897 г. № 22, стр. 640—650).

монастырскихъ оказалось много костяныхъ издѣлій, которыми, повидимому, занимались иноки: кресты, стрѣлы, иглы и т. п.[1])

Александръ Ярославичъ недолго прожилъ въ Переславлѣ: новгородцевъ стали сильно тѣснить нѣмцы, что заставило ихъ снарядить посольство къ великому князю и просить у него къ себѣ на столъ переславскаго князя. Александръ поѣхалъ и быстро поправилъ дѣла: разорилъ крѣпости, возведенныя врагами, и прогналъ нѣмцевъ изъ новгородскихъ предѣловъ. Послѣ того опять возвратился къ своему семейству въ Переславль (въ 1241 г.). Между тѣмъ ливонскіе рыцари завладѣли Псковомъ и снова начали безпоить новгородскія владѣнія. Александръ поѣхалъ тогда въ Новгородъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Андреемъ и на этотъ разъ также спасъ новгородцевъ отъ враговъ. 5-го апрѣля 1242 г. онъ далъ имъ на льду Чудского озера битву, извѣстную подъ именемъ Ледоваго побоища, которая прославила Александра не менѣе, чѣмъ Невская побѣда. Нанесъ „желѣзнымъ людямъ", какъ звали тогда рыцарей, страшное пораженіе и заключилъ съ орденомъ выгодный для Новгорода миръ. До 1245 г. лѣтописи ничего не говорятъ о мѣстѣ пребыванія переславскаго князя, а въ этомъ году онъ былъ въ Новгородѣ и преслѣдовалъ литовцевъ, воевавшихъ Торжокъ и Бѣжецкъ

По смерти своего отца великаго князя Ярослава Всеволодовича переславскому князю Александру пришлось вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ поѣхалъ въ Орду на поклонъ къ Батыю. Это путешествіе заняло почти два года (1247—1249 г.г.) и кромѣ Золотой Орды князья побывали въ Великой Ордѣ у хана Менгу. Ханъ наградилъ ихъ ярлыками на великія княженія: Александра, кромѣ Переславской отчины, на Кіевское, Андрея—на Владимірское. Хотя Кіевъ и считался старше всѣхъ городовъ русскихъ, но онъ лежалъ въ развалинахъ и потерялъ всякое значеніе, гораздо важнѣе этого было великое княжество Владимірское. Александръ не поѣхалъ въ Кіевъ, а остался въ своемъ наслѣдственномъ удѣлѣ или быть можетъ въ Новгородѣ, ожидая удобнаго случая получить стольный Владиміръ. Неосторожность великаго князя Андрея помогла ему въ этомъ дѣлѣ. Женившись на дочери знаменитаго князя Даніила Романовича Галицкаго, онъ за-одно съ тестемъ началъ стремиться къ сверженію татарскаго ига. Объ этомъ стало извѣстно въ Ордѣ и ханъ послалъ на Андрея татарскую рать.

Александръ Ярославичъ тогда (въ 1252 г.) былъ въ Ордѣ, а въ его отсутствіе младшіе братья составили союзъ и едва-ли не захватили Переславль Залѣсскій. По крайней мѣрѣ, Ярославъ тверской отправилъ сюда даже свое семейство и воеводу Жидислава и распо-

---

[1]) Гр. А. С. Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ (Труды I Арх. Съѣзда, стр. 657).

ложился здѣсь, какъ у себя дома. Когда Андрей услыхалъ о движеніи татаръ, шедшихъ къ Владиміру съ большой таинственностью, бѣжалъ оттуда съ семействомъ и приближенными, но былъ настигнутъ вблизи Переславля, разбитъ и едва спасся бѣгствомъ (24-го іюня 1252 г.). Татары бросились къ городу, осадили его и быстро взяли. Во время рѣзни были убиты Жидиславъ и тверская княгиня, дѣти Ярослава Ярославича попали въ плѣнъ. Послѣ этого татары съ добычей и плѣнными удалились отсюда обратно. Между тѣмъ Андрей бѣжалъ въ Швецію, а Александръ Ярославичъ возвратился изъ Орды великимъ княземъ Владимірскимъ. Теперь его дарованіямъ открылось широкое поле дѣятельности. Время было страшное, тяжелое, требовавшее отъ правителей земли русской великой опытности и мудрости, чтобы отвести отъ порабощенной земли тяжесть злополучнаго ига.

Великій князь Александръ какъ нельзя лучше отвѣчалъ этимъ требованіямъ. Признавая всю безполезность возстаній, онъ всѣми мѣрами старался уладить возникавшія недоразумѣнія и доставить покорностью предъ ханомъ льготы русской землѣ. Ѣздилъ поэтому нѣсколько разъ съ богатыми дарами въ Орду и умѣлъ заслужить милость Батыя. Но временами и Александру не по силамъ было предупреждать несчастныя событія Какъ ни уважалъ его народъ, но иногда выходилъ изъ повиновенія и навлекалъ татарскій гнѣвъ. Такъ въ 1262 г. одновременно возникло возстаніе въ Переславлѣ Залѣсскомъ, Ростовѣ, Ярославлѣ, Суздалѣ и Владимірѣ, вызванное татарами-откупщиками дани. Заплативъ впередъ въ ханскую казну большія деньги, откупщики эти старались вознаградить себя съ лихвой и выжимали изъ народа послѣднія средства. Не ограничиваясь этимъ, дѣлами разныя несправедливости и оскорбляли религіозное чувство народа. Народъ возмутился и выгналъ отъ себя откупщиковъ, нѣкоторые были убиты. Само собой, это неминуемо должно было вызвать жестокое возмездіе со стороны татаръ. Ханъ началъ уже собирать войско для этого и только поѣздкою въ Орду великій князь смягчилъ разгнѣваннаго повелителя. То былъ послѣдній подвигъ Александра на благо родной земли. Возвращаясь изъ Орды, онъ скончался 14-го ноября 1263 г., на сорокъ пятомъ году отъ рожденія. Этотъ витязь и народный герой принесъ безцѣнную услугу Руси въ то время, когда отношенія между поработителями и порабощенными только что опредѣлялись. Особенно дорого то, что онъ успѣлъ отстранить болѣе тѣсное сожительство съ татарами и удержать ихъ въ отдаленіи отъ Руси. Память великаго князя Александра окружена поэтическими сказаніями. Церковь причислила его къ лику святыхъ. Первоначально мощи его находились во Владимірѣ, а потомъ (въ 1725 г.) перенесены Петромъ Великимъ въ Петербургъ въ Александро-Невскую Лавру.

V.

Четвертый переславскій князь—Димитрій Александровичъ. Переславль Залѣсскій—столица русской земли. Кончина митр. Кирилла. Взятіе Переславля „на щитъ". Бѣгство великаго князя. Возвращеніе Димитрія Александровича. Св. князь Андрей Смоленскій. Вторичное бѣгство великаго князя. Новое разореніе Переславля. Смерть великаго князя Димитрія. Пятый переславскій князь—Иванъ Димитріевичъ. Конецъ самостоятельнаго существованія Переславскаго княжества.

Четвертый переславскій князь Димитрій Александровичъ родился въ 1250 г. и, когда умеръ его отецъ, ему было всего лишь тринадцать лѣтъ [1]). Первыя лѣтописныя извѣстія застаютъ его въ Новгородѣ въ 1259 году, когда Александръ Невскій съ трудомъ убѣдилъ новгородцевъ принять къ себѣ татарскихъ сановниковъ и заплатить хану дань. Уѣзжая изъ Новгорода, великій князь оставилъ здѣсь малолѣтняго своего сына или, вѣрнѣе говоря, своихъ бояръ при сынѣ для наблюденія за новгородцами. Димитрій оставался здѣсь до кончины отца. Узнавъ о его смерти, новгородцы посадили у себя Ярослава тверского, а сынъ Невскаго долженъ былъ уйти въ свою отчину Переславль Залѣсскій. Новгородскій лѣтописецъ объяснялъ это тѣмъ, что „князь еще малъ бяше". Однако черезъ нѣсколько времени (въ 1268 г.) это не помѣшало новгородцамъ снарядить посольство въ Переславлѣ и просить юнаго князя Переславскаго вступиться за нихъ противъ ливонскихъ нѣмцевъ, идти на которыхъ съ новгородцами обѣщали и другіе князья. Димитрій пошелъ съ своими полками и принималъ участіе въ знаменитой битвѣ подъ Раковоромъ (Везенбергомъ) и на рѣкѣ Кегольмѣ. Лѣтописи отводятъ переславскому князю видное мѣсто въ этомъ походѣ. При слѣдованіи въ Ливонію, отрядъ, въ которомъ находился Димитрій, напалъ на засѣвшую въ пещерѣ чудь. Выгнать ее оттуда было весьма трудно и удалось только тогда, когда пещеру залили водой, проведенною отъ ручья. Отнятая здѣсь добыча была отдана Переславскому князю. Во время

---

[1]) Экземлярскій А. В. считаетъ, что Димитрій Александровичъ былъ переславскимъ княземъ съ 1253 г. (Вел. и удѣл. князья II,6). Но сомнительно, чтобы Александръ Невскій, получивъ великое княжество Владимірское, передалъ Переславскую вотчину тотчасъ же своему двухъ-лѣтнему сыну. Правдоподобнѣе будетъ допустить, что, вслѣдствіе малолѣтства наслѣдника самъ владѣлъ переславскимъ княжествомъ до самой смерти. Переславское княжество примыкало въ этомъ случаѣ къ великому княжеству Владимірскому, какъ личное владѣніе великаго князя, но вмѣстѣ съ тѣмъ становилось неизбѣжнымъ придаткомъ великаго княженія, что впослѣдствіи имѣло особое значеніе для Переславля. Во всякомъ случаѣ фактически владѣтельнымъ княземъ Переславскимъ Димитрій Александровичъ сталъ съ 1263 года, хотя, понятно, самая вотчина была завѣщена ему отцемъ ранѣе этого года.

Раковорской битвы нѣмцы были разбиты на голову. Князь гналъ враговъ до города на протяженіи семи верстъ, „якоже, прибавляетъ лѣтописецъ, не мочи ни коневи ступати трупіемъ", на столько былъ великъ уронъ побѣжденныхъ. Послѣ побѣды онъ три дня стоялъ „на костяхъ", потомъ отправился въ Новгородъ, а оттуда въ свой Переславль Залѣсскій.

Поссорившись (въ 1270 г.) съ Ярославомъ тверскимъ, бывшимъ въ то же время великимъ княземъ Владимірскимъ, новгородцы прислали посольство въ Переславль просить Димитрія Александровича къ себѣ на княженіе. Нѣтъ сомнѣнія, онъ поѣхалъ бы въ богатый Новгородъ, но опасаясь своего сильнаго сосѣда, вынужденъ былъ отклонить эту честь подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ считаетъ невозможнымъ принять престолъ, съ котораго согнами его дядю. Въ то же время обиженный великій князь приглашалъ его вмѣстѣ съ нимъ наказать новгородцевъ. Соединенные полки тверскіе и переславскіе ходили въ новгородскіе предѣлы, но дѣло окончилось миромъ безъ войны.

Черезъ два года послѣ смерти великаго князя Ярослава Ярославича, переславскій князь совершенно иначе разсуждалъ о новгородскомъ столѣ. Не заставляя себя просить объ этомъ, выступилъ противникомъ младшаго дяди Василія Ярославича Костромскаго и отправилъ своихъ пословъ въ Новгородъ. Въ то же время прибыли костромскіе послы, но Димитрій Александровичъ, опираясь на свою партію, взялъ верхъ и былъ избранъ княземъ новгородскимъ. Василій, получивъ великое княженіе, по установившемуся порядку имѣлъ больше правъ на Новгородъ, а главное былъ сильнѣе своего племянника и не думалъ уступать ему въ этомъ дѣлѣ. Узнавъ, что Димитрій поѣхалъ въ Новгородъ, великій князь послалъ своего воеводу схватить его на пути, а самъ хотѣлъ взять Переславль. Но передумалъ и пошелъ къ Торжку. Новгородцы хотѣли было защищаться и Димитрій выводилъ противъ дяди полки, но потомъ рѣшили дѣло миромъ. Димитрій вынужденъ былъ отказаться отъ новгородскаго престола и удалился въ свой Переславль Залѣсскій, а князь Василій Ярославичъ получилъ Новгородъ, которымъ владѣлъ до самой смерти (1276 г.).

Съ кончиною великаго князя остался старшимъ въ родѣ переславскій князь Димитрій Александровичъ. Къ нему переходило теперь право на великое княженіе Владимірское и онъ получилъ его по заведенному порядку отъ хана. Нужно сказать, что къ этому времени г. Владиміръ фактически потерялъ право первенства: князья, получивъ старѣйшинство, избѣгали жить въ этомъ городѣ, переполненномъ татарскими чиновниками, и оставались въ своихъ удѣлахъ. Такъ поступили Ярославъ тверской и Василій костромской, они жили во время великаго княженія у себя—одинъ въ Твери, другой въ Кост-

ромѣ. Происходилъ, такимъ образомъ, историческій процессъ утраты стольнымъ городомъ политическаго значенія, съ другой—исканіе новаго города, который могъ бы быть стольнымъ для русской земли. Два города Тверь и Кострома заявили свои притязанія на это, теперь съ полученіемъ велико-княжескаго достоинства Димитріемъ Александровичемъ выступилъ третій городъ—Переславль Залѣсскій, который во все время этого великаго княженія фактически также былъ стольнымъ городомъ русской земли. Во Владимірѣ великій князь лишь исполнилъ необходимую церемонію посаженія на столъ и возвратился потомъ въ свой Переславль, который въ четвертый разъ примыкалъ теперь къ великому княжеству. Отсюда изъ Переславля Димитрій сталъ управлять дѣлами великаго княженія, а также новгородской области, гдѣ его вскорѣ же признали своимъ княземъ. Это было время наибольшаго разцвѣта политическаго значенія Переславля Залѣсскаго, выше чего онъ не достигалъ никогда.

Ставъ резиденціей великаго князя и сосредоточіемъ гражданскаго управленія русской земли, Переславль привлекалъ теперь къ себѣ не однихъ князей и бояръ, стремились сюда и митрополиты всея Руси, имѣвшіе все еще въ Кіевѣ свою каѳедру, не смотря на его упадокъ. Неудобство разъединенности мѣстопребыванія гражданской и церковной власти говорило о себѣ очень сильно и продолжаться всегда не могло. Рано или поздно пребываніе главы русской церкви должно было перейти съ юга на сѣверъ, гдѣ сосредоточивалась теперь жизнь русской земли. Обычно считается, что этотъ шагъ сдѣлалъ митроп. Максимъ, но подготовка къ этому дѣлалась гораздо раньше. Пересталъ постоянно жить въ Кіевѣ еще его предшественникъ митр. Кириллъ III, который часто и надолго оставлялъ свою каѳедру для пребыванія то при одномъ, то при другомъ великомъ князѣ. Въ 1280 г. митрополитъ пришелъ къ великому князю Димитрію Александровичу въ Переславль Залѣсскій и, повидимому, созвалъ здѣсь церковный соборъ изъ епископовъ сѣверной Руси. Тутъ находились: Климентъ новгородскій, Игнатій ростовскій и Ѳедоръ владимірскій. Вскорѣ престарѣлый владыка заболѣлъ и скончался 6-го декабря. Тѣло его отвезено было потомъ для погребенія въ Кіевъ.[1])

---

[1]) Проф. Е. Е. Голубинскій (Исторія Рус. Цер., т. II, полов. I, стр. 57) считаетъ, что митр. Кириллъ † въ 1281 г.; другіе же историки (напр. Карамзинъ IV, пр. 179; Соловьевъ, IV, 296) относятъ это къ 1280 г. На основаніи событій, имѣвшихъ мѣсто въ Переславлѣ въ 1281 г., повидимому, надо считать правильнѣе 1280 г., т. к. въ декабрѣ 1281 г., когда Е. Е. Голубинскій считаетъ смерть мит. Кирилла, Переславль былъ взятъ на щитъ татарами. Это было 19 декабря, т. е. черезъ 13 дней послѣ предполагаемой смерти митрополита. Тѣло его должно было еще оставаться въ Переславлѣ и лѣтописи упомянули бы объ этомъ, между тѣмъ они говорятъ, что „великій князь и епископы проводиша его честно съ пѣніемъ, и вложиша въ раку, и везша въ Володимеръ, а оттоль попроводиша къ Кіеву". Едва ли наканунѣ бѣгства изъ Переславля великаго князя возможны были такіе проводы.

„Любопытно, замѣчаетъ С. М. Соловьевъ, извѣстіе о кончинѣ Кирилла въ Переславлѣ Залѣсскомъ: здѣсь мы можемъ видѣть необходимый по обстоятельствамъ шагъ со стороны митрополита всея Руси, можемъ видѣть предпочтеніе города, въ которомъ живетъ сильнѣйшій князь, городу главному только по имени“.[1])

Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти митрополита началась размолвка между братьями—великимъ княземъ Димитріемъ Александровичемъ и княземъ городецкимъ Андреемъ Александровичемъ, приведшая къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Виновникомъ этого былъ младшій князь. По совѣту своего боярина Семена Тонинглѣевича онъ задумалъ лишить старшаго брата великаго княженія и выпросить его себѣ у хана. Теперь, когда вопросъ о княженіяхъ рѣшался въ Ордѣ, это было не трудно: нужно было только имѣть побольше денегъ и, умѣючи, раздарить ихъ приближеннымъ хана. Отправившись къ нему, городецкій князь билъ челомъ на старшаго брата и успѣлъ выпросить велико-княжескій ярлыкъ. Зная, что Димитрій Александровичъ добровольно не уступитъ, Андрей распространилъ въ Ордѣ слухъ, что тотъ собираетъ большое войско и не желаетъ слушаться ханскаго приказа. Тогда Андрею дана была татарская рать, придя съ которой къ Мурому, онъ приказалъ удѣльнымъ князьямъ явиться къ нему въ станъ. Пришли сюда: Ѳедоръ Ростиславовичъ ярославскій, Михаилъ Ивановичъ стародубскій и Константинъ Борисовичъ ростовскій. Каждый изъ нихъ привелъ свою дружину и сталъ на сторону новаго великаго князя. Составился такимъ образомъ сильный союзъ, направленный противъ Димитрія Александровича, оказавшагося безсильнымъ бороться съ нимъ. Соединенныя силы пошли къ Переславлю и по пути предавали все огню и мечю, напоминая населенію тяжелыя времена Батыя. Великій князь вмѣстѣ съ женою, дочерьми, боярами и всѣмъ дворомъ вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Но Переславль рѣшилъ обороняться и былъ наказанъ жесточайшимъ образомъ. Татары и союзники подступили къ городу и взяли его „на щитъ“. „Не осталось жителя, по словамъ лѣтописи, который не оплакивалъ бы смерти отца или сына, брата или друга. Сіе несчастіе случилось декабря 19 дня (1281 г.): въ Рождество Христово церкви стояли пусты; вмѣсто священнаго пѣнія раздавался въ городѣ одинъ плачъ и стонъ. Андрей злобный сынъ отца столь великаго и любезнаго Россіи, праздновалъ одинъ съ татарами, и, совершивъ дѣло свое, отпустилъ ихъ съ благодарностью къ хану“.[2])

Между тѣмъ, Димитрій Александровичъ бѣжалъ въ Новгородскую землю и хотѣлъ укрѣпиться въ основанномъ имъ городѣ

---

[1]) С. М. Соловьевъ, IV, 296.

[2]) Н. М. Карамзинъ, IV, 132.

Копорьи. Но новгородцы не приняли его и захватили двухъ его дочерей и нѣкоторыхъ изъ бояръ въ заложники. Хотѣли отпустить ихъ тогда, какъ выступитъ изъ Копорья его дружина. Но дружина оставила крѣпость только послѣ прихода новгородскихъ полковъ. Князь бѣжалъ за море, вѣроятно, въ Скандинавію.[1]) Тамъ онъ набралъ иноземную дружину и воротился съ нею въ свою отчину (въ 1282 г.). Занялся исправленіемъ переславскихъ укрѣпленій и сталъ набирать полки, чтобы идти съ ними на Андрея. Тотъ, видя опасность, поспѣшилъ въ Орду, гдѣ безошибочно можно было разсчитывать на помощь. Тѣмъ временемъ новгородцы, опасаясь мести со стороны Димитрія Александровича, вступили въ союзъ съ его врагами: княземъ Даніиломъ московскимъ и Ярославомъ тверскимъ и пошли ратью къ Переславлю. Димитрій выступилъ противъ нихъ и сталъ въ Дмитровѣ. Не доходя пяти верстъ до города, противники вступили съ нимъ въ переговоры и заключили миръ „на всей своей волѣ", т. е. Димитрій обязался не мстить новгородцамъ и отказался отъ своихъ правъ на нихъ.

Вскорѣ Андрей привелъ изъ Орды татарскую рать, которая по обыкновенію занялась грабежомъ, какъ только вступила въ русскіе предѣлы. Димитрію и на этотъ разъ не оставалось другого исхода какъ только бѣжать, но теперь онъ избралъ другую дорогу. Въ то время Золотая Орда переживала сильныя волненія. Отъ нея отложился и былъ сильнѣе ея хановъ эмиръ Ногай. Сюда въ ногайскія степи къ этому всесильному временщику и направился изъ Переславля князь Димитрій Александровичъ. Благодаря соперничеству, онъ былъ принятъ Ногаемъ съ честью и получилъ отъ него ярлыкъ на великое княженіе (въ 1283 г.) Теперь пришлось покориться Андрею.

Случилось такъ, что вскорѣ онъ лишился своего любимца Семена Тонинглѣевича. Когда послѣдній находился въ Костромѣ, сюда тайно явились двое переславскихъ бояръ Антонъ и Ѳеофанъ и внезапно схватили его. Начали допытываться о прежнихъ и настоящихъ намѣреніяхъ его князя, но ничего не узнали. „Напрасно допрашиваете меня",—говорилъ онъ боярамъ,—„мое дѣло служить вѣрою и правдою своему князю; если же были между нимъ и братомъ его какіе раз-

---

[1]) Въ Никоновской лѣтописи (III, 73) говорится: „Того же лѣта иде князь Димитрій Александровичъ изъ-за морья къ Переславлю, а въ Копорьѣ бяше бояре его и слуги и вся казна его и весь бытъ, и изыде изъ Пскова зять его Ламантъ Псковскій и везя изъ Копорья всю казну тестя своего; а бояръ его и слугъ изведе изъ Копорья, и отослалъ ихъ ко тестю своему и великому князю Димитрію Александровичу. И иедъ взя Ладогу, въ ней бо бы многи люди великаго князя Димитрія Александровича. Онъ же изведъ ихъ, такожде отосла къ тестю своему". Это свидѣтельство стоитъ особо отъ другихъ лѣтописныхъ извѣстій. Копорье было взято и срыто новгородцами до возвращенія великаго князя изъ-за моря, слѣдовательно переславская дружина не могла тамъ быть. Ее могъ укрыть князь Довмонтъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ.

доры, то они сами лучше знаютъ ихъ причины". Тонингліевичъ былъ убитъ. Но Андрей и безъ его совѣтовъ продолжалъ интриговать противъ старшаго брата. Отказавшись поневолѣ въ пользу его отъ Новгорода въ 1284 г., въ слѣдующемъ году онъ привелъ уже на Димитрія какого то ордынскаго царевича, но великій князь выгналъ его, плѣнилъ нѣкоторыхъ бояръ Андрея и заставилъ городецкаго князя смириться и на этотъ разъ.

Въ теченіе дальнѣйшихъ восьми лѣтъ Андрей по крайней мѣрѣ наружно ничего не предпринималъ противъ великаго князя и въ это время Переславль оправился отъ пережитаго несчастія. Эти годы были самымъ лучшимъ временемъ для него: на ряду съ миромъ городъ пользовался первенствующимъ политическимъ значеніемъ на Руси. Во время этого затишья и полнаго благополучія случилось слѣдующее происшествіе. При переславской Никольской церкви, находившейся на посадѣ вблизи южныхъ (Никольскихъ) крѣпостныхъ воротъ, въ 1292 г. умеръ понамарь. Когда священникъ съ нѣкоторыми изъ прихожанъ пришли обмыть тѣло умершаго и похоронить, какъ одного изъ бѣдняковъ, нашли при немъ рукопись, въ которой было написано: „Азъ есть Андрей, единъ отъ смоленскихъ князей; зависти же ради и крамолы отъ братій моихъ, оставихъ княженіе мое и домъ и прочее"...[1]) Въ то же время обнаружили на немъ княжескую цѣпь съ гривной и перстень. Не оставалось сомнѣнія, что умершій былъ никто иной, какъ смоленскій князь Андрей. Изумленію присутствующихъ не было границъ: они знали покойника бѣднымъ странникомъ, который, явившись въ Переславль, сталъ прислуживать въ Никольской церкви, пѣть на клиросѣ и за свою благочестивую жизнь поставленъ былъ потомъ дѣйствительнымъ клирикомъ. Получивъ званіе понамаря, онъ оставался ревностнымъ церковнослужителемъ, а по окончаніи церковныхъ службъ занимался ручнымъ трудомъ, проводилъ время въ молитвѣ, строгомъ молчаніи, довольствовался самымъ необходимымъ въ одеждѣ и пищѣ Для умерщвленія своей плоти носилъ вериги и имѣлъ видъ какъ бы юродиваго. Все это припомнилось присутствовавшимъ, считавшимъ ранѣе покойника бѣднымъ церковникомъ, на котораго мало обращали вниманія.

Теперь же оказалось, что это владѣтельный князь, который добровольно изъ-за „крамолы отъ братій своихъ" оставилъ княженіе, надѣлъ рубище и доживалъ свой вѣкъ въ полной неизвѣстности. Само-собой напрашивалось сравненіе. Такой крамолы, какая происходила въ Переславлѣ между братьями-князьями, нелегко было найти

---

[1]) Въ Оптинскомъ спискѣ рукопис. свитцевъ, а также въ рукописи: „Книга о россійскихъ святыхъ" говорится, что князь Андрей преставился 6808 г., т. е. 1292 г. (Писаревъ С. П., Кого изъ смоленскихъ князей, съ именемъ Андрея, слѣдуетъ разумѣть подъ названіемъ св. Андрей Переславскій и Смоленскій чудотворецъ". Труды Ярослав. Област. Съѣзда М., 1902 г., ст. 45. и 197).

въ другихъ княженіяхъ Между тѣмъ каждый изъ нихъ крѣпко цѣплялся за власть и не желалъ уступать ее одинъ другому. Правда, нужно было имѣть такую силу воли и желаніе жертвовать собой, на что способенъ былъ князь Андрей смоленскій и что было не по силамъ другимъ, но тѣмъ не менѣе подвигъ смоленскаго князя былъ нѣмымъ укоромъ для сыновей Невскаго.

Умершій въ Переславлѣ князь Андрей, какъ полагаютъ, былъ сыномъ крязя Михаила Ростиславича, княжившаго въ Смоленскѣ въ 1278—1280 г.г. Съ его смертью смоленское княжество перешло къ брату его князю Ѳедору Ростиславичу, занимавшему, вслѣдствіе женитьбы на ярославской княжнѣ, ярославское княжество. Чтобы получить утвержденіе хана на Смоленскъ, Ѳедоръ Ростиславичъ поѣхалъ въ Орду, а вмѣсто себя оставилъ своего племянника князя Андрея Михайловича, который, по болѣзненности отца, и раньше управлялъ дѣлами княжества. Въ этомъ положеніи намѣстника онъ подписалъ грамоту 1284 г. отъ смольнянъ къ рижскому епископу и ратманамъ: „Ту былъ на мѣсто на княжи на Ѳедорово Андрей Михайловичъ князь". Такъ какъ Андрей былъ однимъ изъ младшихъ въ родѣ (его старшіе дядья имѣли большое потомство), а распоряжался какъ старшій, то при такихъ обстоятельствахъ очевидно пошли интриги или крамолы, какъ противъ Андрея, такъ и противъ самого Ѳедора Ростиславича. Это настолько повліяло на князя Андрея Михайловича, что въ томъ же 1284 г. онъ ушелъ изъ Смоленска. [1])

Похоронивъ смоленскаго князя, давшаго такой разительный примѣръ самоотверженія. Переславцы вскорѣ стали свидѣтелями вновь возгорѣвшагося междоусобія среди братьевъ-князей. Андрей городецкій понемногу привлекъ на свою сторону князей: ярославскаго, ростовскаго и бѣлоозерскаго, имѣвшихъ разные счеты съ великимъ княземъ,

---

[1]) Относительно личности кн. Андрея существуетъ другое мнѣніе. Преосв. Филаретъ (Русскіе святые кн. III, окт. 27 дня), а за нимъ и другіе авторы (напр. свящ. Сергіевскій—Сказаніе о жизни, подвигахъ и обрѣтеніи мощей св. Андрея, Пересл. чудотв. М. 1890 г.) считаютъ, что это былъ Андрей Ѳедоровичъ Коробья кн. Ѳоминскій (с. Ѳоминское городище въ Зубцовскомъ уѣздѣ при сліяніи р. Вазузы и Осуги). Кн. Ѳоминскіе хотя и ведутъ свое начало отъ кн. смоленскихъ, а именно отъ кн. Давида Ростиславича, но Смоленскомъ они не владѣли и никакого отношенія къ нему не имѣли со времень своего родоначальника: слѣдовательно считать князей Ѳоминскихъ смоленскими нѣтъ никакихъ основаній. Кромѣ того, кн. Андрей Коробья, умершій около 1390 г., былъ женатъ, имѣлъ потомство, но не имѣлъ братьевъ, между тѣмъ въ службѣ св. кн. Андрею восхваляется его дѣвство, т. е. что онъ не былъ женатъ. Такимъ образомъ сближать кн. Андрея Ѳоминскаго съ кн. Андреемъ Смоленскимъ нельзя.

„Въ житіи и терпѣніи св. Андрея" говорится, что онъ подвизался при Никольской церкви около 30 лѣтъ, а здѣсь выходитъ не болѣе 8 лѣтъ (съ 1284 по 1292 г.). Но житіе это составлено черезъ три сотни лѣтъ и нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣкоторыя біографическія подробности были искажены (см. Труды Ярославскаго областного съѣзда, М., 1902 г., стр. 143—150).

и составилъ изъ нихъ партію, которая рѣшила дѣйствовать съ нимъ заодно. Въ 1293 г. Андрей отправился въ Орду. Вмѣстѣ съ нимъ поѣхалъ Ѳедоръ Ростиславичъ, любимецъ Ногая, ставшій его зятемъ со времени смерти первой жены. При помощи ярославско-смоленскаго князя Андрей Александровичъ оклеветалъ старшаго брата передъ Ногаемъ, раньше покровительствовавшемъ Димитрію, и получилъ сильное войско. Татары и русскіе князья двинулись на Русь. Застигнутый врасплохъ, великій князь опять оказался въ одиночествѣ противъ сильнѣйшаго врага и вынужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Направился сначала на Волокъ (Ламскій), уступленный ему новгородцами, отсюда къ къ своему зятю Довмонту псковскому. Казалось бы, не встрѣтивъ никакого сопротивленія, Андрей долженъ былъ бы отказаться отъ татарской помощи, такъ какъ фактически сталъ уже великимъ княземъ съ момента бѣгства старшаго брата изъ Переславля. Впрочемъ, быть можетъ, онъ и желалъ бы отклонить эту услугу, но было уже поздно. Татары на своемъ пути грабили, рѣзали и жгли, безъ разбора, не различая друзей и враговъ, въ Муромѣ, Владимірѣ, Суздалѣ и Юрьевѣ. Когда подошли къ Переславлю, то не застали въ немъ никого. Узнавъ о приближеніи татаръ, всѣ жители съ женами дѣтьми разбѣжались и скрылись въ лѣсахъ. Разоривъ потомъ тверское княжество и часть новгородской области, татары ушли обратно. Побѣдители—великій князь Андрей Александровичъ и Ѳедоръ Ростиславичъ подѣлили между собой область низложеннаго великаго князя. Первый, по праву старѣйшинства, взялъ себѣ Владиміръ и Новгородъ, послѣдній—отчину Димитрія Александровича Переславль Залѣсскій, гдѣ годъ тому назадъ похороненъ былъ миролюбивый племянникъ смоленскаго князя. Сынъ великаго князя Иванъ Димитріевичъ насильственно былъ выведенъ на княженіе въ Кострому.

По уходѣ татаръ Димитрій Александровичъ пытался пробраться въ Переславль, но за нимъ зорко слѣдили. Когда съ своимъ обозомъ онъ проходилъ мимо Торжка, князь Андрей бросился на него при переѣздѣ черезъ одинъ бродъ и, хотя самъ Димитрій успѣлъ спастись и прибѣжать въ Тверь, его казна и имущество попали въ руки непріятелей, ограбившихъ его дочиста. Тогда при посредствѣ тверского князя онъ началъ переговоры о мирѣ и купилъ его дорогою цѣною. Миръ былъ заключенъ только послѣ того, когда Димитрій Александровичъ отказался отъ всякихъ правъ на велико-княжеское достоинство и согласился быть рядовымъ удѣльнымъ княземъ. Но за то онъ выговорилъ себѣ свой любимый Переславль Залѣсскій. Добившись осуществленія своихъ плановъ, Андрей обязался возвратить брату отчину и велѣлъ своему, теперь ненужному, союзнику Ѳедору Ростиславичу передать ему городъ. Взбѣшенный вѣроломствомъ великаго князя, уѣзжая изъ Переславля, князь Ѳедоръ зажегъ его со всѣхъ сторонъ. Во время княженія Димитрія это было третье истреб-

леніе города и пятое со времени нашествія татаръ. Извѣстіе о поступкѣ князя Ѳедора получено было княземъ переславскимъ въ пути недалеко отъ Волока. И безъ того истерзанный душею и тѣломъ князь, узнавъ о томъ, что Переславль оставленъ ему въ видѣ груды развалинъ, заболѣлъ настолько серьезно, что въ предчувствіи смерти принялъ, по обычаю того времени, схиму и вскорѣ въ пути умеръ въ 1294 г. Тѣло его было привезено въ Переславль и положено въ соборной церкви. Такъ печально закончились для князя и города дни наибольшей славы и могущества ихъ.

Теперь Переславль занялъ кн. Иванъ Димитріевичъ, сынъ умершаго Димитрія Александровича. Между дядей—великимъ княземъ и переславскимъ племянникомъ очень скоро обнаружилась взаимная нелюбовь, такъ какъ Андрей Александровичъ стремился завладѣть переславскимъ удѣломъ и выгналъ оттуда племянника, очевидно, занявшаго Переславль безъ согласія великаго князя; а князь Иванъ Димитріевичъ съ другой стороны всегда находился во враждебномъ великому князю лагерѣ и старался удержать за собой отчину при помощи союзовъ съ сосѣдними удѣльными князьями. Онъ примкнулъ къ противникамъ вел. князя къ кн. Даніилу Александровичу московскому и Михаилу Ярославичу тверскому. Въ 1296 г. между великимъ княземъ и тремя князьями противнаго ему лагеря произошло крупное разногласіе, вызвавшее пріѣздъ изъ Орды ханскаго посла, который созвалъ князей на съѣздъ во Владиміръ для рѣшенія спора о княженіяхъ. Обѣ стороны на съѣздѣ такъ сильно горячились, что едва дѣло не окончилось кровопролитіемъ и только вмѣшательство епископовъ предотвратило бѣду. Князя Ивана Димитріевича, повидимому, здѣсь не было, его интересы защищали переславскіе бояре, а самъ князь находился въ Ордѣ, куда долженъ былъ ѣхать, чтобы утвердиться въ правахъ владѣнія. Хотя наружно съѣздъ кончился миромъ, но дѣло нисколько не улучшилось. Вскорѣ же Андрей собралъ войска и, желая воспользоваться отсутствіемъ племянника, двинулъ ихъ на Переславль. Но ему помѣшали союзники князя Ивана. Уѣзжая переславскій князь поручилъ свою отчину князю Михаилу тверскому. Теперь князь тверской и московскій выслали противъ Андрея свои войска. Противники стали пересылаться и помирились безъ битвы. Сверхъ ожиданія Андрей не нарушилъ условія до самой смерти. Въ 1301 году князья опять съѣхались, на этотъ разъ въ Дмитровѣ и рѣчь была все о тѣхъ же княженіяхъ. Тутъ оказался расколъ въ лагерѣ непріязненномъ Андрею: въ общемъ князья рѣшили между собою миромъ, но князья переславскій и тверской изъ-за чего-то разъѣхаались въ распрѣ, Не поладилъ одно время Иванъ Димитріевичъ съ ростовскимъ княземъ Константиномъ, собрали рати, но ихъ помирилъ ростовскій владыка. Въ слѣдующемъ 1302 году переславскій князь опасно заболѣлъ и, не смотря на свои молодые годы

(родился приблизительно въ 1276 г.), не перенесъ болѣзни. Скончался 15-го мая и похороненъ вмѣстѣ съ отцомъ въ переславскомъ Преображенскомъ соборѣ. Характеризуя умершаго, лѣтописецъ говоритъ о немъ: „Бѣ тихъ и кротокъ, и смиренъ, и любовенъ, и милостивъ, и къ божественнымъ церквамъ прилеженъ зѣло, и премного почиташе священническій чинъ и иноческій, и любяше и бесѣдоваше съ ними непрестанно, и къ нищимъ, и къ страннымъ яко отецъ бѣ, и толико бѣ добродѣтеленъ, яко многимъ дивитися о житіи его“ [1]) Съ его смертію прекратилась династія переславскихъ князей: по преданію сынъ его Иванъ Ивановичъ умеръ младенцемъ еще при жизни отца и положенъ въ томъ же Преображенскомъ соборѣ; лѣтопись же прямо говоритъ: „бяше чадъ не имѣя“. Не оставивъ прямыхъ наслѣдниковъ, кн. Иванъ Димитріевичъ „благослови въ свое мѣсто князя Даніила“ московскаго, своего младшаго дядю: „того бо любяше паче всѣхъ“.

Этимъ закончилось самостоятельное существованіе Переславскаго княжества. Просуществовало оно съ 1175 по 1302 г., т. е. сто двадцать шесть лѣтъ. Послѣдовательно одинъ за другимъ удѣльными князьями въ немъ были слѣдующіе изъ потомковъ Мономаха:

1) Всеволодъ Юрьевичъ съ 1175 по 1212 г.

2) Ярославъ Всеволодовичъ 1212 по 1240 г.

3) Александръ Ярославичъ Невскій съ 1240 по 1263 г.

4) Димитрій Александровичъ съ 1263 по 1294 г.

5) Иванъ Димитріевичъ съ 1294 по 1302 г.

VI.

Завѣщаніе переславскаго князя. Борьба Москвы за Переславское княжество. Съѣздъ князей въ Переславлѣ. Борьба съ Тверью. Бояринъ Акинѳъ. Переславскій соборъ по дѣлу митр. Петра. Кн. Димитрій Константиновичъ Суздальскій. Кн. Димитрій Ивановичъ московскій. Пр. Димитрій Прилуцкій. Никольскій монастырь. Митр. Пименъ. Димитрій Ольгердовичъ. Переславскій воевода Андрей Серкизовичъ. Возобновленіе Горицкаго монастыря.

„Область Переславская“, говоритъ Н. М. Карамзинъ, „вмѣстѣ съ Дмитровомъ была по Ростовѣ знаменитѣйшею въ великомъ княженіи, какъ числомъ жителей, бояръ, людей военныхъ, такъ и крѣпостью столичнаго ея города, обведенной глубокимъ, наполненнымъ водою рвомъ, высокимъ валомъ и двойною стѣною подъ защитою

---

[1]) П. С. Р. Л. X, 174.

двѣнадцати башенъ“ [1]). Одно это обстоятельство могло вызвать борьбу между князьями изъ-за обладанія богатымъ наслѣдствомъ. Но она становилась неминуемой, если принять во вниманіе, что Переславль Залѣсскій былъ старшимъ удѣломъ въ племени Ярослава Всеволодовича и княжили здѣсь старшіе сыновья великихъ князей, то слѣдовательно и теперь, съ кончиною Ивана Димитріевича, онъ долженъ былъ перейти къ старшему въ родѣ, въ данномъ случаѣ къ великому князю Андрею Александровичу. Возможно, что при нормальномъ порядкѣ вещей такъ бы оно и было. По старинѣ великій князь долженъ былъ составить изъ родичей общій совѣтъ и сдѣлалъ съ ними рядъ. При справедливомъ рѣшеніи слѣдовало передать княжество сообразно старому порядку. Но теперь стали смотрѣть на удѣлы, какъ на частную собственность и каждый князь считалъ себя въ правѣ распоряжаться по своему. Отчасти поэтому, а главнымъ образомъ по нелюбви къ старшему дядѣ, причинившему столько зла Переславлю и переславскимъ князьямъ, Иванъ Димитріевичъ завѣщалъ свою отчину мимо старшаго дяди Андрея младшему Даніилу московскому.

Нетрудно представить, какое значеніе имѣло это обстоятельство въ то время, когда каждый удѣльный князь стремился округлить свои владѣнія за счетъ другихъ. Незначительное московское княжество, получивъ такое наслѣдство, увеличивалось вдвое. Ясно, что великій князь не могъ допустить этого и стремился воспользоваться своимъ правомъ. Какъ только узналъ о кончинѣ племянника, онъ немедленно прислалъ въ Переславль своихъ намѣстниковъ и присоединилъ его къ великому княжеству. Но это продолжалось самый коротскій срокъ. Даніилъ Александровичъ въ свою очередь спѣшилъ воспользоваться своимъ правомъ и, пользуясь слабостью великаго князя, выгналъ его намѣстниковъ и утвердился въ Переславлѣ, чему, разумѣется, немало способствовали сами жители, раздраженные и недовольные Андреемъ. Съ этого времени (дѣло было все въ томъ же 1302 году). Переславское княжество стало управляться князьями московскими. Но интересно отмѣтить, что завладѣвъ имъ, сами московскіе князья сознавали всю шаткость своихъ правъ на Переславль и держали его только силой или какъ необходимую принадлежность великаго княжества. Своею собственностью рѣшились объявить болѣе чѣмъ черезъ полтораста лѣтъ при Василіи Темномъ. Тѣмъ не менѣе Москва вмѣстѣ съ Переславлемъ составили первое зерно образовавшагося впослѣдствіи Государства Московскаго.

Не имѣя силъ справиться съ младшимъ братомъ, великій князь Андрей осенью того же (1302) года поѣхалъ жаловаться на него въ Орду. Между тѣмъ Даніилъ Александровичъ померъ. Переславцы,

---

[1]) IV, 160.

узнавъ объ этомъ, избрали своимъ княземъ сидѣвшаго у нихъ Юрія Даниловича (1303 г.) и не пустили его ѣхать въ Москву на похороны отца, такъ какъ боялись, что Андрей захватитъ въ его отсутствіе городъ. Наконецъ, возвратился великій князь и привезъ съ собой изъ Орды ханскій ярлыкъ, по которому Переславль долженъ быть отданъ ему во владѣніе. Вмѣстѣ съ княземъ пріѣхали ханскіе послы, въ присутствіи которыхъ составился въ Переславлѣ съѣздъ князей (осенью 1303 г.), подобно происходившему ранѣе во Владимірѣ и Дмитровѣ. Но такъ же, какъ и прежде съѣздъ не достигъ цѣли: Юрій Даниловичъ московскій удержалъ за собою Переславль и, не смотря на ханскій ярлыкъ, не возвратилъ его великому князю.

Въ 1304 году Андрей Александровичъ умеръ и по старшинству слѣдовало быть великимъ княземъ Михаилу Ярославичу тверскому. Но Юрій московскій, не желая уступать ему, отправился въ Орду хлопотать себѣ о великомъ княженіи и началась борьба за первенство Москвы съ Тверью. Не успѣвъ перехватить московскаго князя на пути, тверскіе бояре задумали завладѣть въ его отсутствіе Переславлемъ. Вскорѣ къ городу явились тверскіе полки подъ начальствомъ боярина Акинѳа Гавриловича (Ботрина). Этотъ бояринъ раньше служилъ у Андрея Александровича городецкаго, но по смерти его вмѣстѣ съ другими боярами перешелъ на службу въ Москву. Сюда же послѣ него пришелъ изъ Кіева болѣе знаменитый бояринъ Родіонъ Несторовичъ, предокъ Квашниныхъ, который привелъ съ собою однихъ дѣтей боярскихъ 1700 человѣкъ. Московскій князь далъ ему первое мѣсто между своими боярами. Недавно пріѣхавшій Акинѳъ такъ оскорбился этимъ предпочтеніемъ, что бѣжалъ въ Тверь съ своими сыновьями, второпяхъ оставилъ въ челяднѣ или въ людской избѣ своего внука Михаила, прозваннаго потомъ Челяднею. Теперь Акинѳъ спѣшилъ отомстить московскому князю за свое безчестіе. Три дня онъ держалъ въ осадѣ находившагося здѣсь малолѣтняго князя Ивана Даниловича, на котораго Юрій оставилъ свои владѣнія, и тому приходилось очень плохо. На четвертый день явился изъ Москвы бояринъ Родіонъ Несторовичъ, обошелъ тверичей съ тыла и внезапно ударилъ на нихъ, давъ въ то же время знать находившимся въ осадѣ, чтобы сдѣлали вылазку изъ города. Бились крѣпко и въ результатѣ тверичи понесли полное пораженіе. Родіонъ собственноручно убилъ своего личнаго врага Акинѳа, принесъ его голову князю Ивану Даниловичу, воткнутою на копье и сказалъ: „Вотъ, господине, твоего измѣнника, а моего мѣстника голова“. Дѣти Акинѳа съ остатками рати бѣжали въ Тверь и, повидимому, должны были возвратить Переславскую волость Вьюлку, завоеванную Акинѳомъ (нынѣ с. Рождество въ Юлкѣ на р. Вьюлкѣ Калязинскаго уѣзда, въ части смежной съ Дмитровскимъ и Александровскимъ уѣздами).

Менѣе удаченъ былъ въ своемъ соперничествѣ князь Юрій. Великимъ княземъ возвратился изъ Орды Михаилъ тверской, домогательство же московскаго князя было отвергнуто. Зная неукротимый характеръ своего врага, тверской князь хотѣлъ разгромить его и два раза приступалъ къ самой Москвѣ, но успѣха не имѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по смерти митр. Максима онъ рѣшилъ въ лицѣ главы русской церкви пріобрѣсти себѣ сильнаго помощника въ борьбѣ съ княземъ московскимъ. Съ этою цѣлью для поставленія въ митрополиты послалъ въ Константинополь преданнаго ему игумена Геронтія. Но вмѣсто него былъ поставленъ другой въ митрополиты—Петръ, который былъ встрѣченъ великимъ княземъ недружелюбно Послѣдній сталъ стремиться, чтобы удалить его съ каѳедры и замѣстить своимъ человѣкомъ. Съ этою цѣлью Михаилъ Ярославичъ и тверской епископъ Андрей отправили патріарху жалобу на митрополита, обвиняя его въ какихъ-то тяжкихъ прегрѣшеніяхъ, повидимому, въ симоніи. Константинопольскій патріархъ Аѳанасій прислалъ къ великому князю своего клирика, который созвалъ соборъ въ 1310-мъ году или въ началѣ 1311 г. Мѣстомъ для собора былъ избранъ Переславль Залѣсскій. Сюда собрались не одни только духовные, но и міряне. Изъ епископовъ присутствовали—тверской Андрей и ростовскій Симеонъ, множество игуменовъ, монаховъ и священниковъ. Самъ великій князь былъ въ Ордѣ и вмѣсто него явились на соборъ два его малолѣтнихъ сына Димитрій и Александръ Михайловичи съ боярами. Соборъ былъ очень бурный: „толика молва бысть, яко вмалѣ небезмѣстно что бысть“, т. е. что между свѣтскими сторонниками великаго князя и митрополита дѣло едва не дошло до оружія. Но всѣ усилія тверичей оказались напрасными. Митрополитъ Петръ доказалъ свою правоту и соборъ вынесъ ему оправдательный приговоръ [1]). Уѣзжая изъ Переславля, митрополитъ увезъ съ собой добрую память о городѣ и горожанахъ и въ знакъ этого, по преданію, написалъ одному изъ переславцевъ икону Божьей Матери, сохраняющуюся и теперь въ переславской Варварской церкви. Икона эта передана сюда купцами Серебряковыми и имѣетъ слѣдующую надпись: „Божіею благостію написася сей образъ въ преславущемъ градѣ Москвѣ отъ имени крѣпляющейся рукою Петръ Митрополитъ на благословеніе усердному прошателю въ градъ Переславль затворн... монастыря въ лѣто 6818 (1310) Господня. Благословенъ домъ и мѣсто, юже тя Божія Матерь имать и съ вѣрою пріиметъ“. [2])

---

[1]) Проф. Е. Е. Голубинскій, Исторія Рус. Церк. II т., I пол., стр. 98—116.

[2]) Остается не выясненнымъ, какимъ образомъ оказалась эта надпись на Казанской иконѣ Божіей Матери. Извѣстное подъ именемъ Казанской иконы изображеніе Божіей Матери появилось гораздо позднѣе XIV в.

Планы тверского князя потерпѣли полное крушеніе, а московскій князь пріобрѣлъ сильнаго союзника въ лицѣ митрополита. Случилось, такимъ образомъ, какъ разъ обратное тому, къ чему стремились въ Твери. Въ Москвѣ хорошо были поняты планы тверского князя и оцѣнены по достоинству. Здѣсь дѣйствительно съумѣли воспользоваться церковною властью для своего возвышенія и получили то, что не удалось Твери. Вмѣстѣ съ тѣмъ московскій князь въ своемъ стремленіи къ возвышенію своего родового удѣла никогда не упускалъ изъ вида татаръ и всѣми мѣрами старался задобрить ихъ. Когда Юрій былъ вызванъ въ Орду, гдѣ пробылъ три года, то пріобрѣлъ такое расположеніе хана Узбека, что женился на любимой его сестрѣ Кончакѣ, и разумѣется, признанъ былъ великимъ княземъ. Михаилъ тверской, узнавъ, что Юрій возвратился съ татарскою ратью, поспѣшилъ отказаться отъ велико-княжескаго достоинства, предполагая, что новый великій князь удовлетворится этимъ. Но ошибся. Юрій желалъ полной гибели своего противника и повелъ на него рать. Здѣсь интересно отмѣтить дорогу, по которой онъ велъ ее. Войска поднялись водою до Костромы, отсюда пошли на Ростовъ, Переславль, Дмитровъ, Клинъ и наконецъ къ Твери. Оказывается, что уже въ первой четверти XIV столѣтія (1317 г.) Переславль стоялъ на большой дорогѣ, соединявшей Волгу съ центральными областями. Съ теченіемъ времени это положеніе выяснилось болѣе и имѣло сильное вліяніе на ходъ историческихъ событій, пережитыхъ городомъ, и на дальнѣйшую судьбу его. Битва произошла недалеко отъ Твери и окончилась для Юрія весьма печально: онъ былъ разбитъ, а его молодая жена попала въ плѣнъ и тамъ умерла. Эта побѣда дорого стоила потомъ Михаилу Ярославичу. Онъ былъ вызванъ въ Орду и тамъ казненъ. Юрій сталъ продолжать борьбу съ его дѣтьми. Въ 1321 году собралъ войско и прибылъ въ Переславль, чтобы отсюда итти на Тверь. Князь Димитрій Михайловичъ тверской предупредилъ его, прислалъ въ Переславль тверского епископа Варсонофія, при посредствѣ котораго заключилъ съ Юріемъ миръ, и обязался уплатить московскому князю двѣ тысячи рублей татарскаго выхода, а также обязался не искать великаго княженія. Юрій распустилъ послѣ этого свои войска. Но тверской князь, забывъ условія мира, поѣхалъ въ Орду добывать себѣ велико-княжескій ярлыкъ и, встрѣтивъ тамъ Юрія, въ пылу ненависти убилъ его мечемъ, за что былъ казнёнъ самъ.

Въ Москвѣ сталъ княземъ Иванъ Даниловичъ Калита, а въ Твери—братъ казненнаго Александръ Михайловичъ, получившій вмѣстѣ съ тѣмъ велико-княжеское достоинство. Вскорѣ, однако, лишился его и вынужденъ былъ бѣжать, такъ какъ въ одно время въ Твери вспыхнуло возстаніе противъ татаръ, во время котораго погибъ находившійся тамъ ханскій братъ Шевкалъ съ татарскимъ

отрядомъ. Великимъ княземъ былъ назначенъ московскій князь Иванъ Даниловичъ и ему же было поручено наказать тверичей. Александръ Михайловичъ долго находился въ изгнаніи, успѣлъ было заслужить прощеніе хана, но по навѣтамъ московскаго князя былъ вызванъ въ Орду и погибъ тамъ, какъ отецъ и братъ. Бояре и слуги повезли его тѣло домой и такъ какъ изъ Орды въ то время дорога въ Тверь лежала черезъ Переславль, то „братія кн. Константинъ и Василіи срѣтоша ихъ (бояръ съ тѣломъ князя Михаила) въ Переславлѣ, тоже и Гавріилъ епископъ ростовскій, и Ѳедоръ епископъ тверской, и тамо надгробное пѣніе совершиша и отпустиша во Тверь“ [1]).

Это было въ 1339 году, а въ слѣдующемъ году Калита умеръ. Тогда Москва была уже очень сильнымъ княжествомъ. Умирая, Иванъ Даниловичъ отказалъ старшему сыну Семену 26 городовъ, второму Ивану—23 и Андрею—21. Интересно, что „въ его завѣщаніи, замѣчаетъ Н. М. Карамзинъ, не сказано ни слова о Владимірѣ, Костромѣ, Переславлѣ и др. городахъ, бывшихъ достояніемъ великокняжескаго сана: Іоаннъ, располагая только своею отчиною, не могъ ихъ отказывать сыновьямъ, ибо назначеніе его преемника зависило отъ хана“ [2]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда видно, что, одѣляя сыновей почти въ одинаковой степени, онъ надѣялся, что велико-княжеское достоинство за старшимъ его сыномъ упрочено и перейдетъ къ нему вмѣстѣ съ Владиміромъ, Переславлемъ и другими городами.

Калита не ошибся: его сынъ Семенъ Ивановичъ былъ великимъ княземъ и владѣлъ всѣми этими городами. Во время княженія онъ купилъ въ Переславской области с. Самарово, которое, умирая, отказалъ (въ 1353 г.) своей женѣ великой княгинѣ Маріи Александровнѣ. Семену наслѣдовалъ братъ Иванъ Ивановичъ, также признанный въ Ордѣ великимъ княземъ. Владѣя Переславлемъ, лежавшимъ тогда на ордынской дорогѣ, онъ приказалъ своимъ переславскимъ намѣстникамъ воспрепятствовать тверскому князю Всеволоду Александровичу проѣхать въ Орду: счеты Москвы съ Тверью были далеко еще не закончены. Тверской князь долженъ былъ искать другую дорогу. Въ томъ же 1357 г., когда это случилось, великій князь самъ былъ въ Переславлѣ и видѣлся здѣсь съ суздальскимъ княземъ Константиномъ Васильевичемъ, сынъ котораго Димитрій Константиновичъ черезъ два года послѣ этого (въ 1359 г.), когда великій князь скончался, сталъ великимъ княземъ. Это обстоятельство было весьма опасно для начавшаго усиливаться Московскаго княжества. Ему грозило снова обратиться въ обыкновенный удѣлъ, такъ какъ при Москвѣ остались тѣ только владѣнія, которыя составляли ея собственность, а Переславль и другія велико-княжескія области перешли къ Димит-

---

[1]) Н. М. Карамзинъ, IV, пр. 308.

[2]) Н. М. Карамзинъ, IV, ст. 251.

рію Константиновичу. Три года (1359—1362 г.г.) онъ владѣлъ ими, пока митрополитъ и московскіе бояре не выхлопотали въ Ордѣ ярлыкъ на великое княженіе своему двѣнадцатилѣтнему князю Димитрію Ивановичу. Хотя ханъ призналъ его великимъ княземъ „по отчинѣ и дѣдинѣ", но Димитрій Константиновичъ не хотѣлъ уступать ему своихъ правъ и затворился въ Переславлѣ Залѣсскомъ, считая, видимо, его одною изъ наиболѣе надежныхъ крѣпостей своего княжества. Тогда московскіе бояре, взявъ съ собою трехъ юныхъ князей—Димитрія, Ивана и Владиміра, пошли ратью къ Переславлю. Видя значительное превосходство силъ, бывшій великій князь бѣжалъ, а Димитрій занялъ Переславль, болѣе уже никѣмъ не отторгавшійся отъ Москвы. Отсюда Димитрій Ивановичъ пошелъ къ Владиміру, въ которомъ съ обычными обрядами былъ посаженъ на великокняжескомъ столѣ (1362 г.).

Первые годы княженія Димитрія Ивановича ознаменовались тяжелымъ народнымъ бѣдствіемъ. Появилась моровая язва, причинившая значительныя опустошенія среди населенія великаго княжества. Эта болѣзнь началась съ Нижняго-Новгорода, куда завезена была съ низовьевъ Волги и проявлялась въ томъ, что больной испытывалъ какъ бы ударъ рогатиной подъ лопатку или подъ грудь противъ сердца, потомъ начиналъ харкать кровью, наступалъ затѣмъ сильный жаръ, за жаромъ слѣдовалъ обильный потъ, наконецъ дрожь, послѣ чего наступала смерть. Болѣзнь была настолько заразительна и опасна, что уцѣлѣло не болѣе десятой части жителей, гдѣ она прошла. Изъ Нижняго язва распространилась по рѣкѣ Сурѣ, потомъ на Коломну, въ 1365 году пришла въ Переславль.

Безъ медицинской помощи, предоставленное себѣ населеніе было беззащитно; невидимый врагъ косилъ направо и налѣво, а между тѣмъ кругомъ были видимые враги, противъ которыхъ нужно было находиться всегда на сторожѣ. Въ этихъ видахъ великій князь, когда заканчивалась эпидемія, заложилъ въ Москвѣ кремль (1367 г.), а въ Переславлѣ поставилъ на крѣпостномъ валу новыя стѣны (въ 1369 г.). Послѣдующія событія показали насколько это необходимо. Тверь все еще не считала себя побѣжденной и князья тверскіе продолжали бороться за первенство. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что всесильный Мамай не любилъ великаго князя московскаго, Михаилъ Александровичъ тверской выхлопоталъ у него ярлыкъ на великое княженіе. Мамай предложилъ ему также войско, но Михаилъ отказался, взявъ съ собой лишь ордынскаго посла Сарыхожа. Между тѣмъ Димитрій Ивановичъ по всѣмъ городамъ великаго княжества взялъ присягу съ бояръ и простого народа, чтобы имъ „не даватись великому князю Михаилу Александровичу Тверскому", а самъ сталъ (1371 г.) съ войскомъ на ордынской дорогѣ въ укрѣпленномъ два года назадъ Переславлѣ. Тверской князь тѣмъ временемъ прибылъ

во Владиміръ вмѣстѣ съ посломъ и звалъ туда же прибыть Димитрія Ивановича для выслушанія ханскаго ярлыка. Великій князь московскій отказался наотрѣзъ и, задобривъ подарками Сарыхожа, приглашалъ его пріѣхать къ нему, что вскорѣ тотъ и сдѣлалъ. Михаилъ Александровичъ видя что его притязанія безуспѣшны, отправился къ себѣ въ Тверь. Въ то же время великій князь Димитрій Ивановичъ окончательно привлекъ на свою сторону татарскаго вельможу и по его совѣту поѣхалъ въ Орду. Сарыхожа оказалъ ему здѣсь большую услугу: вездѣ хвалилъ его въ ущербъ тверскому князю и помогъ получить новый ярлыкъ, которымъ уничтожался данный Михаилу Александровичу.

Не успѣвъ здѣсь, тверской князь старался найти себѣ поддержку въ Литвѣ, тогда могущественномъ сосѣднемъ княжествѣ. Тамъ съ подозрѣніемъ смотрѣли на усиленіе Москвы и были рады случаю нанести ударъ врагу. На воминой недѣлѣ 1372 г. Михаилъ Александровичъ подошелъ къ г. Дмитрову, взялъ съ него выкупъ, пожегъ села и деревни, захватилъ много бояръ и простыхъ людей, а къ Переславлю подослалъ тайно 6-го апрѣля литовскую рать, въ которой были: братъ великаго князя литовскаго Кекстутъ съ сыномъ Витовтомъ, Андрей Ольгердовичъ полоцкій и Димитрій друцкій. Нападеніе было настолько неожиданно, что многіе застигнуты были врасплохъ. Въ такое время, когда рѣки находились еще въ половодьи, никто не ожидалъ нападенія непріятелей. Впрочемъ, самое нападеніе имѣло скорѣе видъ набѣга, а не правильныхъ военныхъ дѣйствій. Кейстутъ выжегъ посады и предмѣстье Переславля, но города, защищеннаго новыми стѣнами, взять не могъ и, соединившись съ тверскимъ княземъ, шедшимъ изъ-подъ Дмитрова, удалился къ г. Кашину.

Оправившись отъ этой внезапности, Переславль сталъ свидѣтелемъ событій мирнаго характера. Поздней осенью 1374 г. сюда прибылъ великій князь Димитрій Ивановичъ вмѣстѣ съ своею супругою великою княгиней Евдокіей. Здѣсь у велико-княжеской четы 26 ноября родился сынъ Юрій. На семейное торжество пріѣхалъ тесть великаго князя Димитрій Константиновичъ суздальскій съ женой, братьями и дѣтьми, а также другіе князья и бояре. Въ присутствіи ихъ въ Преображенскомъ соборѣ произошло крещеніе новорожденнаго княжича, при чемъ воспріемникомъ былъ пр. Сергій, игуменъ Троицкаго монастыря, основаннаго имъ въ Радонежскомъ княжествѣ, вблизи переславскаго рубежа. Величайшій подвижникъ и замѣчательнѣйшій человѣкъ своего времени, онъ былъ избранъ великимъ княземъ воспріемникомъ своего сына за святость жизни и благодатныя дарованія. Имя его прославлено было по всей древней Руси, а въ Переславлѣ и его предѣлахъ игумена Сергія хорошо знали лично. Тридцать лѣтъ тому назадъ (въ 1344 г.) онъ поставленъ былъ въ игумены

проживавшимъ здѣсь волынскимъ епископомъ Аѳанасіемъ. „Идемъ во градъ Переславль“, сказалъ однажды Сергій своимъ инокамъ, умолявшимъ его принять санъ игумена, „бѣ бо тогда митрополитъ Алексій во Царѣ-градѣ, въ Переславлѣ же повелѣ быти во свое мѣсто епископу Аѳанасію волынскому... Аѳанасій же постави его въ чернецы и подьяконы, и въ дьяконы; наутріе же соверши его іерейскимъ саномъ въ третій же день св. Сергію со архіереемъ соверши божественную литургію. Сице сподобися священства и игуменства“. Кромѣ того, онъ основалъ въ предѣлахъ Переславскаго княжества Благовѣщенскій монастырь на берегу рѣки Киржача, когда изъ-за распри съ своимъ братомъ Стефаномъ вынужденъ былъ удалиться изъ Троицкаго монастыря. Ученикъ пр. Сергія—Стефанъ положилъ основаніе другой обители въ тѣхъ же предѣлахъ при впаденіи рѣчки Махры въ рѣку Молокшу, это существующій до настоящаго времени Махринскій монастырь.

Вторымъ воспріемникомъ своего сына Юрія великій князь звалъ друга и собесѣдника пр. Сергія, игумена Прилуцкаго монастыря, Димитрія. Но онъ уклонился отъ такой чести и не пожелалъ оставить свои безмолвные вологодскіе лѣса для участія въ этомъ событіи.

Пр. Димитрій по мѣсту происхожденія былъ переславскимъ уроженцемъ. До сихъ поръ въ дер. Веслево, расположенной недалеко отъ Переславскаго озера, указываютъ усадебное мѣсто, принадлежащее нѣкогда его родителямъ. Со временемъ его отецъ занялся торговлей и, нажившъ значительное состояніе, переселился въ Переславль. Предполагая видѣть въ своемъ сынѣ помощника и преемника по торговому дѣлу, онъ обучилъ его грамотѣ и не жалѣлъ для этого средствъ. Но Димитрій съ молодыхъ лѣтъ обнаруживалъ полное отсутствіе склонности къ занятію своего отца и стремился совершенно къ другому. Его плѣняла строгость монастырской жизни, продолжительность церковныхъ службъ и онъ поступилъ „къ Пречистой на Горицѣ“, въ Переславскій Горицкій монастырь, существовавшій уже въ первой половинѣ XIV ст., гдѣ и принялъ постриженіе. Съ теченіемъ времени, подъ вліяніемъ пр. Сергія, въ томъ же Переславлѣ основалъ свой монастырь. Для этого выбралъ болотистое мѣсто за городскимъ валомъ по направленію къ озеру. Основанный имъ Никольскій или Николаевскій монастырь, что на болотѣ, существуетъ до сего времени. [1]) Здѣсь, пользуясь указаніями своего преподобнаго друга, ввелъ общежительный уставъ для иноковъ, возстановленный св. Сергіемъ. Бывъ строгимъ наставникомъ и учителемъ, подавав-

---

[1]) Годъ основанія его точно не извѣстенъ, возможно, что около 1350 г. и не позднѣе 1368 г., когда преподобный Димитрій удалился въ Вологодскій край. Относитъ же время его возникновенія къ 1392 г. (П. Кончаловскій. Отъ Москвы до Архангельска. М. 1897 г., вып. 2, стр. 63; Семеновъ, Россія, I, С.-П.Б. 1899, 272—276) нѣтъ никакихъ основаній.

шимъ постоянный примѣръ исполненія долга и смиренія, онъ скоро прославился своей благочестивой жизнію далеко за предѣлами Переславля. Это смущало преподобнаго, тѣмъ болѣе, что отличаясь поразительной красотой, онъ старался не открывать свое лицо женщинамъ и постоянно носилъ на немъ монашескій куколь. Насколько строго онъ слѣдилъ за тѣмъ, можно судить по тому, что даже Переславскія горожанки не видали его въ лицо. Слыша о его красотѣ, одна изъ мѣстныхъ боярынь захотѣла непремѣнно увидѣть его въ лицо и ей это удалось въ тотъ моментъ, когда онъ готовился къ священнослуженію, но за свое нескромное любопытство была наказана разслабленіемъ и только по молитвѣ преподобнаго, тронутаго ея раскаяніемъ и слезами, получила возстановленіе силъ.

Отличаясь глубочайшимъ смиреніемъ и смущаясь всѣмъ, что говорило объ извѣстности и славѣ, пр. Димитрій оставилъ свой монастырь и ушелъ въ вологодскіе лѣса. Здѣсь сначала избралъ мѣсто своего обитанія на р. Лежѣ, верстахъ въ 20 отъ Вологды, близъ с. Авнеги. Но такъ какъ жителямъ этого селенія показалось, что подъ монастырь могутъ отнять у нихъ землю, и потому они относились къ преподобному съ предубѣжденіемъ, то онъ переселился къ самому городу Вологдѣ и въ 1371 г. основалъ новый монастырь, въ 5 верстахъ отъ нея, при лукѣ или изгибѣ р. Вологды, отчего и монастырь сталъ называться Прилуцкимъ. Узнавъ о возникновеніи новой обители, многіе изъ учениковъ пр. Димитрія перешли изъ Переславля и составили первое въ томъ краю монашеское общежитіе. Великій князь прислалъ сюда свои щедрыя пожертвованія.

Упрочивая существованіе вологодской обители, пр. Димитрій не забывалъ оставленную имъ переславскую. Любопытнымъ памятникомъ этого служатъ творенія праподобнаго Ефрема Сирина, списанныя въ Переславлѣ дьякомъ Алексѣемъ Владычкой и пожертвованныя бывшимъ игуменомъ сюда. При этой книгѣ сохранилась слѣдующая подпись: „Въ лѣто 6885 (1377 г.) написана была книга сія вдохновенная, рекомая Ефремъ, по житіи прежде бывшихъ св. отецъ, по реченіемъ и мудростію, откровеніемъ святыхъ книгъ писаній, а писана быша сія книга святому архіерею отцу Николѣ; а при великомъ и благородномъ князѣ Дмитріѣ Іоанновичѣ всея Россіи и при братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, и при архіепископѣ Алексіѣ митрополитѣ всея Россіи, а стяжаніемъ раба Божія и богомольца Дмитрія Игумена Общежителя, яже о Христе съ братіею, а рукою мало можною и многогрѣшною, и недостойною человѣка раба Божія дьяка Алексѣйки, се же азъ грѣшный неразумный рабъ Божій дьякъ Алексѣйко, нарицаемый Владычка, ослушахся написати сія книги, худъ имѣя разумъ, не имѣя ума добра къ покаянію, яко древа вкуса, и ни.вѣтромъ колеблема“.[1])

---

[1]) Плишкинъ, Описаніе Переславля. М. 1892 г., стр. 50—51 прим.

Не прерывались связи вологодскаго отшельника съ Переславлемъ, благодаря его роднымъ, проживавшимъ здѣсь. Между прочимъ торговое дѣло, начатое отцомъ, продолжалъ братъ преподобнаго Димитрія человѣкъ, видимо, весьма предпріимчивый. Не ограничиваясь мѣстной торговлей, онъ съ своими товарами ходилъ „въ поганскіе человѣки, еже зовутъ Югра и Печера, идѣже живутъ Чудь и Самоядь". Для купца того времени путь не близкій и не безопасный. Преподобный два раза давалъ брату благословеніе, дарившее ему счастье, но не довольствуясь тѣмъ, что разбогатѣлъ на этомъ предпріятіи, пришелъ въ третій разъ въ монастырь брата за благословеніемъ. „Довольно братъ", говорилъ ему преподобный, „можешь прожить и съ тѣмъ, что пріобрѣлъ, не ходи болѣе, не погибнуть бы тебѣ отъ звѣрскихъ людей". Тотъ не послушалъ и предупрежденіе подвижника оправдалось: братъ—купецъ болѣе не возвращался въ Переславль.

Въ Прилуцкой обители пр. Димитрій провелъ около двадцати лѣтъ, достигъ высокаго духовнаго совершенства и скончался 11-го февраля 1392 года за семь съ половиной мѣсяцевъ до кончины своего друга пр. Сергія. Мощи его почиваютъ въ существующемъ до сего времени Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ.[1])

Въ то время, какъ преподобный Димитрій подвизался въ вологодскихъ лѣсахъ, въ Переславскомъ Горицкомъ монастырѣ, гдѣ онъ началъ свое иночество, архимандритомъ былъ Пименъ, которому въ исторіи русской церкви принадлежитъ прискорбная роль. Въ 1379 году онъ, въ числѣ другихъ архимандритовъ и иноковъ, былъ посланъ въ свитѣ арх. Спасскаго монастыря Михаила, называвшагося Митяемъ, котораго великій князь избралъ преемникомъ митрополита Алексія и отправилъ въ Царь-градъ къ патріарху для поставленія въ митрополита. Безгранично любя Митяя, человѣка дѣйствительно выдающагося, великій князь далъ ему многочисленное посольство, значительныя средства на путешествіе и представительство и кромѣ того снабдилъ чистыми хартіями съ своими велико-княжескими подписями, или то же, что по современному, подписанными вексельными бланками, на тотъ случай, если бы отпущенныхъ суммъ не хватило. Дорогою кандидатъ въ митрополиты скончался и многочисленной свитѣ слѣдовало возвратиться назадъ. Но она не только не сдѣлала этого, а по внушенію грековъ согласилась на самовольный поступокъ: безъ разрѣшенія великаго князя выбрала кандидата въ митрополиты изъ своей среды. Выборъ палъ на переславскаго архимандрита Пимена имя котораго вписали на одной изъ чистыхъ хартій съ подписью великаго князя и вручили ее патріарху. Тотъ поставилъ его митрополитомъ Кіевскимъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующая его

---

[1]) Епископъ Филаретъ, Жит. Рус. Свят., февраль, ст. 76—86.

подпись подъ однимъ соборнымъ дѣяніемъ: „Смиреныі митрополитъ Поминъ Кыѣвьс(кій) и Великое Руси“. Разумѣется, такая замѣна одного кандидата другимъ была сдѣлана греками изъ корыстныхъ разсчетовъ. И дѣйствительно, отпущенныхъ великимъ княземъ средствъ не хватило и было кромѣ того занято, благодаря имѣвшимся бланкамъ, у константинопольскихъ банкировъ болѣе 20 тысячъ рублей серебра, что на наши деньги теперь составляетъ болѣе двухъ милліоновъ кредитныхъ рублей. Деньги эти пошли, главнымъ образомъ, на подарки въ патріархіи. Узнавъ, что надѣлали послы въ Константинополѣ, великій князь пришелъ въ страшный гнѣвъ и рѣшилъ не принимать Пимена. Когда послѣдній, возвращаясь изъ Царь-града, прибылъ въ предѣлы великаго княжества Московскаго, то былъ схваченъ и провезенъ мимо Москвы въ Чухлому, а его свита и дружина, и вообще всѣ чины посольства, которые были виновниками его поставленія и расхищенія княжескихъ суммъ, сосланы по разнымъ мѣстамъ и посажены въ желѣза. Но обстоятельства сложились потомъ такъ, что великій князь измѣнилъ свое рѣшеніе относительно митрополита. Дѣло въ томъ, что тогда былъ на Руси еще митрополитъ, поставленный патріархомъ въ митрополиты литовскіе, Кипріанъ. Этого митрополита, какъ не своего ставленника, великій князь также не любилъ. Пустивъ его въ Москву, когда стало извѣстно о поставленіи Пимена, Димитрій Ивановичъ выслалъ его потомъ отсюда вскорѣ послѣ нашествія Тахтамыша, когда митрополитъ малодушно бѣжалъ изъ Москвы. Въ октябрѣ 1382 г. былъ призванъ Пименъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ управлялъ митрополіей (1382—1385 г.г.). Но примиренія великаго князя съ нимъ не послѣдовало. Даже болѣе того, великій князь отправилъ въ Царь-градъ посольство, которое оффиціально засвидѣтельствовало, что Пименъ поставленъ въ митрополиты подложно. Патріарху ничего не оставалось дѣлать, какъ отказаться отъ поддержки Пимена и низложить его. Тогда Пименъ отправился въ Константинополь, чтобы хлопотать о возстановленіи. Туда же былъ вызванъ патріархомъ Кипріанъ. Не ставя великому князю новаго митрополита, патріархъ далъ судъ этимъ двумъ митрополитамъ, чтобы рѣшить, который изъ нихъ имѣетъ право на Московскую каѳедру. Видя, что дѣло принимаетъ плохой оборотъ, Пименъ и посолъ великаго князя Симоновскій архимандритъ Ѳедоръ, сначала ревностный обвинитель Пимена, а потомъ его единомышленникъ, бѣжали изъ Константинополя въ Малую Азію къ туркамъ, чтобы при содѣйствіи ихъ выиграть свое дѣло. Но планъ не удался: турки не помогли, а патріархъ съ соборомъ заочно низложили Пимена и митрополитомъ всея Руси провозгласили Кипріана (въ концѣ 1387 г. или началѣ 1388 г.). Кипріанъ не спѣшилъ ѣхать въ Москву, а въ іюлѣ 1388 г. явился сюда Пименъ и сталъ управлять митрополіей попрежнему. Весною слѣдующаго года онъ снова предпринялъ путешествіе въ Константинополь, гдѣ между

тѣмъ приговоръ собора по его дѣлу былъ подтвержденъ новымъ соборомъ. Переплывъ Черное море, Пименъ остановился въ одномъ турецкомъ городѣ на Босфорѣ, а потомъ перебрался въ Халкидонъ (нынѣшнее Скутари), чтобы отсюда завязать сношенія съ Константинополемъ; но въ разгаръ своихъ хлопотъ 11-го сентября 1389 года отдалъ Богу свою грѣшную душу.[1])

Между тѣмъ въ Переславлѣ за это десятилѣтіе произошелъ цѣлый рядъ событій. Прежде всего, въ тотъ же 1379 г., когда Пименъ отправился въ Царь-градъ, Переславль отданъ былъ во владѣніе литовскому выходцу князю Димитрію Ольгердовичу, родоначальнику князей Трубецкихъ[2]). Произошло это такимъ образомъ. Перешелъ въ Москву на службу князь Андрей Ольгердовичъ полоцкій, участвовавшій восемь лѣтъ тому назадъ въ набѣгѣ на Переславль Залѣсскій, и велико-княжескимъ воеводою ходилъ къ Стародубу и Трубчевску, принадлежавшимъ тогда Литвѣ. Въ послѣднемъ княжилъ родной братъ его Димитрій Ольгердовичъ, который при появленіи московскаго войска подъ городомъ, добровольно сдался вмѣстѣ съ семействомъ и всѣми боярами и перешелъ на сторону противниковъ Литвы. Въ благодарность за это великій князь отдалъ ему Переславль Залѣсскій „съ судомъ и пошлиною“, т. е. съ правомъ рѣшать дѣла тяжебныя и пользоваться доходами. Но, видимо, князь Димитрій Ольгердовичъ весьма недолго владѣлъ Переславлемъ, такъ какъ въ слѣдующемъ 1380 году, ознаменовавшемся нашествіемъ Мамая, предводительствовалъ вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ полоцкой и брянской дружиною, а переславскую дружину велъ переславскій воевода Андрей Серкизъ (Серкизовичъ).

Настало время, когда московское княжество окрѣпло на столько, что стало стремиться къ сверженію татарскаго ига. Великій князь Димитрій Ивановичъ пересталъ высылать въ Орду дань, явно пренебрегалъ ханскими ярлыками и неоднократно побивалъ татаръ. Въ то же время Золотая Орда приходила въ упадокъ: тамъ происходили дворцовыя козни и междоусобія среди множества наслѣдниковъ, которыхъ ставили ханами и низвергалъ временщикъ—темникъ Мамай, провозгласившій себя потомъ ханомъ. Опасаясь усилившагося могущества московскаго князя, онъ рѣшилъ наказать его самымъ жестокимъ образомъ и съ этою цѣлью собралъ огромныя военныя силы, вступивъ въ то же время въ союзъ съ противниками великаго князя. Когда объ этомъ узнали въ Москвѣ, то рѣшили дать достойный отпоръ врагу и напасть на него, не дожидаясь вторженія въ русскіе предѣлы. Изъ преданныхъ русскому дѣлу князей былъ образованъ

---

[1]) Профес. Е. Голубинскій. Исторія Русской церкви, т. 2. половина I-ая. М. 1900 г., стр. 244—260.

[2]) Лѣтопись Истор.-Родослов. О-ва, 1910 г., вып. IV, стр. 63—65.

союзъ и въ Коломну, назначенную сборнымъ пунктомъ для дружинъ, собралось громадное ополченіе. Здѣсь произведенъ былъ смотръ и распредѣленіе войска по полкамъ. Главный или большой полкъ великій князь оставилъ подъ своимъ начальствомъ. Кромѣ собственной московской рати здѣсь находились: коломенская подъ начальствомъ тысяцкаго Николая Вельяминова, владимірская съ Романомъ Прозоровскимъ, юрьевская съ бояриномъ Тимофеемъ Валуевымъ, костромская съ Иваномъ Квашней и переславская съ воеводою Андреемъ Серкизовичемъ. Полкъ правой руки великій князь поручилъ своему двоюродному брату князю Владиміру Андреевичу Серпуховскому, полкъ лѣвой руки князю Глѣбу Брянскому и, наконецъ, передовой—Димитрію и Владиміру Всеволодовичамъ. Сюда же пришли Андрей и Димитрій Ольгердовичи, какъ говорятъ одни извѣстія, а по другимъ они присоединились позднѣе во время похода. Въ такомъ порядкѣ войска выступили въ походъ и пошли по направленію къ Дону. Здѣсь при впаденіи въ него р. Непрядвы встрѣтились съ татарскими полчищами. Передъ битвой войска были перестроены въ новый порядокъ, при чемъ переславская дружина съ воеводою Андремъ Серкизовичемъ была поставлена въ сторожевой полкъ, а бывшій переславскій князь Димитрій Ольгердовичъ—въ передовой полкъ. 8-го сентября 1380 г. произошла одна изъ величайшихъ битвъ, какія знаетъ средневѣковая исторія. Въ концѣ концовъ татары не выдержали и бѣжали, оставивъ на полѣ битвы убитыми и ранеными большинство своихъ воиновъ. Дорого стоила и русскимъ эта побѣда: погибло множество князей, воеводъ, не говоря уже о простыхъ воинахъ. Погибъ здѣсь и переславскій воевода Андрей Серкизовичъ съ двадцатью переславскими боярами. Имя его на ряду съ другими доблестными участниками битвы перешло въ исторію, прославлено лѣтописями и многочисленными народными сказаніями.

Но какъ ни велико было значеніе Куликовской битвы, она не освободила Русь отъ татаръ. Орда все еще была достаточно сильна и не замедлила отомстить за понесенное поряженіе. На второй годъ послѣ Куликовской битвы сталъ угрожать Москвѣ новый ханъ Тахтамышъ, побѣдившій Мамая. Застигнутый врасплохъ великій князь московскій долженъ былъ бѣжать; сначала отправился одинъ онъ, а за нимъ великая княгиня съ дѣтьми, изъ которыхъ младшему Андрею не было двухъ недѣль. Рѣшили искать убѣжища въ Костромѣ; дорога въ нее лежала тогда черезъ Переславль. Когда великая княгиня находилась уже здѣсь и, очевидно, должна была по нездоровью остановиться на нѣсколько дней, одинъ изъ татарскихъ отрядовъ подошелъ къ Переславлю и долго преслѣдовалъ ее. Но все же ей удалось избѣгнуть несчастья: она благополучно добралась къ своему семейству. Татары нашли Переславль покинутымъ жителями, такъ какъ послѣдніе сѣли въ лодки и на плоты, выѣхали на средину озера и

находились тамъ все время, пока враги грабили и жгли городъ, оставленный на произволъ судьбы (1382 г.).

Есть преданіе, что впослѣдствіи великая княгиня Евдокія въ память своего избавленія построила въ Переславлѣ церковь Рождества Іоанна Крестителя (теперь Знаменская, что при корабляхъ), долгое время принадлежавшую къ Горицкому монастырю, возстановленному (въ 1392 г.) послѣ татарскаго опустошенія тою же великою княгинею. По завѣщанію своего мужа она получила во владѣніе въ Переславскихъ предѣлахъ волость Юлку, находящуюся теперь въ Калязинскомъ уѣздѣ, и село Доброе, мѣсто нахожденія котораго теперь не извѣстно.

VII.

Переславль Залѣсскій во владѣніи литовскихъ выходцевъ. Нашествіе Эдигея. Моровая язва. Введенскій монастырь и церковь Петра Митрополита въ Переславлѣ. Завѣщаніе Василія I-го. Переславская соль. Борьба Василія Темнаго съ дядей и двоюродными братьями. Роль въ ней Переславля. Завѣщаніе Василія Темнаго. Переславскіе бортники и бобровники. Переславль—при Иванѣ Васильевичѣ III.

Въ княженіе преемника Донскаго великаго князя Василія Димитріевича Переславль нѣсколько разъ поступалъ во владѣніе знатныхъ выходцевъ, пріѣзжавшихъ на службу къ великому князю Московскому. Послѣ того какъ умеръ тверской князь Михаилъ, послѣдній опасный соперникъ московскаго князя, между его дѣтьми пошли нелады. Былъ изгнанъ изъ удѣла и бѣжалъ въ Москву кашинскій князь Василій Михайловичъ. Здѣсь дали ему убѣжище и поселили въ Переславлѣ, который поступилъ ему въ кормленіе. Но когда явился изъ Литвы болѣе важный бѣглецъ, князь Александръ Ивановичъ Нелюбъ, то великій князь отдалъ Переславль ему въ 1406 году. Возможно, что это обстоятельство заставило бывшаго кашинскаго князя вступить въ переговоры съ старшимъ братомъ Иваномъ тверскимъ, который возвратилъ ему Кашинъ [1]). Нелюбъ также недолго пробылъ въ Переславлѣ. Изъ той же Литвы черезъ два года пріѣхалъ (26 іюня 1408 г.) служить великому князю родной братъ великаго князя литовскаго Ягайла князь Свидригайло Ольгердовичъ, пользовавшійся привязанностью православнаго населенія Литвы. Свидригайло пріѣхалъ со всѣмъ своимъ дворомъ и множествомъ знати. Его сопровождалъ брянскій владыка Исаакій и шестеро южно-русскихъ

---

[1]) С. М. Соловьевъ, IV, 25.

князей: Патрикѣй и Александръ звенигородскіе, Ѳедоръ путивльскій, Семенъ перемышльскій, Михаилъ хотѣтовскій и Урустай менскій. Съ князьями прибыло множество бояръ: черниговскихъ, брянскихъ, стародубскихъ, любутскихъ и рославльскихъ. Естественно, что великій князь не зналъ, чѣмъ изъявить свое радушіе такому знатному бѣглецу. Принявъ его со всѣми подобающими почестями, онъ назначилъ ему во владѣніе цѣлый рядъ городовъ: Владиміръ со всѣми волостями и пошлинами, съ селами и хлѣбомъ, на тѣхъ же правахъ Переславль Залѣсскій, Юрьевъ Польскій, Волокъ-Ламскій, Ржеву и половину Коломны [1]). И литовскій выходецъ и великій князь возлагали одинъ на другого большія надежды. Въ то время шла война съ Литвой и Свидригайло разчитывалъ при помощи московскаго князя занять въ Литвѣ велико-княжескій столъ, а великій князь московскій думалъ заключить при его помощи выгодный миръ съ Литвою. Послѣднее отчасти оправдалось: миръ былъ заключенъ, но имъ остался недоволенъ Свидригайло, такъ какъ его ожиданія не сбылись. Поэтому онъ охладѣлъ къ великому князю и не оказалъ ему никакой помощи, когда она была особенно цѣнна. Дѣло въ томъ, что совершенно неожиданно явилась опасность со стороны татаръ. Въ распадавшейся Золотой Ордѣ давно смотрѣли ревнимъ взглядомъ на возраставшее могущество московскаго княжества и ждали случая наказать непокорнаго данника. Въ то время всѣми дѣлами управлялъ въ Ордѣ эмиръ Эдигей, хитрый и умный старикъ. Долго онъ терпѣлъ презрительное отношеніе московскаго князя и наконецъ рѣшился напомнить ему о себѣ. Не смѣя явно напасть и встрѣтиться въ чистомъ полѣ, онъ собралъ громадное войско и, успокоивая князя, что это противъ Литвы, съ необыкновенной быстротой двинулъ его на Москву. Великій князь вѣрилъ до послѣдняго момента и когда, застигнутый врасплохъ, наконецъ убѣдился въ чемъ дѣло, было уже поздно. Войска собирать было некогда и пришлось бѣжать въ Кострому обычною дорогою черезъ Переславль Залѣсскій. Между тѣмъ Эдигей въ концѣ ноября 1408 года явился подъ стѣнами Москвы и сталъ держать столицу въ осадѣ, а остальные отряды послалъ отсюда на грабежъ по разнымъ областямъ. Одинъ изъ такихъ татарскихъ отрядовъ 4 декабря взялъ и сожегъ Переславль. Много народа погибло тогда отъ татаръ, много также—отъ жестокаго холода и вьюгъ. Это было послѣднее разореніе Переславля татарами; со сто-

---

[1]) Н. М. Карамзинъ полагаетъ, что эти города поступили Свидригайлу „въ удѣлъ“ (V, 109). С. М. Соловьевъ считаетъ, что „въ кормленіе“ (IV, 40). „Можно, однако, думать, говоритъ профес. Сергѣевичъ (Рус. Юридич. Древн. 2, С.П.-Б. 1900 г., стран. 305), что Свидригойлу дана не только доходная должность, но села съ хлѣбомъ, т. е. ему пожалована земля. И то, и другое дано, конечно, условно, пока Свидригайло будетъ служить великому князю“.

роны ихъ онъ больше никогда не подвергался нападенію, а Свидригайло тѣмъ временемъ бѣжалъ обратно въ Литву и по дорогѣ ограбилъ даже нѣкоторыя принадлежавшія великому князю владѣнія.

Вслѣдъ за этой бѣдой вскорѣ пришла (въ 1409 г.) въ Переславль другая. Появился моръ, опустошившій немало и другихъ городовъ. „Первое разболится человѣкъ, говоритъ лѣтописецъ, и руцѣ и нозѣ прикорчить, и шею скривить, и зубы скрегчеть, и кости хрустять, и составы въ немъ троскотаху; кричить, вопить; у инихъ же и мысль измѣнится, и умъ отымется; иные одинъ день поболѣвше умираху, а иные полтора дни, а иные два дни; а иныхъ Богъ миловаше: поболѣвше три дня или четыре и паки здоровы бываху“. Въ 1420 году былъ тоже моръ, занесенный съ юго-запада.

Въ это время становятся извѣстными новыя церкви и монастыри въ Переславлѣ. До начала XV-го вѣка здѣсь въ разное время возникли Никитскій, Борисоглѣбскій, Горицкій и Никольскій монастыри, а также церкви—Никольская на посадѣ съ южной стороны города и Предтеченская на посадѣ же съ западной стороны. Теперь появился пятый монастырь Введенскій, построенный на самомъ берегу Переславскаго озера при устьѣ рѣки Трубежа въ концѣ Рыбной Слободы.[1]) Кѣмъ и когда именно онъ основанъ, свѣдѣній не сохранилось. Не имѣется также точныхъ данныхъ, когда построена въ самомъ кремлѣ города церковь въ честь св. Петра митрополита, по дѣлу котораго въ Переславлѣ созывался особый соборъ въ концѣ 1310 или началѣ 1311 года. Но въ грамотѣ 1420 г. митр. Фотія она упоминается, какъ существующая, на содержаніе ея было дано село Славитино Переславскаго уѣзда съ деревнями, съ которыхъ шелъ оброкъ въ пользу этой церкви. Построена она была на княжескомъ дворѣ, находившемся тогда вблизи Спасо-Преображенскаго собора, и первоначально, надо думать, была деревянною. Но въ XVI вѣкѣ на мѣстѣ ея возникла каменная, сохранившаяся до нашего времени, хотя въ очень искаженномъ видѣ. Первоначальная архитектура ея весьма оригинальна. Самая церковь была поставлена какъ бы на особомъ пьедесталѣ, съ трехъ сторонъ котораго (кромѣ алтарной) была галлерея, составлявшая притворъ или паперть храма. Надъ галлереей возвышались стѣны самаго храма, увѣнчаннаго шатровымъ, съ постепенно суживающимся верхомъ, увѣнчаннымъ главою. Верхъ этотъ восьмигранный, утвержденъ прямо на сводахъ безъ столбовъ. Подъ церковью, въ общемъ имѣющею небольшіе размѣры, внутри постамента, была устроена палатка, въ которой—по мѣстному преданію—была тюрьма, но несомнѣнно, что до самаго конца XVIII вѣка здѣсь хранилась казна „изъ давнихъ лѣтъ“,

---

[1]) Митр. Макарій, Исторія Русской церкви, IV, 197.

или иначе говоря, было казначейство. Колокольня или звонница была деревянная даже и при каменной церкви до XIX ст.

Умирая, великій князь отказалъ своему преемнику Василію II-му въ Переславской области село Весьское съ Родивоновскимъ (теперь сельцо Веськи и д. Родіонцево Глѣбской волости, Переславскаго уѣзда), составлявшія раньше владѣнія знаменитаго боярина Ѳедора Свибла; великой княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ—первоначально волость Кинелу (часть Александровскаго уѣзда, прилегающая къ Сергіевскому посаду Московской губерніи), потомъ Юлку и Доброе. Около того же времени становятся извѣстными и другія села Переславскаго уѣзда. „Се азъ князь великій ВасиліїВасильевичъ", написано въ одной дарственной грамотѣ Троице-Сергіева монастыря, „пожаловалъ есми игумена Никона (1425—1429 г.г.) съ братіею или по немъ кто будетъ иной игуменъ, што у нихъ села въ Переславскомъ уѣздѣ въ Верхдубеньѣ Зубачевское да Семеновское [1]) и што имъ далъ Иванъ Дмитріевичъ двѣ варницы, да што ихъ двѣ варницы старые, да што дали имъ Ивановы дѣти Ѳодоровича деревеньку съ лѣсомъ на Хопанѣ горѣ".[2]) Самое интересное здѣсь—упоминаніе о соляныхъ варницахъ, у которыхъ потомъ образовалось существующее и теперь с. Усолье. Видимо, варницы возникли очень давно около Переславскаго озера и имѣли промышленное значеніе. Въ то время въ немногихъ пунктахъ добывалась соль: въ Старой Руссѣ, Соловкахъ и Балахнѣ. Дѣлалось это слѣдующимъ образомъ: копали колодецъ, получали растворъ, который наливали на большую желѣзную сковороду или въ котелъ и посредствомъ кипяченія выпаривали соль. Выварка соли въ Переславлѣ продолжалась значительное время. Послѣдній разъ упоминается объ этомъ въ грамотѣ царя Михаила Ѳедоровича (1623 г.), пожаловавшаго одну варницу московскому Симонову монастырю.[3]) Но должно быть къ концу XVII столѣтія выработка соли здѣсь прекратилась. Это не значитъ, что самая соль совершенно истощилась. Залежи ея остаются и теперь, но стало совершенно невыгодно добывать такимъ способомъ соль: явились тогда другіе болѣе дешевые и выгодные пункты соляныхъ промысловъ. Отъ самыхъ соляныхъ варницъ не осталось теперь никакихъ слѣдовъ и бывшее мѣстонахожденіе ихъ опредѣляется по смутнымъ воспоминаніямъ мѣстнаго населенія.

Безспорно, кромѣ солеваренія во времена великаго князя Василія Васильевича существовали и другія занятія и промыслы въ Пере-

---

[1]) Верхнедубенскій станъ—мѣстность въ верхнемъ теченіи р. Дубны, находящаяся теперь въ Александровскомъ уѣздѣ: д. Зубачево и Семеновское существуютъ и теперь.

[2]) Лѣтоп. занятій арх. комис., вып. VII, стр. 154. „Деревенька съ лѣсомъ на Хопанѣ горѣ" теперь село Купань или Хупань Переславскаго уѣзда.

[3]) Акт. Истор., III, стр. 182.

славскомъ уѣздѣ: — рыболовство, звѣроловство, пчеловодство. Но историческіе документы постепенно начинаютъ говорить объ этомъ позднѣе, о чемъ будетъ указано въ своемъ мѣстѣ, а теперь обратимся къ изложенію политическихъ событій переславской хроники въ княженіе Василія II.

При внукѣ Донского наступили въ Москвѣ небывалыя смуты. Старшій дядя Василія князь Юрій Дмитріевичъ галицкій не захотѣлъ признать его великимъ княземъ и началась борьба, продолжавшаяся почти все княженіе Василія II-го. Съ той и другой стороны было проявлено столько жестокости и вѣроломства, настойчивости въ достиженіи своихъ цѣлей безъ разбора средствъ; самыя событія происходили и чередовались въ такой неожиданности, что жизнь великаго князя, преисполненная разныхъ происшествій, представляется жуткой и захватывающей драмой. Временами эта драма касалась Переславля и отдѣльные эпизоды ея происходили здѣсь. Происходили здѣсь по тому, что Переславль, какъ это указывалось и ранѣе, стоялъ на большой дорогѣ съ сѣвера. Это положеніе сказалось въ первые же моменты борьбы. Обострилась она послѣ свадьбы великаго князя Василія Васильевича, на которой былъ оскорбленъ сынъ Юрія, князь Василій Косой. Съ него, по приказанію великой княгини Софьи Витовтовны, былъ снятъ во время свадебнаго пира драгоцѣнный поясъ, принадлежавшій нѣкогда Донскому. Вступившись за бѣжавшихъ со свадьбы сыновей, князь Юрій быстро собралъ въ Галичѣ (Костромскомъ) полки и выступилъ съ ними на Москву, идя обычною дорогою черезъ Переславль. Въ Москвѣ продолжали пировать, не чуя опасности, и узнали лишь тогда, какъ онъ съ большимъ войскомъ „приде въ Переславъ и учини пакость велику“, т. е. по просту говоря, занялъ и ограбилъ городъ (въ апрѣлѣ 1433 г.), бывшій мѣстомъ его рожденія. Василій Васильевичъ бѣжалъ, такъ какъ подъ рукою не было достаточно силъ, а великимъ княземъ объявилъ себя Юрій, занявъ московскій столъ. Вскорѣ Василій II снова завладѣлъ Москвою. Въ дальнѣйшіе годы борьба велась съ сыновьями Юрія—княземъ Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой; первый былъ ослѣпленъ въ это время. Вмѣстѣ съ тѣмъ великому князю приходилось бороться съ литвой и татарами. Одно время (1445 г.) татары нанесли близъ Суздаля серьезное пораженіе московскому князю и даже захватили его въ плѣнъ. Къ счастію удалось скоро освободиться оттуда, но, конечно, за хорошій выкупъ. Когда онъ возвращался изъ плѣна, то шелъ въ Москву черезъ Муромъ, Владиміръ, отсюда въ Переславль, гдѣ ему устроена была торжественная встрѣча. Сюда пріѣхали его мать, жена съ дѣтьми, множество князей, бояръ, дѣтей боярскихъ и ратныхъ людей. Встрѣча произошла 26-го октября 1445 года, послѣ чего великій князь отправился къ Троицѣ, и потомъ въ Москву, Въ слѣдую-

щемъ году онъ поѣхалъ съ небольшой свитой въ Троицкій монастырь на богомолье и здѣсь былъ схваченъ сторонниками Шемяки, который въ отмѣстку за ослѣпленіе Косого приказалъ ослѣпить великаго князя Василія, получившаго съ тѣхъ поръ прозваніе Темнаго. По ослѣпленіи онъ былъ сосланъ въ Угличъ, а его дѣти—князья Иванъ и Юрій, спасенные князьями Ряполовскими, сначала были скрыты въ Муромѣ, но потомъ вѣроломно взяты оттуда Шемякой. Послѣдній старался во что бы то ни стало захватить ихъ и съ этою цѣлью послалъ къ Ряполовскимъ рязанскаго епископа Іону, увѣривъ послѣдняго, что кромѣ добра онъ ничего не сдѣлаетъ дѣтямъ своего обезсиленнаго врага. Владыка уговорилъ Ряполовскихъ отпустить съ нимъ княжичей къ Шемякѣ, принялъ ихъ съ пелены отъ Пречистой на свою епитрахиль и повезъ въ Москву. Шемяка встрѣтилъ ихъ (6 мая 1446 г.) въ Переславлѣ, принялъ замѣчательно ласково, угощалъ, дарилъ, а потомъ неожиданно на третій день отправилъ ихъ къ отцу въ Угличъ въ заточеніе съ обманутымъ имъ епископомъ Іоною. Вскорѣ Василій, главнымъ образомъ по настоянію Іоны, тогда уже митрополита, получилъ въ удѣлъ Вологду. Ставъ свободнымъ, князь поднялъ возстаніе и немедленно пошелъ съ своими сторонниками на Шемяку. Тотъ, не ожидая этого, бѣжалъ въ Каргополь и захватилъ съ собою престарѣлую великую княгиню Софью Витовтовну. Темный пошелъ за нимъ и изъ Ярославля послалъ сказать Шемякѣ: „какая тебѣ честь или хвала держать въ плѣну мою мать и свою тетку: неужели ты этимъ хочешь мнѣ отомстить. Я уже на своемъ столѣ на великомъ княженіи“. Шемяка согласился отпустить и отправилъ ее съ своими боярами и дѣтьми боярскими. Великій князь поѣхалъ къ ней навстрѣчу въ Троицкій монастырь, а оттуда въ Переславль (въ 1447 г.). Послѣ этого борьба возобновлялась не разъ и побѣдителемъ въ ней остался великій князь. Послѣднія десять лѣтъ привелось ему прожить болѣе спокойно и передать безпрепятственно великое княжество своему старшему сыну Ивану.

Интересны духовныя грамоты Василія II—одна 1455 г., другая 1462 года. Обычно князья сначала дѣлали въ нихъ распоряженіе о своихъ московскихъ волостяхъ, а потомъ уже благословляли старшаго сына великимъ княжествомъ. Но Василій Темный начинаетъ обратно этому: „сына своего старѣйшаго Ивана“, писалъ онъ, „благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ, и даю ему треть въ Москвѣ и съ путми съ моими съ жеребьи... Володимиромъ... Переславлемъ... Кострома и т. д.“. Прошло время, когда московскіе князья, считаясь съ ханской волей, не смѣли признавать Переславль своею собственностью. Но тѣмъ не менѣе потребовалось больше полтораста лѣтъ, прежде чѣмъ это могло случиться и произошло, можно сказать, наканунѣ окончательнаго сверженія татарскаго ига. Въ томъ же завѣщаніи отказано въ Переславской области второму сыну Юрію воло-

сти: Юлка съ юлотскими бортниками, Серебожъ, Бускутово, Рождественское; [1]) великой княгинѣ Маріи Ярославнѣ – село Рюменское, Маринина Слобода, с. Доброе; [2]) „да что есть, писалъ въ большой своей грамотѣ княгинѣ своей, Маринину Слободку, а о двухъ станѣхъ: объ Оргемьевскомъ селѣ [3]) съ деревнями, да о бортницѣхъ и о бобровникѣхъ съ числяки не описано, и язъ и тѣ два стану даю княгинѣ своей къ Марининѣ Слободѣ. Да даю своей княгинѣ въ Переславлѣ Городище съ деревнями съ Волнинскими, да Бармазово съ деревнями“.[4])

Важно отмѣтить здѣсь упоминаніе о бортникахъ и бобровникахъ, т. е. лѣсныхъ дачахъ, гдѣ водились пчелы и бобры. Богатое лѣсами хвойными и лиственными Переславское княжество изобиловало тогда пчелами и звѣрями, что способствовало существованію бортнаго и ловчаго промысловъ. Бортный состоялъ въ добываніи по лѣсамъ меда дикихъ пчелъ, который они клали въ дуплахъ деревьевъ. Бортные лѣса или земли замѣняли нынѣшніе пчельники и пасѣки. Приставленные къ княжескимъ бортникамъ люди берегли старыя и толстыя деревья, въ которыхъ были дупла, выдалбливали сами новыя борти, вынимали медъ и воскъ и отправляли его къ княжескому двору. Въ первой половинѣ XVI вѣка бортный промыселъ здѣсь настолько былъ значителенъ, что существовалъ особый великокняжескій „сытникъ“, на обязанности котораго, очевидно, лежало управленіе бортнымъ дѣломъ и „сыченіе“ или приготовленіе медовъ, которые такъ любили встарину.

Бобровые гоны, давно исчезнувшіе не только въ Европейской Россіи, но и въ значительной части Сибири, существовали встарину въ Залѣсьи, богатомъ и другимъ звѣремъ. Названія разныхъ селеній сохранили въ себѣ указаніе на это; такъ въ Переславскомъ уѣздѣ и теперь есть деревни: Соболево, Лисавы, с. Кабанское, въ Александровскомъ уѣздѣ д. Кунилово, пустошь Бобровская и т. д. Обиліе пушнаго звѣря манило населеніе къ охотѣ и давало ему заработокъ. Въ то же время для черныхъ (княжескихъ) селъ и деревень охота составляла обязанность, которую они должны были исполнять на князя. Этой отрослью княжескаго хозяйства завѣдывалъ ловчій.

---

[1]) Бускутово теперь не существуетъ, находилось недалеко отъ Якиманскаго погоста Александр. уѣз.; Серебожъ – Никольскій погостъ Александровскаго уѣзда; Рождествино—село тоже Александровскаго уѣзда.

[2]) С. Рюминское и д. Маринина—теперь Александровскаго уѣзда.

[3]) Нынѣ сельцо Артемьево Александровскаго уѣзда.

[4]) Городище—село близъ Переславля Залѣсскаго; Волнинскія деревни—нынѣ погостъ Воскресенскій, что въ Волнинѣ; Бармазово—теперь не существуетъ.

Въ томъ же завѣщаніи великаго князя Василія Темнаго упоминаются: Суровцово, Тимофеевское и Микульское въ Кинельской волости [1]) Переславской области, отказанныя имъ своему сыну Борису. Въ это же приблизительно время становятся извѣстными: находившіяся въ Кинелѣ-с. Глинково, Слатино, Дерюзино [2]) (послѣднее какъ монастырь); въ Слободской волости—Великая слобода, или Старая Александрова слобода, близъ которой образовалась Новая Александрова слобода [3]); „у Соли въ пути“ пустоши: Глухово, Измалково, Свѣчино [4]); с. Покровъ на р. Богонѣ (упоминаемое какъ монастырь) [5]) и др.

При преемникѣ Василія II великомъ князѣ Иванѣ Васильевичѣ III, Переславль былъ свидѣтелемъ иныхъ событій, чѣмъ при его отцѣ. О междоусобицахъ, которыми полно было предшествовавшее время, теперь не было и рѣчи. Великій князь спокойно и твердо велъ свое дѣло. То, о чемъ едва смѣлъ встарину мечтать Андрей Боголюбскій, стало дѣйствительностью: великій князь достигъ единовластія и самодержавія, старинное боярство уходило на задній планъ, отдѣльныя княжества прекращали свое существованіе, города съ вѣчевымъ устройствомъ и правомъ теряли ихъ безвозвратно, великое княжество становилось государствомъ. Иванъ III завершилъ дѣло своихъ предшественниковъ, собралъ къ Москвѣ значительныя владѣнія, окончательно свергъ татарское иго и сталъ по праву именовать себя „государемъ всея Руси“.

Новый порядокъ создавался не всегда мирными путями и далеко не всѣ подчинялись ему добровольно. Это порождало не мало обломковъ прежняго строя и жертвъ новаго порядка на Руси. Время отъ времени эти обломки попадали въ Переславль Залѣсскій. Такъ въ сентябрѣ 1475 года пала Тверь, старинная соперница Москвы. Послѣдній тверской князь Михаилъ Борисовичъ, покинутый боярами, бѣжалъ въ Литву, а его мать захвачена была великимъ княземъ, который старался допытаться отъ нея, гдѣ казна ея сына. Старая княгиня отвѣчала ему, что сынъ увезъ съ собой въ Литву, но ея служанки донесли потомъ князю Ивану Васильевичу, что казна при ней и она собирается отослать ее Михаилу въ Литву. И дѣйствительно нашли

---

[1]) Суровцово—деревня, Никульское—село, Тимофеевское—урочище Грачиха Александровскаго уѣзда.

[2]) Села Александровскаго уѣзда.

[3]) Первое—теперь село Старая Слобода, второе—городъ Александровъ.

[4]) Первое не существуетъ; Измайлово и Свѣчино -деревни Кошинской волости, Пересл. уѣз.

[5]) Александр. уѣз.

у нея много дорогихъ вещей, золота, серебра. За это она была заточена въ Переславль [1]).

Черезъ два года (1477 г.) былъ присоединенъ къ Москвѣ Новгородъ Великій, чему предшествовалъ походъ великаго князя съ большимъ войскомъ. Въ этомъ походѣ переславцы находились въ отборномъ велико-княжескомъ полку и охраняли государя все время до возвращенія въ Москву. Не стало въ Новгородѣ ни вѣча, ни посадника, но жива была, конечно, память о быломъ. И въ одно время намѣстникъ великаго князя въ Новгородѣ едва не былъ убитъ взбунтовавшимися новгородцами (въ 1488 или 1489 г.г.). Начался розыскъ, въ результатѣ чего многіе были казнены, другіе высланы отсюда. Намѣстникъ выселилъ изъ новгородскихъ предѣловъ до семи тысячъ именитыхъ людей и купцовъ, которыхъ разослали по московскимъ городамъ въ томъ числѣ и въ Переславль.

Въ 1491 году оказались сосланными сюда родные племянники великаго князя. Нужно сказать, что, стремясь къ завѣтной цѣли усиленія государства, онъ не щадилъ никого, если въ комъ-либо видѣлъ опасность для этого, и родство тутъ не могло спасти. Придравшись къ тому обстоятельству, что его родной братъ Андрей Васильевичъ угличкій не выслалъ войско въ княжеское ополченіе, онъ вызвалъ брата въ Москву. Нужно оговориться при этомъ, что и одному московскому войску, посланному противъ крымскихъ татаръ, нечего было дѣлать, такъ какъ татары, провѣдавъ о походѣ противъ нихъ, ускакали обратно. Тѣмъ не менѣе князю Андрею объявили, что лишается свободы и заточили его въ Москву. Тогда же послали въ Угличь и взяли подъ стражу его сыновей: Ивана и Димитрія; привезли ихъ въ Переславль и посадили въ темницу. Со временемъ перевели отсюда въ Бѣлоозеро и потомъ Вологду, гдѣ и окончили они свои дни, не получивъ помилованія. Старшій сынъ князь Иванъ Андреевичъ провелъ въ суровыхъ тюрьмахъ того времени 32 года и все это время былъ поддержкой для своего брата Димитрія. Замѣчательно благочестивый и кроткій, онъ не принималъ монашества только по тому, что не хотѣлъ оставлять одного своего брата. Наконецъ, сильно разболѣвшись и чувствуя близость кончины, постригся съ именемъ Игнатія. Скончался 19 мая 1523 года уже въ княженіе своего двоюроднаго брата великаго князя Василія Ивановича и погребенъ въ Спасо-Прилуцкомъ монастырѣ, основанномъ переславскимъ уроженцемъ пр. Димитріемъ. Князь Иванъ Андреевичъ причтенъ церковью къ лику святыхъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ князь Димитрій Андреевичъ и погребенъ въ томъ же монастырѣ [2]).

---

[1]) С. М. Соловьевъ V, стр. 61.

[2]) Преосв. Филаретъ, Жит. рус. Свят., май, стр. 119—123.

Великій князь, избирая Переславль мѣстомъ ссылки, имѣлъ, очевидно, въ виду его крѣпкія стѣны. Послѣднія въ годъ освобожденія отъ татарскаго ига (1480 г.) были усилены добавочнымъ гарнизономъ. Но не одной только крѣпостью славился въ то время Переславль и не былъ только мѣстомъ заточенія. Здѣсь Иванъ Васильевичъ принималъ польскаго посла и сюда же пріѣзжалъ на богомолье.

Первое событіе было еще въ 1468 г. Тогда великій князь находился во Владимірѣ и намѣревался вести оттуда войска противъ казанцевъ. Узнавъ о прибытіи въ свое княжество посла—Якова „писаря“ (государственнаго секретаря) польскаго короля, отложилъ походъ и поѣхалъ въ Переславль Залѣсскій, куда велѣлъ быть и послу. Принялъ его въ княжескомъ дворцѣ въ торжественной аудіенціи и затѣмъ отпустилъ обратно съ отвѣтомъ.

Второе событіе произошло не задолго до кончины великаго князя. Расположенные въ окрестностяхъ Переславля монастыри извѣстны были благочестивою жизнью иноковъ и чудесами почивавшихъ здѣсь чудотворцевъ и привлекали сюда множество паломниковъ изъ всѣхъ слоевъ древне-русскаго общества. Лишившись своей супруги (въ 1503 г.), великій князь разболѣлся и сильно хворалъ. Когда поправился, то вмѣстѣ съ своими сыновьями отправился по обителямъ и храмамъ (1504 г.) Переславля, Ростова и Ярославля. Во время своего пребыванія въ Переславлѣ великій князь Иванъ Васильевичъ былъ въ Никольской церкви, гдѣ почивали подъ спудомъ мощи св. благ. князя Андрея, взялъ на благословеніе своего дома хранившіеся здѣсь: золотую цѣпь, гривну и перстень смоленскаго князя, а за это велѣлъ выдавать церкви ежегодную ругу или жалованье. Монастырямъ сдѣлалъ вклады, между прочимъ, Горицкому монастырю далъ сельцо Дряслево и Чернецкое—Княжеское [1])

Въ 1505 году Иванъ III-й умеръ. Переславль завѣщалъ своему старшему сыну Василію съ приданными къ Дмитрову волостями. „Да сыну жъ своему Василью, писалъ онъ въ духовной, даю городъ Переславль съ волостьми и съ путьми и зъ селы, и со всѣми пошлинами и зъ солью; да что были къ Дмитрову приданы волости переаславльскіе Серебожъ, Рожественное и Бускутово, и язъ тѣ волости даю къ Переславлю со всѣмъ по старинѣ сыну своему Василью“. Второму сыну Юрію была отказана великимъ княземъ волость Юлка съ бортнымъ станомъ. Около этого же времени становятся извѣстными слѣдующія селенія Переславскаго уѣзда: Никитское и Лосево, принадлежавшія брату великаго князя Андрею Васильевичу можайскому [2]); с.с.: Романовское, Насакино, Петрищево, Угримово, сельцо

---

[1]) С. Чернецкое Александровскаго уѣзда, с. Дряслева теперь нѣтъ.

[2]) Никитское теперь деревня Петровской волости, Лосево не существуетъ.

Вишка и Климовское, завѣщанныя княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣевымъ своему второму сыну князю Ивану [1]).

VIII.

Пр. Даніилъ—переславскій чудотворецъ. Дѣтство его. Постриженіе. Поступленіе въ Горицкій монастырь. Скудельницы. Построеніе церкви и монастыря на Божедомьи. Задачи монастыря. Построеніе каменныхъ храмовъ. Послѣдній годъ жизни пр. Даніила. Переславль Залѣсскій во времена пр. Даніила.

Предшествовавшій велико-княжескій „богомольный походъ“ къ переславскимъ святынямъ послужилъ началомъ для послѣдующихъ путешествій великихъ князей и царей на богомолье въ Переславль. Въ правленіе преемника Ивана III-го великаго князя Василія III-го Ивановича такихъ посѣщеній Переславля Залѣсскаго было нѣсколько, чему много способствовало появленіе здѣсь новаго подвижника—пр. Даніила, котораго великій князь глубоко чтилъ и искалъ его общества.

Даніилъ въ мірѣ Димитрій, родился въ Переславлѣ около 1460 г. Родители его были переселенцы изъ г. Мценска, откуда выѣхали вмѣстѣ съ воеводою Григоріемъ Протасьевымъ, перешедшимъ на службу въ Москву. Съ ранней юности Даніилъ отличался особенно благочестивымъ настроеніемъ и склонностью къ подвигамъ. Услышавъ однажды при чтеніи житія пр. Симеона Столпника, что тотъ носилъ на тѣлѣ туго затянутую волосяную веревку для усмиренія плоти, онъ захотѣлъ подражать ему и съ этой цѣлью сталъ искать такую веревку. На берегу рѣки Трубежа, куда проходили по р. Нерли, тогда еще судоходной, разные купцы, онъ увидѣлъ „великую лодію“ съ товарами тверскихъ купцовъ, привязанную къ берегу волосяной веревкой. Найдя, что нужно, отрѣзалъ себѣ конецъ этой веревки, обвилъ ею свой станъ и такъ крѣпко, что веревка со временемъ стала въѣдаться въ тѣло. Терпѣливо перенося страданія днемъ, онъ выдалъ себя безпокойнымъ сномъ и стонами ночью. Когда узнали объ этомъ родители, то не смотря на его просьбы и сопротивленіе, поспѣшили освободить отъ веревки, но не могли измѣнить создавшейся у него настроенности. Отрокъ, выучившись грамотѣ, поступилъ въ Никитскій монастырь, гдѣ игуменомъ былъ родственникъ

---

[1]) Село Насакино, с-ко Климово, хут. Угриново—Елизаровской волости; с. Романово, с Петрищево—Смоленской. Вишка теперь пустошь, принадлежащая церкви села Елизарова.

его Іона, у котораго онъ воспитывался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Живя здѣсь, онъ окончательно свыкся съ мыслью принять иночество и рѣшилъ привести свое намѣреніе въ исполненіе. Тайно покинулъ Переславль и на восемнадцатомъ году жизни удалился въ Пафнутьевъ Боровскій монастырь, гдѣ вскорѣ принялъ постриженіе. Здѣсь прожилъ болѣе десяти лѣтъ и, обойдя еще нѣсколько монастырей того времени, возвратился къ себѣ на родину (въ 1491 г.) опытнымъ инокомъ. Сперва поступилъ въ Никитскій монастырь, въ которомъ провелъ свое отрочество, а потомъ перешелъ въ Успенскій Горицкій, находившійся на южномъ берегу Переславскаго озера. Принявъ санъ священника, онъ прожилъ въ этомъ монастырѣ долгіе годы (до 1525 г.), прославился благочестивою жизнію и особымъ подвигомъ на служеніе ближнему.

Нужно сказать, что въ древней Руси, при тогдашней грубости нравовъ и младенческомъ положеніи полиціи, личная безопасность почти отсутствовала. Весьма часто поэтому на дорогахъ и даже въ самыхъ поселеніяхъ (городахъ и селахъ) находили убитыхъ, относительно которыхъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ не было возможности открыть ни причины, ни виновниковъ убійствъ, ни даже иногда именъ убитыхъ. Для погребенія такихъ тѣлъ, а также замерзшихъ, утопленниковъ, самоубійцъ, бѣдняковъ, умершихъ во время эпидеміи и пр., существовали по городамъ братскія могилы—большія ямы, называвшіяся скудельницами. Надъ скудельницею иногда ставили „клѣть“ или сараи. Обычно въ продолженіи года складывали въ незасыпанную яму тѣла, а одинъ разъ въ году, въ семикъ (четвергъ передъ Троицынымъ днемъ) надъ похороненными совершали отпѣваніе, яму засыпали и въ тотъ же день выкапывали новую. На этотъ печальный обрядъ „проводить скудельницы“ сходились всѣ горожане и „Бога ради“ совершали свое дѣло.

Такія скудельницы были и въ Переславлѣ Залѣсскомъ, на юго-восточномъ краю города, въ полуторыхъ верстахъ отъ кремля, въ мѣстности Божедомье или Божій домъ. Мѣстность эта, представляющая собою небольшую возвышенность, въ концѣ XV или началѣ XVI вѣковъ была пустыремъ, поросшимъ можжевельникомъ. Между кустами находились скудельницы, въ которыхъ погребались насильственно умершіе на Переславскихъ дорогахъ и улицахъ. И такихъ покойниковъ здѣсь было очень много: помимо разныхъ стихійныхъ бѣдствій, являвшихся причиною смерти многихъ путниковъ, въ то время въ окрестностяхъ Переславля, а также на Московской и Калязинской дорогѣ свирѣпствовалъ съ большой шайкой разбойникъ атаманъ Симонъ Вороновъ, который мало щадилъ жизнь, попадавшихъ въ его руки путниковъ. Обиліе мертвыхъ тѣлъ, особенно находившихся вдали отъ поселеній, затрудняло перенесеніе ихъ къ переслав-

ской скудельницѣ и многіе изъ нихъ оставались на растерзаніе звѣрей и птицъ, а также на гніеніе, не удостоиваясь погребенія. Это обстоятельство особенно болѣзненно угнетало инока Даніила, благочестивому сердцу котораго казалось верхомъ несчастія—быть застигнутымъ внезапною смертью и не быть похороненнымъ по-христіанскому обряду. И онъ принялъ на себя подвигъ подбирать убитыхъ и умершихъ на дорогахъ, въ лѣсахъ, поляхъ. Для этого просилъ другихъ сообщать ему и даже платилъ, чтобы его извѣщали о такихъ покойникахъ. Нарочно выходилъ изъ монастыря преимущественно ночью и на своихъ рукахъ переносилъ несчастно-погибшаго на Божедомье, отпѣвалъ его и полагалъ въ скудельницу. Смотря изъ своей Горицкой кельи на это мѣсто, находившееся не болѣе какъ въ верстѣ отъ монастыря, гдѣ „отъ многихъ лѣтъ многи скудельницы полны человѣческихъ мощей иззасыпаны“, онъ часто думалъ: „сколько, быть можетъ, истинныхъ и вѣрныхъ рабовъ Божіихъ лежитъ тутъ, а мы грѣшные пренебрегаемъ ими, не удостоиваемъ ихъ погребеніемъ при церквахъ, не поминаемъ ихъ за божественной литургіей“. Тогда у инока Даніила зародилось горячее желаніе построить надъ этими скудельницами церковь, чтобы приносить молитвы поминовенія по схороненнымъ здѣсь и поминать ихъ по обрядамъ церкви. Эту завѣтную мысль долго лелѣялъ онъ въ сердцѣ своемъ и, наконецъ, она осуществилась.

Осуществленію ея помогло одно обстоятельство, благодаря которому инокъ Даніилъ получилъ больше того, чѣмъ даже ожидалъ. Два брата—бояре Иванъ и Василій Андреевичи Челяднины, потомки знаменитаго боярина Акинѳа, погибшаго подъ Переславлемъ при Иванѣ Калитѣ, подверглись опалѣ великаго князя Василія Ивановича и проживали недалеко отъ Переславля въ с. Первятинѣ [1]) Зная благочестивую жизнь Даніила, они просили его помолиться за нихъ и навѣстить ихъ въ вотчинѣ. И то и другое преподобный исполнилъ. Когда онъ находился въ Первятинѣ, сюда прибылъ гонецъ отъ великаго князя съ грамотой, что опала съ нихъ снята и они снова могутъ явиться въ Москву. Братья несказанно были обрадованы такимъ оборотомъ дѣла и не знали чѣмъ отблагодарить Даніила, молитвамъ котораго они отнесли перемѣну своей судьбы. Отклонивъ отъ себя всякую благодарность, преподобный открылъ потомъ Челяднинымъ, что давно томитъ его душу: свою мысль о постройки церкви надъ переславскими скудельницами. Бояре отнеслись къ этому съ полнымъ сочувствіемъ и обѣщали хлопотать предъ великимъ княземъ и митрополитомъ о разрѣшеніи. Когда Челяднины заняли при дворѣ вели-

---

[1]) Ростовскаго уѣзда, въ 34 вер. отъ г. Переславля Залѣсскаго.

каго князя снова высокое положеніе,[1]) Даніилъ навѣстилъ ихъ въ Москвѣ и черезъ нихъ сталъ лично извѣстенъ великому князю. Князь и митрополитъ изъявили свое одобреніе на устройство храма надъ переславскими скудельницами, а Василій Ивановичъ, кромѣ того, далъ ему грамоту на Божедомье, находившееся раньше во владѣніи сына боярскаго Григорія Ивановича Изъединова. Возвратившись въ Переславль, пр. Даніилъ ревностно принялся за приведеніе въ исполненіе своего желанія; потекли пожертвованія крупныя и неожиданныя и началась постройка церкви въ честь Всѣхъ Святыхъ. Придя однажды на р. Трубожъ, „идѣже многыя плоты бревенныя продаяху", для покупки лѣса на храмъ, онъ увидѣлъ купца Ѳедора, родомъ новгородца, переведеннаго при Иванѣ III „со многими прочими людьми изъ Великаго Новгорода въ Переславль"; этотъ Ѳедоръ предложилъ ему пожертвовать лѣсу, выпросивъ позволеніе построить при церкви келью. 15-го іюля 1508 года происходило освященіе новой церкви, что въ то же время было и началомъ новаго монастыря, такъ какъ вмѣстѣ съ новгородцемъ Ѳеодоромъ пожелали здѣсь поселиться и другія лица. Вскорѣ построена была еще деревянная церковь въ честь Похвалы Пресвятой Богородицы, отчего самый монастырь первое время назывался „Пречистенскимъ, что на Божью Дому".

Основавъ свою обитель, Даніилъ продолжалъ оставаться въ Горицкомъ монастырѣ, но ежедневно приходилъ сюда, посѣщалъ иноковъ, поучалъ ихъ, помогалъ имъ своими трудами, однимъ словомъ, былъ въ то же время настоящимъ руководителемъ созданнаго имъ дѣла. Между тѣмъ, матеріальное положеніе монастыря на первыхъ порахъ было весьма тяжелое, что доставляло его основателю немало горя и заботъ. Но скоро эти времена миновали и монастырь сталъ получать необходимыя средства отъ различныхъ почитателей преподобнаго, изъ которыхъ главное мѣсто занялъ самъ великій князь Василій Ивановичъ. Обитель стала умножаться. Сюда въ число братіи вступилъ, между прочимъ, іеромонахъ Кириллова монастыря Тихонъ, переславскій уроженецъ, бывшій ранѣе священникомъ при Владимірской церкви г. Переславля, а впослѣдствіи епископомъ коломенскимъ (посвященъ 28 февраля 1520 г.). Потомъ пришелъ Герасимъ, получившій со временемъ названіе Болдинскаго отъ имени основаннаго имъ (около 1530 г.) Троицкаго Болдинскаго монастыря близъ г. Дорогобужа. Герасимъ также былъ переславскимъ уроженцемъ. До поступленія въ Даниловъ монастырь обошелъ много иныхъ

---

[1]) Интересна судьба старшаго брата Ивана Андреевича, боярина конюшаго и воеводы. Въ 1510 г. онъ велъ переговоры въ Псковѣ объ уничтоженіи прежнихъ вольностей, служилъ тамъ вторымъ воеводою. Предводительствовалъ войсками противъ крымцевъ въ 1512 году. Въ слѣдующіе два года участвовалъ въ приступахъ и взятіи Смоленска. Въ битвѣ подъ Оршей былъ взятъ въ плѣнъ, заключенъ въ Вильнѣ, гдѣ томился много лѣтъ и погребенъ тамъ, какъ невольникъ.

монастырей и, ставши ученикомъ преподобнаго, принялъ отъ него постриженіе. Впослѣдствіи онъ основалъ кромѣ Болдинскаго монастыря: Предтеченскій въ Вязьмѣ и въ Брынскомъ лѣсу на р. Жиздрѣ—Введенскій. Подъ его руководствомъ воспитались строгіе подвижники благочестія—бл. Аркадій, скончавшійся въ затворѣ, и бл. Антоній епископъ вологодскій, почитаемый мѣстно за святого и чудотворца. Пр. Герасимъ преставился 1-го мая 1554 г. 65-ти лѣтъ отъ рожденія. Послѣ него остался „Законъ"—это извѣстіе объ основанныхъ имъ монастыряхъ.

Помимо обычныхъ монашескихъ подвиговъ—молитвы и поста преподобный Даніилъ требовалъ отъ своихъ учениковъ служенія своимъ ближнимъ, находившимся за стѣнами монастыря. Не теряя изъ вида свою главную цѣль основанія на Божедомьи храмовъ Божіихъ, онъ вскорѣ по возникновеніи монастыря разыскалъ прежнія засыпанныя скудельницы, каковыхъ было очень много, поставилъ надъ ними высокіе кресты, а надъ незасыпанной—клѣть и установилъ пѣть соборныя панихиды и совершать божественную литургію. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжалъ попрежнему разыскивать и приносить для погребенія въ скудельницу внезапно-умершихъ на дорогахъ. Обычай погребать странныхъ и убогихъ настолько прочно укоренился въ монастырѣ, что совершался болѣе ста лѣтъ „по преданію преподобнаго" послѣ его кончины.

Не были забыты преподобнымъ и другія стороны отношеній къ своимъ ближнимъ. Случился, въ годъ переселенія Даніила въ свою обитель, голодъ въ переславскихъ предѣлахъ; запасы обители, кормившей 70 человѣкъ братіи и „мірянъ довольно", приходили къ концу, а тѣмъ временемъ пришла бѣдная вдова съ дѣтьми, которымъ грозила голодная смерть. Преподобный выдалъ ей мѣшокъ муки и велѣлъ келарю раздавать „нещадно" всѣмъ голодающимъ и хлѣба достало на все неурожайное время.

Къ этой задачѣ—кормить голодающихъ присоединилась новая. Однажды святой вмѣстѣ съ иноками шелъ около ограды монастыря и увидѣлъ троихъ увѣчныхъ, брошенныхъ безъ призора. Тогда обратился къ одному изъ братіи съ призывомъ взять ихъ въ свою келью и ухаживать за ними. Когда узнали объ этомъ въ Переславлѣ и его окрестностяхъ, то стали тайно подбрасывать къ воротамъ монастыря больныхъ въ надеждѣ, что они будутъ взяты и вылѣчены. Дѣйствительно, никто не получалъ отказа, преподобный съ любовью ухаживалъ за ними; многіе по выздоровленіи уходили изъ монастыря къ къ себѣ обратно, другіе же, проникшись чувствомъ благодарности, оставались сами въ монастырѣ.

Такимъ образомъ въ новомъ переславскомъ монастырѣ, въ то время какъ не существовало почти никакой правительственной или

общественной помощи, дѣлалось доброе дѣло во имя заповѣдей Христа: кормили голодающихъ и лѣчили больныхъ. То была первая больница въ Переславлѣ и первая организація продовольственной помощи.

Великій князь скоро оцѣнилъ преп. Даніила и при своихъ пріѣздахъ въ Переславль всегда посѣщалъ его: первый разъ въ сентябрѣ 1510 г. и потомъ черезъ шесть лѣтъ. Оба раза бесѣдовалъ съ преп. Даніиломъ и одарялъ обитель его существенными пожертвованіями, которыя упрочивали дальнѣйшее существованіе монастыря. Такое же расположеніе преподобный пріобрѣлъ у брата великаго князя углицкаго кн. Димитрія Ивановича, который также снабжалъ новый монастырь дарами. Во время третьяго посѣщенія (въ 1525 г.) великій князь отнесся къ преподобному еще съ большимъ расположеніемъ. Присутствуя на вечерней службѣ въ новомъ монастырѣ, князь услыхалъ, что на эктеніяхъ не поминаютъ Даніила, все еще продолжавшаго оставаться въ Горицкомъ монастырѣ, сказалъ ему: „перейди въ свой монастырь и живи тамъ; на эктеніяхъ вели поминать игуменомъ себя и составь тамъ братское общежитіе. О потребахъ не скорби, я самъ буду заботиться объ удовлетвореніи нуждъ твоего монастыря“. Преподобный исполнилъ волю князя: оставилъ Горицкій монастырь, гдѣ былъ много лѣтъ настоятелемъ, и перешелъ на 66 году своей жизни въ основанный имъ монастырь, который по его имени сталъ называться теперь Даниловымъ. Послѣ этого посѣщенія благосостояніе монастыря значительно улучшилось: было пріобрѣтено сначала с. Старое Будовское, потомъ Новое Будовское въ Мерьскомъ стану, д. Борисовское въ Кіучерскомъ стану [1]) и „осадный дворъ“, т. е. дворъ на случай осады, внутри Переславскаго кремля, въ которомъ преподобный устроилъ какъ бы отдѣленіе своего монастыря. Поселилъ сюда часть братіи и устроилъ церковь въ честь Рождества Христова—это второй храмъ внутри города, существуетъ и до сего времени.

Осенью 1528 г. великій князь посѣтилъ Переславль въ четвертый разъ. Въ богомольномъ путешествіи сопровождала супруга его великая княгиня Елена, чтобы молиться вмѣстѣ съ нимъ о дарованіи наслѣдника, такъ какъ велико-княжеская чета была бездѣтна. Въ этотъ разъ великій князь Василій III особенно былъ милостивъ и внимателенъ къ преподобному: запросто бесѣдовалъ съ нимъ, посадивъ его рядомъ съ собою, освободилъ по его просьбѣ приговоренныхъ къ смертной казни, вмѣстѣ съ великою княгинею вкушалъ монастырскій хлѣбъ и квасъ, не смотря на то, что „бѣ бо квасъ велми препростъ“. Обѣщалъ выстроить каменный храмъ во имя

---

[1]) Теперь д. Борисово—Смоленской волости; Будовское—село Елизаровской волости.

Живоначальной Троицы и для этого велѣлъ передать пр. Даніилу заготовленные кирпичи въ Горицкомъ и Никитскомъ монастыряхъ и самые кирпичные сараи. Изъ Переславля великій князь отправился на богомолье по другимъ городамъ и монастырямъ.

25 августа 1530 г. великая княгиня разрѣшилась отъ бремени сыномъ Иваномъ. Глубоко почитая преподобнаго и относя къ его молитвамъ рожденіе наслѣдника, великій князь избралъ игумена Даніила воспріемникомъ и съ этой цѣлью вызвалъ его въ Москву. Таинство крещенія было совершено 4 сентября въ Троицѣ-Сергіевомъ монастырѣ, при чемъ вторымъ воспріемникомъ былъ также инокъ—Кассіанъ Босой, столѣтній старецъ. Послѣ этого Даніилъ былъ отпущенъ въ свой монастырь съ великою честью, но это нисколько не повліяло на его привычки и образъ жизни. Попрежнему онъ не брезговалъ ни какой работой до самой грязной включительно по уборкѣ въ хлѣвахъ, чѣмъ не мало изумлялъ любопытныхъ.

Въ это время весьма успѣшно шло строеніе каменной Троицкой церкви, которая была закончена черезъ два года послѣ рожденія наслѣдника (1532 г.). Такимъ образомъ новый монастырь украсился прекраснымъ храмомъ и не уступалъ въ этомъ старинным обителямъ Никитской и Горицкой, въ которыхъ уже были каменные храмы. Вскорѣ пр. Даніилъ устроилъ другую каменную церковь въ честь Похвалы Пресвятыя Богородицы; въ нижнемъ этажѣ были устроены „различныя палаты, удобныя ко многимъ службамъ и потребамъ монастырскимъ".

Достигнувъ глубокой старости, Даніилъ отказался отъ управленія монастыремъ (1539 г.) и передалъ его своему постриженнику Иларіону. Но не успокоился отъ заботъ. На восемьдесятъ первомъ году своей жизни путешествовалъ въ Москву хлопотать о возобновленіи обветшавшихъ переславскихъ церквей Никольской и Предтеченской. Въ то время на переславскихъ посадахъ были и другія церкви—въ честь пр. Иліи, св. Климента, царя Константина и апостола Филиппа, но церкви эти, очевидно, содержались въ должномъ видѣ и не нуждались въ исправленіяхъ. Никольская же и Предтеченская церкви пришли въ такой видъ, что дальнѣйшее отправленіе церковныхъ службъ стало въ нихъ не возможно. Ходатайствуя о возобновленіи ихъ предъ митрополитомъ и опекунами-боярами, управлявшими государственными дѣлами по смерти великаго князя Василія III, пр. Даніилъ сообщилъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что при Никольской церкви покоятся въ землѣ мощи князя Андрея смоленскаго, которому встарину была служба и образъ, и просилъ дозволенія на открытіе мощей. Просьба старца была уважена: средства на сооруженіе новыхъ храмовъ отпущены и дано дозволеніе осмотрѣть мощи св. князя Андрея, которыя и были потомъ открыты въ этомъ году (1540) почти черезъ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ по кончинѣ смиреннаго князя.

Пр. Даніилъ тихо скончался 7 апрѣля 1540 г., принявъ передъ смертью схиму, и погребенъ былъ, по его завѣщанію, у Троицкаго храма, съ сѣверной стороны.

При жизни пр. Даніила посѣтилъ проѣздомъ Переславль посолъ австрійскаго императора Сигизмундъ Герберштейнъ. Благодаря этому просвѣщенному путешественнику, написавшему „Записки о Московіи", мы имѣемъ возможность составить хотя бы нѣкоторое представленіе о Переславлѣ Залѣсскомъ во времена преп. Даніила. Вотъ что говоритъ Герберштейнъ: „Переславль—городъ и крѣпость на сѣверо-востокѣ, отстоитъ отъ Москвы на 24 мили и лежитъ при озерѣ, въ которомъ ловятся, какъ на островѣ Соловкахъ, рыбки сельги. Поля довольно плодоносны и обильны; послѣ жатвы князь тѣшится на нихъ охотой. На тѣхъ же поляхъ есть озеро, изъ (воды) котораго выпаривается соль. Черезъ этотъ городъ отправляются тѣ, которые должны ѣхать въ Нижній-Новгородъ, Кострому, Ярославль и Угличъ. Въ тѣхъ странахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго исчисленія пути по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ. Тамъ есть рѣка Нерль, вытекающая изъ какого то озера и впадающая въ Волгу ниже Углича".[1])

Это свидѣтельство иностранца для насъ очень цѣнно. Не смотря на свою краткость, оно даетъ разностороннія и довольно правдивыя свѣдѣнія о Переславлѣ, изъ которыхъ остановимся на томъ, что Переславль при пр. Даніилѣ былъ богатъ рыбой, дичью и солью, а окружавшія городъ поля отличались плодородіемъ.

Изъ рыбъ Переславль славился своими сельдями. Ловлей ихъ занимались рыбаки, населявшіе берегъ озера при впаденіи въ него рѣки Трубежа и составлявшіе изстари особую слободу, во главѣ которой стоялъ рыболовный староста. Въ первые годы (1506 г.) княженія Василій III далъ имъ грамоту уставную, раскрывающую намъ права и обязанности рыболововъ. Рыболовы находились въ вѣдомствѣ „стольничья пути" и пользовались исключительнымъ правомъ ловить рыбу на великокняжескомъ Переславскомъ озерѣ, за что платили опредѣленный оброкъ „по новому писму по княжу Васильеву Ивановича Голенина" (это самая ранняя извѣстная здѣсь перепись). Другой никто не могъ ловить рыбу и когда это случалось, рыба отбиралась на князя. На поледной ловлѣ кромѣ князя ловцы обязаны были ловить на двухъ намѣстниковъ переславскихъ, по ночи на каждаго, и на волостеля. Намѣстники за исключеніемъ „душегубства и вобчихъ дѣлъ" не касались до нихъ, они (т. е. рыболовы) были поручены волостелю стольничья пути.

Ограждая грамотой свои переславскіе рыболовные промыслы, великій князь тѣмъ самымъ придавалъ имъ большое значеніе. И дѣй-

---

[1]) Записки о Московіи, С.-П.Б., 1896 г., ст. 119.

ствительно въ домашнемъ обиходѣ князя они играли немалую роль, что болѣе ясно становится въ послѣдующее время. При сынѣ и преемникѣ Василія III: „съ рыболовныхъ дворовъ,—велѣно было,—ямскія деньги и за посошные люди и за всякое городовое и засѣчное дѣло платити имъ на большой дворецъ. А оброку давать рыболовамъ царю и великому князю за щуки, за закорные и за сельди 4 рубли и 20 алтынъ съ деньгою, да имъ же давати на дворецъ неводъ сто саженъ на двѣ матицы. Да рыболовамъ же ловити сельди на царя и великаго князя сельди безурочно, да на царя жъ ловити имъ на поледной ловлѣ двѣ ночи, на царицу—ночь, на поледника—ночь, да на стольника—ночь; да на дву намѣстиковъ по ночи. Да рыболовамъ же дано кругъ озера переславскаго отъ воды берегу суши 10 саженъ для пристанища, гдѣ имъ неводы съ сѣти вѣшати". Тогда (1562 г.) въ Рыбной слободѣ по обоимъ берегамъ рѣки Трубежа и въ переулкахъ: Мишатинѣ, Писковѣ, Шурминѣ и на Филипповской улицѣ было рыболовныхъ домовъ 99, два двора волостелины, 21 дворъ пустой, до 40 мѣстъ пустыхъ; рыбаковъ было 98 человѣкъ.

Переславскія сельди въ велико-княжескомъ быту были не однимъ только рядовымъ блюдомъ. Имъ временами усвоялось особое значеніе, о чемъ сообщаетъ тотъ же Герберштейнъ. Описывая вѣнчаніе на царство (4 февраля 1497 г.) князя Димитрія, внука великаго князя Ивана III-яго, онъ говоритъ: „за обѣдомъ (послѣ вѣнчанія) Димитрію былъ поднесенъ въ даръ широкій поясъ, сдѣланный изъ серебра, золота и драгоцѣнныхъ камней, которымъ его опоясывали; послѣ этого поднесены были перславскія сельги, т. е. рыбки изъ озера Переславскаго, не отличающіяся отъ нашихъ сельдей, имя которыхъ они и носятъ. Полагаютъ, что этотъ сортъ рыбы подаютъ потому, что Переясласль никогда не отдѣлялся отъ Московіи т. е. монархіи" [1]). Поясняя это сообщеніе, Н. М. Карамзинъ говоритъ: „коронованному Димитрію за великокняжескимъ торжественнымъ обѣдомъ, въ исполненіе древняго обряда, подали блюдо сельдей переславскихъ: симъ напоминалось новому великому князю, что Москва и Переславль должны быть всегда неразлучны подъ его скипетромъ" [2]). Обычай этотъ, начало котораго относится къ XIV вѣку, когда Переславль присоединился къ Москвѣ, существовалъ очень долго. По крайней мѣрѣ Яковъ Рейтенфельсъ, посѣтившій Москву въ царствованіе Алексѣя Михайловича, пишетъ: „Святославъ Игоревичъ перенесъ княжескій престолъ изъ Кіева въ Переславль, знаменитый своею рыбою, которую переславцы и понынѣ имѣютъ обыкновеніе, по странной привычкѣ, представлять къ царскому столу во время вѣнчанія на царство". Сказанное о сельдяхъ по ошибкѣ приписано Пере-

---

[1]) Зап. о Московіи, С.-П.-Б., 1866, ст. 36—37.

[2]) Ист. Гос. Рос., VI, пр. 447.

яславцу (Малой Преславнѣ), что слѣдовало Переславлю Залѣсскому. Но самый фактъ существованія обычая подавать переславскія сельди на царской коронаціи въ XVII ст. остается несомнѣннымъ. Свою ошибку Рейтенфельсъ исправляетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Суздаль... Недалеко отъ него Переяславль, болѣе всѣхъ остальныхъ областей, сохранившій вѣрность московскимъ князьямъ и изобилующій разнаго рода рыбой“ [1]).

Этотъ обрядъ съ достовѣрностью указываетъ на то важное значеніе, которое принадлежитъ Переславлю въ исторіи Московскаго княжества и на сколько необходимо было для послѣдняго нераздѣльное пребываніе съ Переславлемъ Залѣсскимъ въ первое время. Но и въ послѣдующее время вслѣдствіе близости къ Москвѣ и богатства области великіе князья дорожили имъ, часто посѣщали его предѣлы, гдѣ было не мало принадлежавшихъ имъ подклѣтныхъ или дворцовыхъ селъ и разныхъ угодій. Описывая переславскія поля, Герберштейнъ замѣчаетъ: „послѣ жатвы князь тѣшится на нихъ охотой“. Дѣйствительно лѣтописи содержатъ полное подтвержденіе сказанному; напр. подъ 7035 и 7036 г.г. (1527 и 1528 г.г.) говорится: „осеновалъ князь великій въ Новой Слободѣ“, т. е. проводилъ время осенней охоты въ Новой Александровой слободѣ, находившейся тогда въ Переславскомъ уѣздѣ, гдѣ былъ велико-княжескій дворъ и разныя службы. Будучи страстнымъ охотникомъ, Василій III любилъ богатыя дичью поля Переславской области и охотился здѣсь то съ собаками, то съ соколами. Съ послѣдними охота производилась не только на птицъ, но и на зайцевъ. Поставка соколовъ, кречетовъ и ястребовъ для княжеской охоты лежала на обязанности особыхъ охотниковъ—помытчиковъ, которые должны были ловить птицу и доставлять ее ко двору, предварительно обучивъ ее пріемамъ охоты; они же должны были содержать ее. До насъ дошла грамота (1507 г.) сокольникамъ вѣдомства сокольничья пути, жившимъ въ Переславлѣ на посадѣ. Изъ нея видно, что сокольниковъ было 20 человѣкъ, въ числѣ ихъ четыре вдовы, два сапожныхъ мастера, одинъ сѣдельникъ и одинъ хлѣбникъ. Всѣ они были освобождены изъ подъ вѣдѣнія намѣстниковъ и тіуновъ, не тянули съ переславцами никакихъ протороновъ и разметовъ, кромѣ ямa, городового дѣла (постройки городскихъ укрѣпленій) и посошной службы. Кромѣ этихъ льготъ они пользовались еще тѣмъ, что судилъ ихъ самъ великій князь или его сокольничій, платили они оброку полтора рубля въ годъ. Сокольники существовали въ Переславлѣ до конца XVIII столѣтія. Трактуя о селѣ Ивановскомъ Переславскаго уѣзда, Щекатовъ говоритъ, что оно „весьма примѣчательно по множеству разныхъ птицъ въ дачахъ онаго, гдѣ бываетъ также ловля онымъ въ болотѣ, подлѣ озера, называемаго Ивановскимъ; въ семъ мѣстѣ пойманные помытчиками соколы отправляются

---

[1]) Сказаніе о Московіи. Падуя 1680 г., перев. Станкевича. М. 1906 ст. 930 и 209.

ко двору въ вѣдомство Егермейстерской канцеляріи, а помытчики имѣютъ жительство въ городѣ[1]). Но несомнѣнно, что сокольники жили не въ одномъ только городѣ, а и около него, по крайней мѣрѣ, вблизи его существуютъ до сихъ поръ деревни: Сокольская слобода (Соколка) и Сокольники, что прямо указываетъ на родъ занятій прежнихъ обитателей этихъ поселеній.

Изъ другихъ селеній того времени извѣстны: с. Хупанское, с-цо Копнинское, дер. Свѣчинскія, соляная варница Киржацкая, всѣ они принадлежали Троице-Сергіеву монастырю; въ Мишутинѣ стану— д. Самойлово на р. Куньемѣ, Васильково и Петраково, пожалованныя вел. княземъ боярину Алексѣеву[2]).

IX.

Первые пріѣзды царя Ивана Васильевича въ Переславль Залѣсскій. Значеніе монастырей Переславскихъ въ семейной жизни царя. Митр. Аѳанасій. Царскіе вклады въ Даниловъ монастырь. Краткій списокъ поселеній Переславскаго уѣзда. Ямъ. Московскій сѣверный торговый путь. Александрова слобода. Село Елизарово, вотчина бояръ Басмановыхъ.

Царь Иванъ IV Васильевичъ въ молодости, подобно отцу, любилъ соединять свои поѣздки по монастырямъ съ охотою, но это было въ другомъ родѣ. Великій князь Василій любилъ псовую и соколиную охоту, а его юный сынъ предпочиталъ рогатину и охоту на дикаго звѣря. Въ мартѣ 1544 г. вмѣстѣ съ братомъ царь ѣздилъ въ Каязинъ монастырь и, держа оттуда свой путь къ Троицѣ, заѣхалъ въ Заболотье, гдѣ для него была устроена медвѣжья охота. Первый пріѣздъ въ Переславскую область ознаменовался такимъ образомъ кровавой потѣхой, но она была пока только на звѣрей. Въ слѣдующемъ году Иванъ IV предпринялъ поѣздку въ Кирилловъ монастырь и по дорогѣ туда заѣхалъ въ Переславль. Здѣсь находился подъ стражей (съ 16 декабря 1544 г.) опальный князь Иванъ Кубенскій, который вмѣстѣ съ своимъ братомъ Михаиломъ были главными сторонниками Шуйскихъ противъ Бѣльскихъ и митр. Іоасафа. Увидя въ Переславлѣ Кубенскаго, вел. князь выпустилъ его изъ-подъ стражи

---

[1]) Географич. словарь Рос. госуд., ч. II, М. 1804, стр. 681.

[2]) Всѣ существуютъ и теперь: с.с. Купань и Копнино, д. Свѣтчино въ Переславск. уѣзд.: Самойлово, Васильково и Петраково—деревни Александров. уѣзда.

и поѣхалъ дальше на Ростовъ, Ярославль и Бѣлоозеро. Объ этой и подобныхъ поѣздкахъ Н. М. Карамзинъ говоритъ слѣдующее: „юный царь, окруженный сонмомъ бояръ и чиновниковъ, не видалъ печали народа и въ шумѣ забавъ не слыхалъ стѣнаній бѣдности; скакалъ на борзыхъ ишакахъ и оставлялъ за собою слезы, жалобы и новую бѣдность: ибо сіи путешествія государевы, не принося ни малѣйшей пользы государству, стоили денегъ народу: дворъ требовалъ угощенія и даровъ.“ [1])

Послѣ женитьбы на Анастасіи Романовой царь перемѣнился къ лучшему: началъ самъ заниматься дѣлами управленія, окружилъ себя опытными совѣтниками, стремившимися улучшить положеніе дѣлъ въ государствѣ, и въ теченіе лѣтъ десяти произвелъ много полезныхъ мѣропріятій во всѣхъ сторонахъ народной жизни. Въ эту добрую пору царствованія Ивана Васильевича произошло въ царскомъ семействѣ нѣсколько важныхъ событій, въ которыхъ Переславлю Залѣсскому пришлось играть особую роль.

Лишившись двухъ дочерей и перваго сына Димитрія, опечаленные царь съ царицей молили Бога и св. Угодниковъ о дарованіи имъ дѣтей. Были во многихъ монастыряхъ и, возвращаясь въ Москву, прибѣгли съ молитвами предъ гробомъ пр. Никиты Столпника переславскаго чудотворца (въ 1552 г.). Молитва ихъ была услышана,—у нихъ родился сынъ Иванъ (въ 1553 г.). На второмъ году отъ рожденія младенецъ сильно захворалъ и врачебныя средства, которыми пользовали его, совсѣмъ не помогали. Тогда одна изъ боярынь—мамокъ, приставленныхъ къ царевичу, взяла больного царевича на руки и поднесла къ тому мѣсту, гдѣ въ царскомъ теремѣ хранилась часть гроба пр. Никиты и вода, почерпнутая изъ выкопаннаго имъ колодца. Окропивъ водой царевича, боярыня дала ему напиться той воды, послѣ чего онъ выздоровѣлъ. Осчастливленные родители въ сентябрѣ 1556 г. поѣхали въ Переславль воздать молитвенную благодарность преподобному и одарили обитель св. Никиты богатыми приношеніями. Ко времени своего пріѣзда царь велѣлъ прибыть сюда ростовскому епископу Никандру съ двумя архимандритами. Владыка встрѣтилъ царя крестнымъ ходомъ у городскихъ Никольскихъ воротъ, откуда процессія направилась къ древнему Преображенскому собору, гдѣ царь съ царицей и выздоровѣвшимъ царевичемъ молились, а потомъ прошли въ свой царскій теремъ, находившійся вблизи собора. Вечеромъ царская семья ѣздила въ Никитскій монастырь слушать всенощное. По окончаніи его настоятелю монастыря вручены были богатыя церковныя облаченія для обители, большею частію собственноручной работы государыни, и на гробъ преподобнаго возложенъ ею великолѣпный образъ пр. Никиты, вышитый по атласу

---

[1]) Исторія Гос. Рос., VIII, ст. 90.

золотомъ, серебромъ и шелкомъ. На утро царское семейство молилось здѣсь за литургіей, а по окончаніи ея посѣтило колодцы, вырытые св. Никитой. Отправляясь въ обратный путь, царь „повелѣ игумену общину содѣлати“ и начать строить кругомъ монастыря каменныя стѣны [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ сказано въ житіи пр. Никиты—„восхотѣ старую церковь (каменную) построеніе отца его Василія Ивановича (до 1528 г.) разобрати и новую надъ гробомъ пр. Никиты во имя великомученика Никиты воздвигнути“.

Новую церковь начали строить (въ 1561 г.) уже по смерти царицы Анастасіи и клали ее въ теченіе трехъ лѣтъ. Въ 1564 г. постройка ея была совершенно закончена и къ тому же времени выстроены каменная трапеза съ теплой церковью въ честь Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, колокольня, ограда со святыми воротами каменными и церковью надъ ними во имя архангела Гавріила [2]). Такимъ образомъ монастырь былъ украшенъ цѣлымъ рядомъ новыхъ каменныхъ сооруженій и, благодаря царской щедрости, сталъ первымъ по великолѣпію монастыремъ въ Переславлѣ. На торжество освященія прибылъ самъ государь Иванъ Васильевичъ и митрополитъ Аѳанасій со множествомъ архимандритовъ и протопоповъ. Торжество освященія происходило 12 мая. „Благочестивый государь... всенощное бдѣніе слушалъ и на утрени первую статью самъ царь челъ, и божественныя литургіи слушалъ, и краснымъ пѣніемъ съ своею станицею самъ же государь пѣлъ на заутрени и на литургіи“. Въ ознаменованіе особаго расположенія къ обители въ тотъ же день далъ свою царскую грамоту на „подклѣтныя села въ Переславскомъ уѣздѣ село Конюцкое здеревнями и со всѣми угодьи, да подъ селомъ Конюцкимъ въ рѣкѣ Нерли рыбную ловлю да перевозъ, да село Красное здеревнями и со всѣми угодіи, да село Городище надъ Переславскимъ озеромъ здеревнями и со всѣми угодіи, да село Фалелѣево со всѣми угодьи“ [3]).

Съ именемъ второго царскаго сына—Ѳедора преданіе соединяетъ возникновеніе въ Переславлѣ Ѳедоровскаго монастыря. Передаютъ, что царь Иванъ Васильевичъ съ супругою своею Анастасіей Романовной былъ на освященіи храма въ переславскомъ Никитскомъ монастырѣ. На обратномъ пути, отъѣхавъ отъ города семь верстъ, въ д. Собилово царица благополучно разрѣшилась сыномъ Ѳедоромъ.

---

[1]) Карамзинъ, т. VIII, пр. 587; по житію пр. Никиты это посѣщеніе неправильно отнесено къ 1561 г., когда не было уже и царицы Анастасіи въ живыхъ.

[2]) Владимір. сборн. стр. 94. Относительно же колокольни есть другое извѣстіе что она построена въ 1570 г. (Свирѣлинъ, Описаніе Никитскаго монастыря, М., 1879 г. стр. 16; Истор. Вѣст. 1886 г. іюнь, 622).

[3]) Конюцкое—теперь деревня, остальныя—села Перес. у. Владимір. Сборн. стр. 94.

Въ благодарность за это царь поставилъ въ Переславлѣ монастырь во имя св. великомученика Ѳеодора Стратилата, а въ д. Собилово—каменную часовню. Монастырь сталъ называться, въ память рожденія царевича, Ѳедоровскимъ.

Нужно сказать, что такое представленіе о началѣ монастыря господствовало очень долго и было весьма распространено.[1]) Между тѣмъ оно полно историческихъ погрѣшностей и во многомъ имѣетъ легендарный характеръ. Дѣло въ томъ, что Ѳедоровскій мужской монастырь основанъ гораздо раньше Грознаго. На это прежде всего указываютъ монастырскіе документы. Въ старинномъ описаніи монастыря упоминается тарханная грамота 20 августа 1511 г. вел. кн. Василія III на подмонастырское сельцо Ѳедоровское, на с. Половецкое и д. Потанино. Изъ царской же грамоты 1552 г. открывается, что Ѳедоровскій монастырь существовалъ ранѣе в. кн. Василія III: „о судѣ и о пошлинахъ, писалъ здѣсь царь Иванъ Васильевичъ, велѣлъ есми ходить о всемъ по тому, какъ Ѳедоровскаго монастыря игумена у Макарья съ братьею *дьда* и отца нашего и въ нашихъ жалованныхъ грамотахъ написано о селѣ Ѳедоровскомъ.[2])

Такимъ образомъ первыя документальныя свѣдѣнія о существованіи Ѳедоровскаго монастыря относятся ко времени в. кн. Ивана III. Но самый монастырь могъ возникнуть и раньше этого времени. Надо думать, что въ дѣйствительности такъ и было. Въ рукописи „Родословіе русскихъ государей“ говорится, что онъ построенъ в. кн. Василіемъ Темнымъ, который въ день Ѳеодора Стратилата убилъ здѣсь Акинѳа, отъ коего повелся родъ боярскій. Но боярин Акинѳъ убитъ былъ раньше при кн. Иванѣ Калитѣ (1304 г.).[3]) Основываясь на этомъ, можно считать, что Ѳедоровскій монастырь возникъ въ началѣ XIV в., болѣе, чѣмъ за двѣсти лѣтъ до царя Ивана Грознаго.

Монастырь этотъ во времена Грознаго былъ деревянный, а со времени рожденія царевича украсился каменнымъ храмомъ въ честь св. вмч. Ѳеодора Стратилата. Есть варіанты монастырской легенды, ограничивающіе роль Грознаго въ исторіи Ѳедоровскаго монастыря лишь сооруженіемъ этого храма. Но неизмѣнно, какъ на причину этого легенда указываетъ, что вблизи монастыря и, какъ бы

---

[1]) Плишкинъ, Истор. опис. г. Переславля, М. 1802 г., ст. 97; Сынъ Отеч. 1848 г., іюль, стр. 33; Семеновъ, Россія, т. I, С.-П.Б., 1899 г. ст. 272—76; Справоч. Словарь К. Крайя XII, ст. 540—541 и др. срав. прот. Свирѣлинъ, Переславскій Ѳедоровскій женскій монастырь, Владим., 1903 г.

[2]) Прот. А. Свирѣлинъ, Переславскій Ѳедоровскій женскій монастырь, Владим., 1903 г., стр. 3. Ѳедоровская слободка, с. Половецкое и д. Потанино находятся и теперь въ Переславскомъ уѣздѣ.

[3]) Прот. А. Свирѣлинъ считаетъ, что въ память этого событія основанъ былъ кн. Иваномъ Калитой Переславскій Горицкій монастырь (см. „Перес. Горяц. мон.“, Влад., 1902 г., стр. 8), но основаній для этого не указано.

подъ сѣнію его, появился на свѣтъ царевичъ Ѳедоръ. Но тутъ встрѣчаемся съ новой несообразностью. Царь Ѳедоръ Ивановичъ родился 11 мая 1557 г. Между тѣмъ преданіе говоритъ, что это было въ томъ году, когда происходило освященіе церкви въ Никитскомъ монастырѣ, т. е. въ 1564 г., а тогда, какъ извѣстно, не было въ живыхъ матери царя Ѳедора царицы Анастасіи Романовны.

Тѣмъ не менѣе совершенно отрицательно относиться къ этой легендѣ нельзя. Хотя смутно и неясно въ подробностяхъ, но совершенно правильно по существу передаетъ она, что Ѳедоровскій монастырь имѣлъ связь съ личностью царевича Ѳедора и значеніе въ его жизни. Съ несомнѣнностью подтверждаетъ это построеніе Грознымъ соборной церкви въ монастырѣ. Но чѣмъ именно это было вызвано— прямыхъ документальнахъ указаній мы не знаемъ. Извѣстныя намъ лѣтописи умалчиваютъ о мѣстѣ рожденія царевича; нѣтъ въ нихъ также указанія на путешествіе царской четы въ Переславль въ маѣ 1557 г. Ближайшее къ этому времени отмѣченное лѣтописями путешествіе относится къ сентябрю 1556 г., послѣ чего на девятомъ мѣсяцѣ произошло рожденіе царевича Ѳедора. Быть можетъ это обстоятельство было отнесено къ молитвамъ царской четы въ Ѳедоровскомъ монастырѣ, подобно тому, какъ рожденіе царевича Ивана совершилось по молитвамъ въ Никитскомъ. Возможно, что и небеснымъ покровителемъ царевича избранъ былъ вмч. Ѳеодоръ Стратилатъ въ воспоминаніе этихъ молитвъ, бывшихъ въ монастырѣ его имени.

Но это не исключаетъ основной черты преданія—рожденія Ѳедора Ивановича вблизи Переславля Залѣсскаго. Вполнѣ могло быть такъ, какъ разсказываютъ, что онъ родился въ д. Собилово.[1]) Тогда каменную часовню, существующую до сего времени, нужно признать дѣйствительнымъ памятникомъ этого происшествія.

Съ построеніемъ ея въ окрестностяхъ Переславля стало двѣ совершенно одинаковыхъ часовни. Обѣ онѣ стояли на возвышенныхъ пунктахъ при большой дорогѣ изъ Москвы въ Бѣломорье, одна съ сѣверной стороны города въ верстѣ отъ Никитскаго монастыря, другая съ южной стороны, верстахъ въ четырехъ отъ Ѳедоровскаго монастыря. Хотя преданіе весьма опредѣленно говоритъ о началѣ той и другой, но невольно напрашивается сближеніе ихъ съ тѣми крестами и памятниками, которыми встарину любили украшать дороги и въѣзды въ города. Отъ той и другой часовни-портика съ шатровымъ верхомъ на бочкообразныхъ столбахъ и крестомъ внутри (Собиловская такъ и называется теперь „Крестомъ", а Никитская (она же Черниговская) давно передѣлана до неузнаваемости) открывался чудный видъ на Переславль и его святыни. При видѣ ихъ древне-русскій

---

[1]) Теперь не существуетъ.

человѣкъ, подъѣзжая къ городу, по обычаю осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Уже по одному этому здѣсь могли быть поставлены кресты.

Въ то время, какъ въ жизни царскихъ сыновей имѣли значеніе переславскіе монастыри Никитскій и Ѳедоровскій, для самого царя Ивана Васильевича таковымъ былъ Даниловъ, основанный его крестнымъ отцомъ. Посѣщая Переславль, царь каждый разъ навѣщалъ могилу пр. Даніила и весьма интересовался его благочестивою жизнью. Когда умеръ пр. Даніилъ, ему было десять лѣтъ и онъ могъ помнить его. Желая имѣть полное жизнеописаніе святого, онъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ, приказалъ составить его одному клирику, что и было исполнено въ 1562 г. Авторомъ житія было лицо близкое къ преподобному, одинъ изъ очевидцевъ и глубокихъ почитателей его, какъ полагаютъ, переславскій уроженецъ, сначала священникъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ, а потомъ протопопъ Благовѣщенскаго Московскаго собора и царскій духовникъ Андрей. Онъ нерѣдко упоминается въ лѣтописяхъ и, между прочимъ, по поводу послѣдняго Казанскаго похода (1552 г.) царя Ивана IV о немъ говорится, что въ званіи духовника сопровождалъ царя, находясь во главѣ всего войскового духовенства; благословлялъ Ивана Васильевича на ратный подвигъ въ день взятія Казани; предшествовалъ ему съ крестомъ въ рукахъ во время торжественнаго въѣзда въ покоренную Казань и освящалъ первую устроенную тамъ церковь во имя Благовѣщенія. Впослѣдствіи принялъ монашество съ именемъ Аѳанасія и по кончинѣ митр. Макарія занялъ его мѣсто. При избраніи въ митрополита получилъ отъ царя Ивана Васильевича грамоту, которой митрополиту предоставлено право судить во всѣхъ видахъ духовенство и всѣхъ людей, живущихъ на его земляхъ, исключая душегубства, что оставалось въ вѣдѣніи свѣтскихъ властей. Онъ первый изъ митрополитовъ украсился бѣлымъ клобукомъ и при немъ напечатана первая на Руси книга—Дѣянія Святыхъ Апостоловъ. Пробывъ на митрополіи всего два года (съ 5 марта 1564 г. по 19 мая 1566 г.), оставилъ ее по крайней немощи, а вѣроятнѣе того, изъ-за царя Ивана IV, въ то время получившаго уже прозваніе Грознаго за свои безчеловѣчныя отношенія къ подданнымъ. Престарѣлому и больному митрополиту было не подъ силу видѣть происходившее и не имѣть возможности измѣнить его на лучшее. Онъ удалился въ Чудовъ монастырь на покой и, видимо, не долго поживъ тамъ, скончался. Лѣтописи упоминаютъ о немъ послѣдній разъ, когда онъ (въ 1567 г.), будучи искуснымъ иконописцемъ, поновлялъ Владимірскую икону Божіей Матери. Написанное имъ житіе считается цѣннымъ памятникомъ, въ которомъ, помимо житійнаго религіозно-нравственнаго элемента, много чисто біографическихъ данныхъ, вслѣдствіе чего образъ переславскаго подвижника вышелъ яркимъ и жизненнымъ. Ему (т. е. Аѳанасію)

также приписывается участіе въ составленіи такъ называемой Степенной книги. [1])

Не однимъ только составленіемъ житія Иванъ Грозный чтилъ память своего крестнаго отца. Имъ даны были въ разное время въ Даниловъ монастырь богатые вклады, состоящіе изъ денежной и хлѣбной руги, а также помѣстій и вотчинъ. Послѣднихъ отписано царемъ было очень много: село Воргуша и сельцо Загорье Никитскаго стана, дер. Оникеево Нерльскаго стана, дер. Совелово и Леднево Новосельскаго стана „со всѣми угодьи, что къ тѣмъ деревнямъ изстари потягло и съ озеркомъ Ледневымъ"; село Рушанниново или Рушниново Конюцкаго стана, съ пустошью Бебокиной и дер. Еремейцовымъ; „пустошь сельца Романово, что сошлась съ ихъ монастырской землей сельцомъ Будовскимъ, да пустошь сельца Биберево, что сошлась съ ихъ селомъ Самаровымъ"; село Усолье и рыбныя ловли на озерѣ Соминѣ съ озеромъ Дротковымъ и на р.р. Вексѣ и Щельмѣ.[2])

Сохранившіяся до нашего времени монастырскія грамоты, свидѣтельствующія намъ объ этомъ, служатъ цѣннымъ памятникомъ для исторіи края. Безспорно, что въ царствованіе Грознаго Переславская область была заселена достаточно густо. Но полнаго списка поселеній до насъ не дошло. Приходится довольствоваться разными документами, случайно уцѣлѣвшими или случайно говорящими о населенныхъ пунктахъ нашего края. Между тѣмъ, при Грозномъ были неоднократныя переписи въ Переславскомъ уѣздѣ, какъ стало называться бывшее княжество. О такихъ переписяхъ, между прочимъ, говорятъ тѣ же монастырскія грамоты: напр. относительно с. Загорья и д. Оникеева сказано: „по писцовымъ переславскимъ книгамъ Ивана Ходоршикова съ товарищи (лѣта 7049) въ тѣхъ сельцахъ и въ деревнѣ въ одномъ полѣ 90 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 700 копенъ";—относительно с. Самарова: „въ книгахъ дворцовыхъ нашихъ селъ писцовъ Ондрея Лодыгина съ товарищи (лѣта 7066) написано: въ Переславскомъ уѣздѣ въ Никитскомъ стану село Самарово, а въ немъ церковь св. праведныхъ Богоотецъ Іоакима и Анны, пашни въ томъ селѣ, что на меня, царя и великаго князя, пахали и крестьянскіе и посошные 319 дес. въ одномъ полѣ, а въ дву полехъ по тому же, сѣна въ Самаровѣ и на Плоской пожнѣ на р. на Трубежѣ, что на меня, царя и великаго князя, косили и крестьянскаго 413 копенъ, да церковнаго сѣна 10 копенъ, лѣсу рощи 8 дес., да кустарю во всѣхъ трехъ поляхъ 30 дес.".[3]) Итакъ были переписи въ

---

[1]) Житіе пр. Даніила изд. проф. С. П. Смирновымъ. М., 1908 года.

[2]) Не существуютъ въ настоящее время: д. Леднево и Еремейцево, всѣ остальныя находятся въ Переславскомъ уѣздѣ.

[3]) Добронравовъ В., Исторія Данилова монастыря. Сергіев. Посадъ. 1908. прил. ст. 27 и 30.

Переславскомъ уѣздѣ въ 1541 и 1558 г.г. Но писцовыя книги, относящіяся къ этимъ переписямъ, до насъ не дошли, или во всякомъ случаѣ до настоящаго времени не отысканы.

Пользуясь тѣмъ не менѣе разными документами, можно указать еще нѣсколько селъ и деревень, существовавшихъ во времена Грознаго—дворцовыя села: Большая Брембола, Малая Брембола, Ивановское, Фалелѣево, Вославцово, Петровское, Слатино и др; „помѣщичье село Хрептово съ церковью и со дворомъ съ боярскимъ, съ прудомъ и съ пашнею и съ садомъ, а къ селу деревень: д. Вонятино (теперь Вонятино), Морево, Матвѣйково, Шилово, Капустино, Дулова Гора, Бортенево, Мартынково, Панково, Дмитреевская (существуетъ и теперь), Качалова, Мальцево, Елешова, Трубакино, Байдинино, Копылово, Санино, Чубарово, Короткое, Русаново, Офремково"; Семеновское—Шуйское, Шимохтино, Годуново, Елпатьево и др.; въ Кинельскомъ стану Троице-Сергіевскаго монастыря села: Снятиново, Едигѣево, (нынѣ д. Гидѣево), Дерюзино (до 1562 г. монастырь), Тарбѣево, Плясцово, Слабнево, Бобашино, Шарапово, Воскресенское, Вяхирево, Воронино, Зубачево, Глинково; въ другихъ станахъ—с. Давыдовское, Андреяново, Бакино, Богородское, Мячково, Полиносово и мн. др.[1]).

Сохранилась интересная грамота (1556 г.) царя Ивана Васильевича къ крестьянамъ своихъ подклѣтныхъ селъ. Но почему то въ ней упоминаются только четыре села: Ивановское, Фалелѣево, Петровское и Вославцово (послѣднее теперь не существуетъ). Крестьянъ этихъ селъ царь освободилъ отъ суда своихъ чиновниковъ, которымъ они были подчинены,—ключника и постельника, а далъ имъ право судиться у своихъ выборныхъ судей изъ тѣхъ же крестьянъ. При этомъ „въ судѣ и у записи у всякихъ дѣлъ, у губныхъ старостъ и излюбленныхъ судей, сидѣти волостнымъ лучшимъ крестьянамъ, а судные и обыскные списки и всякія дѣла губнымъ старостамъ и излюбленнымъ судьямъ и лучшимъ крестьянамъ велѣти писати діакомъ земскимъ передъ собою". Вмѣсто судебныхъ пошлинъ крестьяне должны были вносить особый оброкъ, собирая его „по пашнямъ и по животомъ и по промысломъ".

Нѣкоторыя изъ существующихъ теперь поселеній Переславскаго уѣзда возникли во времена Грознаго. Таковы—слободка Луговая и село Ямъ. О первой въ грамотѣ 1582 г. говорится: „поставили ее Данилова монастыря прежніе архимандриты на посадскомъ пастбищѣ"[2]), а второе основано было самимъ правительствомъ. Въ сущности Переславскій Ямъ былъ и ранѣе Грознаго; въ судебникѣ

---

[1]) За исключеніемъ Вославцова, Хрептовскихъ деревень Тарбѣева, Плясцова, Вяхирева всѣ существуютъ до настоящаго времени.

[2]) Добронравовъ В. Исторія Данилова монастыря 1908 г., прил. ст. 35.

1497 г. значится: —„а ѣзду отъ Москвы до Радонежа четверть рубля; до Переславля 20 алтынъ, до Ростова рубль". Въ одной изъ грамотъ царя Ивана IV, данныхъ Ѳедоровскому монастырю (въ 1552 г.), написано: „пожаловалъ есми пустошами и деревнями Ѳедоровскаго игумена Макарія съ братіею противъ того, что у нихъ взято въ Переславлѣ монастырское село Ѳедоровское подъ переславской ямъ" [1]) Грамота закрѣпляла то, что было утверждено за монастыремъ дѣдомъ царя. Ѳедоровская слобода и есть первоначальный ямъ. [2]). Но потомъ, когда оказалось, что онъ малъ и не удовлетворяетъ усилившемуся требованію на подводы, былъ основанъ другой. Для этого, по приказанію царя, воевода Ѳедоръ Всеславинъ и подъячій Иванъ Кругликовъ изъ жалованныхъ земель Данилова монастыря взяли „у сельца Троицкаго и Воргуши по самый монастырь 160 десятинъ и съ хлѣбомъ земляным, и съ пожнями, и со всѣми угодьи" (до 1581 г.) [3]) и основали новое поселеніе, существующее до настоящаго времени.

Оба эти ямa—старый и новый, расположены были при большомъ торговомъ пути, соединявшемъ Москву съ сѣверомъ. Ямы, или посовременному—станціи, устраивались верстъ на 30 одинъ отъ другого. Первый ямъ послѣ Москвы былъ Уча, далѣе Троица, Дубна Переславль, Рагозино, Ростовъ, Ярославль и т. д. Отъ Троице-Сергіева монастыря отвѣтвлялась „Слободская дорога" на Стогово, Новую Александрову слободу и снова выходила на большой торговый путь въ Переславлѣ. Образованію обходнаго пути на Слободу способствовало съ одной стороны то обстоятельство, что прямой путь отъ Троицы на Переславль былъ очень холмистъ и тяжелъ для проѣзда; на Слободу же, хотя было и дальше, но зато дорога проходила въ менѣе пересѣченной мѣстности. Съ другой стороны во времена Грознаго Александрова слобода была долгое время резиденціей царя, что вызвало сюда большое движеніе. Достигнувъ береговъ Волги, дорога разбивалась на три главныхъ направленія: прямо—на Вологду и Поморье, вправо—на Кострому и Нижній, влѣво—на Бѣлоозеро и Бѣжецкую пятину. Со второй половины XVI в. пошло весьма оживленное движеніе изъ Поморья, гдѣ возникъ портъ Архангельскъ, въ Москву и обратно, что было вызвано торговыми сношеніями съ англійскими купцами, завязавшими при Грозномъ прочныя сношенія. Самое большое движеніе на этомъ пути было зимою. Въ это время года днемъ и ночью отовсюду тянулись на сѣверъ возы съ русскими товарами, которые складывались въ Вологдѣ до весны, когда водою отправлялись далѣе въ Архангельскъ и вывозились за

---

[1]) Свирѣлинъ А. Переслав. Ѳедоровскій женскій монастырь. Владиміръ 1903 г., стр. 2—3.

[2]) Срав. Переславль Залѣс., М. 1884 г., стр. 30.

[3]) Добронравовъ В. Исторія Данилова монастыря. Прилож. стр. 33—34.

границу. Въ свою очередь изъ Вологды на югъ направлялись встрѣчные обозы съ англійскими товарами, которые привозились сюда лѣтомъ по водѣ и отсюда развозились во всѣ концы государства большею частью зимою. Лѣтній же путь по этой дорогѣ былъ весьма затруднителенъ. Хотя „ямская дорога“ по государеву указу „должна быть шириной въ три сажени, очищена отъ пенья, мосты по рѣкамъ, болотамъ и грязямъ крѣпки, исправляемы каждую весну“, но въ дѣйствительности она была настолько дурна, что ее старались по возможности избѣгать. Герберштейнъ говоритъ, что ѣхалъ сухопутьемъ изъ Москвы только до Ростова, а оттуда водою.

Но въ общемъ иностранцамъ нравились наши способы сообщенія. „На большихъ дорогахъ, говорилъ впослѣдствіи Олеарій, заведенъ хорошій порядокъ. Въ разныхъ мѣстахъ держатъ, особыхъ крестьянъ, которые должны быть наготовѣ съ нѣсколькими лошадьми (на одну деревню приходится при этомъ лошадей 40—50 и болѣе), чтобы по полученіи велико-княжескаго приказа они немедленно могли запрягать лошадей и отъѣхать далѣе... За подобную службу каждый крестьянинъ (ямщикъ) получаетъ въ годъ 30 или 60 рейхсталлеровъ, можетъ къ тому же заниматься свободно земледѣліемъ, для чего получаетъ отъ великаго князя землю и освобождается отъ всякихъ поборовъ и другихъ тяжелыхъ повинностей. Когда они ѣдутъ, то приставъ долженъ каждому изъ нихъ выдать по алтыну или по два (что они называютъ „помаслить хлѣбъ“) Служба эта очень выгодна для крестьянъ и многіе изъ нихъ стремятся быть подобнаго рода ямщиками“ [1]). О скорости путешествія въ то время можно судить по тому, что англичанинъ Дженкинсонъ, черезъ котораго Грозный велъ переговоры съ королевой англійскою Елизаветою о женитьбѣ на ея родственницѣ, проѣхалъ налегкѣ зимою разстояніе отъ Вологды до Москвы въ пять дней, а англійское посольство съ тяжелымъ обозомъ—въ 17 дней.

По свидѣтельству англійскихъ писателей Переславль считали въ то время въ числѣ главныхъ городовъ государства; такъ, Флетчеръ перечисляетъ русскіе города въ слѣдующемъ порядкѣ: Москва, Новгородъ, Ростовъ, Владиміръ, Псковъ, Смоленскъ, Ярославль, *Переславль,* Н.-Новгородъ, Вологда, Устюгъ, Холмогоры, Казань, Астрахань, Каргополь, Коломна. Повторяя прежнихъ писателей упоминаетъ о сельдяхъ: „на озерѣ, находящемся близъ города, называемаго Переславлемъ, говоритъ онъ, недалеко отъ Москвы ловится небольшая рыба, извѣстная подъ именемъ свѣжей сельди, видомъ и отчасти вкусомъ похожая на морскую сельдь“ [2]). Во главѣ дворцовыхъ владѣній ставитъ Александрову слободу, которою сталъ теперь извѣ-

---

[1]) Описаніе путешествія въ Московію, С.-П.-Б., 1906 г., стр. 230.
[2]) О Государствѣ Русскомъ, С.-П.-Б., 1906 г. ст. 16, 43.

стенъ Переславль или вѣрнѣе его уѣздъ, гдѣ значительную часть своего царствованія провелъ Иванъ Грозный. Еще при его отцѣ въ Слободѣ былъ устроенъ на широкую ногу велико-княжескій дворъ съ многочисленными службами и постройками; въ малолѣтство царя Ивана здѣсь произведены были новыя постройки или поправлены прежнія, а въ послѣдующіе годы Александрова слобода застроилась еще болѣе. Грозный по примѣру своего отца посѣщалъ ее, оставаясь иногда продолжительное время. Въ концѣ же 1564 г. „не хотя терпѣти измѣнъ боярскихъ, отъ великой жалости сердца“ удалился сюда изъ Москвы со всѣмъ своимъ семействомъ, съ пожитками и приближенными лицами. Съ этого времени Слобода становится постоянной резиденціей царя. Произошло это послѣ жестокихъ казней въ Москвѣ, когда въ Иванѣ Васильевичѣ проснулись со всей силой его дурные задатки. Подозрительный и недовѣрчивый онъ старался оградиться отъ воображаемыхъ козней и измѣны въ Слободѣ, для чего учинилъ особую охрану, состоящую изъ опричниковъ, на содержаніе которыхъ былъ отписанъ цѣлый рядъ городовъ, въ томъ числѣ, какъ полагаютъ, и Переславль Залѣсскій [1]); окружилъ свой дворецъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Вездѣ стояла стража и никого не впускали въ Слободу и не выпускали оттуда безъ вѣдома царя. Для него были выстроены каменныя палаты, возникли богатыя каменныя церкви, по берегамъ рѣки Сѣры раскинулись посады, въ которыхъ жили опричники, купцы и т. п., здѣсь же пріютилась и первая въ Россіи печатня [2]). Изъ скромнаго дворцоваго села Слобода стала большимъ городомъ. Жизнь его шла по особому укладу. Главные опричники царя (300 человѣкъ) носили монашескую одежду сверхъ раззолоченныхъ кафтановъ. Самъ царь назвалъ себя игуменомъ, другихъ—келаремъ, понамаремъ и т. д., сочинилъ для нихъ монашескій уставъ, звонилъ на колокольнѣ, читалъ за трапезой житія святыхъ. А отъ монашескаго послушанія непосредственно переходилъ къ допросамъ, пыткамъ и казнямъ подозрѣваемыхъ имъ людей, которымъ приписывались небывалыя измѣны. Кровь лилась рѣкой въ теченіе семнадцати лѣтъ, безъ числа гибли знатные и простые люди, погибъ отъ руки отца любимый сынъ его царевичъ Иванъ Ивановичъ (19 ноября 1582 г.), рожденный по молитвѣ родителей предъ гробомъ пр. Никиты Столпника. На поминъ души царевича онъ далъ вкладу въ Переславскій Ѳедоровскій монастырь: Слободку Ямскую, дворцовое село Ивановское, с. Петровское, да 500 р. на монастырское строеніе. Кн. Курбскій называлъ Слободу „кровопійственнымъ градомъ“.

---

[1]) Платоновъ, Очерки по исторіи смуты, 108.

[2]) Изъ книгъ напечатанныхъ здѣсь извѣстна „Псалтирь“ въ 4-ю долю, 280 л., выхода 1577 г., тисненная какъ значится на выходномъ листѣ. въ „новомъ градѣ Слободѣ“ Андроникомъ Тимоѳѣевымъ Невѣжею.

Однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ царя въ это мрачное время былъ переславскій вотчинникъ боярин̈ъ Алексѣй Даниловичъ Басмановъ, въ чинѣ окольничего, отличавшійся подъ стѣнами Казани (1552 г.) въ день окончательнаго приступа. Впослѣдствіи въ память этого событія выстроилъ въ своей вотчинѣ—с. Елизаровѣ Переславскаго уѣзда каменную церковь въ честь св. великомученика Никиты съ придѣломъ пр. Онуфрія Великаго, пожертвовалъ къ церкви пустошь Вишку и завѣщалъ, чтобы при церкви были два священника и дьяконъ и чтобы за церковными службами поминали родъ Басмановыхъ и его собственныхъ людей, убитыхъ подъ Казанью. Построенная бояриномъ церковь существуетъ до настоящаго времени, но въ сильно искаженномъ видѣ разными передѣлками и перестройками послѣдующаго времени; одинъ шатровый верхъ свидѣтельствуетъ о ея древности. Тѣмъ менѣе сохранилось первоначальныхъ украшеній внутри самаго храма; даже настолько потемнѣли и полуразрушились отъ времени написанныя въ церкви надъ жертвенникомъ имена рода Басмановыхъ и убитыхъ подъ Казанью людей, что ихъ трудно было разобрать, по свидѣтельству К. Н. Тихонравова, полстолѣтія тому назадъ. Вмѣсто двухъ священниковъ давно одинъ. Воля жертвователя такимъ образомъ далеко не выполняется. Впрочемъ, онъ предвидѣлъ это и такъ закончилъ свою дарственную: „обѣдни имъ (священникамъ) пѣти вседневныя въ Никитѣ Чудотворцѣ и о государевомъ здравіи Бога молити, и въ Онуфріи въ преподобномъ служити обѣдню одну въ субботу по всея недѣли перемѣняясь, и родителей нашихъ и насъ и дѣтей нашихъ и всѣхъ людцевъ, которые побиты, во вся дни поминати, а грѣхъ ради нашихъ не благоволитъ намъ Богъ тою отчиною владѣти и церковь и та деревня Вишка свободна, нѣтъ до нея дѣла никому, а кто отъ церкви тое деревню восхититъ и священники не учнутъ обѣденъ выпѣвать и о государевомъ здравіи Бога молити и родителей не поминать, *судія имъ Богъ*“.[1])

Басмановъ былъ славенъ не одною только доблестью подъ Казанью; много разъ онъ бился съ ливонцами и крымскими татарами и одинъ разъ Рязань была обязана своимъ избавленіемъ исключительно его мужеству. Находясь въ принадлежавшемъ ему помѣстьѣ на берегу рѣки Оки, онъ узналъ о набѣгѣ крымцевъ, вооружилъ своихъ людей и вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Ѳедоромъ засѣлъ въ Рязани. Не смотря на ветхость крѣпостныхъ стѣнъ, отстоялъ городъ. Это былъ послѣдній славный подвигъ боярина. Съ переѣздомъ въ Александровскую Слободу онъ пріобрѣлъ печальную извѣстность своимъ дурнымъ вліяніемъ на царя. Его совѣтамъ приписываютъ учрежденіе самой опричины, гдѣ онъ занялъ выдающееся мѣсто.

---

[1]) Владимір. Сборникъ, стр. 132—133.

„Попущеніемъ Божіимъ, говоритъ Временникъ, за грѣхи наши возъярися царь Иванъ Васильевичъ на все православіе по злыхъ людей совѣту Василія Юрьева, да Алексѣя Басманова и иныхъ такихъ же, учинища опричнину". Вкравшись въ довѣріе къ царю, онъ не только потворствовалъ его дурнымъ наклонностямъ, но разжигалъ и раздувалъ ихъ въ цѣлое пламя. Много головъ слетѣло съ плечъ, вслѣдствіе его навѣтовъ, но въ концѣ концовъ не сдобровалъ и онъ самъ. Когда началось дѣло объ измѣнническихъ сношеніяхъ новгородцевъ съ московскими боярами, былъ заподозрѣнъ и схваченъ Алексѣй Басмановъ (1571 г.). Послѣ пытокъ, какъ говорятъ, онъ былъ убитъ по приказанію царя, своимъ сыномъ Ѳедоромъ, который, повидимому, погибъ въ то же время, не смотря на то, что былъ любимцемъ царя. Иванъ IV безъ него, что называется, не могъ жить и собственноручно убилъ князя Ѳедора Оболенскаго за то, что тотъ оскорбилъ его любимца. Отличаясь красотой, кравчій Ѳедоръ Басмановъ былъ вѣтреннымъ и испорченнымъ человѣкомъ не менѣе жестокимъ, чѣмъ его отецъ.

Басмановы происходили изъ рода дворянъ Плещеевыхъ, а именно: боярин Алексѣй Басмановъ былъ сыномъ Данила Андреевича Плещеева по прозванію Басмана, переславскаго помѣщика. Въ спискѣ дворянъ, перечисленныхъ на службу при Иванѣ IV въ столичное дворянство (1550 г.), значится Плещеевы: Алексѣй Басмановъ и Дмитрій Михайловъ. Одновременно съ ними были зачислены слѣдующіе переславскіе помѣщики и вотчинники: Бутурлины—Аѳанасій Матвѣевъ, Василій, Дмитрій, Иванъ и Михаилъ Андреевы, Иванъ и Ѳедоръ Ивановы, Воронцовы—Юрій и Иванъ Михайловы и Иванъ Ѳедоровъ; кн. Куракины—Григорій, Дмитрій, Иванъ, Петръ Андреевы; Ладыгинъ Иванъ Андреевъ; Михайловы—Андрей и Полуектъ Тимофѣевы; Нагово: Афанасій, Семенъ, Ѳедоръ Ѳедоровы и Григорій Ивановъ и мн. др.[1])

---

[1]) В. Н. Сторожевъ. Матеріалы для исторіи рус. дворянства. вып. II. М. 1909 г., стр. 4—28.

X.

Переславль-Залѣсскій въ смуту XVII ст.

Въ противуположность громкой, но печальной извѣстности, которую пріобрѣлъ „Переславль-Залѣсскій уѣздъ“ во вторую половину царствованія Ивана Грознаго, въ правленіе его преемника царя Ѳедора Ивановича совсѣмъ замолкъ и какъ бы затихъ послѣ пережитой грозы. Лѣтописи не отмѣтили здѣсь ни одного событія и только монастырскіе документы свидѣтельствуютъ о вкладахъ кроткаго и благочестиваго царя. Въ переславскій Ѳедоровскій монастырь, посвященный памяти в-м. Ѳеодора Стратилата, небеснаго покровителя царя, онъ далъ грамоту на с. Тюшино (Ильинское тожъ), Подмонастырскую слободку и другія вотчины.

Въ этомъ же родѣ прошло для Переславля царствованіе Бориса Ѳедоровича Годунова. По примѣру прежнихъ великихъ князей онъ былъ здѣсь на богомольи. Вмѣстѣ съ царицей и дѣтьми первоначально путешествовалъ въ Калязинскій монастырь на торжество переложенія мощей пр. Макарія въ новую серебряную раку и, возвращаясь оттуда, заѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ Переславль (1598 г.). Далъ въ вкладъ въ Успенскій Горицкій монастырь село Тетеринское.

Между тѣмъ назрѣвали событія величайшей важности. Въ народѣ держалась увѣренность, что Годуновъ достигъ царскаго престола нечистыми средствами и что по его именно приказанію былъ убитъ во времена царя Ѳеодора родной братъ его царевичъ Димитрій. Никакія средства, примѣнявшіяся Борисомъ для снисканія народнаго довѣрія и преданности, не помогли. И вотъ въ одно время пошелъ слухъ, что царевичъ Димитрій живъ и скрывается за Литовскимъ рубежомъ; зарѣзали же въ Угличѣ подмѣненнаго ребенка. Потомъ явился изъ Польши съ отрядомъ войска человѣкъ, который объявилъ себя сыномъ Грознаго Димитріемъ царевичемъ и бросилъ вызовъ Годунову. Началась вслѣдъ за этимъ борьба, которая показала, что соперникъ весьма опасенъ для царя. Въ это время послѣдней опорой новой династіи оказался Петръ Ѳедоровичъ Басмановъ, внукъ боярина Алексѣя Даниловича. Одинъ изъ всѣхъ царскихъ воеводъ Басмановъ далъ достойный отпоръ самозванцу въ Новгородѣ Сѣверскомъ (1604 г.), удержалъ отъ измѣны другихъ воеводъ и войска и въ концѣ концовъ заставилъ самозванца снять осаду. Въ награду за

это царь Борисъ вызвалъ воеводу въ Москву, устроивъ торжественную встрѣчу, одарилъ его золотомъ, помѣстьями и возвелъ въ санъ боярина. Когда Борисъ Ѳедоровичъ внезапно скончался во время этихъ событій, то юный царь Ѳедоръ II, отправляя Басманова на борьбу съ самозванцемъ, умолялъ его служить такъ же, какъ служилъ онъ отцу, и бояринъ клялся умереть за царя. Но, видя, что дѣло Годуновыхъ проиграно, не задумался передаться со всѣмъ войскомъ на сторону претендента. У царя больше не оставалось средствъ для борьбы и дорога въ Москву для самозванца была открыта.

Видя безпомощность правительства, московскіе приверженцы Лжедимитрія поспѣшили покончить съ Годуновыми. Родственниковъ царя посадили подъ стражу въ Москвѣ, а потомъ разослали въ заточеніе по разнымъ городамъ; самого же царя Ѳедора Борисовича и его мать умертвили. Въ числѣ сосланныхъ былъ Семенъ Никитичъ Годуновъ. Вмѣстѣ съ княземъ Юріемъ Пріимковымъ-Ростовскимъ онъ попалъ въ Переславль Залѣсскій и посаженъ былъ въ тюрьму. Семенъ Годуновъ отличался особенной жестокостью къ народу и больше другихъ своихъ однофамильцевъ заботился о выгодахъ своего рода, для чего не брезговалъ никакими несправедливостями. Этимъ онъ навлекъ сильную ненависть на себя и потому съ нимъ въ Переславлѣ обращались жестоко. По свидѣтельству лѣтописи „тамо (т. е. въ Переславлѣ) по повелѣнію удавленъ бысть“, а по извѣстію иностранца Массы „посаженъ въ погребъ. Здѣсь, когда онъ просилъ ѣсть, ему приносили камень; тамъ постигла его жалкая смерть отъ голода“ (1605 г.).[1])

Перейдя на сторону самозванца, бояринъ Басмановъ сталъ самымъ близкимъ и преданнымъ ему лицомъ. Насколько вѣроломно было отношеніе его къ царю Ѳедору Годунову, настолько къ самозванцу все время сохранялъ постоянную привязанность. Когда онъ узналъ, что князь Шуйскій распространяетъ про самозванца слухи, что онъ не сынъ Грознаго и составляетъ заговоръ о низверженіи его, то Басмановъ донесъ объ этомъ Лжедимитрію. Въ другой разъ онъ предупредилъ „царя“ о такихъ же толкахъ среди стрѣльцовъ. Въ столкновеніи, происшедшемъ поповоду употребленія „царемъ“ телятины за обѣдомъ во время великаго поста, Басмановъ отстоялъ затѣявшаго дѣло Татищева, и выпросилъ для него помилованіе. Но потомъ, когда вспыхнулъ противъ самозванца бунтъ, онъ погибъ отъ ножа того же Татищева и умеръ, защищая Лжедимитрія (17 мая 1606 г.). „Я умираю, кричалъ онъ ему, а ты думай о себѣ“. Трупъ его былъ выброшенъ потомъ на лобное мѣсто и положенъ у ногъ убитаго самозванца. Переславская вотчина Петра Ѳедоровича, с. Елизарово,

---

[1]) Сказаніе иностр. о Россіи, ст. 156.

доставшаяся ему по раздѣльной записи съ братомъ Иваномъ (въ 1588 г.), по смерти боярина поступила въ приданое за его дочерью, вышедшею замужъ за князя Сулешева, другая часть вотчины перешла къ боярину Ѳедору Ивановичу Шереметеву.

Какъ послѣдствіе московской драмы въ августѣ (1606 г.) Переславль видѣлъ въ своихъ стѣнахъ недавнюю „царицу“ Марину Мнишекъ, сосланную вмѣстѣ съ Сандомирскимъ воеводой Юріемъ Мнишекъ и ихъ свитой. Въ партіи, высланной изъ Москвы по большой сѣверной дорогѣ, насчитывалось 375 поляковъ при 300 стрѣльцахъ. Огромный обозъ, направляясь въ Ярославль, 29 августа достигъ с. Глѣбовскаго, гдѣ оставался на ночлегъ. „Въ сей день,—говорится въ дневникѣ Марины,—обогнала насъ подвода, на которой весьма поспѣшно везли въ Переславскую тюрьму донского казака, поймаинаго изъ войска мятежниковъ. Одному изъ нашихъ удалось поговорить съ нимъ: казакъ удостовѣрялъ, что Димитрій живъ. 30 августа ночлегъ въ Переславлѣ, въ 7 миляхъ отъ Глѣбовскаго. Тутъ въ квартирѣ царицы, схватили старуху, которая, облупивъ лягушку; начала было что-то проказничать: ее подстерегли заблаговременно. 31 ночлегъ въ Петровскомъ селѣ“.[1])

Подобно переславской горожанкѣ, старавшейся испортить колдовствомъ Марину, новое правительство стремилось чарами своихъ грамотъ опорочить память убитаго самозванца. „Выкрикнутый“ царемъ на Москвѣ глава заговорщиковъ, князь Василій Ивановичъ Шуйскій, чтобы примирить народъ съ своимъ избраніемъ вмѣстѣ съ патріархомъ писалъ, что самозванецъ былъ никто иной, какъ черноокнижникъ—Гришка Отрепьевъ. Царица Марѳа, такъ недавно признавшая самозванца сыномъ, грамотой отреклась отъ него и говорила, что ея сынъ убитъ въ Угличѣ. Шуйскій объявилъ царевича Димитрія святымъ и перенесъ его мощи въ Москву. Между тѣмъ у всѣхъ было на памяти, что тотъ же Шуйскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ увѣрялъ, что царевичъ—самоубійца, зарѣзавшійся въ припадкѣ падучей болѣзни. Народъ путался въ этихъ противорѣчіяхъ правительства, не вѣрилъ ничему и подобно донскому казаку думалъ, что царь Димитрій живъ.

Надвигалась новая бѣда, предчувствія которой, какъ говорится, носились въ воздухѣ. Пр. Иринарху ростовскому было видѣніе, что царство русское ждутъ новыя бѣдствія и оно будетъ плѣнено поляками. Повѣдать объ этомъ царю Василію Ивановичу затворникъ самъ отправился въ Москву и по дорогѣ остановился въ Переславлѣ въ Никитскомъ монастырѣ. Вызвалъ сюда болѣвшаго лихорадкой діакона

---

[1]) Сказанія совр. о Димитріи Самозв., II, 179.

Симеоновской церкви Ануфрія и далъ ему порученіе уничтожить „что бысть во градѣ Переславлѣ камень за Борисомъ и Глѣбомъ въ боярку, въ немъ же вселися демонъ, мечты творя и привлачая къ себѣ изъ Переславля людей: мужей и женъ ихъ и дѣтей, и разсѣвая сердца въ праздникъ великихъ верховныхъ ап. Петра и Павла. И они служаху ему и къ нему стекахуся изъ году въ годъ и творяху ему почесть". Діаконъ не побоялся іереевъ и христіанъ, возставшихъ на него за это и исполнилъ порученіе: выкопалъ вблизи камня яму, свалилъ его туда и засыпалъ землею. Когда онъ явился затѣмъ къ старцу, тотъ далъ ему хлѣба и діаконъ выздоровѣлъ. Помолившись переславскимъ святынямъ, пр. Иринархъ отправился въ Москву и по дорогѣ посѣтилъ монастырь Пречистой Богородицы на рѣкѣ Кубри [1]).

Видѣніе святого старца начало сбываться очень скоро. Появился второй самозванецъ, который также выдавалъ себя за Димитрія, сына Грознаго, и, не смотря на то, что былъ грязнымъ и невѣжественнымъ мужикомъ, имѣлъ большой успѣхъ. Владѣя значительными силами 1-го іюня 1608 г., онъ подступилъ къ Москвѣ, расположился станомъ въ с. Тушинѣ, въ 12 верстахъ отъ столицы, и началъ отсюда ее тѣснить. Въ это время былъ посланъ изъ Москвы дьякъ посольскаго приказа Василій Телепневъ и толмачъ Григорій Кропольскій „съ царскими эпистоліями на собраніе чина воинскаго въ супротивленіе окаянныхъ воровъ" въ Переславль Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, Кострому и Галичъ, однимъ словомъ по большой сѣверной дорогѣ. Такъ какъ путь между Москвой и Троицей былъ во власти тушинцевъ, то изъ Москвы имъ пришлось ѣхать сначала на Киржацкій ямъ, а оттуда на Александрову Слободу. И вотъ по пути къ Переславлю путники были свидѣтелями такого небеснаго явленія. Въ очертаніи облаковъ видны были левъ и змѣй, окруженные звѣрями и змѣями. И змѣй, и левъ какъ бы желали растерзать другъ друга, но оба исчезли съ небесъ и облака приняли свой обычный видъ. Тогда толмачъ объяснилъ своему спутнику, что это не простое явленіе, а знаменіе: левъ изображаетъ царя Шуйскаго, змѣй—Тушинскаго вора, какъ звали второго самозванца, а змѣи и звѣри вокругъ нихъ—ихъ приверженцевъ. Какъ левъ и змѣй желали поглотить одинъ другого, но оба скоро исчезли, такъ Шуйскій и воръ не одолѣвъ другъ друга, должны скоро исчезнуть [2]).

---

[1]) Находился недалеко отъ с. Вѣдомши Переславскаго уѣзда.

[2]) „Повѣсть о нѣкоей брани, належащей на благочестивую Россію" въ Русск. Ист. Библ. т. VIII; Платоновъ С. Древнерусскія сказанія и повѣсти о смутномъ времени XVII в. С.-П.-Б. 1888 г., стр. 117—118.

Предзнаменованная борьба Тушинскаго вора съ царемъ Василіемъ Шуйскимъ усилилась съ осени 1608 г., послѣ того какъ къ самозванцу стали приходить польскіе военачальники со своими отрядами. Раньше другихъ появился здѣсь отчаянный наѣздникъ Александръ Лисовскій, за нимъ пришелъ знатный воевода Янъ Сапѣга, приходили и другіе паны—искатели приключеній и охотники до поживы на чужой счетъ, но самыми выдающимися были указанные двое. По приходѣ въ тушинскій лагерь Лисовскій не могъ жить долго безъ дѣла и отправился съ своей шайкой головорѣзовъ рыскать въ областяхъ, прилегающихъ къ Москвѣ. Такъ какъ Переславль Залѣсскій расположенъ недалеко отъ Москвы и при томъ на большой торговой дорогѣ, то Лисовскій скоро нашелъ сюда путь и въ сентябрѣ грабилъ села и усадьбы Переславскаго уѣзда. Борьба змѣя и льва перешла, такимъ образомъ, и въ Переславль Залѣсскій. Но доколѣ это былъ не болѣе какъ разбойничій набѣгъ и воевать самый городъ не имѣлось въ виду. Лисовскій ушелъ отсюда на соединеніе съ Сапѣгой и началъ съ нимъ осаду Троице-Сергіевскаго монастыря (27 сентября 1608 года).

Но, видимо, набѣгъ Лисовскаго не остался безъ послѣдствій для Переславля. По крайней мѣрѣ черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого Переславль Залѣсскій призналъ тушинскаго Димитрія своимъ царемъ и цѣловалъ ему крестъ. Это было въ то время, когда центральные и сѣверные города были за Шуйскаго. Такой поспѣшный переходъ на сторону самозванца, очевидно, имѣлъ свои основанія. „Во градѣ Переславлѣ Залѣсскомъ,—говоритъ Новый лѣтописецъ,—сущіи людіе слышаша бываемое подъ монастыремъ (Троицкимъ) и въ Суздали, и собравшася вси цѣловаше крестъ вору“. По этому извѣстію выходитъ, что переславцы оттого присягнули вору, что его призналъ Суздаль и что Переславль могъ быть подвергнутъ такой же осадѣ, какъ Троицкій монастырь; слѣдовательно, на путь измѣны Шуйскому переславцевъ увлекли примѣръ другого города и боязнь военныхъ дѣйствій. Но это едва ли такъ. Есть извѣстіе, что Переславль съ его уѣздомъ передался на сторону самозванца первымъ изъ всѣхъ подмосковныхъ городовъ [1]). Это же подтверждаетъ сообщеніе дворянина Бекетова, писанное въ Переславль Залѣсскій 14 октября 1608 г. о покорности самозванцу Суздаля. „Государя царя и великаго князя Димитрія Ивановича всея Русіи,—говорится тамъ,—приказнымъ людемъ великимъ паномъ Тимофею Бьюкову, да Петру Головичу... велѣно намъ въ Суздали и Суздальскомъ уѣздѣ... приводити къ крестному цѣлованію. И мы въ Суздаль пріѣхали октября въ 14 день; и въ Суздалѣ суздальцы дворяне и дѣти боярскіе, и посадскіе торговые

---

[1]) Костомаровъ. Собр. сочин. Историч. монограф. Смутное время. С.-П.-Б 1904 г. стр. 336.

люди и всякіе уѣздные люди, и государевыхъ дворцовыхъ селъ, и архіепископли, и монастырскіе, и княженецкіе, и боярскіе прикащики, и старосты, и крестьяне государю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Русіи вину свою принесли и крестъ ему, государю, цѣловали; и Суздальскій архіепископъ Галахтіонъ, и дворяне, и дѣти боярскіе, и посадскіе люди, и монастырскіе ко государю царю и великому князю Димитрею Ивановичу всея Русіи съ повинною послали" [1]). Здѣсь съ несомнѣнностью устанавливается, что Суздаль передался самозванцу не раньше 14 октября 1608 г. Переславль же въ то время былъ уже на его сторонѣ. Управленіе краемъ находилось въ рукахъ приказныхъ людей: русскаго Тимофея Бьюкова и поляка Петра Головича. Такимъ образомъ, извѣстіе Новаго лѣтописца не точно и приходится считать, что изъ центральныхъ городовъ Переславль цѣловалъ крестъ вору дѣйствительно первымъ. Благопріятная почва для перехода отъ Шуйскаго ко второму Лжедимитрію, какъ мы видѣли, была. Шуйскому не довѣряли, Тушинскаго же царика, конечно, считали истиннымъ Димитріемъ сыномъ Грознаго. Въ частности же, надо думать, сыграла роковую роль въ этомъ близость Переславля къ театру военныхъ дѣйствій и настойчивое стремленіе тушинцевъ склонить его на свою сторону, чтобы обезопасить свой тылъ. Повидимому это именно и имѣетъ въ виду одинъ изъ современниковъ смуты, когда сообщаетъ объ этомъ событіи. Изъ-подъ Троицы, повѣствуетъ онъ, „Сапѣга отрядилъ небольшую дружину, подъ начальствомъ испанца дона Жуана Крузатти, для покоренія окрестныхъ селъ и городовъ. Переславль присягнулъ Димитрію, но Ростовъ, отстоящій отъ него не далѣе 12 миль, не хотѣлъ покориться" [2]). Весьма возможно, что вмѣстѣ съ тѣмъ были и другія причины, толкнувшія Переславль въ объятія самозванца [3]).

Въ первыхъ числахъ октября (1608 г.) Залѣсье было во власти враговъ Шуйскаго. Въ Москвѣ этого не ожидали и даже назначили Переславль сборнымъ пунктомъ для дѣтей боярскихъ и ратныхъ людей владимірцевъ, суздальцевъ, муромцевъ, ярославцевъ, переславцевъ и ростовцевъ. Велѣно было также въ Переславлѣ и другихъ городахъ укрѣпить осаду. Очевидно, хотѣли занять и удержать въ рукахъ сѣверный торговый путь и зайти къ врагамъ съ тыла. Владимірскій воевода Третьякъ Сентовъ, которому поручено было это дѣло, первоначально отправился къ Юрьеву Польскому „подъ воровъ", а потомъ разсчитывалъ быть въ Переславлѣ. Но опоздалъ. Враги раньше учли это обстоятельство и обезпечили себѣ обладаніе

---

[1]) Акты историч., II. 131—132.

[2]) Сказанія современ. о Димитріи Самозванцѣ, I. С.-П.-Б. 1859 г., ст. 100.

[3]) Въ повѣсти А. Марлинскаго (А. А. Бестужева) „Намѣстники" дѣло объясняется измѣной одного изъ князей Спцкихъ.

Переславлемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и торговымъ путемъ въ Бѣломорье. Сами переславцы, вѣроятнѣе всего, были далеки отъ подобныхъ разсчетовъ. Они со всею искренностью перешли на сторону царя Димитрія и на первыхъ же дняхъ показали ему свою преданность. „Собрашася съ литовскими людьми,—говоритъ Новый лѣтописецъ,—поидоша ко граду Ростову, хотящи тамо сущій народъ такожде ко кресту привести, якоже и сами сотвориша, вѣдуще яко въ Ростовѣ градской крѣпости никакія нѣсть". Все это было въ порядкѣ вещей: какъ новообращенные они вложили въ это дѣло весь подъемъ своего чувства и стремились увлечь на свой путь ближайшихъ сосѣдей. Между тѣмъ воевода Третьякъ Сеитовъ, узнавъ о происшедшемъ, поспѣшилъ изъ-подъ Юрьева къ Ростову. Къ своимъ войскамъ онъ присоединилъ собранныя митрополитомъ ростовскимъ Филаретомъ и напалъ на Сапѣгиныхъ казаковъ и переславцевъ. Но былъ разбитъ. Повернулъ съ дороги въ Ростовъ, а потомъ далѣе въ Ярославль. Видя надвигающуюся опасность, многіе ростовцы также поспѣшили оставить городъ и приглашали съ собой митрополита. Но онъ не согласился уѣхать съ ними, увѣщевалъ ихъ остаться и мужественно отразить врага. Не смотря на то, что лично не уважалъ Шуйскаго и не принадлежалъ къ его сторонникамъ, онъ трезво видѣлъ всю фальшь второго самозванца и предостерегалъ своихъ сограждан отъ ложнаго шага. Его увѣщанія имѣли успѣхъ и ростовцы оказали соединенному войску переславцевъ и поляковъ сопротивленіе. Когда тѣ, 11 октября 1608 г., подступили къ городу, они вмѣстѣ съ митрополитомъ заперлись въ соборной церкви. Филаретъ облачился въ архіерейскія одежды и приказалъ священникамъ причащать народъ и готовить къ смерти. Овладѣвъ городомъ, литовцы съ переславцами окружили соборъ и требовали отъ осажденныхъ сдачи. Оттуда стали стрѣлять и не давали врагамъ близко подходить къ храму. Но видя безуспѣшность такого сопротивленія, митрополитъ подошелъ къ дверямъ и черезъ запертыя двери сталъ уговаривать переславцевъ, чтобы они отложились отъ самозванца и снова принесли присягу царю Василію Ивановичу. Тѣ, какъ услышали его голосъ, „абіе неистовствомъ возсвирѣпѣша". Бросились къ церковнымъ дверямъ, выбили ихъ, и учинили побоище. Какъ говорятъ, тогда погибло до двухъ тысячъ ростовцевъ. Во время грабежа даже разрубили по частямъ золотую раку, въ которой покоились мощи св. Леонтія, ободрали цѣнныя ризы съ иконъ и взяли церковную и митрополичью казну. Самого митрополита Филарета подвергли безчестію: сорвали съ него святительскія одежды, надѣли сермягу, покрыли голову татарской шапкой, посадили на возъ для насмѣшки вмѣстѣ съ какою то женкою и въ такомъ видѣ отправили въ Тушино, а сами возвратились домой съ награбленной добычей. „О, горѣ, сему окаянному народу города Переславля,—говоритъ лѣтописецъ,—како бы въ семъ

въ богоспасаемомъ градѣ Ростовѣ церквамъ Божіимъ и ракамъ чудотворцовымъ и святителю поругану бывшу, и многу множеству народу побіену бывшу, не отъ литовскихъ людей бысть больше разореніе, но отъ своего народа христіанскаго; свои же окаянніи души погубиша, а убіенніи души за свою правду отъ Бога вѣнцы пріяша".

Въ своемъ усердіи названному царю Димитрію переславцы дѣйствительно дошли до крайности. Но если стать на ихъ мѣсто въ то время, то суровый приговоръ лѣтописцевъ долженъ быть смягченъ. Увѣрившись, что находившійся въ Тушинѣ Димитрій—истинный царь, переславцы возбужденные сопротивленіемъ ростовцевъ, произвели надъ ними насиліе, которое могли искренно считать дѣломъ необходимымъ, заслуженнымъ наказаніемъ за измѣну царю. И собственно не столько противъ ростовцевъ, видимо, имѣли переславцы, сколько противъ митрополита. Какъ сторонники старой династіи, они должны бы были, казалось, наоборотъ почитать Филарета, въ мірѣ боярина Ѳедора Никитича, доводившагося племянникомъ царицѣ Анастасіи Романовнѣ, первой женѣ Грознаго. А вмѣсто этого подвергли его особому позору. Не оттого ли это произошло, что онъ былъ главнымъ виновникомъ сопротивленія, оказаннаго ростовцами. Отправляя его въ Тушино, они, видимо, думали, что тамъ накажутъ его за недостойное отношеніе къ царю. Кромѣ того, быть можетъ, нѣкоторые лѣтописцы описывали это происшествіе по окончаніи смуты, когда сынъ Филарета Никитича былъ избранъ царемъ, то неудивительно, что недостаточно объективно отнеслись тогда къ переславцамъ. Послѣдніе участвовали потомъ въ разграбленіи Костромы, осадѣ Троицкой Лавры, но почему то никакому осужденію лѣтописца не подверглись. С. М. Соловьевъ объясняетъ этотъ эпизодъ слѣд. образомъ: „такой поступокъ послѣднихъ (переславцевъ),—говоритъ онъ,—трудно объяснить иначе, какъ историческою враждою Переславля къ Ростову".

Вслѣдъ за Ростовомъ Сапѣга распорядился занять Ярославль; тотъ добровольно покорился самозванцу и, такимъ образомъ, вся сѣверная дорога до Волги, за исключеніемъ Троицы, была въ рукахъ враговъ Шуйскаго. Создавшимся благопріятнымъ положеніемъ поляки пользовались широко. Ратные люди то и дѣло сновали по этой дорогѣ, разыскивали и везли въ таборы подъ Троицу и въ Тушино провіантъ и фуражъ. Когда мѣстность вдоль по дорогѣ оказалась обобранной, то стали заходить въ сторону отъ нея и находить тамъ, что нужно. Вскорѣ не было уже уголка, гдѣ бы не побывали „воры" и „литовскіе люди". Особенно это тяжело отозвалось на Залѣсьи, рядомъ съ которымъ стояло большое войско подъ Троицей. Союзники оказались хуже враговъ и переславцы стали прозрѣвать. Пошли частыя жалобы, главнымъ образомъ, Сапѣгѣ подъ Троицу или въ крайнемъ случаѣ въ Тушино „царю Димитрію", посылавшіяся людьми самыхъ разно-

образныхъ положеній: духовными, боярами, горожанами и крестьянами. Всѣ въ одинъ голосъ кричали о разореніи и просили о защитѣ. Архимандриты и игумены переславскихъ монастырей писали, что владѣютъ ихъ монастырскими вотчинами, селами и деревнями загонные ратные люди, взяли съ монастырей откупъ 360 руб. денегъ, собираютъ кормы и столовые на польскихъ пановъ „и отъ тѣхъ кормовъ и отъ денежнаго сбора они въ конецъ погибли“.[1]) Печаловались на это, когда не прошло двухъ мѣсяцевъ со времени присяги тушинскому Димитрію.

Въ томъ же ноябрѣ (1608 г.) „великій господинъ преосвященный Филаретъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій, нареченный (въ Тушинѣ) патріархъ московскій и всеа Русіи“, писалъ Сапѣгѣ, что въ Благовѣщенскій монастырь на Киржачѣ, гдѣ „храмъ отъ воинскихъ людей разоренъ, и престолъ нарушенъ и осквернень, и сосуды церковные поиманы, и нынѣ въ томъ храму божественные литургѣи служити нельзѣ, и православнымъ христіанамъ прибѣгнути негдѣ, и многіе умираютъ безъ причастья“ онъ, митрополитъ, распорядился освятить храмъ и вышлетъ туда антиминсъ.

Князь Романъ Троекуровъ писалъ Сапѣгѣ изъ Тушина, что государь пожаловалъ его въ Переславскомъ уѣздѣ селыцомъ Новоселками, селомъ Вяткинымъ и Заболотьемъ.[2]) Но такъ какъ села эти были заняты польскими панами, которые всѣ доходы брали на себя, то новому владѣльцу не доставалось ровно ничего. Проситъ дать пристава, чтобы освободить его помѣстья отъ не прошенныхъ владѣльцевъ. „А я тебѣ, государю своему,—заканчиваетъ князь одно письмо,—мало пишу, а много челомъ бью“.

Интересна челобитная горожанъ. Дѣти боярскіе и посадскіе люди переславскіе пишутъ въ ней: „Били, государь, мы челомъ прежъ сего тебѣ, государю, великому пану Петру Павловичу Сапѣгѣ, о своей великой бѣдности и разореніи отъ ратныхъ людей, что къ намъ изъ таборъ, отъ государя царя и великаго князя Димитрія Ивановича всеа Русіи, ходятъ ратные люди, скрозь Переславль къ Ростову и къ Ярославлю; и отъ тѣхъ, государь, ратныхъ людей государеву богомолью, монастыремъ и монастырскимъ вотчинамъ, грабежъ и насиліе было великое, и намъ, дѣтишкамъ боярскимъ, и намъ сиротамъ посацкимъ людямъ и слобожанамъ отъ тѣхъ же ратныхъ людей: домишка, государь, наши разорили, а животишка наши пограбили, а женишекъ нашихъ и дѣтишекъ на позоръ къ себѣ имали“. Просятъ оставить у нихъ воеводой пана Прокопія Карпо-

---

[1]) Сборн. кн. Хилкова. С.-П.Б., 1879 г., XVIII, грамота писана 29 ноября 1608 года.

[2]) Теперь села Александровскаго и Покровскаго уѣздовъ.

вича Стадницкаго, который дѣлаетъ имъ много добра, но теперь хочетъ ѣхать въ таборы.'

Разореніе селъ и деревень хорошо описаны въ челобитной Лжедимитрію дворцовыхъ крестьянъ с. Иркова (теперь Александровскаго уѣзда). „Царю государю и великому князю Дмитрію Ивановичу всеа Русіи бьютъ челомъ и плачутца сироты твои государевы с. Иркова Введенья Пречистыя Богородицы попъ Архипъ да земской дьячекъ Ларка Селивановъ, да твои государева крестьянишка Олешка Кузминъ, да дер. Поддатневы Трешко Степановъ да Олферко Микитинъ, и во всѣхъ крестьянишекъ мѣсто с. Ирково и деревни. Пріѣзжаютъ, государь, къ намъ, сиротамъ твоимъ, въ с. Ирково многіе твои государевы ратные загонные люди, и твое царское богомолье церковь разорили, и насъ, сиротъ твоихъ, бьютъ и пытаютъ разными пытками изъ денегъ, и животишка наши, лошади и быки, и коровы, и кабаны, и овцы, и всякое животину и платье поимали, и женишекъ нашихъ и дочеришокъ емлютъ на постелю силно и позорятъ, а иные дѣвки и жонки, со страсти, по лѣсамъ, въ нынѣшнюю зимнюю пору отъ стужи померли; и въ дер. Поддатневу пріѣхавъ твои государевы ратные люди разграбили и выжгли, а что было, государь, осталось хлѣбца, ржи и овса, и тотъ весь овесъ перемолотили и въ пивѣ варятъ, и тотъ хлѣбъ и пиво, нами же, въ таборы возятъ; да на насъ же, на сиротахъ твоихъ, правятъ на себя великихъ кормовъ, яловицъ и кабановъ, и овецъ, а намъ, сиротамъ твоимъ, взяти негдѣ, стали и наги, и босы, и голодны, и головы приклонити негдѣ“...[1])

То, что было въ Ирковѣ, происходило въ Переславскомъ уѣздѣ вездѣ и это всего черезъ два—три мѣсяца послѣ признанія тушинскаго Димитрія своимъ царемъ. Разумѣется, такая несправедливось настолько отрезвила переславцевъ и перемѣнила ихъ образъ мыслей относительно Лжедимитрія и его польскихъ сподвижниковъ, что они стали раскаиваться въ своемъ увлеченіи. Крѣпкое стояніе Троицкаго монастыря противъ Сапѣги было у нихъ предъ глазами; этотъ примѣръ и увѣщанія монаховъ имъ ясно указывали путь, по которому слѣдовало итти. И они задумали освободиться. 10 декабря 1608 года Андрей Семеновичъ Алябьевъ писалъ изъ Нижняго-Новгорода: „Юрьевецъ Повольскій, и Галичъ, и Кострома, и Ярославль, и Вологда, и Переславль, и иные многіе городы обратились государю царю и великому князю Василію Ивановичу всея Русіи крестъ цѣловали, а воровскихъ людей, которые смуту учинили, и литву, многихъ побили“.[2]) Вспыхнувшее возстаніе охватило цѣлый рядъ городовъ и вселило понятную тревогу въ Тушинѣ. Тамъ, какъ только стало извѣстно объ этомъ,

---

[1]) Акты историч. II, стр. 136, 149, 151, 419, 420.

[2]) Акты историч. II, стр. 141.

было поручено суздальскому воеводѣ Плещееву укротить возстаніе въ Переславлѣ. Сапѣга отправилъ изъ-подъ Троицы на то же дѣло Стравинскаго, потомъ Лисовскаго, которые не дали разрастись движенію. Силы противниковъ были слишкомъ не равныя: Переславль и другіе возставшіе города должны были покориться неизбѣжности и выжидать болѣе благопріятнаго времени, чтобы сбросить позорное ярмо. А до тѣхъ поръ по необходимости дѣлали то, что приказывали побѣдители. Отправляясь усмирять возстаніе въ другихъ городахъ, Лисовскій заставилъ идти съ собой и переславцевъ. Они были съ нимъ подъ Костромой, гдѣ многіе были ранены; другимъ слѣдовало явиться подъ Ярославль, но ростовскій воевода Иванъ Наумовъ, которому поручена была осада (въ маѣ 1609 г.), между прочимъ, жаловался Сапѣгѣ: „а со мною, господине, только дѣтей боярскихъ пошехонцевъ и романовцевъ, и вологжанъ, кои прямятъ государю царю и великому князю Димитрію Ивановичу всея Русіи, 23 человѣка, да ростовцевъ 20 человѣкъ, да дмитровцевъ и ярославцевъ по 2 человѣка изъ города, а переславцевъ нѣтъ ни одного человѣка".[1]) И такъ какъ въ то же время Переславль оффиціально числился за Тушинскимъ воромъ, то это дало основаніе осажденнымъ ярославцамъ писать въ Пермь и другіе города по поводу ухода Лисовскаго изъ-подъ Ярославля къ Костромѣ, что „Ростовъ, господа, и Переславль Залѣсскій, и Суздаль еще за воры" (13 іюня 1609 г.).[2])

Въ концѣ концовъ Ярославль снова былъ приведенъ подъ власть тушинскаго царика и попрежнему вся сѣверная дорога оказалась въ рукахъ враговъ Шуйскаго. Послѣ того опять прошелъ слухъ, что Ярославль отложился отъ Димитрія, тогда переславскіе дѣти боярскіе писали Сапѣгѣ: „У насъ, государь, у холопей въ Переславлѣ большого наряду и всякаго оружія, ни пороху нѣтъ, оборониться нечѣмъ; и вели, государь, намъ дѣтишкамъ боярскимъ, для осаднаго времени, быти въ Переславлѣ Залѣсскомъ. А мы, государь, были на царской службѣ подъ Костромой, лошадишки подъ нами побили и поранили и самихъ многихъ поранили; и намъ, государь, вели быти въ Переславлѣ, съ паномъ Прокофьемъ (Стадницкимъ), чтобы намъ холопамъ и намъ сиротамъ бѣднымъ людишкамъ въ конецъ не погибнуть. Государь его мость панъ Янъ Петръ Павловичъ, смилуйся надъ нами, вели, государь, насъ холопей и посадскихъ людей оборонити, чтобы мы холопи и посадскіе людишки посѣчены и ограблены и вызжены отъ измѣнниковъ не были и въ конецъ не погибли. Государь, смилуйся, помилуй".

Но если оказалось возможнымъ для переславцевъ уклониться отъ осады Ярославля, то, къ сожалѣнію, нельзя этого сказать отно-

---

[1]) Акты историч. II, 269.

[2]) Акты Арх. Эксп. II, 231.

сительно участія ихъ въ осадѣ Троицкаго монастыря. Въ силу разныхъ обстоятельствъ ихъ было больше въ станѣ враговъ, чѣмъ среди доблестныхъ защитниковъ обители пр. Сергія. „Выпись вылазкамъ изъ Троице-Сергіева монастыря на воровъ“ говоритъ лишь о двоихъ переславцахъ—защитникахъ монастыря: Петрѣ Ошушковѣ и Игнатіи Ковѣзинѣ. Первый отличился тѣмъ, что въ январѣ 1609 г. „языка взялъ“, т. е. полонилъ непріятеля для полученія отъ него необходимыхъ свѣдѣній о врагахъ, а потомъ въ февралѣ оба были ранены, когда оберегали осажденныхъ при вылазкѣ за водою. А „роспись переславцамъ, бывшимъ на приступѣ подъ Троицкимъ Сергіевымъ монастыремъ съ гетманомъ Сапѣгою“ 28 іюня 1609 г. пересчитываетъ слѣдующихъ лицъ:

„Дворяне и дѣти боярскіе: Матвѣй Ивановъ сынъ Большево, убитъ“.

„Таиръ Редриковъ, раненъ изъ пищали въ голову“.

„Томило Ондреевъ сынъ Егосковъ, голова у него съ города прошиблена камнемъ“.

„Евсевеи Ивановъ сынъ Нороватоіи, голова у него съ города прошиблена камнемъ“.

„Богданъ Замятнинъ сынъ Айгустовъ, правая рука разшибена камнемъ“.

„Аѳанасіи Тимофеевъ сынъ Воиниковъ, голова у него съ города прошиблена бревномъ“.

„Григоріи Елизарьевъ сынъ Ананьинъ, раненъ изъ затинноі въ правую ногу“.

„Охотники: Прокофеи Жуковъ, раненъ изъ самопала по головѣ вскользь“.

„Савелеи Жуковъ, раненъ изъ самопала въ правую ногу, да въ руку“.

„Нѣмчинъ Каширъ Липа, раненъ изъ самопала по лицу и по носу по правоі сторонѣ“.

„Никитскаго монастыря служка Салтанъ Третьяковъ, раненъ изъ пищали“.

„Служка жъ Ивашко Ѳедоровъ сынъ Шелоховъ, убитъ до смерти“.

„Того же Никитскаго монастыря 4 человѣка крестьянъ ранены, а 5 человѣкъ крестьянъ убиты“.

„Даниловскаго монастыря вотчины, что въ Переславлѣ, с. Самарова да д. Загорья, да д. Кичибухина, убито 15 человѣкъ крестьянъ“.

„Да Ѳедоровскаго монастыря вотчины слободки, убито 5 человѣкъ крестьянъ".

„Пречистыя Богородицы Горицкаго монастыря вотчины с. Веслева съ деревнями, убито 10 человѣкъ крестьянъ".

„С. Осурова съ деревнями, убито крестьянъ 2 человѣка, а третій раненъ".

„Дворяне и дѣти боярскіе, которые у приступа были и служили явственно: литвинъ Михайло Михайловъ сынъ Радышевскій. Осипъ Булатовъ сынъ Измайловъ. Ондрей Петровъ сынъ Трусовъ. Василій Колесовъ. Владимиръ Савлуковъ. Степанъ Кучинъ. Степанъ Семеновъ сынъ Зайцевъ. Ондрей Семеновъ сынъ Григорьевъ. Максимъ Дементьевъ сынъ Редриковъ. Димитрій Богдановъ сынъ Редриковъ. Иванъ Козадовлевъ. Иванъ Радивоновъ. Борисъ Замятнинъ, сынъ Родивоновъ. Василій Григорьевъ сынъ Кулешинъ. Богданъ Яковлевъ сынъ Володковъ. Первый Ивановъ сынъ Бекетовъ. Крикъ да Нечай да Докучай Петровы дѣти Княжины. Дружина Юрьевъ сынъ Татариновъ. Уланъ Татариновъ. Димитріи Михайловъ сынъ Остафьевъ. Кирилла Семеновъ сынъ Протопоповъ".[1])

Нельзя, конечно, безъ чувства горечи читать этотъ пространный списокъ именъ, запятнавшихъ себя позоромъ, но съ другой стороны справедливо ли будетъ отнестись къ нимъ съ однимъ только порицаніемъ и осужденіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство изъ нихъ дѣйствовало по принужденію, подъ страхомъ отвѣтственности и угрозы. Были, впрочемъ, и охотники, т. е. такія лица, которыя добровольно шли въ ряды противниковъ Шуйскаго. Но тѣ и другіе скорѣе внушаютъ чувство жалости: первые потому, что не имѣли мужества отказаться съ честью, а вторые—вслѣдствіе близорукости ихъ убѣжденій. „То было,—говоритъ К. С. Аксаковъ,—сомнѣніе, колебаніе, шатаніе, а не измѣна. Люди не знали, чему вѣрить: бросались къ одному—и убѣждались, что здѣсь обманъ; бросались къ другому—и тамъ не видѣли правды; они могли еще знать противъ кого драться, но за кого, за что имъ было стоять...."

Изъ подневольнаго фальшиваго положенія Переславль былъ освобожденъ осенью этого же года (1609 г.), послѣ одиннадцати мѣсяцевъ нахожденія во власти Сапѣги. Принесъ съ собой избавленіе племянникъ царя Василія князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій, приведшій съ собою наемные полки шведовъ изъ Новгорода Великаго. Дойдя до Калязина, Скопинъ рѣшилъ овладѣть сѣверною торговою дорогою и съ этою цѣлью послалъ передовой отрядъ подъ начальствомъ Семена Коробьина къ Переславлю Залѣсскому (въ августѣ 1609 г.). Но подойти сюда ему не дали. Навстрѣчу

---

[1]) Акты истор., II, 212, 279.

вышли изъ Переславля литовскіе люди Сапѣги и такъ сильно ударили на Коробынна, что онъ едва ушелъ отъ нихъ въ Калязинскій монастырь, гдѣ находился Скопинъ. Преслѣдуя Коробынна, Сапѣга подошелъ къ Калязину и завязалъ съ княземъ Михаиломъ битву, въ которой ни та ни другая сторона перевѣсъ не взяла, но Сапѣга понялъ, что передъ нимъ сильный врагъ. Онъ отступилъ къ Рябову, предполагая поправиться и начать битву снова. Но войска его послѣ неудачи не хотѣли драться и Сапѣга не могъ ихъ уговорить въ теченіе нѣсколькихъ дней. Паны снялись съ лагеря и двинулись къ Переславлю. По дорогѣ грабили села и деревни, уводили послѣдній скотъ. Въ Переславлѣ Сапѣга усилилъ гарнизонъ 250-ью человѣками стрѣльцовъ, а также оставилъ двѣ казацкія роты и много дѣтей боярскихъ, самъ же снова отправился къ Троицѣ. Тѣмъ временемъ Скопинъ рѣшилъ дѣйствовать. Вслѣдъ за Сапѣгой онъ отправилъ воеводъ: своего шурина Семена Васильевича Головина, Григорія Валуева и шведа Христіерна Зоме, чтобы завладѣть Переславлемъ, каковой тогда былъ ключемъ къ сѣверной дорогѣ, сдѣлать то, чего не могъ выполнить Коробынъ. Войска тихо подошли къ городу и взяли его приступомъ ночью 1 сентября 1609 года. Сѣча была безпощадная, во время ея было убито 500 человѣкъ и взято въ плѣнъ 154 человѣка поляковъ со множествомъ слугъ и казаковъ, кои всѣ были преданы мучительной смерти.

По полученіи извѣстія о взятіи Переславля Скопинъ разослалъ гонцовъ по сосѣднимъ городамъ за казною на содержаніе войска, а потомъ вмѣстѣ съ шведскимъ военачальникомъ Делагарди и со всемъ ополченіемъ прибылъ въ Переславль. Распорядился на счетъ укрѣпленія города и, оставивъ воеводъ, самъ пошелъ дальше къ Москвѣ. Не чувствуя себя на столько сильнымъ, чтобы итти кратчайшею дорогою на Троицу и сразу вступить въ бой съ Сапѣгою, онъ отправился слободскою дорогою. Выслалъ впередъ себя соединенный русско-шведскій отрядъ, который выгналъ поляковъ изъ Александровой слободы. Занятіе этого пункта было весьма важно вслѣдствіе его близости къ осажденному Троицкому монастырю; такъ какъ Слобода стояла на пути доставки провіанта войскамъ Сапѣги. Это прекрасно сознавала та и другая сторона. Не желая мириться съ такимъ положеніемъ Сапѣга подступилъ сюда изъ-подъ Троицы съ большими силами. Недалеко отъ Слободы произошелъ бой подъ с. Каринскимъ и, отличаясь большой настойчивостью съ той и другой стороны, продолжался цѣлый день, послѣ чего поляки отступили съ значительными потерями. Вскорѣ къ Скопину въ Слободу пришелъ съ ратными силами бояринъ Шереметевъ. Но и тогда Скопинъ не рисковалъ вступить въ открытую битву съ осаждавшими Троицу поляками, а предпочиталъ изнурять ихъ шагъ за шагомъ и дѣйствительно добился того, что 12 января 1610 года безуспѣшная осада была снята и путь къ Москвѣ сталъ свободенъ.

Прекращеніе осады для Переславскаго уѣзда также имѣло большое значеніе. Военныя силы, стоявшія подъ Троицей, постоянно истощали села и деревни, особенно расположенныя вблизи, разными фуражировками и поборами; народъ обнищалъ и разорился до крайности. Передвиженіе войска въ другое мѣсто дало возможность теперь вздохнуть и хоть немного поправиться послѣ пережитаго изнуренія. Въ какой степени оно было велико въ мѣстностяхъ, даже довольно удаленныхъ отъ Троицы, можно судить по описанію вотчинъ переславскаго Данилова монастыря того времени. Царь Василій Ивановичъ Шуйскій, видимо, не помня прежнихъ грѣховъ настоятелей монастыря, цѣловавшихъ крестъ вору, велѣлъ переславскому губному старостѣ Осипу Дахину составить описаніе, на сколько разорены вотчины Данилова монастыря, разсчитывая, очевидно, наградить его, какъ было можно при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ описаніе это вошло 19 слѣдующихъ селеній:

Сельцо Троицкое (нынѣ дер. Переславской волости). Въ немъ была церковь во имя Св. Троицы, дворы—монастырскій, поповъ и четыре крестьянскихъ; изъ крестьянскихъ дворовъ два жилыхъ и два пустыхъ; крестьяне, бывшіе въ пустыхъ дворахъ, убиты, жены и дѣти ихъ бродятъ по міру.

Деревня Савелово (теперь не существуетъ). Осталось всего крестьянскихъ дворовъ десять, изъ нихъ шесть жилыхъ, четыре пустыхъ; всѣ дворы ограблены литовскими людьми, въ пустыхъ дворахъ одинъ крестьянинъ ими убитъ, а трое скрылись неизвѣстно куда; дѣти и жены ходятъ по міру.

Деревня Воргуша (близъ монастыря). Въ ней одинъ дворъ монастырскій и семнадцать дворовъ крестьянскихъ, изъ нихъ жилыхъ только десять, а остальные семь пустыхъ; вся деревня ограблена и не оставлено ни одной головы скота; крестьяне пустыхъ домовъ скрылись безъ вѣсти.

Деревня Лежнево (теперь не существуетъ). Всего дворовъ въ ней семь, изъ нихъ четыре жилыхъ и три пустыхъ; всю скотину угнали литовскіе люди; изъ пустыхъ дворовъ двое крестьянъ убѣжали, а одинъ вымеръ со всѣмъ семействомъ.

Слобода Луговая (Переславской волости). Осталось въ ней девять жилыхъ крестьянскихъ домовъ, вся скотина отнята литовскими людьми; три двора сожжены, владѣльцы ихъ живутъ на посадѣ и государева тягля съ своихъ дворовъ и мѣстъ не тянутъ.

Слобода Подмонастырная, въ ней жили монастырскій дьячекъ, иконникъ, казенный мастеръ часовщикъ, конюхи, повары, квасовары и хлѣбники.

Село Самарово (на Слободской дорогѣ; теперь с. Петровской волости). Осталась въ ней церковь въ честь Іоакима и Анны, да пять

бобыльскихъ дворовъ, тяглыхъ крестьянъ 19 человѣкъ. Самое село воры и литовскіе люди выжгли, крестьянъ убили 74 человѣка, а оставшійся послѣ нихъ хлѣбъ въ гумнахъ увезли русскіе ратные люди; жены и дѣти ихъ разошлись по міру безъ вѣсти.

Село Биберево (теперь Петровской волости). Церковь во имя арх. Михаила, дворъ монастырскій, дворъ поповъ, пятнадцать дворовъ крестьянскихъ, изъ нихъ десять жилыхъ и пять пустыхъ; скотъ погребленъ весь; одинъ крестьянинъ убитъ, четверо пропало безъ вѣсти.

Деревня Загорье (теперь Петровской волости). Одинъ дворъ монастырскій и четырнадцать дворовъ крестьянскихъ, изъ нихъ жилыхъ девять, пять пустыхъ; скотъ весь угнали воры и литовскіе люди.

Деревня Кичибухино (теперь Петровской волости). Крестьянскихъ дворовъ двадцать два, изъ нихъ двѣнадцать жилыхъ и десять пустыхъ; скотъ погребленъ; изъ пустыхъ дворовъ крестьяне ушли.

Деревня Оникеево (теперь Ониково Елизаровской волости). Крестьянскихъ дворовъ шесть, изъ нихъ одинъ пустой, остальные жилые; скотъ и имущество ограблено ворами и литовскими льдьми; одного крестьянина убили, жена его и дѣти ходятъ по міру.

Село Будовское (теперь Елизаровской волости) Въ немъ переписчики нашли: церковь во имя Чудотворца Николая, дворъ монастырскій, дворъ поповъ, 14 дворовъ крестьянскихъ, изъ нихъ десять жилыхъ, остальные пустые, изъ которыхъ крестьяне бѣжали, а трое посѣчены; жены и дѣти ихъ скитаются межъ дворъ; во всей деревнѣ имущество и скотъ отняли воры и литовскіе люди.

Дер. Любимцево (теперь Елизаровской волости), Крестьянскихъ дворовъ 14, изъ нихъ половина жилыхъ, другая запустѣлая; изъ послѣднихъ шесть человѣкъ скрылись безъ вѣсти, одинъ убитъ, дѣти и жены ихъ скитаются по міру; имущество и скотъ взяли воры и литовскіе люди.

Дер. Борисово (теперь Смоленской волости). Дворъ монастырскій и девять крестьянскихъ дворовъ, изъ которыхъ два пустыхъ, семь остальныхъ жилые; всѣ они разграблены, имущества и скота не осталось; изъ запустѣлыхъ двухъ дворовъ одинъ крестьянинъ пропалъ безъ вѣсти, другой ушелъ въ сосѣднюю вотчину въ с. Рязанцево къ князю Василію Романовичу Баратынскому.

Село Романово (теперь Смоленской волости). Здѣсь была церковь Воздвиженія, дворъ монастырскій, дворъ поповъ, крестьянскихъ дворовъ 21, изъ нихъ шестнадцать жилыхъ. Изъ запустѣлыхъ пяти дворовъ крестьяне ушли неизвѣстно куда, трое убиты до смерти;

жены и дѣти ихъ скитаются по міру; животы пограбили воры и литовскіе люди.

Сельцо Рушиново (теперь дер. Погостовской волости). Церковь въ честь Рождества Христова развалилась, дворъ монастырскій и три жилыхъ крестьянскихъ пограблены въ смуту.

Дер. Григорово (теперь Погостовской волости). Состояла изъ четырехъ крестьянскихъ домовъ, воры пожгли ее всю и крестьяне разбрелись неизвѣстно куда.

Дер. Щербинино (теперь Погостовской волости). Крестьянскихъ дворовъ восемь, изъ нихъ семь жилыхъ пограбленныхъ, одинъ пустой; владѣльца его паны убили, жена и дѣти ходятъ по міру; скотину переловили литовскіе люди.

Село Усолье (теперь Копнинской волости). Осталась церковь въ честь Преображенія, дворъ поповъ и 25 дворовъ крестьянскихъ, изъ нихъ четырнадцать жилыхъ пограбленныхъ и одиннадцать пустыхъ; дворъ монастырскій сожженъ.

Изъ этихъ селеній особенно пострадали с. и д.: Самарово, Григорово и Рушиново, расположенныя при большомъ торговомъ пути; другія разорены нѣсколько менѣе, но въ общемъ получается безотрадная картина. Такъ какъ Даниловскія вотчины не была исключеніемъ изъ остальныхъ поселеній Переславскаго уѣзда, то, слѣдовательно, могутъ служить яркой иллюстраціей общаго опустошенія его въ этотъ періодъ смуты и свидѣтельствовать объ общемъ разореніи уѣзда. Оказывается, что изъ 220 крестьянскихъ дворовъ, находившихся въ этихъ селеніяхъ, 84 двора опустошены и сожжены, а остальные 136 пограблены или иначе говоря оставлены безъ имущества и скота. Такимъ образомъ выходитъ, что всѣ поголовно дворы были обобраны, а кромѣ того около 40% сожжено и приведено въ запустѣніе. Убитыхъ оказалось 98 человѣкъ.

Перепись эта была закончена послѣ низложенія царя Василія Шуйскаго и практическаго значенія, разумѣется, не имѣла. Некому, да и не время, было думать о монастырскихъ вотчинахъ. Смута, охватившая Московское государство, усилилась до высшей точки своего напряженія. Шуйскій и Тушинскій воръ исчезли, не одолѣвъ другъ друга. На смѣну ихъ явились другія лица. Москва подъ давленіемъ гетмана Жолкѣвскаго присягнула польскому королевичу Владиславу и признала его царемъ русскимъ. За столицей потянули города, а въ числѣ ихъ Переславль Залѣсскій (въ августѣ 1610 г.) [1]. Сюда Янъ Сапѣга прислалъ посланіе атаманамъ, казакамъ и „всѣмъ дородным молодцамъ“, убѣждая ихъ служить вѣрно Владиславу [2].

---

[1]) Карамзинъ, XII, пр. 608.
[2]) Сбор. кн. Хилкова, № 46.

Но успѣха не имѣлъ. Скоро стало ясно, что поляки не намѣрены были считаться съ тѣми условіями, на которыхъ былъ избранъ Владиславъ, а таили про себя стремленіе овладѣть Русью и распоряжаться въ ней, какъ въ завоеванной странѣ. Это вызвало обостреніе національнаго чувства и желаніе оградиться отъ иноземщины, спасти свою народность и вѣру.

Тогда полетѣли по Руси увѣщательныя грамоты патріарха, монастырей и разныхъ городовъ, требовавшія, чтобы вся русская земля соединилась и шла къ Москвѣ выручать вѣру православную и избирать царя изъ своихъ родныхъ и единовѣрныхъ людей. Эти грамоты скоро достигли Переславля и, какъ видно изъ дальнѣйшаго, произвели сильное впечатлѣніе. Между прочимъ, извѣстно, что здѣсь получена была одна нижегородская грамота и другая изъ Троицкаго монастыря. Первая пришла черезъ Владиміръ. Прочитавъ ее, владимирцы постановили цѣловать крестъ на томъ, чтобы имъ стоять со всѣми городами заодно противъ польскихъ и литовскихъ людей. Сдѣлали списки съ этой грамоты, приложили къ ней свою и отправили съ гонцами въ Переславль Залѣсскій, Суздаль и Ростовъ. Въ отвѣтъ на это вездѣ изъявляли готовность пристать къ общему дѣлу. Но едва ли не раньше этого въ Переславлѣ уже собирались ратные люди для борьбы съ врагами родины. По крайней мѣрѣ Прокопій Ляпуновъ въ февралѣ 1611 года писалъ во Владиміръ, что „февраля въ 1 день послалъ изъ Переславля въ Серпуховъ голову Ивана Можарова, а съ нимъ переславскихъ и вологодскихъ стрѣльцовъ и вольныхъ казаковъ пятьсотъ человѣкъ“.[1]) Вторая грамота была получена въ мартѣ изъ Троицкаго монастыря. По свидѣтельству Авраамія Палицына 19 марта 1611 г. „въ Переславль Залѣсскій послаша слугу Алексѣя Острецова съ товарищи о помощи къ воеводамъ къ Ивану Волынскому, да ко князю Ѳедору Волконскому и къ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ и ко всякимъ служилымъ людямъ. По семъ разослаша грамоты во вся грады Россійскія къ боярамъ и воеводамъ пишуще къ нимъ о многоплачевномъ конечномъ разореніи Московскаго Государства“.[2]) Но когда Острецовъ привезъ грамоту, Переславль Залѣсскій, повидимому, уже былъ сборнымъ пунктомъ передовыхъ отрядовъ, такъ называемаго, перваго ополченія. Сѣверные города—Кострома и Ярославль слали сюда снаряды и войска. Вотъ что писали объ этомъ ярославцы въ Казань: „Изготовили со всѣми пушечными запасы пять пищалей полковыхъ, да пять волокнѣи скорострѣльныхъ, да нѣшимъ на долгіе торчи здѣланы двѣ тысячи копей желѣзныхъ, а иные дѣлаютъ, потому что допрежъ сего въ полкѣхъ отъ того конныхъ была защита, и со всѣмъ изготовяся послали передовыхъ

---

[1]) Собр. госуд. грам. и дог. II, 509—510.

[2]) Рус. Ист. Библ.,, VIII, стр. 1198.

людей въ Переславль: посылку первую на третьей недѣлѣ въ четвергъ, а другую посылку въ понедѣльникъ на четвертой недѣлѣ и тѣ люди давно въ Переславлѣ, і встрѣтили ихъ с образы и кормъ имъ даютъ, ис Переславля к намъ писали всякие люди, что нынѣ надежны, а литовскихъ людей марта по 4-ое число никого не было и слуху нѣтъ".[1]) Не смотря на подъемъ патріотическаго чувства, могла ощущаться нужда въ дружномъ объединеніи всѣхъ на задуманномъ дѣлѣ. Съ этой точки зрѣнія Троицкая грамота была далеко не лишней. Только при всеобщемъ согласіи и можно было разсчитывать на успѣхъ. Въ этомъ отношеніи грамота, очевидно, сослужила свою службу. На сколько сердечно были встрѣчены въ Переславлѣ передовые отряды ополченія, на столько же преданно и съ такою же готовностью служить на благо родинѣ отнеслись здѣсь къ главнымъ силамъ ополченія. Оно шло подъ начальствомъ ярославскаго воеводы Ивана Васильевича Волынскаго и костромского воеводы князя Ѳедора Волконскаго. Усилившись переславскими служилыми людьми, воеводы выступили на Александрову слободу для соединенія съ владимірскимъ и нижегородскимъ ополченіемъ. 1-го апрѣля 1611 года ополченцы расположились станомъ подъ стѣнами Москвы, гдѣ заперлись вмѣстѣ съ поляками бояре-правители. Кромѣ сѣверныхъ дружинъ сюда же прибыли изъ Калуги боярин князь Димитріи Трубецкой, изъ Коломны—Прокопій Ляпуновъ и изъ Тулы—Иванъ Заруцкій. Чтобы объединить дѣятельность сошедшихся дружинъ избрали временное правительство: отъ земщины—Ляпунова, отъ—казаковъ—Заруцкаго и Трубецкаго.

Въ маѣ расположился станомъ невдалекѣ отъ русскаго ополченія Янъ Сапѣга и вначалѣ даже помогалъ ему, но потомъ не поладилъ и снова сталъ служить польскому дѣлу, передался на сторону Гонсѣвскаго, сидѣвшаго въ осадѣ въ кремлѣ. Послѣднему было мало пользы отъ него, тогда поляки рѣшили предпринять военную экспедицію и отправились (4 іюля 1611 г.) къ Переславлю Залѣсскому. Это заставило ополченіе снарядить погоню за поляками. Пустились преслѣдовать ихъ князь Петръ Владиміровичъ Бахтеяровъ-Ростовскій и Андрей Захарьевичъ Просовецкій съ отрядомъ казаковъ. Дорогою они обошли поляковъ и раньше ихъ заняли Александрову слободу. Но боясь, чтобы Сапѣга не предупредилъ ихъ и не занялъ Переславль, они покинули Слободу и поспѣшно ушли туда. Покинутая Слобода была взята поляками и когда толпа женщинъ и дѣтей хотѣли спастись на колокольнѣ, то осаждавшіе обложили ее лѣсомъ и подожгли, чѣмъ заставили всѣхъ сдаться. Но одна дѣвушка не хотѣла послѣдовать ихъ примѣру; перекрестившись бросилась внизъ и убилась. 18 іюля Сапѣга подошелъ къ Переславлю, гдѣ уже былъ Просовецкій, „который, по словамъ

---

[1]) Собр. госуд. грам. и дог., II, 517.

польскаго дневника, не хотѣлъ дать сраженія въ полѣ, а сталъ у крѣпостного палисадника и когда передніе (польскіе) роты начали биться съ нимъ, то онъ сталъ входить въ крѣпость; когда же стали наступать вспомогательныя роты, то онъ совсѣмъ ушелъ въ крѣпость, потому что русскіе уже приходили въ смятеніе и начали было уходить въ судахъ на озеро". Подъ 20 іюля въ томъ же дневникѣ записано: „Войско настойчиво стало требовать, чтобы взять крѣпость штурмомъ. Сапѣга не дозволялъ ему этого, но, видя, что не можетъ сдержать его, послѣ многихъ настойчивыхъ требованій, дозволилъ. Итакъ, вышеупомянутаго числа, почти въ полдень, все войско, оставивъ лишь для стражи нѣкоторыя конныя роты, быстро пошло на приступъ; но такъ какъ мѣстность была укрѣпленная, при томъ русскіе хорошо подготовились, у нихъ прошелъ страхъ и днемъ они хорошо видѣли, кто куда направляется, то легко отразили нашихъ отъ палисадника. При этомъ приступѣ былъ израненъ ротмистръ Мартинъ Дембинскій, который и умеръ на четвертый день". Черезъ шесть дней (іюля 26-го) „часть войска, стоявшаго лагеремъ у крѣпости, отправилось незамѣтно съ пахоликами за продовольствіемъ. Просовецкій, получивъ объ этомъ извѣстіе и улучивъ удобное время, именно въ полдень, когда одни изъ нашихъ спали, а другіе вышли на прогулку къ озерамъ, которыхъ тамъ много, сдѣлали вылазку изъ крѣпости на лагерь, но Богъ не далъ русскимъ достаточно храбрости и рѣшимости, наши скоро выстроились и вогнали въ крѣпость".[1]) Такъ изображаютъ дѣло сами поляки и, отдавая справедливость своимъ противникамъ, указываютъ, что только вначалѣ переславскіе защитники пришли въ нѣкоторое смятеніе и хотѣли спасаться въ лодкахъ на озерѣ, а далѣе подъ руководствомъ отважнаго Просовецкаго отбили приступъ и сдѣлали довольно удачную вылазку. Между тѣмъ русскіе лѣтописи переоцѣниваютъ значеніе приступовъ Сапѣги: „Переславль осади,—говоритъ Новый лѣтописецъ,—и приступая къ нему, мало его не взя". Изъ-подъ Переславля Сапѣга разсылалъ во всѣ стороны отряды, которые старались набрать на сколько можно больше запасовъ и, думая навести страхъ, и заставить населеніе повиноваться, мучили старыхъ и малыхъ, женщинъ и дѣтей, рѣзали имъ носы, уши, рубили ноги и руки, поджаривали на углях, выжигали цѣлыя селенія. Это была мстительно-карательная экспедиція, предпринятая Сапѣгой для поправленія польскаго дѣла. Но она имѣла обратные результаты. Толпы измученныхъ бѣжали нагишемъ и ползли въ Троицкій монастырь умирать, оставляя братіямъ русскимъ завѣтъ мщенія и ненависти къ польскимъ и литовскимъ людямъ, мучителямъ русской земли [2]) Въ началѣ августа (6-го числа) Сапѣга

---

[1]) Рус. историч. библіотека, I, стр. 248—250.

[2]) Костоморовъ Н. Собр. сочиненій. Смутное время. С.-П.Б. 1904 г., ст. 577.

снялъ осаду Переславля и двинулся къ Москвѣ изъ разоренной области съ награбленнымъ провіантомъ.

Между тѣмъ въ русскомъ ополченіи подъ Москвой было неблагополучно. Шли раздоры между казаками, служилыми людьми и ихъ начальниками. Ляпуновъ, душа всего земскаго дѣла, предательски погибъ еще раньше Сапѣгиной экспедиціи въ Залѣсье и предпріятіе разваливалось. Но силы народныя не изсякли, сюда подъ Москву продолжали время отъ времени вливаться новые соки и Переславль попрежнему былъ однимъ изъ сборныхъ пунктовъ для ратныхъ людей. Въ окружной грамотѣ 6 октября 1611 г. Троицкія власти объ этомъ писали слѣдующее: „Каширяне, калужане, туляне и другихъ замосковныхъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди къ Москвѣ пришли, а изъ сѣверскихъ городовъ Юрій Беззубцевъ со всѣми людьми идетъ къ Москвѣ наспѣхъ, а на другой сторонѣ многихъ городовъ дворяне и дѣти боярскіе и всякіе служилые и ратные люди собираются теперь въ Переславлѣ Залѣсскомъ и хотятъ итти къ Москвѣ же“.[1])

Чтобы спасти великое дѣло освобожденія Россіи и не вводить въ отчаяніе населеніе, начальники Троицкаго монастыря въ своей грамотѣ писали: „Бояре и воеводы, всякіе ратные стоятъ подъ Москвой крѣпко и неподвижно, хотятъ за православную христіанскую вѣру, по своему обѣщанію, пострадать и смертію животъ вѣчный получить“. Въ дѣйствительности же послѣ смерти Прокопія Ляпунова, загнавшаго поляковъ въ кремль, объ освобожденіи Москвы стоявшіе подъ нею казаки почти не думали и если не уходили отсюда, то только потому, что Заруцкій, сблизившійся съ Мариной Мнишекъ, мечталъ посадить на царскій престолъ ея сына, а саму Марину снова короновать въ качествѣ матери и опекунши малолѣтняго „царевича“. Казаки своевольничали и вели себя по-разбойничьи, смотрѣли на земское ополченіе, какъ на своихъ враговъ, вслѣдствіе чего послѣднее приходило въ разстройство. Грамотою Троицкаго монастыря и имѣлось въ виду, во что бы то ни стало, помѣшать этому распаду и спасти русское дѣло. Когда грамота пришла въ Нижній-Новгородъ, то встрѣтила здѣсь самое горячее отношеніе. Пострадавъ въ смуту менѣе центральныхъ городовъ, богатый Нижній-Новгородъ, благодаря воодушевленію своего старосты Кузьмы Минина, сдѣлался средоточіемъ второго ополченія. Съ крайнимъ напряженіемъ и жертвами набрали средства и составили войско, во главѣ котораго сталъ воеводою князь Димитрій Михайловичъ Пожарскій. Весною (1612 г.) онъ выступилъ по берегу Волги на Кострому и Ярославль, чтобы занять и оставить за собой большой сѣверный путь на Москву.

---

[1]) Собр. государ. грамотъ и догов., II, 578.

По дорогѣ ополченіе присоединяло къ себѣ новыя силы, собирало запасы и явилось грозой для казаковъ. Когда Заруцкій понялъ опасность, то рѣшилъ разстроить планы Минина и князя Пожарскаго. Онъ устремился овладѣть Ярославлемъ и заволжскими городами, чтобы отрѣзать противникамъ сообщеніе съ сѣверной частью государства. Но нижегородское ополченіе уже предупредило его и въ половинѣ апрѣля заняло Ярославль. Заруцкій ограничился тѣмъ, что сталъ неистовствовать въ другихъ, расположенныхъ между Москвою и Ярославлемъ, городахъ. Въ Переславлѣ были снова опустошены села и деревни, а также сожжены самые городскіе посады. Жители ничего не могли подѣлать съ нимъ своими собственными силами и доведенные до крайности послали въ Ярославль къ князю Пожарскому, который теперь вмѣстѣ съ выборными людьми былъ единственнымъ представителемъ законной власти, бить челомъ о помощи и защитѣ. Изъ Ярославля былъ посланъ воевода Иванъ Ѳедоровичъ Наумовъ съ ратными людьми, который отогналъ казацкіе отряды отъ города и очистилъ уѣздъ; самый Переславль укрѣпилъ. Пожарскій пробылъ въ Ярославлѣ почти все лѣто и объяснялъ свое продолжительное пребываніе тамъ слѣдующимъ образомъ: „Видя злое начинаніе (измѣну) Заруцкаго, атамановъ и казаковъ, подъ Москву не пошли, а послали воеводъ съ ратными людьми: въ Владиміръ, въ Суждаль, въ Переславль и въ др. города“.[1]) Въ концѣ іюля Пожарскій пришелъ со всѣми силами въ Переславль, здѣсь пристали къ нему всѣ годные къ битвѣ переславцы и дали запасы, какіе у нихъ нашлись. Подкрѣпившись ратными людьми, ополченіе (въ началѣ августа) пошло дальше и 20 августа подступило къ разоренной столицѣ. На этотъ разъ дѣло освобожденія пошло успѣшнѣе и къ зимѣ Москва была очищена отъ поляковъ. Исчезли потомъ мало-по-малу всѣ враги— „литовскіе люди“ и „воры“ и смута окончилась.

---

[1]) Собр. госуд. грам. и дог. II, 595.

XI.

Переславль Залѣсскій послѣ Литовскаго разоренія. Нашествіе королевича Владислава. Моровая язва. Свѣдѣнія о г. Переславлѣ Залѣсскомъ XVII стол.: населеніе, устройство укрѣпленій и пр. Діонисій затворникъ. Карнилій молчальникъ. Пр. Лукіанъ. Золотой вѣкъ монастырей. Дворцовыя владѣнія. Частныя вотчины и помѣстья XVII вѣка. Писцовыя и другія книги Переславскаго уѣзда XVII вѣка.

Смута окончилась, но, какъ тягостное воспоминаніе о лихолѣтьи, лежали всюду груды развалинъ. Въ Переславлѣ Залѣсскомъ самый кремль города, окруженный валомъ и стѣнами, сохранился лучше другихъ частей; что же касается посадовъ, предмѣстій и монастырей, то они носили на себѣ печать жестокаго разрушенія. Слѣды варварства рыцаря Сапѣги зіяли изъ всѣхъ угловъ.

Не успѣвъ скрасить своего разоренія, Переславль встрѣчалъ (въ апрѣлѣ 1613 г.) новоизбраннаго царя земли русской Михаила Ѳедоровича Романова, шествовавшаго изъ Костромы въ Москву для вѣнчанія на царство. Царь сдѣлалъ непродолжительную остановку, чтобы помолиться переславскимъ святынямъ, „обходяще честные монастыри, знаменующеся къ чудотворнымъ иконамъ и къ многоцѣлебнымъ мощамъ святыхъ“ [1]). И всюду находилъ крайнее поруганіе. Первый по дорогѣ изъ Ростова монастырь—Никитскій, великолѣпно обстроенный при Грозномъ, стоялъ съ обгорѣлыми стѣнами, братія частію была перебита, частію разбѣжалась, самъ игуменъ, какъ нищій, скитался „межъ дворъ“. Въ монастырѣ валялись восемь пушекъ разной величины, брошенныхъ поляками. Близъ самаго города съ восточной стороны былъ Духовской монастырь сравнительно недавняго происхожденія, извѣстный только со временъ царя Ѳедора Ивановича, онъ былъ разрушенъ до основанія и черезъ нѣсколько времени указомъ царя Михаила приписанъ къ Никитскому монастырю. Неизвѣстно когда основанный Борисоглѣбскій на пескахъ, построенный вблизи Никольскаго, запустѣлъ. Самый Никольскій монастырь „польскіе и литовскіе люди разорили, церкви и кельи выжгли, и вотчины монастырскія отъ войны литовскихъ людей разорѣны и запустѣли; а что было осталось образовъ и прикладовъ, ризъ и книгъ, и то все игуменъ Іона пропилъ и самъ изъ монастыря сшелъ“ [2]). Даниловъ монастырь по словамъ одной монастырской грамоты, „Сапѣга съ

---

[1]) Русск. Истор. Библ., VIII, ст. 1243.

[2]) Акты Арх. Эксп. III, стр. 12.

товарищи выжгли и храмы разорили, и монастырскія грамоты, и вотчинныя крѣпости изодрали". Впослѣдствіи, впрочемъ, оказалось, что грамоты были заложены въ каменной церковной стѣнѣ и открыты потомъ случайно лѣтъ черезъ пятьдесятъ [1]). Остальные переславскіе монастыри: Борисоглѣбскій на горѣ (Надозерный), Ѳедоровскій, Горицкій, Введенскій; находившіеся далѣе въ уѣздѣ—Александровъ (на Александровой горѣ), Киржацкій, Махринскій, Сольбинскій, Кубринскій—всѣ до одного пострадали отъ разоренія. По устному преданію въ это время были разорены обители, будто-бы, существовавшія вблизи с.с.: Волохова, Крутца, Новинокъ (Круглышева), Бачевки и др. селъ, находящихся теперь въ Александровскомъ уѣздѣ, но документальныхъ свѣдѣній объ этихъ монастыряхъ не имѣется.

На сколько безотрадно было положеніе переславскихъ поселеній можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. По описи старосты Дахина (1610 г.) въ с. Романовѣ (теперь Смоленской волости) показано было крестьянскихъ дворовъ 21, изъ нихъ шестнадцать жилыхъ и пять запустѣлыхъ; церковь, дворъ монастырскій и священническій. По окладной книгѣ 1615 г. о томъ же с. Романовѣ значится: „село Романово пусто, выжжено и высѣчено отъ литовскихъ людей". [2]) Въ селѣ уже не было ничего. Въ с. Копнинѣ по писцовымъ книгамъ 1593 г. записано 25 дворовъ, въ д. Свѣчинѣ—29 дв., въ д. Измайловѣ—14 дв., въ д. Мериновѣ—20 дв., въ д. Желтиковѣ—8 дв.; при п. Михаилѣ Ѳедоровичѣ по писцовымъ книгамъ 1628—29 г.г. въ Копнинѣ было уже только 9 двор., въ д. Свѣчинѣ 14 дв., Желтиковѣ—5 дв., Мериновѣ—2 дв., Измайлово было пустошью и т. д.

Лишь только Залѣсье начало нѣсколько поправляться и входить въ норму, какъ процессъ обновленія былъ нарушенъ вторженіемъ польскаго королевича Владислава, задумавшаго отнять у Михаила Ѳедоровича русскій престолъ. Поляки не рѣшились осадить Москву, а дойдя до нея, повернули по направленію къ Троицкому монастырю. Снова Переславль оказался въ опасности. По свидѣтельству Авраамія Палицына „Владиславъ посла полковника своего пана Чаплинскаго со многими черкасы ко граду Переславлю Залѣсскому, яко да плѣнитъ его" (въ сентябрѣ 1618 г.). Воеводами въ то время были тутъ Андрей Ивановичъ Вельяминовъ и Иванъ Лукьяновичъ Опухтинъ. Когда Чаплинскій шелъ къ Переславлю, то они дали ему достойный отпоръ, такъ что плѣнить города не пришлось. Но въ стычкѣ получилъ тяжелую рану второй воевода. На его мѣсто послѣ войны былъ присланъ новый воевода Василій Аѳанасьевичъ Карикрейскій [3]).

---

[1]) Добронравовъ В., Ист. Данилова монастыря, прилож., стр. 59.

[2]) Добронравовъ В., Истор. Данилова монастыря, прилож., стр. 51.

[3]) Дворц. разр., I, 344, 418 и 419.

Вслѣдъ за безуспѣшной попыткой Чаплинскій пошелъ на Александрову слободу; оставался здѣсь нѣкоторое время съ своими казаками, угрожая Троицкому монастырю. Миръ, заключенный (въ декабрѣ 1618 года) въ селѣ Деулинѣ, положилъ конецъ этой войнѣ и съ тѣхъ поръ въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ Переславль болѣе не подвергался никакому непріятельскому нашествію.

Но ударъ, нанесенный Залѣсью во время лихолѣтья, былъ такъ жестокъ, что наступившая безопасность не могла способствовать возрожденію всего въ полномъ объемѣ, что было раньше. Множество старинныхъ поселеній, переставшихъ существовать въ смутное время, погибли навсегда и обратились въ пустоши. Иные были возстановлены спустя немалое время. Относительно того же села Романова, принадлежавшаго Данилову монастырю, по писцовымъ книгамъ 1628—1629 г.г. значится: дворъ монастырскій, дѣтенышей для монастырской пашни восемь дворовъ, бобылей четыре двора, церкви построено еще не было. Такимъ образомъ, даже черезъ восемнадцать лѣтъ послѣ переписи губного старосты Дахина село имѣло гораздо меньше населенія, чѣмъ раньше. Нѣкоторое время принадлежавшія къ Романову угодья оставались заброшенными, такъ (въ 1616 г.) „сѣнные покосы въ прошлыхъ годехъ не кошены, а по сказкѣ окольныхъ людей, что лежатъ тѣ сѣнные покосы впусте отъ литовскаго разоренья“.[1]) Но нужно помнить, что село это принадлежало довольно богатому монастырю, который имѣлъ средства и возможность выстроить его вновь и завести тамъ хозяйство, хотя и то далеко не сразу. Что же было дѣлать небогатому помѣщику и самому крестьянину, когда у него было отнято главное его богатство—скотъ. Но мало-по-малу деревни и села стали отстраиваться, налаживалось сельское хозяйство и Залѣсье принимало обычный видъ. Любопытно отмѣтить какъ послѣдствіе смутнаго времени, что нѣкоторыя поселенія Переславскаго уѣзда были заполнены иноземцами, которыхъ обратили въ крестьянъ. Таковы, напр., были двѣ деревни Никитскаго монастыря: „д. Скоморохово (Паны тожъ), а въ ней живутъ монастырскіе работники иноземцы польскаго полону вкладные, что далъ вкладу въ Никитскій монастырь Логинъ Ивановъ сынъ Аничковъ“; „д. Быково, а въ ней живутъ вкладные жъ польскаго полону иноземцы“.[2]) По переписнымъ книгамъ 1677 г. всѣ эти иноземцы носили русскіе имена и фамиліи и только одинъ изъ нихъ скомороховскій работникъ носилъ фамилію или прозвище Курбасъ.[3]) Такимъ образомъ, по иронiи судьбы недавніе разорители были обращены на устроеніе разрушеннаго. быть можетъ, даже лично ими монастыря.

---

[1]) Добронравовъ В. Исторія Данилова монастыря, прил., 51 ст.

[2]) Скоморохово деревня Половецкой вол. Пересл. уѣзд. Быково не существуетъ.

[3]) Переславль Залѣсскій. Никитскій монастырь. М. 1888 г. стр. 14.

Впослѣдствіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ дальнѣйшій ростъ населенія былъ остановленъ свирѣпствовавшей здѣсь (въ 1654 г.) моровой язвой. На сколько она была ужасна, можно судить по тому, что въ городѣ Переславлѣ Залѣсскомъ изъ 4566 человѣкъ умерло 3627 и осталось въ живыхъ 939 человѣкъ, иными словами, погибло во время эпидеміи 80% и населеніе города уменьшилось въ пять разъ. Разумѣется, послѣ такого опустошенія скоро поправиться было нельзя. По переписнымъ книгамъ царя Ѳедора Алексѣевича (1677—1678 г.г.) въ Переславлѣ насчитано было 518 дворовъ, по замѣчанію переписчиковъ, меньше противъ прежнихъ книгъ на 101 дворъ, которые вымерли въ моровое повѣтріе;—людей 1342 человѣка, изъ нихъ способныхъ носить оружіе 946 человѣкъ, при чемъ въ ихъ число введены и 242 человѣка „рыбныхъ ловцовъ“. Слѣдовательно за 23 года въ Переславлѣ населеніе увеличилось человѣкъ на четыреста и едва достигло одной трети того, что было раньше. И тѣмъ не менѣе, даже послѣ этого Переславль Залѣсскій былъ значительнѣе по населенію другихъ городовъ; во Владимірѣ, напр., почти черезъ сорокъ лѣтъ было только 438 дворовъ (въ 1715 г.). Иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVII столѣтіи, неизмѣнно помѣщаютъ Переславль въ числѣ главныхъ городовъ государства: Адамъ Олеаріи—на 13 мѣстѣ, Яковъ Рейтенфельсъ, бывшій позднѣе его,—на 24-мъ.[1]) Послѣднее близко подходитъ къ тому, какое мѣсто давали ему теперь сами русскіе. Въ докладной запискѣ, поданной царю Ѳедору Алексѣевичу (1680 г.), о намѣстничествахъ, коими по старшинству при посольствахъ и переговорахъ слѣдуетъ пользоваться чинамъ Московскаго государства, Переславль поставленъ на 28-мъ мѣстѣ.[2]) Въ этомъ званіи намѣстника переславскаго правилъ посольство въ Венецію стольникъ Иванъ Ивановичъ Чемодановъ.[3]) Въ торговомъ отношеніи Переславль расцѣвивался также высоко. При заключеніи Кардисскаго мира (21-го іюня 1661 г.) шведы выговорили себѣ право содержать подворья, между прочимъ, въ слѣдующихъ пунктахъ: Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Переславлѣ Залѣсскомъ.[4]) Нужно имѣть въ виду, что торговыя сношенія со Швеціей черезъ Новгородъ были постоянныя и шведамъ предоставлялось право свободно торговать вездѣ съ уплатою той же пошлины, какая установлена для своихъ купцовъ; поэтому

---

[1]) Описаніе „путешествія въ Московію. С.-П.-Б., 1906 г., ст. 148. Сказаніе о Московіи, Падуя 1680 г., перев. А. Станкевича, М. 1906 г. стр. 130.

[2]) Собр. государ. грам. и догов. IV, 373 ст.

[3]) Древн. Рос. Вивліов. IV, стр. 142—339. Въ Отеч. запис. 1848. № 6. стр. 11: въ Географ. Словарѣ Щекатова, т. III, ст. 1051 И. Чемодановъ показанъ фактическимъ намѣстникомъ Переславля, чего въ дѣйствительности не было. Званіе намѣстника давалось посламъ на время отправленія посольства, въ 1656—57 г. въ Переславлѣ былъ воеводой Леонтій Лупандинъ.

[4]) Допол. къ акт. истор. IV, 271.

они прекрасно знали, гдѣ лучше всего учредить подворья. Выговаривая себѣ право построить одно изъ нихъ въ Переславлѣ, шведы, видимо, весьма дорожили торговыми дѣлами черезъ Переславль по сѣверной дорогѣ.

Судя по сохранившимся до нашего времени городовымъ росписямъ, переписнымъ и другимъ книгамъ, Переславль Залѣсскій въ XVII столѣтіи продолжалъ считаться крѣпостью, которая время отъ времени поправлялась и вообще поддерживалась на случай непріятельскаго нашествія. Такъ, послѣ того какъ оказалось, что „на осыпи городъ деревянный весь валится, а на башняхъ кровли погнили... ровъ заросъ и во многихъ мѣстахъ запылъ“, было приступлено къ постройкѣ новыхъ стѣнъ и башенъ (въ 1666 г.). „По старому земляному валу городъ сдѣланъ новый сыспод, да мосту рубленъ въ двѣ стѣны, поверхъ мосту обламы перила забраны тесомъ въ косякъ и покрыты тесомъ“. Въ городъ вели трое воротъ или сквозныхъ башенъ: изъ нихъ самая главная Спасская, рубленая въ шесть стѣнъ, мѣрою вокругъ нея 15 саженъ, затѣмъ такая же Никольская и Рождественская, рубленыя въ четыре стѣны, каждая окружностью 12 саженъ. На самомъ валу было девять башенъ: Карашская, рубленая въ четырѣ стѣны, мѣрою 10 саж., на разстояніи 71 саж. отъ Спасскихъ воротъ по направленію къ Духовской церкви; Глухая башня такого же вида и размѣра; какъ первая на 107 саж. отъ нея; Духовская, рубленая въ четыре стѣны, окружностью 12 саж., на 95 саж. отъ второй; Алексѣевская, рублена въ осмерикъ, окружностью какъ предыдущая, на 122 саж. отъ нея; Троицкая башня, видомъ и размѣрами, какъ Алексѣевская, на 45 саж. отъ нея; на разстояніи 60 саж. отъ Троицкой были Никольскія ворота съ башней; отъ Никольскихъ воротъ на разстояніи 70 саж. Варварская башня, рубленая въ осмерикъ, окружностью 12 саж. Круглая—осмериковая, окружностью также 12 саж. на протяженіи 68 саж. отъ предыдущей; на разстояніи 71 саж. отъ Круглой башни Рождественскія ворота съ башней; послѣ нихъ на разстояніи 120 саж. Тайницкая башня, рубленая въ четыре стѣны, мѣрою около башни 12 саж., „а отъ той башни сквозь осыпь отъ р. Трубежа проведенъ въ городъ тайникъ водяной, а въ немъ колодезь и стѣны и выходъ, и ворота дубовыя, а надъ тайникомъ городовая стѣна“; послѣдняя башня Вознесенская, рублена въ шестерикъ, окружностью 12 саж., разстояніемъ отъ Тайницкой на 104 саж., до Спасскихъ же воротъ отъ Вознесенской было 124 сажени. Всего, такимъ образомъ, деревянныя стѣны занимали на земляномъ валу 1057 [1]) саж., не считая 12 большихъ башенъ.

---

[1]) Эта сумма выходитъ по подсчету приведенныхъ выше цифръ, взятыхъ изъ оффиціальнаго отчета; между тѣмъ въ росписяхъ обычно показывалось на десять саж. менѣе: „всего около городовой стѣны по загороду по земляному валу мѣрою, кромъ башенъ, 1047 с.“ (Перес.-Залѣс., М. 1884 г., ст. 7).

Переславская крѣпость вооружена была слѣдующимъ образомъ. Была здѣсь „пищаль мѣдная,—говорится въ одной росписи—старая полуторная ядро 4 гривенки, съ станы и съ колесы, къ ней 10 ядеръ желѣзныхъ; три пищали полковыя мѣдныя, ядро по гривенкѣ, съ станы и съ колесы, къ нимъ 96 ядеръ желѣзныхъ; 2 пищали полковыхъ желѣзныхъ, ядро по гривенкѣ, съ станы и съ колесы, къ нимъ 29 ядеръ желѣзныхъ; пищаль желѣзная на собакѣ, ядро гривенка съ четью, къ ней 29 ядеръ желѣзныхъ; 9 пищалей полковыхъ желѣзныхъ, ядро по полугривенкѣ, съ станы и съ колесы, къ нимъ 470 ядеръ свинчатыхъ, да къ нимъ же 24 ядра желѣзныхъ; пищаль желѣзная на полковомъ станку, по 7 ядеръ въ гривенку, къ ней 40 ядеръ желѣзныхъ; 13 пищалей затинныхъ, пулекъ къ нимъ нѣтъ, а пищали мѣдныя и желѣзныя всѣ поржавѣли и станы и колеса ветхи". Порохъ и другіе припасы были въ слѣдующемъ количествѣ: „зелья 50 п. съ четью съ деревомъ и съ кожами и съ веревками; свинцу 95½ пуд., да дробу сѣченово свинчатово 25 гривенокъ, да желѣзново дробу 17 гривенокъ; рогулекъ желѣзныхъ 712, селитры въ 2-хъ бочкахъ и съ деревомъ 28 пуд. 2 четверти".

Посадскихъ людей, способныхъ носить оружіе, насчитывалось: въ 1655 г. тотчасъ же послѣ морового повѣтрія 373 человѣка и въ Рыбной Слободѣ 172 человѣка; въ 1691 году на посадахъ было 586 человѣкъ, въ Рыбной Слободѣ 203; кирпичниковъ—14 человѣкъ, сокольихъ помытчиковъ—20 человѣкъ, въ Ямской Слободѣ—108 человѣкъ.

Внутри городской крѣпости находились: Преображенскій соборъ, дворъ великаго государя, въ которомъ живутъ воеводы и дворъ соборнаго духовенства; церковь ружная св. митр. Петра, церковь Рождества Господня на Даниловскомъ осадномъ дворѣ; Новодѣвичій монастырь Пр. Богородицы Владимірской (Срѣтенскій), дворы приходскихъ священниковъ, дворы осадные монастырскіе и боярскіе, а также дворы разныхъ чиновъ людей; десятня городовая; слободка Горицкаго монастыря; близъ Никольскихъ воротъ городская тюрьма. Въ 1691 г. изъ осадныхъ дворовъ слѣдующіе принадлежали переславскимъ вотчинникамъ: окольничимъ князю Петру Лукичу Львову и Іеву Демидовичу Голохвастову, Максиму Леонтьевичу Лупандину, Лукьяну Васильевичу Изъѣздинову, княгинѣ Еленѣ Борисовнѣ Хворостининой вдовѣ князя Ѳедора Юрьевича Хворостинина, Андрею Тимофеевичу Черницову, стольнику Василію Ѳедоровичу Змеову, Ивану Филипповичу Поливанову, стольникамъ: Карпу Евтифѣевичу Сытину и Михаилу Никитичу Чемоданову, Ивану и Глѣбу Ивановичамъ Порошинымъ.[1])

---

[1]) Переславль Залѣсскій. Матеріалы для исторіи города XVII и XVIII ст. Москва. 1884 годъ.

Вокругъ Переславскаго кремля или въ собственномъ смыслѣ города, расположены были посады, раздѣленные на десятни: Песошню, Филипповскую, Ильинскую, Широкую отъ озера, Широкую отъ торга, Веретею, Площадную. Кононовскую, Володимеровскую, Семеновскую, Звиженскую, Кошелевскую, Вознесенскую, Положимолотовскую. На посадахъ находились церкви: во имя апостола Іоанна Богослова на берегу Трубежа, Іоанна Златоустаго близъ торговой площади, въ честь Рождества Іоанна Предтечи, св. пророка Иліи, князя Владиміра, Воздвиженія Креста Господня, муч. Параскевы Пятницы (теперь Покровская), св. чуд. Козмы и Даміана (теперь Рождества Богородицы), пр. Симеона Столпника, пр. Сергія (теперь Троицкая), ап. Филиппа (теперь Успенская), въ честь Усѣкновенія Главы Іоанна Предтечи, св. сорока Мучениковъ, св. муч. Никиты, ап. Петра и Павла, Николая Чудотворца на островѣ, Алексѣя Митрополита, муч. Анастасіи на площади у р. Трубежа, св. Димитрія Солунскаго, царя Константина, Происхожденія Честныхъ древъ [1]). Всѣ онѣ были деревянныя.

Тутъ же среди посадовъ и нѣсколько вдали отъ нихъ расположенъ былъ цѣлый кругъ монастырей. Внутри города, какъ мы видѣли, былъ новый монастырь—Срѣтенскій; время основанія его точно не извѣстно, но во всякомъ случаѣ не позднѣе половины XVII вѣка. На посадахъ переславскихъ также появились новые монастыри: женскій Вознесенскій, становится извѣстнымъ въ царствованіе Михаила Ѳедоровича (съ 1635 г.);—женскій же при Никольской церкви, въ которой покоились мощи св. кн. Андрея Смоленскаго, основанъ, какъ полагаютъ, въ концѣ XVII ст. Кромѣ того возобновились всѣ пострадавшіе въ смуту: Никитскій, Борисоглѣбскій на горѣ, Введенскій, Никольскій, Горицкій, Ѳедоровскій, Даниловъ, Духовской и Борисоглѣбскій на пескахъ или Песоцкій. Такимъ образомъ, всего было одиннадцать монастырей вблизи самаго города и одинъ въ городѣ; изъ нихъ четыре женскихъ и восемь мужскихъ. То было время наивысшаго расцвѣта существованія монастырей, столь характернаго для этого вѣка.

Самыми богатыми были:—Горицкій, Никитскій и Даниловъ. Указаніе на ихъ благоустроенность содержится въ писцовыхъ книгахъ того времени (напр. 1628—29 г.г.). Въ Горицкомъ были каменныя церкви—Успенская съ придѣлами Чуд. Николая, Рождества Іоанна Предтечи и теплая трапезная съ церковью Всѣхъ Святыхъ, а также каменныя—келья архимандрита, казенная, братская, служебная, погребъ, ледникъ, поварня и квасоварня. Святыя ворота и церковь надъ нихъ св. Зосима и Савватія деревянные, ограда въ заметахъ Никитскій монастырь послѣ временъ Грознаго былъ почти весь каменный, на колокольнѣ были устроены часы „боевые“ и висѣло десять коло-

---

[1]) Послѣднія восемь церквей не существуютъ.

коловъ большихъ и малыхъ. Деревянными оставались кельи игуменская и братскія, погребъ, ледникъ и поварня. Въ Даниловомъ монастырѣ была каменная церковь Троицкая, „да подлѣ церкви придѣлецъ палатка каменная, а въ ней лежитъ преподобный игуменъ Даніилъ“, каменная церковь Похвалы Пресвятой Богородицы и въ воротахъ пр. Сергія. Колокольня была деревянная, монастырская ограда въ заметахъ.

Остальные монастыри, исключая Ѳедоровскаго, не имѣли каменныхъ зданій. Но едва ли не въ нихъ горѣло истинное благочестіе. По крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ было больше простоты и бѣдности, (въ XVII в.) появились истинные подвижники и иноки. Такъ, въ Никольскомъ на болотѣ, основанномъ три вѣка назадъ пр. Димитріемъ Прилуцкимъ, послѣ разрушенія поляками до основанія, трудъ возстановленія его принялъ на себя, при участіи „монастырскихъ вкладчиковъ“ переславскихъ посадскихъ людей, затворникъ и схимонахъ Діонисій, человѣкъ праведной жизни. Когда онъ былъ міряниномъ, увидѣлъ во снѣ святителя Николая, повелѣвшаго ему вновь устроить переславскую обитель его имени. Послушный голосу этого знаменія, Діонисій со всѣмъ усердіемъ взялся за выполненіе принятаго на себя дѣла и отстроилъ монастырь въ прежнемъ видѣ, поставилъ деревянную ограду и церковь, завелъ общежитіе. Принявъ схиму, онъ скончался въ преклонныхъ годахъ (15 апрѣля 1645 года) и погребенъ въ возстановленной имъ Никольской обители, но мѣсто могилы его забыто теперь. Долгое время хранилось здѣсь его изображеніе во весь ростъ, стоящаго на молитвѣ съ тяжелыми веригами предъ иконою св. Николая Чудотворца, но не такъ давно затеряно. Затворникъ Діонисій считается неканонизованнымъ святымъ [1])

Въ послѣдніе годы жизни его возобновленъ былъ находившійся рядомъ съ Никольскимъ монастыремъ—Борисоглѣбскій на пескахъ или Песоцкій (въ 1642 г.), остававшійся до того времени много лѣтъ пустымъ и не огороженнымъ. Была въ немъ одна церковь и келья и та ветхая. При царѣ Алексѣѣ Михаловичѣ (около 1659 г.) пришелъ въ эту бѣдную обитель, насчитывавшую лишь троихъ монаховъ, безмолвный юноша пятнадцати лѣтъ. Такъ какъ онъ объяснялся одними знаками, то, не понимая въ чемъ дѣло, его долгое время не брали въ монастырь, но не смотря на отказъ онъ не отходилъ отъ монастырской ограды и ночевалъ тутъ у воротъ, не переставая просить знаками о принятіи. Наконецъ надъ нимъ сжалились и, считая глухонѣмымъ, приняли въ монастырь. Черезъ пять лѣтъ, въ теченіе которыхъ онъ заявилъ себя усердными монашескими подвигами, былъ постриженъ въ иноки и названъ Корнліемъ. Спустя нѣсколько лѣтъ удалился въ затворъ въ нарочито построенную для него келью, но

---

[1]) Архіеп. Сергій. Мѣсяцесловъ Востока, подъ 15 апраля.

пробылъ въ затворѣ не долго. Въ одно время братія нашла его лежащимъ снаружи запертой кельи, едва испускавшимъ духъ, что было принято за наруганіе надъ нимъ бѣсовъ, выбросившихъ его изъ кельи черезъ окно, и больше въ затворъ его не пускала. Выздоровѣвъ, онъ много лѣтъ пробылъ со всѣми вмѣстѣ въ иноческомъ послушаніи при глубокомъ молчаніи. Отъ постоянныхъ трудовъ при зноѣ и морозѣ, при строгомъ постѣ и молитвѣ, тѣло его было сильно изнурено. Будучи все время молчальникомъ, онъ обладалъ даромъ прозорливости и когда предрекалъ будущее, то дѣлалъ знаки рукой Передъ своею кончиною онъ повѣдалъ духовному отцу, что родомъ изъ Переяславля рязанскаго, отецъ и мать его купеческаго званія и мірское имя его Кононъ. Принявъ схиму, онъ скончался 22 іюня 1693 г. и похороненъ въ часовнѣ.

Въ свою очередь въ старинныхъ монастыряхъ переславскихъ произошли событія, заслуживающія быть отмѣченными. Такъ, черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ возобновленія Борисоглѣбскаго монастыря (1653 г.) въ Даниловомъ монастырѣ происходило торжество открытія мощей пр. Даніила, чему предшествовали слѣдующія обстоятельства. Мѣстное почитаніе пр. Даніила началось очень рано и разнымъ лицамъ были видѣнія и указанія на святость преподобнаго. Такъ, преподобный являлся крестьянину Горицкаго монастыря Василію Куманину, боярскимъ дѣтямъ—Алексѣю Андреевичу Юрьеву и Ивану Андреевичу Д(о)урову. Монастырскія власти въ виду неоднократныхъ знаменій рѣшили просить патріарха объ открытіи мощей и перенесеніи ихъ въ Троицкій храмъ. Въ отвѣтъ на это патріархъ велѣлъ „мощи преподобнаго чудотворца Даніила съ молебнымъ пѣніемъ осмотрѣть, подлинно цѣлы ль и ни чѣмъ не вредимы и какова на немъ одежда“. Наложивъ постъ, чтобы достойно приготовиться къ этому, иноки обители пр. Даніила съ митрополитомъ ростовскимъ Іоной во главѣ, при участіи переславскаго духовенства, приступили къ разрытію могилы преподобнаго. По освидѣтельствованіи останковъ его, при громадномъ стеченіи народа, донесли объ этомъ патріарху, послѣ чего пр. Даніилъ оффиціально былъ объявленъ святымъ и празднованіе ему установлено два раза въ годъ—7 апрѣля, въ день его кончины, и 30 декабря, въ день обрѣтенія мощей. Мощи же его послѣ этого оставались свыше полстолѣтія подъ спудомъ.

Ѳедоровскій монастырь, бывшій до того времени мужскимъ, послѣ морового повѣтрія переименованъ въ женскій. Въ указѣ (1667 г.) по этому поводу говорилось: „Вѣдомо великому государю и патріарху учинилося, что въ Переславлѣ Залѣсскомъ до морового повѣтрія и въ моровое повѣтріе и послѣ морового повѣтрія многія жены и дѣвицы постриглися, и съ тѣхъ мѣстъ по се число ходятъ къ приходскимъ церквамъ и въ томъ де бываетъ зазоръ, а иные де во градѣ и по селамъ, и по деревнямъ живутъ въ мірскихъ избахъ, а иныя де

скитаются межъ домовъ и отъ скудости помираютъ голодною смертью, а иныя же старицы поселились внутри града у ново-поставленной церкви пр. Богородицы чудотворной иконы Владимірской". Оставшаяся въ живыхъ послѣ моровой язвы братія была распредѣлена по другимъ переславскимъ монастырямъ, а здѣсь на ихъ мѣсто поселены монахини; съ тѣхъ поръ въ теченіе почти 250 лѣтъ Ѳедоровскій монастырь остается женскимъ. Это самый ранній случай въ Переславлѣ обращенія мужского монастыря въ дѣвичій, что въ послѣднее время стало довольно обычнымъ явленіемъ: мужскія обители клонятся къ упадку, уменьшаются въ числѣ, а женскія занимаютъ ихъ мѣсто и процвѣтаютъ.

Ѳедоровскій женскій монастырь сразу же сталъ многолюднымъ, въ немъ собралось 150 старицъ, но введенное начало иноческаго общежитія привилось не сразу. При этомъ обнаружилось, что монахини явно придерживаются возникшаго въ то время раскола. Нужно помнить, что это было время патр. Никона и его борьбы съ расколоучителями, изъ которыхъ одинъ, протопопъ Иванъ Нероновъ, даже находился въ Переславлѣ и былъ постриженъ въ монашество въ Даниловомъ монастырѣ, подъ именемъ Григорія, гдѣ послѣ бурной и тревожной жизни скончался архимандритомъ въ 1670 году. Неудивительно, что монахини, какъ наиболѣе консервативный элементъ монашества, стали отказываться пѣть и читать по новоисправленнымъ книгамъ, перестали ходить на исповѣдь и причастіе, не принимали просфоръ, печатанныхъ четвероконечнымъ крестомъ и вообще „чинили мятежъ и непослушаніе". Когда патріархъ узналъ объ этомъ, то указалъ тѣхъ старицъ, которыя увѣщанія не послушаютъ, послать на смиреніе въ Александровскій Слободской Успенскій монастырь, недавно основанный на развалинахъ дворца Грознаго.[1])

Основателемъ этого новаго монастыря въ предѣлахъ Переславскаго уѣзда былъ инокъ Лукіанъ. Первоначально (въ 1649—50 г.г.) онъ учредилъ въ мѣстности Псковитиново-Раменье Серебожскаго стана небольшую пустынь при старой церкви Рождества Богородицы, отъ ликолѣтья стоявшей пустой и безъ кровли на землѣ Старой Александровой Слободы въ лѣсу на болотѣ. Въ этой церкви много лѣтъ находился образъ Рождества Божіей Матери, который въ литовскую войну и разоренье, отъ солнца и дождя, остался цѣлъ и невредимъ и отъ того образа происходили чудеса. На средства царскаго истопничаго Александра Ѳедоровича Баркова и переславца Тимофея Ивановича Николаева была построена новая церковь Патріархъ разрѣшилъ иноку Лукіану жить при ней съ братіею „пустыннымъ жительствомъ". Нѣсколько людей изъ гостинной сотни переславской

---

[1]) Описаніе актовъ собранія гр. А. С. Уварова; Акты историч., М. 1905 г. стр. 363.

и александровской пошли сюда къ преп. Лукіану и, принеся средства на устроеніе, составили новую обитель. Сюда приходили къ подвижнику торговые и посадскіе люди Александровой Слободы просить его составить обитель для проживающихъ инокинь и старицъ въ самой Слободѣ. По этимъ просьбамъ преп. Лукіанъ поселилъ ихъ около находившейся въ запустѣніи Успенской церкви и устроилъ здѣсь кельи. Въ 1651 г. патріархъ далъ благословеніе на новую обитель и существованіе ея было упрочено. Въ 1655 г. 8 сентября, въ день Рождества Пресвятой Богородицы, пр. Лукіанъ скончался и погребенъ въ устроенномъ имъ мужскомъ монастырѣ, который въ память его донынѣ именуется Лукьяновой пустынью.

Въ то же время существовалъ вблизи Слободы Симеоновскій монастырь, впослѣдствіи упраздненный; возобновились послѣ смутнаго времени старинные здѣшніе монастыри: Махринскій и Киржацкій; въ южной части Залѣсья находилась Антоніева пустынь; окончательно же перестали существовать послѣ литовскаго разоренія: Успенскій на р. Кубрѣ, былъ приписанъ со всѣми землями и угодьями къ Горицкому монастырю;—монастырь на Александровой горѣ недалеко отъ самаго Переславля Залѣсскаго, мѣсто его было отдано потомъ Никитскому монастырю; Сольбинскій монастырь оставался въ развалинахъ около ста лѣтъ послѣ литовскаго разоренія. Такимъ образомъ, въ Переславлѣ и его уѣздѣ въ XVII ст. всего было восемнадцать наиболѣе извѣстныхъ монастырей.[1])

Всѣ они владѣли недвижимыми имуществами въ Переславскомъ и сосѣднихъ уѣздахъ и нѣкоторые вели большое хозяйство. По прежнему въ Переславскихъ предѣлахъ самымъ большимъ вотчинникомъ былъ сосѣдній Троице-Сергіевскій;[2]) изъ собственно же переславскихъ—десятками селъ и деревень владѣли: Горицкій, Даниловъ, Никитскій. Только самая незначительная часть помѣстій была пріобрѣтена монастырями на свои средства; большинство же составляли вклады, на которые были такъ щедры люди древне-русскаго общества. Въ этотъ золотой вѣкъ для монастырей всѣ классы общества для спасенія души несли сюда свою лепту. Среди благотворителей было множество дворянъ и бояръ, а выше всѣхъ ихъ стояли благочестивые цари дома Романовыхъ, которые отписывали на монастыри чуть ли не цѣлыми станами. Такъ, Михаилъ Ѳедоровичъ въ Никитскій монастырь, сверхъ бывшихъ вотчинъ, далъ с.с.: Ягренево, Половецкое, Лучинское, Филипповское съ деревнями и угодьями, а также Троицкую

---

[1]) Возможно, что ихъ было и болѣе этого числа, но не вошедшіе въ этотъ счетъ могли быть только незначительными обителями.

[2]) Голубинскій Е. Е., Преподобный Сергій Радонежскій, М. 1909 г., стр. 340—354; срав. Писцовыя книги XVI ст., изданныя подъ редак. Н. Колачева, I, стр. 810—850.

Слободку; за Даниловымъ и Ѳедоровскимъ монастырями утвердилъ прежнія владѣнія и кромѣ того послѣднему отписалъ с. Хорошево. Горицкій получилъ отъ царя Алексѣя: Слободку Городскую, Подгорную, с. Георгіевское, Ярополчь, Соломидино, Мурмонское, Ильинское, Славитино.[1]) Кромѣ недвижимости тѣ же государи жертвовали въ монастыри по разнымъ случаямъ деньгами, церковными облаченіями, обычно шитыми руками благочестивыхъ царицъ, церковной утварью и пр. Какъ люди весьма набожные, государи совершали сюда время отъ времени богомольные походы, къ которымъ обычно и пріурочивались разныя льготы и пожертвованія монастырямъ. По возвращеніи изъ польскаго плѣна патріарха Филарета царь Михаилъ Ѳедоровичъ вмѣстѣ съ матерью отправился на богомолье къ Макарію Унжинскому. Переписка царя съ патріархомъ даетъ подробный отчетъ о богомольномъ странствованіи, первомъ послѣ восшествія на царскій престолъ. Выступили изъ Москвы 23 августа 1619 г., у Троицы были на четвертый день, шли пѣшкомъ. Въ Переславль Залѣсскій прибыли 29 августа, гдѣ молились мѣстнымъ чудотворцамъ и писали отсюда о благополучномъ прибытіи; 1-го сентября были въ Ростовѣ; обратно отъ Макарія шли также на Переславль. Позднѣе въ 1638 г. Михаилъ Ѳедоровичъ съ царицей Евдокіей Лукьяновной совершилъ нарочитый походъ сюда отъ Троицы. Въ Никитскій монастырь дали вкладу къ мѣстному образу чудотворца четырнадцать золотыхъ, да плащаницу, а въ первое посѣщеніе было пожертвовано царемъ паникадило и колоколъ. Обратно царь и царица шествовали на Александрову Слободу. Царь Алексѣй Михайловичъ въ самомъ Переславлѣ не былъ, но посѣтилъ Александрову Слободу (4 апрѣля 1671 г.), „слушалъ часы и вечерню въ церкви Успенія въ дѣвичьемъ монастырѣ“. По примѣру своего дѣда два раза путешествовалъ въ Переславль царь Ѳедоръ Алексѣевичъ. Первый богомольный походъ былъ совершенъ имъ по зимнему пути (1676 г.). Царь отъ Троицы поѣхалъ на Александрову Слободу, отсюда на с.с. Рюминское и Самарово въ Переславль. Прибылъ сюда вечеромъ 25 ноября на третій день послѣ выѣзда изъ Слободы. На утро въ воскресенье государь молился за обѣдней въ церкви Симеона Столпника, послѣ столоваго кушанья посѣтилъ Никитскій и Борисоглѣбскій Надозерный монастыри. На другой день, въ праздникъ Знаменія Пр. Богородицы, слушалъ обѣдню снова въ Семеновской церкви, послѣ обѣда былъ въ Соборной Преображенской церкви, въ Князе-Андреевской церкви и въ монастыряхъ: Даниловомъ, Горицкомъ и Ѳедоровскомъ. На государѣ въ этотъ день было платье: „ферязь теплая, сукно ало; кафтанъ отласъ бѣлъ, исподъ черева лисьи; зипунъ, тафта червчата, исподъ черева лисьи; шапка, сукно скорлатъ бѣлъ, съ петли и съ запоны; посохъ индѣйскій съ

---

[1]) Кромѣ с. Мурмонскаго всѣ существуютъ въ настоящее время въ Переславскомъ и Александровскомъ уѣздахъ.

костьми". Изъ Ѳедоровскаго монастыря царь Ѳедоръ отправился обратно въ Слободу. Слѣдующій пріѣздъ его въ Переславль былъ черезъ три года. Государь изъ Москвы „изволилъ итти, со всѣмъ своимъ государскимъ домомъ, въ объѣздъ въ Переславль Залѣсскій". Минуя Троицу, онъ прибылъ прямо въ Александрову Слободу, молился въ Успенскомъ монастырѣ, заѣзжалъ по дорогѣ въ Лукьянову пустынь и 17 сентября 1679 г. прибылъ въ Переславль. Въ тотъ же день молился въ Соборной церкви. На утро былъ за литургіей въ Даниловомъ монастырѣ въ придѣлѣ пр. Даніила, потомъ посѣтилъ Никольскій на болотѣ и Борисоглѣбскій на пескахъ монастыри. На второй день слушалъ обѣдню въ Ѳедоровскомъ монастырѣ; 20-го сентября былъ за литургіей въ Никитскомъ монастырѣ; послѣ обѣда снова посѣтилъ его, а оттуда отправился на Самарово въ Александрову Слободу.[1])

Дворцовыхъ владѣній въ Переславскомъ уѣздѣ, изъ которыхъ главнымъ образомъ составились монастырскія вотчины, осталось теперь немного: Александрова Слобода, Переславская Рыбная Слобода и нѣсколько простыхъ селъ. Знаменитая Александрова слобода, оправившись послѣ литовскаго разоренія, въ XVII вѣкѣ снова стала городомъ съ большимъ посадомъ, церквами, монастыремъ и торговыми рядами. Здѣсь же былъ дворцовый конный дворъ, заведенный при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и увеличенный его сыномъ царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. Это былъ лучшій въ то время конюшенный дворъ. Царь Ѳедоръ, страстный охотникъ до лошадей, весьма интересовался имъ, иногда ѣздилъ сюда за тѣмъ, чтобы полюбоваться на „досужихъ лошадей", на которыхъ, по болѣзненности своей, онъ ѣздить самъ не могъ. Другой важный пунктъ дворцоваго вѣдомства— Переславская Рыбная Слобода продолжала играть большую роль въ царскомъ хозяйствѣ. Какъ и въ прежнее время рыбаки ловили въ Переславскомъ озерѣ на обиходъ царской кухни разную рыбу и привозили ее въ Москву на своихъ подводахъ. На особомъ счету была сельдь. Въ 1645 г. велѣно было доставлять ее ко двору по 33600 шт., а въ 1668 г. по 500 паровыхъ (копченыхъ) въ недѣлю, а поледныхъ въ годъ по 45000 большихъ; мелкихъ же сельдей ловить совсѣмъ запрещено и кромѣ того было установлено, чтобы для ловли сельдей употреблять невода опредѣленнаго образца. Но не смотря на желаніе правительства урегулировать дѣло, промыселъ на озерѣ палалъ, поэтому царь Алексѣй Михайловичъ (въ 1674 году) распорядился: „На два года на царскій обиходъ и на себя, и на продажу сельдей не ловить, для того, что сельди измелѣли, и о томъ учинить заказъ". Черезъ два года сдѣланы были рѣдкіе образцовые невода и велѣно было ловить сельдей только такими неводами. Царь Ѳедоръ Алексѣе-

---

[1]) Выходы вел. государей, ст. 629—30; 675—77.

вичъ подтвердилъ это, чтобы „чаще того образцоваго невода не было, чтобы мелкихъ сельдей въ уловѣ отнюдь не было, и того надъ ними смотрѣть накрѣпко; а будетъ рыбные ловцы учнутъ сельди ловить частыми неводами, а намъ великому государю учинится про то вѣдомо, или въ присылкѣ на нашъ обиходъ и на торгу объявятся мелкія сельди, и тѣмъ за то отъ насъ великаго государя быть въ опалѣ, а старостѣ и рыбнымъ ловцамъ въ смертной казни". Результаты этихъ мѣръ были самые благопріятные. Въ концѣ XVII стол. ловъ сельдей снова увеличился до того, что рыбаки сверхъ годового оклада въ 45 тысячъ отослали въ Приказъ Большого Дворца по 1699 г. 367670 шт. сельдей впередъ и кромѣ того поставили государю свѣжей простой рыбы на 359 руб., полагая по полтора рубля за тысячу.[1]) Кромѣ государева двора переславскіе рыбаки должны были доставлять тѣхъ же сельдей ко двору святѣйшаго патріарха по 70 паровыхъ въ недѣлю и одну урочную ночь ловить на его обиходъ.[2]) Пользовался такой же привилегіей Никитскій монастырь, но при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ „та рыбная ловля взята на государя, а то мѣсто дана имъ рыбная ловля въ р. Трубежѣ отъ устья отъ Переславскаго озера и до верховья по р. Трубежу".[3])

Кромѣ монастырскихъ и дворцовыхъ владѣній въ Переславскомъ уѣздѣ было немалое число вотчинъ и помѣстій разныхъ служилыхъ людей, такъ: Михаилу Матвѣевичу Еропкину принадлежало село Романово на Вашутинскомъ озерѣ, патріаршему стольнику Архипу Семеновичу Самсонову—с. Бектышево, сыну боярскому Михаилу Семеновичу Федосѣеву—с. Каллистово, кн. Анисьѣ Урусовой—с. Смоленское и Нестерово (Телешево), кн. Василію Янушевичу Сулешеву—с. Рязанцево, кн. Петру Лукичу Львову—с. Выползова Слободка, Василію Ѳедоровичу Бутурлину с. Крутецъ и т. д. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ даютъ писцовыя и другія книги XVII вѣка. Часть ихъ сохранилась до сего времени и служитъ цѣннымъ матеріаломъ для исторіи Переславскаго уѣзда того времени. Собственно переписей тогда произведено было здѣсь множество. Въ то время, какъ большинство изъ нихъ касалось отдѣльныхъ мѣстностей, одна перепись охватывала весь уѣздъ. Это 1628—1630 г.г. письма и мѣры кн. Михаила Волконскаго и подъячихъ Василія Толмачева и Ивана Черницова, законченная Андреемъ Загряжскимъ и подъячими Гаврилой Володимеровымъ и Дмитріемъ Минчаковымъ. На ряду съ этими книгами большое значеніе имѣютъ окладныя патріаршаго казеннаго приказа, которыя содержатъ въ себѣ перечень церквей тогдашняго

---

[1]) Влад. Сборн. Тихоправова, стр. 14—18.

[2]) Акты истор. IV, 458—459.

[3]) Никитскій монастырь, М. 1888 г., стр. 3.

уѣзда.[1]) Въ своей совокупности эти книги старинныхъ московскихъ приказовъ свидѣтельствуютъ, что въ XVII столѣтіи въ Переславскомъ уѣздѣ, за самыми незначительными исключеніями, находились всѣ почти села и деревни, существующія теперь въ уѣздахъ—Переславскомъ, Александровскомъ и части Покровскаго, составлявшихъ тогда одинъ „Переславль-Залѣсскій уѣздъ“.

XII.

Поѣздка царя Петра Алексѣевича на Переславское озеро. Построеніе потѣшной флотиліи на Переславскомъ озерѣ. Водные и сухопутные маневры въ Переславлѣ. Конецъ занятій царя на Переславскомъ озерѣ. Народныя воспоминанія о царѣ Петрѣ. Храненіе судовъ.

До сего времени Переславское озеро извѣстно было только своей вкусной рыбой и съ этой именно стороны цѣнилось великими князьями и царями. Но въ концѣ XVII ст. пріобрѣло извѣстность другого рода. Случилось это въ самый разгаръ „потѣшныхъ“ увлеченій царя Петра Алексѣевича и началось съ того, что въ одномъ изъ амбаровъ своего дѣда Никиты Ивановича Романова въ с. Измайловѣ онъ нашелъ англійскій ботъ. Плѣнившись имъ, Петръ приказалъ починить его и потомъ катался на немъ по Измайловскому пруду и Яузѣ. Когда тамъ оказалось тѣсно, „сталъ, по его собственнымъ словамъ, провѣдывать, гдѣ болѣе воды“, ему указали на Переславское озеро. Дѣйствительно, вблизи Москвы другого такого большого и многоводнаго озера нѣтъ. И Петръ рѣшилъ убѣдиться въ этомъ своими глазами. Хотя онъ и былъ въ Переславлѣ, но то происходило зимой, когда ледъ и снѣгъ покрывали все озеро и царь не обратилъ на него вниманія.[2]) Не смѣя теперь прямо высказать о своемъ намѣреніи царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ, онъ выпросился у ней на богомолье въ Троицкій монастырь, а на самомъ дѣлѣ уѣхалъ въ Переславль въ первыхъ числахъ іюля 1688 г. Лѣто было весьма жаркое и въ окрестностяхъ Переславля жали рожь, что бываетъ очень рѣдко въ это время. Вдругъ крестьяне монастырскаго с. Веськова увидѣли, что кто то верхомъ скачетъ отъ Горицкаго монастыря къ озеру прямо по несжатому хлѣбу. За нимъ на недалекомъ разстояніи ѣхали

---

[1]) Холмогоры. Матер. для ист. Влад. еп. Переславская десятина, Влад., 1897 г. Описаніе документовъ и дѣлъ Московскаго архива Министерства Юст., вып. 1 и 2.

[2]) Есть извѣстіе, что въ февралѣ 1687 г. Петръ съ братомъ Иваномъ и правительницей царевной Софьей пріѣзжалъ къ Переславскимъ святынямъ и въ Вепреву пустынь Ростовскаго уѣзда (Влад. губ. вѣд. 1855 г., № 29 и Владим. Епарх. Вѣд. 1883 г. № 9).

еще три человѣка, среди которыхъ былъ переславскій воевода. Тотъ, что ѣхалъ впереди, когда передъ глазами его открылась панорама Переславскаго озера, остановился какъ вкопанный и долго смотрѣлъ на него. Принявъ всадника за барина-охотника, одна крестьянка замѣтила ему: „баринъ, зачѣмъ хлѣбушко-то мнешь“. Тотъ ей на это отвѣтилъ: „не брюзжи, старуха, хорошо вамъ будетъ“ и поѣхалъ далѣе по скату горы къ с. Соломидину. Это и былъ царь Петръ, прискакавшій посмотрѣть на Плещеево озеро.

Видъ обширнаго озера настолько очаровалъ царя, что онъ возвратился въ Москву съ твердой рѣшимостью перенести свои корабельныя занятія въ Переславль. Уже никакія просьбы и запрещенія матери-царицы теперь не могли остановить его отъ задуманнаго. Только о корабляхъ думалъ и мечталъ тогда онъ. Волей-неволей царица согласилась и въ Переславль были отправлены проживавшіе въ Москвѣ иностранцы Карштенъ-Брантъ и Кортъ, чтобы строить царю суда на иноземный ладъ и пустить ихъ въ дѣло на Переславскомъ озерѣ. По пріѣздѣ сюда мастера были помѣщены въ строеніяхъ Горицкаго монастыря на Птичьемъ дворѣ, расположенномъ на горѣ саженяхъ въ ста отъ озера и рѣчки Веськовки. Вѣроятно, поблизости построенъ былъ „дѣлой дворъ“, гдѣ готовились части для строившихся судовъ. Самая верфь, какъ надо полагать, была устроена тутъ же, невдалекѣ отъ дѣлового двора. Остатки свай, сохранившихся въ этой части озера, указываютъ, можетъ быть, мѣсто этой верфи или въ крайнемъ случаѣ пристани, гдѣ стояли потомъ построенныя суда. Она была въ саженяхъ ста отъ берега [1]). Часть іюля и августа 1688 г. царь провелъ вмѣстѣ съ иноземцами мастерами и такъ какъ дворца на берегу озера для его пріѣзда не было, то, вѣроятно, онъ помѣщался также въ зданіяхъ Горицкаго монастыря, находившихся недалеко отъ с. Веськова. Проживая здѣсь, онъ принималъ горячее участіе въ первыхъ постройкахъ, а на осень возвратился въ Москву, гдѣ производилъ сухопутные маневры съ своими „потѣшными“ войсками.

Время было тревожное. Царевна Софья искала возможности погубить своего брата и царица Наталья Кирилловна все время боялась, что надъ ея сыномъ случится что нибудь недоброе. Въ надеждѣ остепенить его и привязать къ дому, она женила его (27 января 1689 г.) на Евдокіи Лопухиной. Но русская пословица: „женится—

---

[1]) Историкъ Н. Устряловъ (Исторія царствованія Петра Вел., II, С.П.Б., 1858 г., прим. 13, ст. 337) полагаетъ, что верфь была на Трубежѣ недалеко отъ церкви Знаменія. Но не слѣдуетъ ли считать, что у церкви Знаменія только зимовали крупныя суда и хранились потомъ послѣ 1722 г. на берегу близъ этой церкви.

перемѣнится", не оправдалась. Какъ только повѣяло весной, Петръ оставилъ свою молодую жену и уѣхалъ въ Переславль. Отсюда (20 апрѣля 1689 г.) онъ писалъ „вселюбезнѣйшей и паче живота тѣлеснаго дрожайшей матушкѣ, государынѣ царицѣ и великой княгинѣ Наталіи Кирилловнѣ". „Сынишка твой, въ работѣ пребывающій Петрушка, благословенія прошу о твоемъ здравіи слышать хочу; а у насъ молитвами твоими здорово. А озеро все вскрылось сего 20 числа, и суды всѣ, кромѣ большого корабля, въ отдѣлкѣ; только за канатами встанетъ; и о томъ милости прошу, чтобъ тѣ канаты, по семисотъ саженъ, изъ Пушкарскаго приказу, не мѣшкавъ, прислали бы. А за ними дѣло станетъ и житье наше продолжится. По семъ паки благословенія прошу". Нѣтъ сомнѣнія дѣло въ рукахъ иностранцевъ спорилось; суда, о которыхъ писалъ государь, были три яхты, находившіяся уже въ отдѣлкѣ. Не хватало только канатовъ. Но вмѣсто присылки ихъ, царица прислала повелѣніе возвратиться домой, такъ какъ 27 апрѣля была годовщина смерти царя Ѳедора Алексѣевича и на панихиду въ Архангельскомъ соборѣ слѣдовало собраться всѣмъ членамъ царскаго семейства. На это Петръ писалъ ей: „Недостойный сынишка твой, Петрушка, о здравіи твоемъ присно слышати желаю. А что изволила ко мнѣ приказывать, чтобы мнѣ быть въ Москвѣ, и я быть готовъ; только, гей, гей, дѣло есть. И то присланный самъ видѣлъ, извѣститъ яснѣе; а мы молитвами твоими во всякой цѣлости пребываемъ. О бытіи моемъ пространнѣе я ко Льву Кирилловичу писалъ и онъ тебѣ, государынѣ, донесетъ. По семъ и нашпокорственнѣ предаюся въ волю вашу". Звала его и молодая жена. „Государю моему радости, царю Петру Алексѣевичу,—писала она,—здравствуй, свѣтъ мой, на множество лѣтъ. Просимъ милости, пожалуй Государь, буди къ намъ не замѣшкавъ. А я при милости матушкиной жива". Письмо подписано „Женишка твоя Дунка челомъ бьетъ". Пришлось прервать на время работу и отправиться въ Москву. Отбывши необходимую церемонію, Петръ вскорѣ возвратился въ Переславль и писалъ матери: „Недостойный Петрушка, благословенія прося, челомъ бью и за присылку съ дохтуромъ и съ Гаврилою (Головкинымъ), яко Ной иногда о масличномъ сукѣ, радуюсь и паки челомъ бью. А у насъ все молитвами твоими здорово, и суды удались всѣ зѣло хороши. По семъ, дай Господь, здравія душѣ и тѣлу, яко же азъ желаю". Въ приписке къ своему письму онъ сообщаетъ: „а мастеръ корабельный Кортъ іюня во 2 день умре, до нашего пріѣзду за двадцать за два часа". Петръ такъ увлекался въ это время своими судами, которыя частію уже были спущены на озеро и бороздили его волны, что, исполняя требованіе царицы—матери извѣщать ее какъ можно чаще, едва находилъ для этого время. Писалъ кратко на клочкахъ спѣшной рукой и, видимо, мысль его постоянно витала около сооружаемыхъ судовъ. „Гей! о здравіи слышать желаю,—разъ писалъ онъ,—и благословенія прошу; а у насъ все здорово, и о судахъ

паки подтверждаю, что зѣло хороши всѣ и о томъ Тихонъ Никитичъ (Зотовъ) самъ извѣститъ". Письмо подписано: „недостойный Petrus". Но долго оставаться въ Переславлѣ и на этотъ разъ было нельзя, такъ какъ 8-го іюня должна быть вторичная панихида по царѣ Ѳедорѣ, по случаю его тезоименитства, и слѣдовало опять ѣхать въ Москву. Но царь никакъ не могъ оторваться отъ своихъ судовъ и въ ожиданіи его панихида не отправлялась до 11 числа. Разсчитывалъ онъ вскорѣ возвратиться въ Переславль, но какъ ни манило его озеро со своею флотиліей, какъ ни хотѣлось взяться за топоръ, обстоятельства заставили надолго отложить поѣздку. Пришлось заняться другимъ дѣломъ. Борьба съ царевной Софьей, ея заточеніе въ монастырь, казни стрѣльцовъ, все это отвлекло вниманіе царя отъ судостроенія въ Переславлѣ болѣе, чѣмъ на два года.

Государь возвратился мыслью снова къ Переславскому озеру лишь въ ноябрѣ 1691 года. Теперь онъ рѣшилъ поставить все дѣло въ широкихъ размѣрахъ. Такъ какъ до сего времени тамъ все еще не было царскаго дворца, гдѣ Петръ могъ бы остановиться во время пріѣздовъ, то прежде всего распорядился немедленной постройкой его. Рѣшилъ вмѣстѣ съ тѣмъ расширить и увеличить дѣловой дворъ или быть можетъ даже выстроить его на новомъ мѣстѣ. Переславскому воеводѣ Якову Макаровичу Панову приказано было (3 ноября 1691 г.) „въ Переславлѣ Залѣсскомъ у озера для пришествія нашего великаго государя построить дворъ". Для этого дѣла, сколько понадобится подводъ, брать изъ Рыбной Слободы безъ всякой задержки, „чтобы тому всякому строенію ни чему остановки ни за чѣмъ не было". Наблюденіе надъ постройкой поручено было стряпчему кормового дворца Роману Карцеву. Подрядъ же на строительныя работы былъ сданъ въ Москвѣ. Подрядчикъ обязался „сдѣлать въ Переславлѣ Залѣсскомъ всякое государское дворовое и хоромное строеніе: двѣ конюшни большія, въ длину по 30, поперкъ по 5 сажень 3-хъ аршинныхъ, въ нихъ на обѣихъ сторонахъ по 52 стойла, да по чулану бревенчатому, двои двери створчатыя большія, передъ конюшнями и въ конюшняхъ мосты намостить бревенчатые, тесанные, ясли сдѣлать изъ досокъ или изъ бревенъ, передъ конюшнею перила съ гудками, оконъ колодныхъ сколько доведетца и съ затворами, конюшни и передъ конюшнями покрыть дранью скалою, по верху положить желобы охлупные; на томъ же конюшенномъ дворѣ переднія ворота о трехъ щитахъ, другія ворота о двухъ щитахъ покрыть тесомъ, поставить 4 избы изъ готовыхъ струбовъ, нутры сдѣлать какъ ведетца, въ нихъ десять оконъ пяти колодныхъ, межъ ими сѣни бревенчатыя, въ сѣняхъ по чюлану, по нужнику и оконъ сколько ведетца, два сарая по 19 саж., поперкъ по 5 саж. и въ томъ чистѣ одинъ на корѣты намостить бревнами тесаными, другой подъемнымъ лошадямъ съ ясли рубленными изъ бревенъ, покрыть дранью

скалою и положить охлупные желобы. На дѣловомъ дворѣ 6 анбаровъ заборами въ столбы и въ томъ числѣ одинъ въ длину 17 саж., на немъ намостить бревенчатый мостъ, поверхъ мосту вмѣсто сушила навѣсъ съ трехъ сторонъ заборами, а съ лица гнивками анбаръ 15-ти, другой 10, два по пяти, шестой 4-хъ саж., поперкъ всѣ по 5 саж., въ нихъ намостить бревенчатые мосты тесаные и оконъ съ затворами сколько понадобица, двери подѣлать створчатыя большія, межъ анбаровъ порожжія мѣста и переднюю сторону отъ озера, огородить заборами сколько саженъ по чертежу будетъ, ворота сдѣлать створчатыя о двухъ щитахъ, шириною въ 3 сажени, покрыть тесомъ, избу срубить или поставить изъ готоваго струба и сдѣлать нутръ и оконъ сколько доведетца, а анбары, избу покрыть дранью скалою и положить охлупные желобы съ прикрасками. На дѣловомъ же дворѣ срубить 5 избъ и нутры сдѣлать какъ доведетца, полы изъ бревенъ намостить тесаными, лавки покласть съ опушками, а печки срубить, окна сдѣлать пяти колодныя большія съ затворами, сколько понадобитца, покрыть дранью скалою, поверху положить желобы охлупные съ прикрасками, а мѣрою отъ избы одна 7 саж., поперекъ 5 саж., сѣни 2 саж., двѣ избы въ длину и поперекъ по 5 саж., межъ ними сѣни 4-хъ саж., къ тѣмъ же избамъ коморка 2-хъ саж., двѣ избы въ длину и поперкъ по 4 саж. Конюшни срубить въ длину на 22-хъ саженяхъ. поперекъ на 4 саж,, въ ней 20 стойлъ, въ конюшнѣ и въ передъ конюшней мосты намостить тесанными бревными, передъ конюшнею сдѣлать перила съ гудками, двери сдѣлать створчатыя, большія, оконъ сдѣлать сколько понадобитца, конюшню и передъ конюшнею покрыть дранью скалою и положить охлупные желобы съ прикрасками, кругомъ на 42 саж. сдѣлать сараи, ворота створчатыя, покрыть тесомъ, двѣ избы изъ готовыхъ срубовъ, межъ ими сѣни 4-хъ саж., нужной чуланъ, нутры сдѣлать какъ ведетца, оконъ сколько понадобитца и покрыть дранью скалою и положить охлупные желобы. Остожной да дровяной дворы огородить заборами въ длину по 40 саж., поперекъ 30 саж., двои ворота створчатыя, покрыть тесомъ или чѣмъ доведетца, въ заборы класть по 20 бревенъ" [1]).

Но не успѣли еще приступить къ дѣлу, какъ царь Петръ не утерпѣлъ и самъ пріѣхалъ въ Переславль. 19 ноября онъ писалъ отсюда царицѣ-матери: „Недостойный сынъ твой, Петрушка, во многожеланіи благословенія твоего, челомъ бью. И паки тогожде прося, возвѣщаю, что благословеніемъ твоимъ во всякомъ изобиліи пребываемъ на пользу свою. По семъ желаю душѣ и тѣлу сто кратъ тысящнаго здравія". Пробылъ здѣсь недолго (16—30 ноября), лишь взглянулъ, что именно безъ него устроили нѣмецкіе мастера и нѣсколько возобновилъ свои знанія въ кораблестроеніи, какихъ онъ достигъ здѣсь въ предшествовавшіе пріѣзды. Работа у него спори-

---

[1]) Сборникъ выписокъ о Петрѣ В., I, М., 1872 г. стр. 373—374.

лась и практическая школа судостроенія его вполнѣ удовлетворяла. Это онъ имѣлъ въ виду, когда писалъ царицѣ объ „изобильномъ пребываніи въ пользу свою“. Теперь онъ задумалъ выстроить цѣлую флотилію большихъ судовъ. О величинѣ ихъ можно судить по количеству только одного лѣсного матеріала, который требовался для постройки. Такъ, „5 декабря (1691 г.) велѣно купить въ Переславлѣ Залѣсскомъ къ строенію пяти судовъ кормового дворца стрянчему Роману Карцеву 650 бревенъ сосновыхъ, длиною по 3 саж., толщиною по полуаршину, 2500 досокъ сосновыхъ, длиною 3 хъ саж., толщиною по 2 вершка, гладкихъ 1000 досокъ 3 саж., толщиною въ полтора вершка, 750 досокъ по 2 саж., толщиною по вершку, 250 досокъ липовыхъ по полутрети саж., 200 досокъ сосновыхъ 4-хъ саж., толщиною 3-хъ верш., шириною по аршину, 11 брусковъ сосновыхъ длиною по 5 саж., толщиною по четверти арш ,шириною по аршину, 1500 кривухъ, 1500 заборнику по полутрети сажени, 50 бревенъ гладкихъ на деревья и на рамы, а выбирать тѣ бревна мастеромъ, 150 бревенъ дубовыхъ длиною по полторы и по двѣ сажени“ [1]).

Въ то время Петръ пріобрѣлъ такіе большіе навыки въ корабельномъ дѣлѣ, что ему поручено было построить къ веснѣ будущаго года (1692 г.) военный корабль. „Господарскій указъ“ объ этомъ былъ подписанъ княземъ-кесаремъ Ѳедоромъ Юрьевичемъ Ромодановскимъ, разыгрывавшимъ въ „потѣшныхъ“ дѣлахъ роль государя. А истинный государь Петръ Алексѣевичъ въ такихъ дѣлахъ на столько проникался своею ролью, въ данномъ случаѣ корабельнаго плотника, что работалъ, какъ настоящій ремесленникъ и принялъ званіе Петра—плотника. Въ февралѣ (1692 года) онъ собственными руками заложилъ корабль и началъ его работать съ 16 учениками, набранными изъ потѣшныхъ Преображенскаго полка. Работа пошла хорошо, но царственнаго мастера то и дѣло требовали по разнымъ причинамъ въ Москву. Онъ уѣзжалъ и въ февралѣ, и въ мартѣ; тѣмъ не менѣе постройка корабля подвигалась впередъ. Въ одну изъ поѣздокъ Петръ приказалъ перевезти изъ Москвы въ Переславль готовые карбасы, шлюпки и одну яхту, чтобы къ веснѣ составить здѣсь значительную флотилію. Въ апрѣлѣ пригласилъ съ собою Лефорта, Гордона, царедворцевъ и потѣшныхъ, чтобы показать имъ свои суда. Тѣмъ временемъ корабль былъ готовъ и по этому поводу царь пожелалъ устроить небывалое до того времени на Руси торжество—спуска корабля. Кромѣ фрегата, построеннаго самимъ царемъ былъ другой фрегатъ работы Бранта и три яхты; при этихъ крупныхъ судахъ было значительное число мелкихъ: галеры, карбасы, шлюпки, боты и т. п., частью построенные въ Переславской верфи, а частью привезенные изъ Москвы.

---

[1]) Сборн. выпис. о Петрѣ В., I, М., 1872 г., стр. 372.

1-го мая 1692 года состоялся первый флотскій праздникъ на Руси. Начался церковной церемоніей, которая въ сущности совершалась въ Переславлѣ съ незапамятныхъ временъ и состояла въ томъ, что изъ двухъ церквей Сорока Святыхъ и Введенія, стоящихъ другъ противъ друга на противуположныхъ берегахъ устья р. Трубежа, совершался крестный ходъ на Плещеево озеро въ шестое воскресенье послѣ Пасхи для водоосвященія. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ и желая придать церковной процессіи болѣе величественный характеръ, царь приказалъ устроить крестный ходъ изъ всѣхъ городскихъ церквей. Сборный пунктъ для духовенства былъ указанъ у мѣста теперешняго моста на рѣкѣ Трубежѣ ниже Сергіевской церкви. Духовенство въ церковныхъ облаченіяхъ съ иконами и хоругвями размѣстилось въ рыбацкихъ лодкахъ по обѣимъ сторонамъ рѣки и въ такомъ видѣ процессія двинулась по направленію къ озеру. Близъ церквей Рыбной Слободы она была встрѣчена мѣстнымъ духовенствомъ и сдѣлала остановку для служенія торжественной литургіи. Богослуженіе одновременно происходило въ двухъ церквахъ Сорока Святыхъ на лѣвымъ берегу и Введенія на правомъ берегу. По окончаніи обѣдни церковная процессія, увеличенная теперь духовенствомъ береговыхъ церквей, двинулось далѣе на самое озеро и подошла къ царской флотиліи. Въ это время грянулъ залпъ изъ пушекъ и ружей стоявшихъ на берегу потѣшныхъ войскъ, вызванныхъ сюда царемъ привѣтствовать рожденіе русскаго флота. Корабли сдѣлали свое первое движеніе и вышли навстрѣчу процессіи. Началось водоосвященіе, по окончаніи котораго суда были окроплены святой водой, послѣ чего снова раздались залпы. Церковная процессія возвратилась обратно въ городъ, а царь Петръ, при громѣ орудій, пустился тѣшиться по озеру. Исполнилось его желаніе: онъ имѣлъ русскіе корабли и русское войско, устроенные на европейскій манеръ. Правда, пока это были „потѣшные“ флотъ и армія, но они носили въ себѣ задатки великаго будущаго; то было ядро теперешней арміи и флота. Нѣсколько дней продолжались празднества на водѣ и на сушѣ, потомъ царь отправился въ Москву звать сюда царицъ, чтобы онѣ посмотрѣли на сооруженія и раздѣлили съ нимъ его радость.

Къ этому торжеству былъ оконченъ постройкою царскій дворецъ на берегу озера. Мѣсто для него выбрали на горѣ Гремячъ, откуда открывался необыкновенно живописный видъ на озеро и г. Переславль. Отъ Птичьяго двора, гдѣ проживали нѣмецкіе мастера, отдѣлялъ лишь оврагъ. По словамъ сторожилъ, во дворцѣ было пять комнатъ, полы дубовые, печи изразцовыя, муравленыя съ разными фигурами. Входъ во дворецъ шелъ отъ озера и состоялъ изъ трехъ дверей; надъ среднею дверью былъ прикрѣпленъ на желѣзномъ шпилѣ двуглавый орелъ изъ листового желѣза. Дворецъ находился нѣсколько ближе къ озеру, чѣмъ сейчасъ музей. Передъ дворцомъ былъ садъ,

многія изъ деревьевъ котораго были посажены самимъ царемъ. Влѣво отъ дворца—колодецъ, будто бы, выкопанный Петромъ; далѣе на выступѣ горы—батарея, съ которой стрѣляли во время церемоніи освященія флота. Направо къ с. Веськову—деревянная церковь Вознесенія, отчего находящійся недалеко оврагъ получилъ названіе Вознесенскаго. Сзади дворца размѣщены были амбары, конюшни, погреба, за ними немного въ сторону къ с. Веськову—кузница, въ которой Петръ собственноручно ковалъ разныя корабельныя принадлежности.

Сюда въ этотъ дворецъ и приглашалъ царь своихъ близкихъ. Къ ихъ пріѣзду флотилію пришлось нѣсколько починить, такъ какъ во время минувшихъ торжествъ были небольшія аваріи: одну яхту, напр., опрокинуло, у ней оказался сломанымъ чердакъ и желѣзныя связи у юмферовъ. Все это было исправлено и въ ожиданіи царицъ, суда поставили передъ дворцомъ у пристани. Омрачалось лишь общее настроеніе кончиной главнаго руководителя кораблестроенія Бранта, умершаго въ іюнѣ. Наконецъ, давно желанныя гостьи прибыли 22 іюля. Кромѣ царицы—матери и жены царя, пріѣхала его сестра Наталья Алексѣевна. По древнему обычаю посѣтили монастыри переславскіе и сдѣлали туда вклады. Въ день перваго Спаса (1-го августа) по приказанію царя было совершено торжественное водосвятіе съ крестнымъ ходомъ на озеро, что было въ сущности повтореніемъ майской церемоніи. Въ то же время потѣшные подъ начальствомъ Гордона выстроились на берегу, а новосооруженная эскадра вышла въ озеро подъ начальствомъ Лефорта. Царь Петръ былъ на своемъ фрегатѣ и, при погруженіи креста въ воду во время водосвятія, самъ стрѣлялъ изъ пушки. Находившіяся на берегу войска отвѣчали залпами выстрѣловъ. По окончаніи церемоніи цѣлый мѣсяцъ продолжалось веселье до отъѣзда царицъ въ Москву. Съ 13 августа по одиночкѣ стали подходить изъ Москвы новые потѣшные полки для маневровъ на сушѣ и водѣ. На другой день по прибытіи войскъ царь угощалъ царицъ на адміральскомъ кораблѣ „съ церемоніей“, а 18 августа утромъ, при попутномъ вѣтрѣ, флотилія выступила подъ парусами, переплыла озеро и бросила якорь у противоположнаго берега, гдѣ поднявшійся противный вѣтеръ задержалъ ее тамъ двое сутокъ, такъ что гостьи возвратились во дворецъ только 21 числа. Проведя еще недѣлю въ Переславлѣ, онѣ пріѣхали въ столицу лишь 3-го сентября, счастливыя и довольныя всѣмъ видѣннымъ.

Въ концѣ октября царь распорядился готовить матеріалы для постройки еще двухъ кораблей, а самъ вскорѣ заболѣлъ очень сильно. Отъ неравномѣрнаго труда, а главное отъ излишествъ на пиршествахъ, у него сдѣлался кровавый поносъ, за которымъ послѣдовало такое сильное ослабленіе, что къ половинѣ декабря ожидали его смерти. Но мало-по-малу опасность миновала. Петръ оправился и послѣ масляницы (27 февраля 1693 г.) уѣхалъ въ Переславль къ

своимъ кораблямъ. Здѣсь провелъ почти весь постъ въ постройкѣ новыхъ судовъ и воротился въ Москву только въ апрѣлѣ (7-го числа). Послѣ Пасхи снова былъ на озерѣ (съ 4 по 25 мая); но это было послѣднее посѣщеніе Переславля для этой цѣли. „Нѣсколько лѣтъ,— писалъ онъ въ предисловіи къ Морскому Регламенту,—исполнялъ я свою охоту на озерѣ Переславскомъ; наконецъ стало оно для меня тѣсно; ѣздилъ на Кубенское озеро, оно было слишкомъ мелко. Тогда я рѣшился видѣть прямо море и сталъ просить позволенія у матери съѣздить къ Архангельску; многократно возбраняла она мнѣ столь опасный путь, но, видя великое желаніе мое и неотмѣнную охоту, не хотя согласилась". Петръ перенесъ свои потѣхи на Бѣлое море и историческая миссія Переславскаго озера окончилась. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ было оно для царя практической школой кораблестроенія и мореплаванія. Подобно тому, какъ с.с. Преображенское и Семеновское были мѣстомъ организаціи „потѣшныхъ" полковъ Преображенскаго и Семеновскаго, изъ которыхъ возникла потомъ русская армія, такъ Переславль Залѣсскій былъ пунктомъ возникновенія „потѣшной" флотиліи, ставшей началомъ русскаго флота.[1])

Въ воспоминаніе послѣдняго событія изъ года въ годъ въ шестое воскресенье послѣ Пасхи совершается та же церковная церемонія, которая совершена была по приказу царя 1 мая 1692 г. Все городское духовенство въ полномъ церковномъ облаченіи съ иконами, хоругвями и крестами направляется изъ Переславскаго собора къ Трубежу, размѣщается и слѣдуетъ на плашкоутахъ (связяхъ), къ береговымъ церквамъ Рыбной Слободы, участвуетъ въ совершеніи богослуженія, по окончаніи его выходитъ въ лодкахъ на озеро, совершаетъ здѣсь водосвятіе и затѣмъ возвращается въ городъ. Народъ, какъ и двѣсти лѣтъ назадъ, заполняетъ берега озера при устьи р. Трубежа и возможно, что сохраняетъ въ памяти самый смыслъ этого обряда. По крайней мѣрѣ пребываніе царя Петра въ Переславлѣ оставило сильный слѣдъ въ народѣ. Такъ, спустя много времени, разсказывали о его отношеніяхъ къ Веськовскимъ крестьянамъ. „Во время стройки судовъ,—передавала одна крестьянка,—ясъ нимъ часто разговаривала и онъ былъ такой добрый и разговорчивый со всѣми, а въ особенности съ крестьяниномъ Михаломъ Бобровымъ и его сыновьями Василіемъ и Михаломъ; ихъ онъ часто призывалъ къ себѣ на думу при постройкахъ. Онъ былъ даже на свадьбѣ и крестинахъ у Михаила; а Василія взялъ къ себѣ въ прислуги. Нѣкоторые изъ потомковъ сего послѣдняго проживаютъ теперь въ Петербургѣ

---

[1]) Устряловъ Н. Исторія царствованія Петра Великаго, II, С.-П.Б., 1855 г. стр. 141 –147, 338 и др. А. Розовъ. Историч. Запис. о бывшей въ Переславлѣ Залѣсскомъ флотиліи Петра Великаго. Жур. Мин. Народ. Просв. XVII, от. II, ст. 21—80. Сборникъ выписокъ о Петрѣ Великомъ, I, М. 1872 г., стр. 371—386.

подъ именемъ купцовъ Товаровыхъ; другіе же остались въ с. Веськовѣ и доселѣ извѣстны подъ именемъ Думновыхъ".[1])

Въ Рыбной Слободѣ о царѣ Петрѣ воспоминали, какъ онъ спасъ рыбацкаго старосту отъ потопленія на озерѣ. Дѣло было въ шестое воскресенье послѣ Пасхи, когда справивъ процессію, Слобода празднуетъ годовой праздникъ. Староста выѣхалъ по обыкновенію съ гостями въ лодкахъ покататься на озеро. Погода была хорошая, но внезапно налетѣла туча и разразилась страшная буря. Озеро „Плещее" покрылось громадными волнами и лодка стала тонуть. Навстрѣчу тонувшимъ немедленно выѣхалъ царь съ своими матросами, какъ только это было замѣчено изъ дворца, и во-время оказалъ помощь.

Потомки переславскихъ сокольниковъ съ своей стороны сохранили разсказъ объ одномъ случаѣ на царской охотѣ. Петръ охотился близъ Ивановскаго болота и по окончаніи ея ѣхалъ обратно. Не замѣтивъ того, что его помытчикъ Андрей Алексѣевичъ Поповъ готовился накрыть сѣткою налетѣвшаго сокола, царь наѣхалъ и спугнулъ сокола. Съ горяча, не разобравъ кто это былъ, Поповъ закричалъ: „убью!", но когда узналъ царя, то быстро нашелся и сказалъ, что исполняетъ царское повелѣніе, такъ какъ существовалъ указъ, дозволявшій убивать того, кто на охотѣ подойдетъ къ ловчему и будетъ спугивать птицу. Отвѣтъ понравился царю, онъ подарилъ ему изъ своихъ рукъ шубу и пожаловалъ въ сокольничьи старосты.

Передавали, что во время пребыванія Петра въ Переславлѣ проживала въ Ѳедоровскомъ монастырѣ его няня, которая, будто бы, по порученію его матери, наблюдала за своимъ питомцемъ. Въ дѣйствительности же въ числѣ монахинь была молодая дѣвушка, почти ровесница Петру, Наталья Ивановна Взимкова. Что привело ее въ монастырь, не извѣстно. Въ девятнадцать лѣтъ она была уже здѣсь монахиней и дѣлала значительные вклады въ монастырь. Ее очень хорошо знали царица Наталья Кирилловна и царевны, такъ какъ она была дочерью дьяка государевой мастерской палаты; ее очень любили и приглашали нерѣдко къ себѣ во дворецъ уже изъ монастыря. Царь Петръ навѣщалъ ее здѣсь не одинъ разъ и въ послѣдній годъ своего пребыванія въ Переславлѣ передъ отъѣздомъ въ Архангельскъ вручилъ ей значительную сумму денегъ на возобновленіе образовъ и иконостаса въ церкви Ѳеодора Стратилата. Взимкова умерла, долго спустя послѣ кончины Петра, и погребена въ Ѳедоровскомъ монастырѣ (1749 г.).

Существовало убѣжденіе, что въ Никольской церкви Никитскаго монастыря, иконостасъ устроенъ по плану и указаніямъ царя Петра или же перенесенъ съ одного изъ кораблей переславской фло-

---

[1]) Изд. А. Мартынова. Переслав. ботикъ Петра Вел., М., 1872 г., ст. 14.

тиліи. Но это очевидная ошибка, такъ какъ и сама церковь возникла лишь во второй половинѣ XVIII столѣтія.[1]) Но и въ этомъ случаѣ все же правильно подмѣчена черта разносторонности знаній и занятій царя. Живя въ Переславлѣ, онъ не ограничивался только однимъ корабельнымъ дѣломъ, въ то же время работаетъ въ кузницѣ, плететъ лапоть, остатокъ котораго хранится до сихъ поръ, ѣздитъ на охоту, вмѣстѣ съ соборнымъ причтомъ поетъ на клиросѣ въ древнемъ Преображенскомъ соборѣ, находитъ время въ лодкахъ съѣздить на богомолье въ Калязинскій монастырь и т. п.[2])

Прекративъ свои корабельныя занятія въ Переславлѣ, царь Петръ нѣсколько разъ проѣзжалъ черезъ него въ Архангельскъ, такъ какъ миновать его было нельзя. Сѣверный путь теперь сталъ именоваться Московско-Архангелогородскимъ почтовымъ трактомъ, по которому, какъ было условлено съ иностранной компаніей (1693 г.), должна была еженедѣльно или разъ въ двѣ недѣли ходить почта, совершая свой путь зимой и лѣтомъ въ 8—9 дней, весною и осенью въ 10—11 дней отъ Москвы до Архангельска. Было поэтому приказано: „поставить отъ Москвы по городамъ на ямѣхъ до Архангельскаго города и назадъ до Москвы почту; а гонять съ тою почтою.... съ Москвы на Переславль Залѣсскій, на Ростовъ, на Ярославль, на Вологду и черезъ Вагу и обратно“.[3]) Этимъ трактомъ и ѣздилъ теперь на Бѣлое море царь Петръ, чтобы отъ потѣшныхъ занятій на озерѣ перейти къ настоящимъ на морѣ. Что изъ себя представлялъ въ то время царскій поѣздъ, можно судить по тому, что въ 1694 году переславскій воевода Семенъ Тургеневъ затребовалъ отъ одной только игумены Ѳедоровскаго монастыря, чтобы съ своихъ монастырскихъ вотчинъ она приготовила „для государскаго дальняго походу“ 500 подводъ съ телѣгами и проводниками подъ походныхъ людей и подъ запасы.[4])

Уѣзжая въ Архангельскъ, Петръ Великій не пожелалъ оставить въ рукахъ Горицкаго монастыря излюбленное имъ с. Веськово, съ которымъ у него связано было столько самыхъ лучшихъ воспоминаній, и вымѣнялъ (въ 1693 г.) эту вотчину на богатѣйшій костромской посадъ Большія Соли, принадлежавшій къ числу дворцовыхъ владѣній. Для монастыря такая мѣна, понятно, была очень выгодна: вмѣсто небольшого села онъ получилъ большое промышленное мѣстечко съ соляными заводами, съ 6 церквами 27 лавками и пр.[5])

---

[1]) Прот. Свирѣлинъ. Описаніе Никитскаго монастыря. М. 1879 г. стр. 13.

[2]) Изд. Мартынова. Переславскій ботикъ Петра Великаго. М. 1872 г., 15 и др.

[3]) Собран. гос. грам. и дог. IV, стр. 639.

[4]) Акты истор., V, стр. 424.

[5]) Костром. старина, вып. V, стр. 181.

Въ дворцовомъ теперь с. Веськовѣ въ первые мѣсяцы по отъѣздѣ царя, кораблестроеніе продолжалось еще нѣсколько времени. Мастеромъ Класомъ былъ выстроенъ и совершенно законченъ корабль, на что требовалось немалое время. Объ этомъ кораблѣ государь вспомнилъ спустя четыре года, когда уже успѣлъ оставить Бѣлое море и находился за границей въ Амстердамѣ. Такъ какъ на Каспійскомъ морѣ въ то время строились суда, то Петръ рѣшилъ, что этотъ корабль „по новинѣ своей и величеству годенъ будетъ въ вышереченный флотъ“. Надо думать, что это былъ самый большой и самый лучшій корабль изо всей переславской флотиліи. Иначе не зачѣмъ было выдѣлять его изъ другихъ судовъ. Было бы проще отправить тогда всѣ три фрегата и три яхты. Какимъ образомъ можно было провести его въ Волгу, царь далъ подробныя указанія. Такъ какъ на озерѣ весною долго плаваетъ ледъ, а потомъ, когда озеро очистится, то рѣки уже спадутъ, по этому, указывалъ онъ, слѣдовало начать проводить корабль зимою. Для этого нужно было пробить во льду каналъ, въ мелкихъ мѣстахъ песокъ разгрести и перетащить судно при помощи переносныхъ воротовъ; къ веснѣ поставить его у рѣки Вексы и какъ только настанетъ половодье, провести его Вексою, для чего придется въ нѣкоторыхъ мѣстахъ копать берега „А когда до Сумина озера придетъ, то оттуда безъ труда Нерлью, понеже оная рѣка довольной ширины есть, а хотя мелка и камениста, но въ полую воду довольной глубины будетъ“.[1])

Остальная переславская флотилія повидимому больше не имѣла такого примѣненія и хранилась въ Переславлѣ. Часть судовъ, очевидно, самыя мелкія, вытащены были на берегъ озера и сложены у дѣлового двора вблизи с. Веськова. Въ протоколѣ (10 сентября 1696 г.), составленномъ переславскимъ воеводою Яковомъ Андреевичемъ Дохтуровымъ объ осмотрѣ корабельныхъ припасовъ и судовъ, сказано: „корабельные всякіе припасы досматривали и описывали также и суды, которыя на берегу у Переславскаго озера у дѣлового двора“.[2]) Другія суда, самыя крупныя, которыхъ вытащить на берегъ было весьма трудно, стояли „на посадѣ на рѣкѣ Трубежѣ“.[3]) Сколько было сосредоточено судовъ въ томъ и другомъ пунктѣ, доселѣ полныхъ свѣдѣній не имѣется. Между тѣмъ, въ томъ же протоколѣ воеводы Дохтурова упоминаются книги, въ которыхъ были записаны, какъ сданные ему припасы, такъ и суда.

---

[1]) Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, ч. XI, ст. 38—40. Письмо къ князю Ѳ. И. Ромодановскому отъ 31 декабря 1697 года.

[2]) Рукоп. Библіот. Им. Казан. Университета № 5934. По опис. А. Артемьева въ Лѣтописи занятій Археогр. Комис., вып. VII, стр. 80.

[3]) Владимір. Сборникъ, стр. 19.

Для храненія судовъ въ первое время было оставлено двѣнадцать человѣкъ холмогорскихъ, вологодскихъ и тотемскихъ плотниковъ, на обязанности которыхъ была также и починка кораблей. Вмѣстѣ съ плотниками былъ оставленъ для тоїй же цѣли въ качествѣ старшаго нѣкто Сара Деулинъ. Всѣ эти тринадцать человѣкъ получали отъ казны содержаніе и матеріалы для разныхъ подѣлокъ. Завѣдываніе царскимъ дворцомъ находилось попрежнему въ рукахъ стрянчаго Романа Карцева. Но въ февралѣ 1694 года эта служба его окончилась.

Въ дальнѣйшемъ храненіе судовъ возложено было на переславскихъ воеводъ, посадскихъ людей переславскихъ и рыбныхъ ловцовъ. О послѣднихъ, въ одномъ изъ указовъ (1703 г.) царя Петра, говорится: „вы рыбные ловцы бываете на его великаго государя рыбной ловлѣ денно и ночно всѣ поголовно, въ лѣто и въ зимѣ, а въ нынѣшнюю пору тѣ корабли и иные всякія суды по вся годы бережете и ото льду откалываете однѣ опричь посацкихъ людей“.[1]) Повидимому, слѣдуетъ считать, что главная роль въ береженіи царской флотиліи принадлежала теперь рыбакамъ дворцовой Рыбной Слободы. Къ старой службѣ ихъ—поставлять ко двору рыбу—при царѣ Петрѣ со времени постройки судовъ прибавились новыя обязанности. Рыбные ловцы съ переселенными къ нимъ нѣсколькими семействами кореловъ[2]) подъ руководствомъ Бранта участвовали въ стройкѣ судовъ для переславской флотиліи, они же были первыми русскими матросами въ этой флотиліи, для постройки дворца они возили матеріалы; теперь, когда флотилія стояла безъ дѣла, берегли ее и откалывали ото льда. На обязанности же посадскихъ людей лежало поставлять очередныхъ сторожей съ каждаго двора для охраны флотиліи. Сторожа эти отбывали свое урочное время и смѣнялись новыми. Въ одно время бургомистръ Переславской ратуши земскихъ дѣлъ вздумалъ привлечь къ очереди дворцовыхъ рыбаковъ. сторожить этимъ способомъ суда Тѣ, считая для себя стѣснительнымъ распоряженіе, подали государю челобитную (въ 1703 г.), въ которой писали, что помимо своего прямого дѣла—ловить на государя разную рыбу и отправлять ее въ Москву, съ своихъ торговъ и промысловъ платятъ въ разные приказы пятую и десятую деньгу, въ 1702 г. у нихъ изъ Слободы взято полпята человѣка въ плотники въ Троицкъ, что на Таганрогѣ, къ строенію города, гавани и магазейна; два человѣка въ кузнечное дѣло на пушечный дворъ; два человѣка въ Архангельскъ; четыре человѣка въ Воронежъ, Ладогу и Шлиссельбургъ для ловли рыбы на его, великаго государя, обиходъ. Челобитная была принята милостиво и бургомистру было

---

[1]) Владимір. Сборникъ, стр. 19.

[2]) Такъ по крайней мѣрѣ о переселеніе кореловъ трактуютъ: Военно-статист. обозрѣніе Рос. Имп. т. VI, ч. 2, стр. 82: Кончаловскій, по Моск. Яр. ж. д., II, стр. 41 и др.

дано знать: „не сослався съ приказомъ Большого дворца, не велѣть рыбныхъ ловцовъ къ дѣламъ наряжать“. Точно также рыбаки были освобождены отъ солдатчины: „за многую службу, говорится въ другомъ указѣ и за работу, и за скудость, и за разоренье изъ рыбныхъ ловцовъ въ солдаты не брать, и дворцовой всякой рыбной и селедной ловли не остановить“.[1])

Храненіе флотиліи въ томъ видѣ, какъ оно производилось въ Переславлѣ, не могло предотвратить ее отъ порчи. Время брало свое и суда, лежавшія на берегу, стали вывѣтриваться и разрушаться, а корабли, стоявшіе близъ городского посада на р. Трубежѣ, гнили въ прѣсной водѣ. Нужно было ежегодно починять ихъ и поставить въ такое мѣсто, гдѣ они мѣнѣе подвергались бы разрушенію. Но этого не сдѣлали: нужны были средства на ежегодный ремонтъ и сооруженіе судохранилищъ на берегу, а ихъ не было; но главное не было сознанія того значенія переславской флотиліи, которое принадлежало ей какъ историческому памятнику. Когда Петръ Великій, собираясь въ Персидскій походъ, заѣхалъ въ Переславль Залѣсскій (въ 1722 г.), то, взглянувъ на свою „потѣшную флотилію“, пришелъ въ страшный гнѣвъ. Его первая любовь къ морскому дѣлу, его плѣнительныя воспоминанія юношескихъ лѣтъ, представляли собой уже только остатки когда-то прекраснаго цѣлаго. „Надлежитъ вамъ,—писалъ онъ воеводамъ переславскимъ,—беречь остатки кораблей, яхтъ и галеръ, а буде опустите, то взыскано будетъ на васъ и на потомкахъ вашихъ, яко пренебрегшихъ сей указъ“ (7 февраля 1722 г.). Хотя и поздно было, но по царскому указу принялись спасать остатки флотиліи. Былъ присланъ шкиперъ Шелудяковъ, подъ команду котораго велѣно было собрать триста человѣкъ, въ разныя очереди, чтобы этими силами извлечь изъ Трубежа стоявшія тамъ суда. Послѣ этого большіе корабли вытащены были на берегъ и поставлены въ особые сараи близъ церкви Знаменія, которая съ тѣхъ поръ стала именоваться, что „при корабляхъ“. Были приняты, конечно, мѣры къ сохранности и малыхъ судовъ, стоявшихъ близъ Веськова на берегу озера.

---

[1]) Владимір. Сборн., стр. 19—22.

XIII.

Переславскіе монастыри въ царствованіе Петра Великаго. Арх. Варлаамъ Высоцкій. Его дѣятельность въ Переславлѣ. Питиримъ архіепископъ Нижегородскій. Его дѣятельность въ Переславлѣ и Нижегородской епархіи. Левъ Юрловъ. Заточеніе Анны Ѳедоровны Ягужинской въ Ѳедоровскій монастырь. Александровскій Успенскій монастырь. Царевна Елизавета Петровна.

Не смотря на то, что при Петрѣ Первомъ монастыри были поставлены подъ особый контроль правительства, обложены тяжелыми повинностями въ пользу государства на содержаніе войска, флота, на артиллерію и т. п. и лишены права дальнѣйшаго пріобрѣтенія вотчинъ, тѣмъ не менѣе въ переславскихъ монастыряхъ въ это время наблюдалось большое оживленіе. Они благоукрашаются новыми каменными храмами и разными постройками, возобновляются дотолѣ лежавшіе въ развалинахъ монастыри, совершается цѣлый рядъ чудесныхъ знаменій, открываются св. мощи и пр. На фонѣ этихъ явленій выдѣляется особенно рельефно фигура архимандрита Варлаама Высоцкаго, начавшаго свою духовную карьеру съ послушника въ Борисоглѣбскомъ Песоцкомъ монастырѣ, бывшаго затѣмъ священникомъ въ Переславлѣ, потомъ въ Московскомъ дворцовомъ Рождественскомъ соборѣ, что въ Верху на сѣняхъ. Потерявъ жену, онъ постригся въ монашество и поступилъ снова въ тотъ же переславскій Борисоглѣбскій монастырь. Въ 1704 году былъ здѣсь игуменомъ. Достроивалъ въ немъ каменный храмъ въ честь Смоленской иконы Божьей Матери. На торжество освященія церкви прибыла царевна Наталья Алексѣевна, у которой игуменъ Варлаамъ былъ духовникомъ со времени служенія въ Рождественскомъ соборѣ, и митрополитъ ростовскій Димитрій. Послѣдній освятилъ новую церковь и осматривалъ мощи (1705 г.) преп. Корнилія, гробъ котораго при закладкѣ церкви пришлось вырыть и перенести въ другое мѣсто. Одна слѣпая дѣвица при этомъ получила прозрѣніе отъ мощей преподобнаго. Теперь она была опрошена и повторила митрополиту то, что свидѣтельствовала и раньше. Съ того времени стали почитать пр. Корнилія за святого.[1]) Мощи его переложили въ новый кипарисный гробъ, перенесли въ церковь на то мѣсто, гдѣ находятся до сей поры и положили ихъ подъ спудомъ. Стали послѣ того изображать пр. Корнилія на ико-

---

[1]) Въ Діаріумѣ или Дневныхъ запискахъ митр. Димитрія, гдѣ имъ отмѣчались всѣ выдающіяся событія и освященія церквей, относительно освященія Смоленской церкви въ Переславлѣ ничего не говорится, хотя здѣсь хранится антиминсъ, священнодѣйствованный имъ 29 іюня 1705 г.

нахъ [1]) и написали въ честь его молитву и церковныя пѣснопѣнія. Прославленіе преподобнаго стало превлекать сюда множество богомольцевъ, изъ которыхъ иные по усердной молитвѣ получали исцѣленія. Заручныя записи о чудесахъ принималъ игуменъ Варлаамъ.

Въ 1710 году его перевели архимандритомъ въ Даниловъ монастырь, недавно почти заново отстроенный княземъ Иваномъ Петровичемъ Барятинскимъ. Изъ прежнихъ построекъ остались Троицкая Соборная церковь съ придѣльною и больничныя кельи съ церковью въ честь Всѣхъ Святыхъ; а имъ созданы вновь существующія до нынѣ: шатровая колокольня, церковь Похвалы Пресвятой Богородицы съ трапезою, хлѣбнею, погребами, кладовыми и службами; братскія каменныя кельи, ограда со святыми воротами. Кромѣ того сюда пожертвованы были имъ же богатыя принадлежности богослуженія. Всего израсходовано княземъ на это дѣло до 200 тысячъ рублей на наши деньги. Подъ конецъ своей жизни, онъ поступилъ самъ въ монастырь и постриженъ съ именемъ Ефрема. Могила его находится у сѣверной стѣны настоятельскихъ покоевъ, на которой высѣчена слѣдующая надпись: „стани здѣ, человѣче, ко гробу сему присмотрися, яко человѣкъ въ мѣстѣ семъ положися, рабъ Божій, вкладчикъ сея обители, схимонахъ Ефремъ, что въ мірѣ былъ бояринъ князь Иванъ Петровичъ Барятинскій, житія его бысть всего 86 лѣтъ 8 мѣсяцевъ, преставися въ лѣто 1701, мѣсяца іюля въ 1 день“. Князю Барятинскому въ Переславскомъ уѣздѣ принадлежали вотчины: Твердилково, Старое Высоково, Сараево, Внуково и др. Теперь могила боярина-благотворителя заслонена надгробными сооруженіями позднѣйшихъ вкладчиковъ.

Съ переходомъ въ Даниловъ монастырь въ рукахъ архимадрита Варлаама оказались значительныя денежныя средства, которыя дали ему возможность отстроить причисленную къ Данилову монастырю Вепреву Пустынь (теперь село Ростовскаго уѣзда). Онъ здѣсь возобновилъ сгорѣвшую (въ 1711 г.) церковь Успенія, украсилъ святыя иконы окладами и дѣлалъ другія разныя пожертвованія. Одновременно съ этимъ (въ 1711 г.) возобновилъ находившуюся въ запустѣніи почти цѣлое столѣтіе Николаевскую Сольбинскую пустынь, разрушенную въ смутное время. Позднѣе (1731 г.) выстроилъ здѣсь каменную церковь и колокольню. Пустынь эта первоначально была причислена къ Борисоглѣбскому монастырю, въ которомъ архимандритъ Варлаамъ ранѣе былъ настоятелемъ, а потомъ вскорѣ стала самостоятельной.

Въ другомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ Надозерномъ Варлаамъ благословилъ двухъ иноковъ удалиться въ затворъ въ монастырскую

---

[1]) По Иконописному подлиннику Филимонова (стр. 65). „Подобіемъ власы русы, брада не велика, на главѣ схима, ризы преподобническія“.

башню. Одинъ изъ нихъ іеродіаконъ Димитрій говорилъ потомъ, что испросилъ благословеніе „жить во уединеніи отъ братіи и въ церковь бы съ братіею не ходить, понеже-де онъ много въ писаніи Божественномъ видѣлъ, что монаху способнѣе спастись въ уединеніи, нежели въ общемъ братствѣ“. Другой іеромонахъ Ааронъ, ища „способу, гдѣ бъ удобнѣе ему спастися“, получилъ отъ архимадрита Варлаама указаніе, что надежнѣйшій способъ—это пребываніе въ затворѣ. Всенародно послѣдній читалъ ему послѣ литургіи затворническія молитвы и самъ отвелъ его въ затворъ. Когда возникло дѣло царевича Алексѣя Петровича, то оказались прикосновенными къ нему и переславскіе затворники. Дѣло въ томъ, что сюда пріѣзжалъ и бесѣдовалъ въ монастырѣ ростовскій архіерей Досифей Глѣбовъ, казненный впослѣдствіи подъ именемъ черпеца Діомида (въ 1718 г.). Узнавъ во время пребыванія въ Петербургѣ, что затворниковъ могутъ вытребовать туда, Варлаамъ, по возвращеніи въ Переславль, освободилъ ихъ отъ затвора, не смотря на просьбы оставить ихъ попрежнему. Одинъ изъ нихъ Ааронъ просилъ, чтобы архимандритъ „не замалъ (его) въ томъ святомъ затворѣ, и онъ мнѣ (Аарону) не позволилъ, и сталъ мнѣ говорить: когда-де сему дѣлу время было, тогда-де и отеческія молитвы были, а нынѣ-де тому время нѣтъ“. Вскорѣ затворниковъ вытребовали въ тайную канцелярію на допросъ. Хотя особой вины за ними не обнаружилось, но тѣмъ не менѣе оба были разосланы по разнымъ монастырямъ, откуда бѣжали и пропали безъ вѣсти. А архимандриту Варлааму пришлось давать отвѣты на цѣлый рядъ вопросовъ по тому дѣлу. Между прочимъ, отвѣчая, почему воспретилъ дальнѣйшее пребываніе въ затворѣ монахамъ, онъ писалъ, что „усмотрѣлъ въ памяти ума поврежденна“ [1]).

Въ Ѳедоровскомъ женскомъ монастырѣ онъ стремился создать ореолъ прославленія похороненнаго здѣсь схимонаха Сергія, строителя монастыря († 1685 г.), который много содѣйствовалъ значительному процвѣтанію обители. Это обстоятельство вмѣстѣ съ строгой подвижническою жизнью Сергія способствовало тому, что память его чтилась въ монастырѣ весьма усердно. Послѣ постройки каменной, существующей и теперь, Введенской церкви архимандритъ Варлаамъ перенесъ сюда его гробъ съ останками и поставилъ ихъ у стѣны въ храмѣ въ особой ракѣ.

Въ самомъ Даниловомъ монастырѣ онъ учинилъ переложеніе мощей пр. Даніила. Послѣ канонизаціи при патріархѣ Никонѣ надъ мѣстомъ погребенія преподобнаго былъ устроенъ придѣльный храмъ его имени. Но открытыя мощи снова были опущены въ землю и надъ ними поставлено надгробіе съ сѣнью, возобновленное потомъ царями Петромъ и Иваномъ Алексѣевичами. Въ 1716 году архимандритъ Варлаамъ подалъ государю челобитную и

---

[1]) Описаніе док. и дѣлъ св. синода, т. II, ч. стр. 347; Рус. Архивъ 1902 г., I, ст. 337.

просилъ разрѣшенія перенести мощи въ другое, болѣе удобное, мѣсто. Получивъ грамоту, онъ вмѣсто этого поставилъ ихъ тутъ же на вскрытіи, въ какомъ видѣ онѣ находятся и до настоящаго времени.

Это самоуправство, а равно и другія дѣянія навлекли со стороны духовнаго начальства слѣдствіе надъ всею его дѣятельностью и дѣло могло окончиться весьма печально. Но у архимандрита были сильные защитники: нужно сказать, что въ то время онъ состоялъ духовникомъ имп. Екатерины I. Видя, что синодъ можетъ присудить его къ строгому наказанію, черезъ императрицу онъ подалъ на имя государя прошеніе, въ которомъ раскаивался во всѣхъ неправедныхъ своихъ дѣлахъ и просилъ прощенія. Милость Петра Великаго освободила его отъ суда и заслуженнаго наказанія; однако св. синодъ, чтобы заклеймить его проступки, заставилъ написать исповѣданіе въ содѣянномъ и всенародно произнести его въ церкви. При синодскомъ указѣ оно разослано было потомъ по всѣмъ епархіямъ. Приводимъ его полностью.

Исповѣданіе Варлаама.

„Азъ, нижеименованный, исповѣдаю Господу Богу вся вѣдущему и объявляю всему народу содѣянное мною на соблазнъ благочестивыхъ и на неизвѣстную имъ прелесть согрѣшеніе, которое хотя уже и по изслѣдованію, отъ святѣйшаго правительствующаго синода учиненному, показалось, однакожъ, да вѣроятнѣе отъ самоустнаго моего изъявленія всѣмъ будетъ. Исповѣдуя изъявляю, что азъ, суетный, Борисоглѣбскаго при Переславлѣ Залѣсскомъ обрѣтающагося монастыря умершаго схимонаха Корнилія, который отъ церкве къ числу святыхъ не пріобщенъ и, каково святымъ чествованіе иконнымъ изображеніемъ и призываніемъ въ молитвахъ и пѣніемъ молебнымъ бываетъ, того не удостоенъ, почиталъ дерзостію моею и малоразсудствомъ за святаго и именовалъ вездѣ святымъ, и персону его по подобію святыхъ въ вѣнцѣ иконникомъ писать велѣлъ, и нѣкоторыя его, Корниліевы, отпадшіе отъ прочихъ кости къ мощемъ святыхъ приложилъ, и тѣ кости и малѣйшія мантіи его части въ ковчегѣ содержалъ, и за святыню почиталъ, и на память его преподобническую службу и молебны ему отправлялъ, и прочимъ священнослужителямъ отправлять приказывалъ, и тѣмъ подалъ многимъ вину такова чествованія, какова чинить было не должно: ибо о томъ же Корниліи, кромѣ единаго дня памяти его, впрочіе времена, а наипаче отъ приходящихъ простаго народа людей, которые по оному чествованію безъ всякаго сумнѣнія имѣли его за святаго, и не просто за святаго, но и за чюдотворца, и приходили съ требованіемъ болѣзней исцѣленія, аки бы чрезъ ево молитву получаемаго; нѣты были тогда при гробѣ ево понахиды, прошеніе творится не о приходящихъ, но о самомъ томъ лежащемъ, дабы Господь Богъ тому въ понахидѣ

вспоминаемому, грѣховъ далъ оставленіе, а не приходящимъ каковое-либо даровалъ здравіе. И хотя за симъ понахиды употребленіемъ, гдѣ онъ, Корнилій, грѣшникомъ воспоминается, не подобало бы уже ево никогда святымъ именовать; и когда мы сами оставленіе ему грѣховъ просимъ, неприлично бы паче же и небезгрѣшно ево о молитвѣ за другихъ просить, однакожъ неразсудная дерзость привела мене и послѣдующихъ мнѣ на то, что не устыдились, ниже усумнѣлись, воедино и тожде время единаго человѣка и грѣшникомъ нарицать и святымъ именовать; ибо при такомъ понахидѣ отправленіи, гдѣ онъ, Корнилій, грѣшникомъ нарицается, читали сочиненные, яко святому, и тропарь, и кондакъ, гдѣ уже святымъ именуется; въ чемъ, какъ нынѣ, по наставленію святѣйшаго правительствующаго синода, усмотрѣлъ, явное было заблужденіе и истинѣ противное, но смѣху паче достойное дѣйство; ибо молившися о немъ въ тотъ часъ и самого ево молимъ, что и совѣсть, какъ нынѣ видно, зазирать можетъ, а инославнымъ есть важный чрезъ то къ неизвинительной на благочестіе укоризнѣ способъ, а православнымъ изъ того явное прегрѣшеніе. Но простолюдины, во оный монастырь приходящіе, взирающе на насъ, яко писаніе знающихъ, и не чающе никакому въ насъ быти заблужденію и суевѣрію, и не испытующе ни о чемъ нами дѣйствуемомъ, но во всемъ безъ сомнѣнія и безъ всякаго разсужденія послѣдующе, паче же отъ незнанія своего и простосердечія увѣрившеся иконному персоны ево Корниліевой изображенію, моимъ поползновеніемъ самовольно и дерзостно въ народъ пущенному; и видяще гробъ ево Корниліемъ добрѣ по подобію учреждаемаго при тѣлесахъ святыхъ убранства украшенъ, а наипаче слышаще разглашаемыя отъ мене и отъ прочихъ того монастыря обывателей аки бы истинныя его чюдеса, и услаждающеся раздаваемою имъ святою, съ елеемъ смѣшанною водою, за истекающее отъ него муро со многимъ говѣніемъ пріемлемою, вмѣняли и понахиды за молебны и бывшее не отъ ихъ исцѣленіи и пользѣ, но о его грѣховъ оставленіи моленіе причитали за приносимое о нихъ прошеніе, и отъ неразсуднаго своего усердія церковнымъ служителемъ за тѣ о оном Корнилій, а не о родителѣхъ ихъ, ни о сродникахъ нѣваемыя понахиды, давали деньги, яко бы за отправляемые о требованіи ихъ молебны. И ко оному нашему разглашенію нѣкоторые изъ тѣхъ приходящихъ придавали и свое нѣкакихъ чюдесъ, аки бы чрезъ него Корнилія получаемыхъ, свидѣтельство, которое, по учиненному нынѣ отъ святѣйшаго правительствующаго синода довольному и достовѣрному изслѣдованію, не въ такой явилось силѣ, а нѣкоторыя мнимыя и въ народъ уже разглашенныя чюдеса показались и весма ложны. Азъ же суетный, легкомысліемъ моимъ и содержащеюся во мнѣ не по разуму ревностію, тщася чрезъ вышеозначенное онаго Корнилія чествованіе и всегдашнее простолюдиновъ прихожденіе и доволную отъ нихъ дачю,

оной монастырь обогатить и распространить, что уже и въ дѣйствѣ показалось, къ томужъ полстился и своему имени нескорозабытную по себѣ оставить память, о всемъ вышеобъявленномъ радовался, и о разглашаемыхъ отъ простолюдиновъ, аки бы истинныхъ его Корнилиевыхъ чюдесахъ, не испытывалъ по должности моей опасно, совершенно ль тѣ чюдеса истинныя и не суть ли ложныя, или и случаи, токмо за чюдеса вмѣняемыя, и не токмо того, что было, весма должно не испытывалъ, но и сего еще, что самое важнѣйшее есть не разсуждалъ, что исцѣленіе боляшимъ бываетъ отъ Самого чюодѣюшаго Бога по вѣрѣ просящихъ: ибо всякъ вѣруюшій въ Бога воспріемлетъ въ скорбѣхъ цѣлбы, по реченному во евангелии словеси Господню: „вся возможна суть вѣрующему“. Но азъ не разсудный вся та, чтобы кто изъ приходяшихъ во оной монастырь и отъ Бога (безъ Него же никто же творити что можетъ) по вѣрѣ своей получилъ или и по случаю кому что отмѣнное прилучилось, причиталъ въ молитвахъ онаго Корнилія, которому и самому еще въ понахидахъ оставленія грѣховъ просилъ; а въ такой неразсудности безъ всякаго сомнения имѣлъ и почиталъ и прославлялъ за святаго, не вразумѣвъ того, что мнимыхъ чюдотворцевъ такъ, яко совершенно святыхъ, почитать не подобаетъ и церкви святѣй нужды въ томъ нѣтъ. А понеже оное чествованіе зѣло дерзостно и неразсудно, паче же суевѣрно, азъ суетный учинилъ и тѣмъ многимъ на такое погрѣшительное чествованіе привелъ и весьма соблазнилъ. Того ради исповѣдую сіе предъ всѣми чистою моею и незазрѣнною совѣстью, дабы всякъ въ вышеозначенномъ отъ невѣдѣнія соблазнившійся отнынѣ совершенно зналъ, что оное почитаніе соблазнъ былъ явный и грѣхъ немалый; и зная сіе, непочитаемыхъ отъ церквей самовольно не почиталъ.

При семъ же и еще исповѣдую, что въ 1716 году вознамѣрився азъ, по суетной моей дерзости, выкопать изъ земли погребенные въ Переславскомъ Даниловскомъ монастырѣ, гдѣ я настоятелемъ обрѣтаюся, мощи преподобнаго Даніила Переяславскаго и внести въ церковь, предлагалъ правившему тогда патріаршу область, нынѣ же въ святѣйшемъ правительствующемъ синодѣ президентомъ обрѣтающемуся, преосвященному Стефану, митрополиту рязанскому и муромскому, письменное прошеніе съ такимъ объявленіемъ, будто тѣ мощи въ придѣлѣ при соборной церкви лежатъ въ ракѣ близъ святаго алтаря въ утѣсненіи, а тѣ мощи въ таковѣ мѣстѣ тогда не были и въ ракѣ не содержался, но отъ давнихъ лѣтъ, какъ еще въ прошломъ 7161 году, выняты были для свидѣтельства Іоною, митрополитомъ ростовскимъ, и понеже переносить ихъ безъ указу ему было не велѣно, паки въ тожъ мѣсто, гдѣ были, въ землю во гробѣ положены, лежали и по то время подъ спудомъ. А во оном моемъ прошеніи того я не означилъ, но написалъ тѣ мощи въ ракѣ содержа-

щимися, дабы по намѣренію моему желаемой указъ получить могъ; которой (указъ) такимъ прошеніемъ, яко ухищренною обманою, и получилъ, и вынялъ изъ земли человѣческія весма распавшіяся кости подъ именемъ ево Даніиловыхъ мощей, и вынявъ положилъ въ раку и об(в)язавъ тамо ихъ въ мантіи поясомъ, положилъ въ подглавіе подушку новую, а вмѣсто груди и рукъ и ногъ наложилъ доволно бумаги хлопчатой и башмаки ветхія приложилъ, и съ тѣмъ поставилъ оную раку въ церкви, аки бы нетлѣнные святаго мощи отъ мѣста на мѣсто перенесенныя; и тѣмъ костемъ чествованіе отдавалъ, какъ свидѣтельствованнымъ отъ церкви святаго мощемъ, и протчихъ того монастыря обывателей, также и приходящихъ разночинцевъ до таковажъ чествованія привелъ, и тѣмъ многихъ соблазнилъ.

Къ сему же еще и иную дерзость азъ суетный учинилъ, а именно: въ Ѳедоровскомъ, что при Переяславлѣ-жъ Залѣсскомъ дѣвичемъ монастырѣ выкопалъ изъ земли гробъ съ погребенными въ немъ того монастыря строителя іеромонаха Сергія костми, внесъ въ церковь и поставилъ въ стѣнѣ съ подобной святымъ отмѣнюс, гдѣ уже и понахиды ему пѣты, которыя были бъ со временемъ и молебству подобны, и чествованію виновны, какъ и при гробѣ вышепомянутаго Корнилія чинено.

И за таковую мою многую дерзость и учиненной народу соблазнъ и суевѣріе повиненъ азъ суетный, какъ самъ признаваю, церковной по святымъ правиломъ клятвѣ и жестокой по государственнымъ правамъ казни, и хотя высокодостохвальнымъ его величества всепресвѣтлѣйшаго и высокодержавнѣйшаго государя нашего Петра, великаго императора и самодержца всероссійскаго мілосердіемъ и многомощнымъ ея цесаревна величества всемилостивѣйшей великой государыни императрицы Екатерины Алексѣевны заступленіемъ и собственноручнымъ его императорскаго величества на повинномъ моемъ прошеніи подписаніемъ оная моя толь важная вина, паче моего чаянія, отпущена, и отъ святѣйшаго правительствующаго синода по тому его императорскаго величества собственноручному подписанію нѣкоторыхъ ради высокосклонныхъ резоновъ милостивое на всепокорную мою прозбу дано въ ономъ прощеніе: однакожъ я, понеже многихъ, а наипаче здѣшнихъ обывателей весма вышеозначенною моею дерзостію и суевѣріемъ соблазнилъ, и до толикаго грѣха привелъ, признаваю и предъ всѣми соблазнившимися весма въ томъ винна и прошу отъ васъ, православніи слушателіе, и отъ протчихъ, хотя здѣ нынѣ и не прилучившихся, но вышеобъявленнымъ моимъ соблазномъ утружденныхъ, снисходительнаго во ономъ моемъ погрѣшеніи прощенія, да не остануся ни подъ чьею клятвою и не сумнителенъ буду въ полученіи и отъ Всемилостиваго Бога прощенія, чего

усердно требуя и истинно вся вышеписанная исповѣдуя, заключаю сіе рукою моею недостойный архимандритъ Варлаамъ. Іюня 10 дня 1722 года“[1]).

Такое ужасное дѣло иного погубило бы навѣки. Между тѣмъ немного лѣтъ прошло, какъ, при помощи сильныхъ заступниковъ, все было забыто. Варлаама вызывали въ Петербургъ въ синодъ для разсмотрѣнія и подписанія Духовнаго Регламента, потомъ на похороны Петра Великаго и наконецъ назначили архимандритомъ Троицкой лавры (въ 1726 г.). По воцареніи Анны Ивановны арх. Варлаамъ сталъ ея духовникомъ и проживалъ большею частью въ Петербургѣ, оставаясь въ то же время настоятелемъ лавры. Одно время, когда поднятъ былъ вопросъ о возстановленіи патріаршества въ Россіи, считался кандидатомъ на патріаршій престолъ. Подъ конецъ своей жизни основалъ подъ С.-Петербургомъ знаменитую нынѣ Сергіеву пустынь. Осыпанный почестями, онъ скончался въ глубокой старости (род. 1665 г. † 25 іюня 1737 г.) и погребенъ въ новоустроенной пустыни.[2])

Антіохъ Кантеміръ, современникъ Варлаама, увѣковѣчилъ его въ своей сатирѣ, давъ ему такую характеристику:

„Варлаамъ смиренъ, молчаливъ, какъ въ палату войдетъ—
Всѣмъ низко поклонится, къ всякому подойдетъ,
Въ уголъ свернувшись потомъ глаза въ землю втупитъ;
Чуть слыхать, что говоритъ, чуть, какъ ходитъ, ступитъ,
Безперечь четки въ рукахъ, на всякое слово
Страшное имя Христа въ устахъ тѣхъ готово,
Молебны пѣть и свѣчи класть склоненъ безъ мѣру,
Умильно десятью въ часъ восхваляетъ вѣру
Тѣхъ, кои церковну славу расширили
И великолѣпенъ храмъ Божій учинили;
Души-де ихъ подлинно будутъ наслаждаться
Вѣчныхъ благъ. Слово къ чему, можешь догадаться,
О доходахъ говоритъ—церковныхъ склоняетъ.
Кто далъ, чѣмъ жирѣетъ онъ, того похваляетъ,
Другое всяко не столь дѣло годно Богу,
Тѣмъ однимъ легку сыскать можешь дорогу,

---

[1]) А. А. Титовъ. Арх. Варлаамъ Высоцкій. Рус. Архивъ 1901 г., мартъ, ст. 359—363.

[2]) Рус. Архивъ, 1874 г., I, 568—580; Описаніе докум. и дѣлъ св. синода, VII 275; Чистовичъ, Ѳеофанъ Прокоповичъ и его время, стр. 270; С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XIX, стр. 295 и др.

Когда въ гостяхъ за столомъ и мясо противно
И вина не хочетъ пить, да и то не дивно;
Дома съѣлъ цѣлый капланъ, а на жиръ и сало
Бутылку венгерскаго съ нуждой запить стало;
И женѣ бы я своей заказалъ съ нимъ знаться.
Безперечь совѣтуетъ гнѣва удаляться
И досады забывать; но ищетъ въ прахъ стерти
Тайна недруга, не дастъ покой и по смерти".

Когда Варлаамъ былъ игуменомъ Борисоглѣбскаго монастыря, въ сосѣднемъ Никольскомъ на болотѣ настоятельствовалъ (1704 г.) также выдающійся человѣкъ петровскаго времени—строитель Питиримъ. Переславскій уроженецъ,[1]) онъ происходилъ изъ купеческой раскольничьей семьи и вначалѣ самъ былъ ревностнымъ старообрядцемъ. Его богатыя способности и большая книжная начитанность внушили раскольникамъ желаніе образовать изъ него своего руководителя, въ которомъ ощущалась дѣйствительная надобность. Тогда онъ оставилъ торговыя дѣла и весь отдался подготовкѣ къ своей роли. Удалился на польскую границу и здѣсь на Вѣткѣ, сдѣлавшейся пріютомъ для бѣжавшихъ изъ Россіи старообрядцевъ, принялъ постриженіе. Между тѣмъ, оставленныя имъ старообрядческія общины, которыхъ было немало тогда въ Переславскихъ предѣлахъ, звали его обратно къ себѣ. И онъ возвратился въ Переславль; былъ въ сосѣднемъ Ростовскомъ уѣздѣ и Нижегородскихъ предѣлахъ. Въ то же время не оставлялъ изучать соборныя постановленія, творенія св. отцовъ, богослужебныя книги и пр. Но чѣмъ больше изучалъ Питиримъ эти книги, тѣмъ больше закрадывалось въ немъ сомнѣній въ правотѣ своего дѣла и въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ убѣжденію въ правотѣ господствующей церкви. Тогда порвалъ съ расколомъ и перешелъ въ православіе. Для старообрядцевъ это былъ большой ударъ. Неохотно мирились они съ такимъ оборотомъ дѣла и употребляли всѣ средства, даже насиліе, чтобы удержать его у себя. Но ничего не помогло: онъ окончательно былъ потерянъ для нихъ.

Питиримъ удалился въ переславскій Никольскій монастырь, издавна извѣстный тайной склонностью къ расколоученію и тѣмъ, что оказывалъ пріютъ старообрядцамъ, отъ которыхъ въ благодарность за это получалъ иногда различные предметы старины. Такъ, полагаютъ, что археологическая рѣдкость Корсунскій крестъ, сохраняющійся и понынѣ въ монастырѣ, полученъ именно такимъ путемъ.[2])

---

[1]) По другимъ свѣдѣніямъ Нижегородскій уроженецъ.

[2]) Труды Влад. Арх. Комис., вып. II, ст. А. И. Свирѣлина „Древній запрестольный крестъ въ Переславскомъ Никольскомъ монастырѣ".

Своими познаніями въ дѣлахъ вѣроученія и достойною жизнью Питиримъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе духовнаго начальства и сталъ извѣстенъ самому царю Петру, который послалъ его (въ 1707 г.) въ Нижегородскіе предѣлы для обращенія раскольниковъ. Питая нелюбовь къ старообрядцамъ, Петръ I-ый считалъ ихъ наравнѣ съ царевной Софьей и стрѣльцами тою темною силою, которая стояла ему на пути реформъ. Въ Питиримѣ онъ нашелъ вѣрнаго пособника, знавшаго до тонкости расколъ и умѣвшаго бороться съ нимъ словомъ и дѣломъ. Ему даны были чрезвычайныя полномочія: помимо обязанностей миссіонера, предоставлена была судебная власть по нѣкоторымъ раскольничьимъ дѣламъ, а также въ его вѣдѣніе отдано было духовенство и міряне „на луговой сторонѣ Волги“. Десять лѣтъ провелъ Питиримъ въ этой миссіонерской экспедиціи, оставаясь настоятелемъ Никольскаго монастыря сначала въ должности строителя, потомъ игумена. Но затѣмъ переведенъ былъ въ Нижегородскую епархію (1717 г.) архимандритомъ Кержебельмашскаго монастыря, основаннаго имъ для борьбы съ расколомъ, а черезъ два года назначенъ епископомъ Нижегородскимъ.

Еще будучи игуменомъ онъ далъ раскольникамъ 130 вопросовъ, касавшихся ихъ вѣроученія, чтобы они прислали на нихъ свои отвѣты. Вмѣсто этого въ свою очередь получилъ отъ нихъ 240 вопросовъ, касавшихся господствующей церкви. Въ дни епископства Питиримъ напечаталъ свои отвѣты, составившіе книгу: „Пращица противъ вопросовъ раскольническихъ“, которая долгое время считалась надежнымъ оружіемъ противъ раскола и издавалась нѣсколько разъ.[1]) Наряду съ печатнымъ словомъ, онъ, совершенно справедливо считая, что расколъ держится главнымъ образомъ невѣжествомъ народа, насаждалъ школы въ своей епархіи. Но какъ человѣкъ тяжелаго петровскаго времени, чаще всего примѣнялъ къ раскольникамъ жестокія мѣры. По его именно указанію и иниціативѣ былъ принятъ императоромъ цѣлый рядъ ограничительныхъ законоположеній о раскольникахъ: запрещеніе выбирать ихъ старостами и бурмистрами, двойная подушная подать, жестокія наказанія руководителямъ раскола. Вмѣстѣ съ вице-губернаторомъ Ржевскимъ, откомандированнымъ въ его распоряженіе, онъ самъ производилъ усиленные сыски и расправу. Въ результатѣ такой дѣятельности подъ конецъ жизни Питирима насчитывалось, что имъ обращено было до 70 тысячъ раскольниковъ; изъ 94 скитовъ остались неразрушенными только два и во всей епархіи оказывалось всего лишь шестьсотъ старообрядцевъ.

Черезъ пять лѣтъ службы на Нижегородской каѳедрѣ Питиримъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа; вызывался въ синодъ для

---

[1]) Въ 1721 г., 1726 г. и 1752 г.

подписанія Духовнаго Регламента, потомъ на погребеніе Петра. Скончался въ глубокой старости въ царствованіе Анны Ивановны (родился около 1665 г., † 8 мая 1738 г.) и погребенъ въ Спасо-Преображенскомъ соборѣ въ г. Н.-Новгородѣ.[1])

Третьей знаменитостью петровскаго времени въ Переславлѣ былъ архимандритъ Горицкаго монастыря Левъ Юрловъ (1720—1727 г.). Происходя изъ старинной дворянской семьи, онъ съ малолѣтства былъ взятъ ко двору и служилъ комнатнымъ стольникомъ царицы Маріы Матвѣевны, второй жены царя Ѳедора Алексѣевича. Разъ онъ сопровождалъ царицу въ домъ голландскаго купца Гоше, гдѣ былъ въ гостяхъ царь Петръ Алексѣевичъ. Послѣ ужина царь потребовалъ пива, но никакъ не могли найти серебряный чеканный кубокъ, изъ котораго любилъ пить государь. Перерыскали весь домъ, обыскивали всѣхъ по приказанію царя, но кубка не нашли. Тогда кто-то сказалъ, что стольникъ Юрловъ выходилъ изъ дому къ царской каретѣ; осмотрѣвъ ее, нашли тамъ спрятанный кубокъ. Царица Марѳа ничего объ этомъ не знала, такъ какъ была на другой половинѣ дома. Когда уѣзжали изъ гостей, Петръ тихонько сказалъ ей, чтобы на другой день утромъ она прислала къ нему Юрлова. Это заинтересовало ее и, когда пріѣхали во дворецъ, спросила стольника, не прогнѣвалъ ли онъ чѣмъ государя. Со слезами на глазахъ онъ сознался въ своемъ проступкѣ и такъ тронулъ добрую царицу своимъ раскаяніемъ, что она посовѣтовала своему пятнадцатилѣтнему пажу скорѣе бѣжать изъ Москвы. Въ ту же ночь уѣхалъ онъ въ Вологду и поступилъ въ Спасо-Прилуцкій монастырь.

Монашескій клобукъ спасъ его отъ царскаго гнѣва и впослѣдствіи вся эта исторія была предана забвенію. Изъ Вологды о. Левъ былъ присланъ архимандритомъ въ Переславль въ Горицкій монастырь, въ которомъ при немъ случился большой пожаръ (12 іюня 1722 г.), уничтожившій деревянныя братскія и казенныя кельи, а также кладовыя, гдѣ хранились казна и всѣ монастырскія крѣпости и письма. Изъ дѣла о возобновленіи погорѣвшихъ и обветшавшихъ зданій видно, что въ то время монастырь имѣлъ 76 вотчинныхъ селеній. Служеніе молодого архимандрита въ Переславлѣ, видимо, проходило не безъ приключеній. Въ одно время почему то онъ отрѣшенъ былъ отъ должности вмѣстѣ съ келаремъ и казначеемъ и самый Горицкій монастырь былъ подчиненъ Никольскому строителю. Но ради коронаціи императрицы Екатерины I о. Левъ былъ прощенъ и возстановленъ въ

---

[1]) Христіанское чтеніе 1874 г., № 10 и 11; Странникъ 1881 г., № 1—3, 8; Чтенія Общ. ист. и древ. 1860, IV; Субботинъ, Матер. для исторіи раскола, III; іер. Макарій, Исторія Нижегородской іерархіи; Добровольскій М., Нижегород. Спасо-Преображенскій соборъ, Н.-Новгородъ, 1894 г., стр. 131—133.

званіи архимандрита; [1]) вызывался на засѣданія въ святѣйшій синодъ и затѣмъ назначенъ былъ епископомъ въ Воронежъ.

Здѣсь онъ разссорился съ мѣстнымъ губернаторомъ Пашковымъ и жестоко пострадалъ по доносамъ послѣдняго. Когда губернаторъ потребовалъ отъ него по воцареніи Анны Ивановны присяги и служенія всенароднаго молебствія, то епископъ, ссылаясь на то, что не имѣлъ приказанія св. синода, отказалъ ему въ этомъ. И хотя все это было исполнено спустя нѣкоторое время, но вслѣдствіе тѣхъ же навѣтовъ, епископъ Левъ былъ арестованъ и привезенъ въ Москву. Его лишили епархіи и сана, подвергли пыткамъ въ тайной канцеляріи, сѣкли кнутомъ и послали въ заточеніе, гдѣ онъ находился болѣе десяти лѣтъ. Только по восшествіи на престолъ императрицы Елизаветы Петровны дали помилованіе и возстановили въ правахъ епископа. Предлагали ему епархію, но онъ былъ такъ разбитъ всѣмъ пережитымъ, что не могъ воспользоваться этой милостью. Жилъ на пенсіи въ московскомъ Знаменскомъ монастырѣ и умеръ тамъ восьмидесяти пяти лѣтъ (въ 1775 г.).[2])

Въ то время, когда Левъ Юрловъ былъ архимандритомъ Горицкаго монастыря, въ Ѳедоровскій женскій монастырь прислали „за нѣкоторыя вины“ жену одного изъ „птенцовъ гнѣзда Петрова“ Анну Ѳедоровну Ягужинскую, первую жену генералъ-прокурора Павла Ивановича Ягужинскаго, чтобы здѣсь „ей быть до скончанія жизни неисходно“. „Нѣкоторая вина“ эта въ сущности состояла въ томъ, что всесильному государеву „оку“ жена просто-напросто надоѣла и онъ рѣшилъ жениться на другой. Новой его избранницей была дочь канцлера Головкина, царицына фрейлина Анна Гавриловна, по отзыву современниковъ, отличавшаяся прекраснымъ станомъ, пріятностью въ обращеніи и граціей въ танцахъ. Относительно наскучившей первой жены дѣло было, конечно, поставлено такъ, что выходила виноватою Анна Ѳедоровна. Синодъ, куда направилъ Ягужинскій дѣло о разводѣ, нашелъ возможнымъ согласиться съ нимъ. Ягужинскую обвинили въ невѣрности мужу, а кромѣ того въ церковномъ мятежѣ, такъ какъ въ минуту раздраженія она не хотѣла подчиняться синодскому рѣшенію. За это ее не просто развели съ мужемъ, а еще и заточили въ монастырь. Здѣсь содержали подъ крѣпкимъ присмотромъ, чтобы не убѣжала. Тѣмъ не менѣе ей удавалось два раза обмануть бдительность своихъ сторожей, хотя каждый разъ за ней наряжали погоню и возвращали въ монастырь. Около десяти лѣтъ пробыла она въ заточеніи и передъ смертью (1733 г.) приняла монашество съ именемъ Агафіи. Очевидно въ послѣднее время она отка-

---

[1]) Опис. док. и дѣлъ св. синода II. № 822: Собраніе распоряженій и постановленій правит. по вѣд. прав. испов., IV, № 1195 и 1263.

[2]) Русск. Архивъ, 1902 г., т. I, стр. 342—344.

залась отъ дальнѣйшаго противодѣйствія распоряженіямъ начальства и смирилась съ своей участью. Ее могъ убѣдить къ этому съ одной стороны примѣръ фрейлинъ Ягужинскихъ (вѣроятно сестеръ генерала-прокурора), проживавшихъ одно время въ царскомъ дворцѣ села Веськова, а потомъ постригшихся въ Ѳедоровскую обитель, съ другой стороны полная безнадежность вернуть прежнее. Ягужинскій по полученіи развода, не медля женился на Головкиной, на свадьбѣ были императоръ съ императрицей, отъ второй жены пошли дѣти и первой женѣ дѣйствительно не оставалось другого выхода, какъ затвориться въ монастырѣ. Надгробная плита надъ ее могилою сохранилась до нашего времени.[1])

Гораздо раньше и въ большей степени, чѣмъ монастырь Ѳедоровскій, при Петрѣ I-мъ былъ мѣстомъ заточенія Успенскій монастырь въ Александровой Слободѣ. Тамъ были темницы для ссыльныхъ, существовавшія подъ Успенскою церковью. Сюда была сослана царевна Марѳа Алексѣевна, державшая сторону царевны Софьи, и постриженена подъ именемъ Маргариты (въ 1699 г.). Ею открывается рядъ ссыльныхъ монахинь, требовавшихъ крѣпкаго караула и строгаго надзора. Всѣ онѣ были изъ разряда, такъ наз., „секретныхъ“: Варсонофія Козинская, принадлежавшая къ партіи царевича Алексѣя Петровича; изъ Покровскаго дѣвичьяго монастыря въ Суздалѣ замѣшанныя въ дѣло царицы Евдокіи — игуменья Марѳа и старица Капитолина. При Петрѣ II была заточена сюда свояченица князя Меньшикова Варвара Михайловна Арсеньева, несчастная жертва переворота, произведеннаго князьями Долгоруковыми.

Близъ этого монастыря не разъ находила себѣ пріютъ дочь великаго преобразователя, царевна Елизавета Петровна. Слобода отказана была въ личное ея распоряженіе. Выстроивъ здѣсь новый дворецъ, она подолгу проживала въ немъ, наслаждалась вдали отъ Петербургскаго двора сельскимъ привольемъ и деревенскою простотой. Въ черные же дни царствованія Анны Ивановны удалялась сюда, когда надъ ней висѣла опасность быть заточенной въ монастырь. Послѣ того какъ стала императрицею, посѣтила Слободу и Успенскій монастырь въ сопровожденіи большой свиты, состоявшей изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, и не разъ оказывала потомъ своей вотчинѣ царское благоволеніе[2]).

---

[1]) Труды Влад. Учен. Арх. Ком., IV, стр. 29—55.

[2]) Чтенія въ О-вѣ исторіи и древ., 1874 г., книга I-ая, ст. Н. Стромилова „Цесаревна Елизавета Петровна“: Историч. и археологич. описаніе Успенскаго женскаго монастыря въ г. Александровѣ арх. Леонида въ „Вѣстн. Археологіи и Ист.“ 1885 г., вып. 1—3.

XIV.

Переславль-Залѣсская провинція. Переславская епархія. Арх. Арсеній Могилянскій. Еп. Серапіонъ Лятошевичъ. „Епаршая семинарія“. Еп. Амвросій Зертисъ-Каменскій. Горицкая „Гевсиманія“. Еп. Сильвестръ Строгальскій. Монастырскіе штаты. Еп. Геннадій Кратинскій. Секта бѣгуновъ или странниковъ. Еп. Антоній Румовскій. Еп. Θеофилактъ Горскій. Закрытіе Переславской епархіи. Бывшіе архіерейскіе монастыри въ Переславлѣ.

Улучшая административное устройство, императоръ Петръ I-й раздѣлилъ государство (17 декабря 1707 г.) на восемь губерній. Послѣ этого Переславль Залѣсскій оказался въ Московской губерніи, равнявшейся по крайней мѣрѣ шести теперешнимъ центральнымъ губерніямъ. Губерніи въ свою очередь дѣлились на уѣзды; но скоро обнаружилось, что въ такихъ обширныхъ раіонахъ, какими были тѣ губерніи, понадобились промежуточныя областныя единицы. Таковыми стали провинціи, въ нихъ было объединено по нѣсколько уѣздовъ. Въ 1719 г. изъ уѣздовъ Московской губерніи было сгруппировано девять провинцій, въ томъ числѣ Переславль-Залѣсская изъ двухъ уѣздовъ Переславскаго и Ростовскаго. По богатству и населенности она занимала въ губерніи третье мѣсто среди остальныхъ. Самый городъ Переславль-Залѣсскій сталъ средоточіемъ провинціальнаго управленія: здѣсь именно находились провинціальные воеводы, провинціальная контора, а Ростовъ Великій оказался въ подчиненномъ къ нему положеніи.

Выдвинувшись въ гражданско-административномъ отношеніи, черезъ двадцать пять лѣтъ послѣ этого, въ царствованіе Елизаветы Петровны, Переславль выдвигается также и въ церковно-административномъ отношеніи. Становится главнымъ городомъ Переславской епархіи и мѣстомъ пребыванія епархіальнаго архіерея. Правда, нѣчто подобное наблюдалось встарину, но это не было тоже самое, хотя дало поводъ считать Переславль одной изъ древнѣйшихъ русскихъ епархій. Одни считали его даже мѣстомъ пребыванія патріарховъ [1]), другіе—митрополитовъ [2]). Изъ числа послѣднихъ называютъ Переславль-Залѣсскимъ митрополита Ефрема, извѣстнаго своей любовью къ постройкамъ и сооружившаго „банное строеніе“. Но это не больше, какъ недоразумѣніе, гдѣ Переяславль южный смѣшанъ съ Переславлемъ Залѣсскимъ [3]). Указываютъ на пребываніе въ разное время здѣсь епископовъ: Митрофана при князѣ Ярославѣ Всеволодовичѣ, митрополита Кирилла при князѣ Димитріи Александровичѣ и нако-

---

[1]) Кончаловскій. По Моск.-Яросл. ж. д., II, стр. 38.

[2]) Семеновъ, Россія, т. I, С.-П.-Б., 1899 г., стр. 272—73.

[3]) См. Голубинскаго Е. Е., Ист. Рус. Церк., т. I, пол. I, стр. 635—688.

нецъ епископа Аѳанасія волынскаго при Симеонѣ Гордомъ и Димитріи Донскомъ [1]). Первые двое имѣли здѣсь кратковременное пребываніе во время объѣздовъ: еп. Митрофанъ своей епархіи, а митр. Кириллъ своей митрополіи. Что же касается третьяго епископа—Аѳанасія волынскаго, то, дѣйствительно, нужно сказать, что онъ проживалъ въ Переславлѣ значительное время и въ духовной грамотѣ в. кн. Симеона Гордаго называется даже епископомъ Переславскимъ. Изъ Волыни, какъ полагаютъ, епископъ Аѳанасій прибылъ въ Москву предъ 1344 г. вслѣдствіе нежеланія подчиниться галицко-волынскому митрополиту, поставленному отдѣльно отъ митрополита московскаго. Въ Москвѣ Аѳанасій былъ принятъ съ честію и, чтобы ему было чѣмъ содержать себя, митрополитъ Ѳеогностъ предоставилъ ему въ завѣдываніе часть своей митрополіи съ Переславлемъ Залѣсскимъ [2]). Проживая въ Борисоглѣбскомъ Надозерномъ монастырѣ, Аѳанасій находился здѣсь до самой своей кончины. Онъ посвятилъ въ игумены пр. Сергія. Послѣ смерти Аѳанасія существованіе викаріата, каковымъ въ дѣйствительности было выдѣленіе части митрополіи, прекратилось и, какъ явленіе случайное, не вызывавшееся больше надобностью, не возобновлялось. Такимъ образомъ, нужно считать, что Переславль Залѣсскій ранѣе не былъ епархіальнымъ городомъ въ собственномъ смыслѣ слова и древней епархіи Переславля Залѣсскаго не существовало. Первоначально Переславль принадлежалъ къ епархіи Ростовской, съ 1214 года вошелъ въ черту епархіи Владимірской, а со временъ митрополита Петра — Московской, въ которой находился до 1744 года.

Образовать новую самостоятельную епархію побудила чрезмѣрная обширность епархіи Московской, насчитывавшей въ то время болѣе пяти тысячъ церквей и двухъ сотъ монастырей, „которыхъ единому архіерею управить весьма невозможно, отчего размножается расколъ и въ дѣлахъ челобитчикомъ, также производимымъ въ священство, и въ церковный причтъ волокита и многое продолженіе чинится“. Во избѣжаніе этого и „для лутчаго церквей святыхъ правленія“ отъ Московской епархіи были отдѣлены—Переславль Залѣсскій, Александрова Слобода, Дмитровъ, Можайскъ, Гжатскъ, Верея, Волоколамскъ, Руза. Изъ нихъ образовали новую епархію Переславскую, которая съ провинціальнымъ гражданскимъ раіономъ имѣла очень мало общаго. Изъ Переславской провинціи въ составъ Переславской епархіи входилъ лишь одинъ Переславскій уѣздъ, такъ какъ въ Ростовѣ былъ свой епископъ съ древнихъ временъ. Подобное несовпаденіе гражданскихъ и церковныхъ единицъ управленія явленіе обычное для того времени. Переславская епархія открыта была въ

---

[1]) Труды III археологич. Съѣзда, т. II. стр. 31—37; Рус. Архивъ, 1902 г., I т., стр. 340.

[2]) Проф. Е. Е. Голубинскій. Пр. Сергій Радонежскій. М. 1909 года, стр. 32, прим.

составѣ 605 церквей и 25 монастырей, при чемъ почти половина церквей и большая часть монастырей находилась въ самомъ Переславскомъ уѣздѣ [1]) Здѣсь возникъ еще одинъ новый монастырь (вмѣсто Антоніевой пустыни)—Введенская Островская пустынь, основанная въ XVII вѣкѣ на островѣ Вятскаго озера и названная Введенскою по имени первоначально построеннаго храма. Всего было въ то время восемнадцать монастырей въ Переславской области, но два изъ нихъ Киржацкій и Махрищскій, какъ зависившіе отъ Троицкой лавры, оставлены были въ вѣдѣніи Московской епархіи и одинъ монастырь Духовской былъ приписнымъ, то оффиціально считалось въ Переславлѣ пятнадцать монастырей.

Для жительства епархіальнымъ архіереямъ назначенъ былъ самый богатый и самый благоустроенный монастырь Горицкій, имѣвшій однихъ крѣпостныхъ въ своихъ вотчинахъ до 5000 человѣкъ. Издревне онъ считался первымъ изъ переславскихъ монастырей. Настоятелями его были архимандриты, писавшіеся на старинныхъ грамотахъ всегда впереди всѣхъ чиновъ переславскихъ духовнаго и свѣтскаго званія. Теперь монастырь сталъ называться каѳедральнымъ, а также переславскимъ архіерейскимъ домомъ. При этомъ „всенижайше у Ея Императорскаго Величества прошено, дабы повелѣно было помянутый монастырь Горицкій въ Переславлѣ Залѣсскомъ изъ вѣдомства бывшей коллегіи экономіи выключить и какъ денежныхъ, такъ и хлѣбныхъ доходовъ не брать и ничемъ до него той коллегіи не касаться, и отставныхъ отъ службы штабъ, оберъ и унтеръ-офицеровъ и солдатъ на пропитаніе въ тотъ монастырь не посылать, ибо и монахи излишніе изъ того катедральнаго монастыря для пребыванія въ немъ архіерея съ служительми имѣютъ быть выведены въ другіе монастыри“ [2]). Вскорѣ былъ приписанъ къ архіерейскому дому другой Переславскій монастырь—Борисоглѣбскій Надозерный, расположенный на противуположной отъ Горицкаго монастыря горѣ, и обращенъ въ загородную дачу переславскихъ архіереевъ. Внутри прежней монастырской деревянной ограды съ шестью башнями выстроенъ

---

[1]) Въ Переславскомъ уѣздѣ было церквей—253, Дмитровскомъ—139, въ Можайскомъ съ Гжатью 83, Верѣ—40, Волоколамскѣ—46 и Рузѣ—44; монастырей мужскихъ—въ Переславлѣ Залѣсскомъ: Горицкій, Даниловъ, Никитскій, Никольскій на болотѣ, Борисоглѣбскій на пескахъ и Борисоглѣбскій на горѣ; пустыни—Введенская—Островская, Лукьянова, Никольская на Сольбѣ; въ г. Дмитровѣ—Борисоглѣбскій монастырь, въ Можайскѣ—Лужецкій и Волоцкій, въ Верѣ—Входоиерусалимскій, въ Волоколамскѣ—Іосифовъ Волоцкій; женскихъ монастырей: въ Переславлѣ Залѣсскомъ—Ѳедоровскій, Срѣтенскій, Вознесенскій, Князе-Андреевскій и Введенскій; въ Александровой Слободѣ—Успенскій, въ Дмитровѣ—Пятницкій, въ Можайскомъ уѣздѣ—Петровскій, въ Волоколамскѣ—Власьевскій и Варварскій.

[2]) М. В. Загорскій. Разборъ и описаніе дѣлъ Переслав. Духов. Правленія. Владиміръ, 1901 г., стр. 7.

былъ архіерейскій домъ, вырытъ прудъ и разбитъ садъ съ фруктовыми деревьями [1]).

Первымъ переславскимъ епископомъ былъ Арсеній Могилянскій (родился 1704 г., † 1770 г.), воспитанникъ Кіевской академіи. Но организовать дѣло устроенія новой епархіи пришлось архіепископу московскому Іосифу, такъ какъ архіепископъ Арсеній находился при дворѣ въ качествѣ проповѣдника. Самое посвященіе происходило въ придворной церкви и вскорѣ новопосвященный владыка отбылъ въ Кіевъ, гдѣ находилась императрица Елизавета. Получивъ назначеніе въ архіепископа переславскаго и дмитровскаго, Арсеній писался также архимандритомъ Свято-Троицкой Сергіевской лавры и членомъ синода: оба послѣднія званія онъ носилъ передъ посвященіемъ. Такъ какъ по обязанностямъ члена синода вынужденъ былъ оставлять епархію надолго и, кромѣ того, отличался болѣзненностью, то выхлопоталъ себѣ „коадъютора“ или викарія на второмъ году своего управленія Переславской епархіей. Пробывъ здѣсь около восьми лѣтъ, по болѣзни отказался (1752 г.) отъ дальнѣйшаго занятія каѳедры и поселился на покоѣ въ Черниговской епархіи. Впослѣдствіи былъ митрополитомъ кіевскимъ (съ 1757 г.). Арсеній извѣстенъ какъ проповѣдникъ и плодовитый писатель, но изъ его словъ и поученій изданы только нѣкоторыя; онъ составилъ и издалъ службу и акаѳистъ св. Димитрію Ростовскому.[2])

Фактически управленіе при немъ находилось въ рукахъ викарія Серапіона Лятошевича, епископа можайскаго и волоколамскаго, который и занялъ переславскую каѳедру послѣ ухода того на покой. До назначенія самостоятельнымъ епископомъ Серапіонъ проживалъ въ Никитскомъ переславскомъ монастырѣ настоятелемъ послѣдняго (1745—1753 г.г.). Ознаменовалъ свое управленіе здѣсь тѣмъ, что, любя постройки, все время занимался ими въ монастырѣ. Считая, видимо, недостаточно архитектурною или неудобно расположенною больничную Георгіевскую церковь, построенную кн. Юріемъ Барятинскимъ, онъ распорядился: „церковь разобрать и строить во имя святого новую такъ, чтобы у оной церкви передней стѣнѣ быть трапезной церкви Благовѣщенія отъ алтарнаго угла полинейно, а задней стѣнѣ быть на томъ мѣстѣ, гдѣ означенная церковь нынѣ стоитъ“. Предполагалъ также разобрать старинную церковь надъ святыми воротами въ честь арх. Гавріила. Хотя сломать эти церкви при немъ не удалось, должно быть за уходомъ его, но тѣмъ не менѣе дало

---

[1]) Звѣринскій. Монастыри по штатамъ 1764 г., № 672: Истор. Рос. іерархіи, III, 423.

[2]) Митр. Евгеній. Описаніе Кіево-Софіевскаго Собора, стр. 227: Священ. Шпачинскій. Кіевскій митрополитъ Арсеній Могилянскій и состояніе Кіевской митрополіи въ его время, Кіевъ, 1907 года.

поводъ его замѣстителю отозваться весьма сурово объ этой сторонѣ его дѣятельности: „онъ, Серапіонъ, только все ломалъ, а ничего добраго вновь какъ въ Никитскомъ, такъ и въ другихъ монастыряхъ, не построилъ“.[1])

Получивъ назначеніе въ самостоятельнаго епископа (28 февраля 1753 г.), Серапіонъ счелъ первымъ своимъ дѣломъ открыть въ епархіи учебное заведеніе. Нужно сказать, что до него дѣти переславскаго духовенства обучались въ Троицко-Лаврской семинаріи, чему много способствовало то обстоятельство, что архіепископъ Арсеній все время пребыванія на переславской каѳедрѣ состоялъ архимандритомъ Лавры. На содержаніе ихъ переславская епархія посылала хлѣбъ натурою, что потомъ замѣнено было деньгами. 20 марта 1753 г. Серапіонъ открылъ „епаршую“ семинарію въ Даниловомъ монастырѣ въ больничномъ корпусѣ, что было первымъ духовнымъ учебнымъ заведеніемъ въ городѣ съ правильною систематическою программою. Но нельзя сказать того, чтобы раньше семинаріи въ Переславлѣ вовсе не было учебныхъ заведеній. Предполагаютъ, что было здѣсь училище еще во времена пр. Никиты Столпника.[2]) Далѣе идетъ многовѣковой перерывъ въ этомъ дѣлѣ, когда, очевидно, грамотность и книжность преподавались, главнымъ образомъ, членами церковныхъ причтовъ, а также особыми „мастерами“ и „мастерицами“. Тѣмъ не менѣе и въ это время не переводились здѣсь книжные люди. Таковыми были: переславскій лѣтописецъ при Ярославѣ, митр. Аѳанасій при Грозномъ и др. При Петрѣ Великомъ была заведена „навигацкая школа“, учителемъ въ которой былъ Яковъ Степановъ. Онъ обучалъ „цифири и нѣкоторой части геометріи“. Дѣти духовенства были освобождены отъ обученія въ этой школѣ.[3]) Основанное преосвященнымъ Серапіономъ учебное заведеніе соединяло въ себѣ низшіе и средніе классы вмѣстѣ: самое низшее отдѣленіе было „русское“, гдѣ учились читать и писать по-русски и по-славянски, за нимъ слѣдовала „фара“, начальный латинскій классъ, потомъ „грамматика“, „пиитика“, наконецъ самый высшій—„реторика“, въ которой преподавалась философія и самыя необходимыя богословскія науки. Въ семинарію принимались какъ дѣти духовенства, такъ и другихъ сословій изъ городовъ и уѣздовъ, составлявшихъ Переславскую епархію. Возрастъ поступавшихъ колебался отъ 10 до 15 лѣтъ, оканчивали даже въ 27 лѣтъ, причемъ иные просиживали по семи лѣтъ въ одномъ классѣ. Учениковъ было около ста человѣкъ, изъ коихъ

---

[1]) Чтенія въ О-вѣ Ист. и Др. Россійскихъ, 1866, I, ст. 14—15. Объ помянутыя церкви все же были разобраны: одна въ 1761 году, другая—въ 1818 году. Прот. Свирѣлинъ. Описаніе Никитскаго монастыря, стр. 15 и 16.

[2]) Школьная жизнь, 1873 года, № 25, стр. 562.

[3]) Описаніе документовъ и дѣлъ св. синода, II, № 1089.

треть содержалась на казенный счетъ. Послѣдніе жили въ Даниловомъ монастырѣ и составляли обычную того времени бурсу. Содержаніе ихъ было, разумѣется, спартанское и вызывало нерѣдко со стороны семинаристовъ протесты и жалобы. „Мы, нижайшіе,—писали разъ они епископу Серапіону,—получили гнилой горохъ и въ праздничные дни скоромные отъ мяса и въ постные дни отъ рыбъ ничего не получаемъ“. Не лучше было положеніе учителей. Опредѣленнаго оклада жалованья не было, а все зависило отъ воли преосвященнаго и успѣховъ, какіе оказывали ученики. Больше другихъ получалъ учитель риторики и пінтики: „въ годъ круглыми деньгами рублевъ сто, хлѣба четвертей 20, ярового 10, ржаного 10 же четвертей, на пиво солоду 7 четвертей, мяса пудовъ 10, масла пудовъ 5, келья, дрова, истопникъ, коляска и пара лошадей ради рекреаціи“. Во главѣ семинаріи стоялъ ректоръ, назначаемый большею частію изъ архимандритовъ Данилова монастыря. Какъ начальнику учебнаго заведенія ему поручено было наблюдать за учащими и учащимися и еженедѣльно сообщать епископу о состояніи семинаріи, ученическихъ работахъ—экзерциціяхъ, оккупаціяхъ, проповѣдяхъ и пр. Средства для содержанія семинаріи собирались съ епархіи, съ теченіемъ времени стала приплачивать казна.

Преосвященный Серапіонъ весьма недолго пробылъ на Переславской епископіи (до 28 октября 1753 г.), получилъ отсюда назначеніе въ Вологду, гдѣ и умеръ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ служенія. На мѣсто его былъ назначенъ въ Переславль епископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій, извѣстный въ богословской литературѣ своими переводами: съ еврейскаго перевелъ Псалтирь, переводъ этотъ считается образцовымъ,—съ латинскаго Горація„ Разсужденія противъ атеистовъ и натуралистовъ“, съ греческаго—„Посланія св. Игнатія Богоносца“, „Поученія“ Кирилла арх. Іерусалимскаго и „Богословіе“ Іоанна Дамаскина; кромѣ того участвовалъ въ переводѣ съ англійскаго „Опытъ о человѣкѣ“ и др. Изъ оригинальныхъ произведеній ему принадлежатъ „Поученія“ и „Служба св. митрополиту Димитрію Ростовскому“.

На переславскую каѳедру Амвросій назначенъ былъ изъ архимандритовъ Воскресенскаго (Новаго Іерусалима) монастыря и членовъ синода. Проживая въ Горицкомъ монастырѣ, онъ много заботился о его украшеніи: расширилъ Успенскій соборъ пристройками, поставилъ въ немъ прекрасной работы новый иконостасъ въ модномъ тогда стилѣ рококо, началъ украшать соборъ внутри живописью и задумалъ соединить его съ древней церковью Всѣхъ Святыхъ громаднѣйшимъ зданіемъ, названнымъ имъ „Геѳсиманіею“. По мысли строителя здѣсь предполагалось устроить гробъ Богоматери; подобно тому, какъ въ Новомъ Іерусалимѣ былъ устроенъ патріархомъ Никономъ гробъ Господень. Наружный видъ Геѳсиманіи проектированъ въ стилѣ ренесансъ въ два этажа; внутри предполагалось воздвигнуть нѣсколько церквей

или придѣловъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга каменными колоннами съ высѣченными орнаментами. Авторъ „Исторіи россійской іерархіи“ говоритъ объ этомъ храмѣ слѣдующее: „Преосвященнымъ Амвросіемъ построенъ соборный храмъ Успенія и рядомъ огромная церковь, называемая „Геѳсиманіею“, гдѣ быть долженствовало гробу Богоматери, приличествующему храму ея. Это зданіе и въ неоконченномъ видѣ было великолѣпно“. Передаютъ, что для него епископомъ Амвросіемъ были взяты съ монастырскаго кладбища всѣ надгробныя плиты архимандритовъ и другихъ замѣчательныхъ погребенныхъ лицъ и положены въ Геѳсиманіи вмѣсто подоконниковъ. На задуманное въ такомъ большомъ масштабѣ зданіе преосвященный не жалѣлъ средствъ и въ концѣ концовъ оно должно быть замѣчательнымъ архитектурнымъ памятникомъ. Уже было выведено подъ крышу и дѣло оставалось главнымъ образомъ за внутренней отдѣлкой, какъ Амвросій былъ переведенъ на Крутицкую епархію (1761 г.), а потомъ на Московскую. Это обстоятельство роковымъ образомъ отозвалось на переславской Геѳсиманіи и ея авторѣ. Послѣ отъѣзда преосвященнаго постройка продолжалась недолго и потомъ совершенно прекратилась, когда зданіе покрыли дранью (въ 1763 г.). Оставаясь недостроеннымъ, оно понемногу стало разрушаться и неминуемо пошло къ гибели. На новой каѳедрѣ не былъ счастливъ и строитель Геѳсиманіи. За излишнюю строгость и притязательность его не любили въ Москвѣ. Враги возводили на него разныя гнусныя клеветы и когда вспыхнулъ чумный бунтъ, преосвященный палъ жертвой его. Онъ приказалъ снять съ Варварскихъ воротъ икону Божіей Матери, чтобы предупредить скопленіе народа и не распространять заразу. А понято было чернью и озлобленнымъ духовенствомъ наоборотъ, что именно сокрытіе святыни способствовало распространенію чумы. Передаютъ, что бунтовщикамъ онъ былъ выданъ архимандритомъ Донского монастыря, личнымъ врагомъ архіепископа. Будто бы и первый ударъ былъ сдѣланъ однимъ изъ подчиненнаго ему духовенства. „Били,— говоритъ одинъ современникъ,—смертельно съ поруганіемъ близъ двухъ часовъ; убивши же до смерти, отступили мало, скверня языками своими воздухъ; присмотря же, что одна рука правая отмашкою двинулася, съ чего принялися паки бить кольями по головѣ; отступивши же нѣсколько, увидѣли, что пожался тотъ страдалецъ раменами, то и третично били, дондеже одинъ какой-то церковникъ послѣднимъ довершилъ ударомъ, отрубя нѣсколько отъ главы, кая часть надъ глазомъ, кая часть и осталась висящею.[1]) Это было 15 сентября 1771 г. Избитое и окровавленное тѣло Амвросія лежало цѣлый день и цѣлую ночь. Расправившись съ владыкой, чернь разгромила его

---

[1]) Истор. Вѣст. 1887 г., январь, стр. 130—135. А. А. Титовъ, Горицкій монастырь и два іерарха XVIII ст.

покои и разграбила въ числѣ прочаго имущества большую библіотеку, причемъ погибли составленныя имъ записки по исторіи русской церкви.

Преемникомъ Амвросія на Переславской каѳедрѣ былъ епископъ Сильвестръ Строгальскій (Страгородскій), оставившій по себѣ память своими заботами о мѣстной „епаршей“ семинаріи. Ея библіотеку онъ обогатилъ „разными книгами, куншатами и инструментами механическими“. Въ его управленіе епархіей правительство провело важную мѣру, касавшуюся архіерейскихъ домовъ и монастырей. На примѣрѣ одного только Переславскаго уѣзда можно видѣть, какъ велико было количество послѣднихъ на Руси въ то время и какимъ значительнымъ числомъ вотчинъ они обладали. Обогащеніе монастырей отвлекало монашествующихъ отъ прямой цѣли ихъ назначенія, съ другой стороны лишало правительство громаднѣйшаго земельнаго фонда, который былъ надобенъ ему для нуждъ государственныхъ. Въ то же время, въ виду отсутствія какой-либо регламентаціи, на ряду съ богатѣйшими монастырями существовали совершенно убогія обители, насчитывавшія по-два по-три монаха, причемъ нерѣдко обители эти были въ такихъ мѣстахъ, гдѣ надобности въ нихъ не имѣлось. Все это съ давнихъ поръ побуждало правительство реформировать такое положеніе и дать ему иную постановку. Еще великій князь Иванъ III хотѣлъ отобрать отъ монастырей вотчины, но долженъ былъ уступить „осифлянамъ“, какъ называли послѣдователей пр. Іосифа Волоцкаго, ревностнаго защитника монастырскихъ владѣній. Въ дальнѣйшее время создавались различныя ограниченія; даже въ вѣкъ наибольшаго расцвѣта монашества, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ былъ учрежденъ монастырскій приказъ, гдѣ вѣдались судебныя, административныя и финансовыя дѣла монастырскихъ вотчинъ. При Петрѣ Великомъ дѣятельность приказа расширилась. Въ кругъ его вѣдѣнія входило даже устройство штатовъ въ каждомъ монастырѣ и преобразованіе внутренней жизни монастырской. При преемникахъ Петра Великаго возникла коллегія экономіи, замѣнившая собою приказъ. Наконецъ, появился манифестъ 26 февраля 1764 г., которымъ повелѣвалось отобрать въ вѣдѣніе коллегіи экономіи всѣ вотчины отъ монастырей, архіерейскихъ домовъ и пр., а взамѣнъ ихъ отпускать ежегодное жалованье. Епархіи и монастыри были раздѣлены на классы или разряды, въ послѣднихъ кромѣ того учреждены опредѣленные штаты. Въ Переславлѣ Залѣсскомъ на основаніи этого манифеста были закрыты слѣдующіе монастыри: мужской Борисоглѣбскій на пескахъ; женскіе: Введенскій, Вознесенскій, Князе-Андреевскій и Новодѣвичій Владимірскій (онъ же Срѣтенскій). Кромѣ того еще ранѣе этого прекратилъ свое существованіе Духовской монастырь и обратился въ приходскую церковь. По примѣру его были обращены теперь также въ приходскія всѣ помянутыя выше

монастырскія церкви, которыя къ тому времени были всѣ каменныя. Особенно изъ нихъ выдѣлялся своими постройками Новодѣвичій Срѣтенскій монастырь. Въ 1740 г. переславскій купецъ Филиппъ Фаддѣевичъ Угрюмовъ выстроилъ въ немъ каменную церковь въ честь Срѣтенія Владимірской иконы Божіей Матери, а потомъ другую теплую во имя св. князя Александра Невскаго. Вмѣстѣ съ каменной оградой, чего не было у другихъ закрывавшихся монастырей, послѣдній былъ значительнымъ сооруженіемъ. По закрытіи онъ былъ приписанъ къ Преображенскому собору. Изъ уѣздныхъ монастырей былъ упраздненъ Благовѣщенскій на Киржачѣ. Такимъ образомъ въ Переславлѣ и его уѣздѣ осталось: два монастыря. обращенныхъ въ архіерейскіе дома—Горицкій и Борисоглѣбскій на горѣ, мужскихъ шесть: Никитскій, Никольскій на болотѣ, Даниловъ, Сольбинская пустынь, Лукьянова пустынь и Махринскій монастырь; женскихъ два—Ѳедоровскій въ Переславлѣ и Успенскій въ Александровой Слободѣ.

Послѣ обнародованія монастырской реформы, которой преосвященный Сильвестръ совершенно не сочувствовалъ и держалъ сторону извѣстнаго Арсенія Мацѣевича, пробылъ на Переславской епархіи четыре года. Повидимому, онъ заботился, насколько было въ его власти, объ окончаніи начатыхъ строеній въ Горицкомъ монастырѣ. По крайней мѣрѣ по его указанію составлена была смѣта на возобновленіе и ремонтъ разныхъ зданій монастыря, но, должно быть, за недостаткомъ средствъ, не была осуществлена. При немъ прослѣдовала черезъ Переславль императрица Екатерина.[1]) Въ 1768 году епископъ Сильвестръ переведенъ былъ, какъ и его предшественникъ, на Крутицкую епархію. Скончался на покоѣ въ Москвѣ. Послѣ него остались составленныя имъ „Правила монашескаго житія“ и „Описаніе Новоіерусалимскаго монастыря“.

Слѣдующимъ епископомъ былъ Геннадій Кратинскій, назначенный на Переславскую епархію изъ ректоровъ московскаго Заиконоспасскаго училища. Заботясь объ украшеніи Горицкаго монастыря, онъ началъ строить обширную колокольню и подъ ней церковь Богоявленія Господня. Но безвременная кончина епископа (онъ умеръ на 38 году отъ рожденія 16 августа 1773 г.) помѣшала довершить начатую постройку и увеличила архіерейскій монастырь еще однимъ недостроеннымъ зданіемъ. Преосвященный Геннадій одинъ изъ всѣхъ епископовъ переславскихъ скончался во время служенія на этой каѳедрѣ; могила его находится въ Горицкомъ Успенскомъ соборѣ.

За годъ до его кончины возникъ раскольничій толкъ—бѣгуновъ или странниковъ, представляющій собою самое рѣзкое отклоненіе отъ господствующей церкви. Основателемъ его былъ переславскій

---

[1]) Влад. Губ. Вѣд., 1874 г. № 4 и 5.

уроженецъ Ефиміи; по словамъ однихъ—крестьянинъ помѣщика Мотовилова, а по другимъ—мѣщанинъ. Принадлежа первоначально къ общинѣ филипповцевъ, Ефиміи вскорѣ разочаровался въ нихъ, такъ какъ замѣтилъ, что очень многіе изъ разбогатѣвшихъ старообрядцевъ, особенно московскихъ, утратили былую нетерпимость и снисходительно относились къ православнымъ. Почитая это измѣной старой вѣрѣ, онъ намѣревался перейти къ федосѣевцамъ, но былъ взятъ въ солдаты. Со службы бѣжалъ и укрылся на Преображенскомъ кладбищѣ въ Москвѣ, гдѣ его постригли въ монашество и отправили въ Поморскіе скиты. Здѣсь, спустя нѣкоторое время, выступилъ съ собственнымъ ученіемъ. Въ основу его положилъ старинное мнѣніе безпоповцевъ о воцареніи антихриста и старался доказать, что антихристъ былъ никто иной, какъ императоръ Петръ I, а за нимъ всѣ его преемники. Бороться открыто съ нимъ не возможно, а потому вѣрующему, чтобы спастись, слѣдуетъ таиться, бѣгать, скрываться. Онъ долженъ уклоняться отъ всего, что имѣетъ отношеніе къ антихристу и является исполненіемъ его воли, иными словами—не платить податей, не итти въ солдаты, не имѣть паспортовъ и т. д. Чтобы выполнить это,слѣдуетъ странствовать по городамъ, селамъ, лѣсамъ, пустынямъ. Всѣхъ желающихъ принять его ученіе Ефимій присоединялъ „новымъ крещеніемъ“, крестившись предварительно самъ (въ 1772 г.). По своей неуловимости бѣгунство трудно поддавалось обнаруженію и немало надѣлало хлопотъ правительству, когда по смерти основателя получило значительное распространеніе.

Ефимій умеръ гораздо позднѣе преосвященнаго Геннадія (въ 1792 г.). До того же времени въ Переславской епархіи перемѣнилось два епископа: Антоній Румовскій и Ѳеофилактъ Горскій. Первый прослужилъ здѣсь всего два года (1774—1776 г.г.) и былъ переведенъ въ Астрахань; второй епископствовалъ двѣнадцать лѣтъ (1776—1788 г.). Особаго вниманія заслуживаетъ изъ нихъ преосвященный Ѳеофилактъ, извѣстный своими учеными трудами. Составленное имъ на латинскомъ языкѣ богословіе, было напечатано (въ 1784 г.) въ Лейпцигѣ, а потомъ переведено на русскій языкъ и введено въ семинаріяхъ уже по смерти автора. Имъ же написана „Гармонія“ или Толкованіе Священнаго Писанія; этотъ трудъ остался до сего времени въ рукописи. Покровительствуя распространенію просвѣщенія въ своей епархіи, онъ открылъ два духовныхъ училища: одно въ г. Дмитровѣ, другое—въ Волоколамскомъ монастырѣ. Эта мѣра была весьма благодѣтельна для духовенства и избавляла его отъ лишнихъ расходовъ по отправкѣ дѣтей въ Переславль, находившійся по отношенію къ остальнымъ частямъ епархіи въ крайнемъ сѣверномъ углу. На ряду съ этимъ епископъ Ѳеофилактъ много сдѣлалъ для благоустройства Горицкаго монастыря, гдѣ его предшественниками было начато постройкой нѣсколько зданій, остававшихся не доконченными. Онъ занялся

достройкой ихъ и первое время тратилъ на это свои средства; потомъ исходатайствовалъ у императрицы Екатерины II значительную сумму отъ казны, на которую достроилъ Богоявленскую церковь подъ колокольней, украсилъ живописью Успенскій соборъ, церковь Всѣхъ Святыхъ, починилъ монастырскія стѣны и башни и пр. Но, видимо, остановился предъ значительностью суммы, которая требовалась для окончательной отдѣлки Геѳсиманіи и ничего не могъ сдѣлать для приведенія въ надлежащій видъ этого замѣчательнаго зданія.

Преосвященный Ѳеофилактъ былъ седьмымъ и послѣднимъ епископомъ переславскимъ. 6-го мая 1788 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о закрытіи Переславской епархіи, послѣ чего епископъ переведенъ былъ въ Тульскую епархію. Переславская епархія упразднена на сорокъ четвертомъ году своего существованія. Одновременно съ ней подверглись той же участи нѣсколько другихъ епархій, такъ какъ было рѣшено церковно-административное устройство сообразовать съ новымъ гражданскимъ. Состоявшіе въ Переславской епархіи церкви и монастыри отошли къ другимъ епархіямъ [1]) и самый Переславскій уѣздъ былъ перечисленъ въ епархію Суздальско-Владимірскую. Духовная консисторія закрыта и переведена въ Суздаль. Вмѣсто нея открыто было потомъ духовное правленіе. Не избѣжала этой участи и епаршая семинарія. На ея развалинахъ было основано „малое“ училище, въ которомъ были оставлены ученики низшихъ классовъ, а старшіе ученики переведены въ Суздаль. Туда же передано было семинарское имущество. Архіерейская ризница отправлена въ Московскую епархію и самый Горицкій монастырь былъ обращенъ въ городской соборъ. Предполагали было перевести сюда изъ города присутственныя мѣста, такъ какъ оставались порожними архіерейскіе покои, зданіе консисторіи и пр., но этотъ проектъ не былъ осуществленъ. Монастырь, богатый великолѣпными храмами и другими зданіями, оказался теперь излишнимъ. Единственное примѣненіе, которое нашлось тогда возможнымъ сдѣлать, было учрежденіе здѣсь богадѣльни. Въ то время въ немъ внутри высокихъ каменныхъ стѣнъ съ 7 башнями и художественными св. воротами находились: величественный Успенскій соборъ, въ которомъ епископъ Амвросій „сдѣлалъ въ алтарѣ такое горнее мѣсто, которому едва-ли есть подобное въ Россіи“. Рядомъ съ соборомъ „Геѳсиманія“, о которой въ первой четверти XIX ст. одинъ очевидецъ писалъ, что она была уже, „въ жалкомъ положеніи и кирпичи обваливаются“. За Геѳсиманіею—трапезная церковь Всѣхъ Святыхъ; рядомъ съ трапезною архіерейскіе покои, домовотчинное правленіе, монашескія кельи, зданіе консисто-

---

[1]) Изъ 588 церквей перешло въ Суздальскую—239, въ Московскую - 277, въ Калужскую—21, въ Тверскую—20, и въ Смоленскую—31. Изъ одиннадцати монастырей три перешли въ Московскую епархію, а остальные восемь во Владимірскую.

ріи; въ восточной сторонѣ ограды колокольня и подъ нею церковь Богоявленія; надъ святыми воротами Никольская церковь; всѣ эти постройки были каменныя. Близъ воротъ было три деревянныхъ зданія, изъ коихъ одно носило названіе „дворца", другое было странноприимной и третье для монашествующихъ. По срединѣ монастыря былъ выкопанъ прудъ, который наполнялся водою изъ другого пруда, расположеннаго за оградой. Тамъ же за оградой было немало разныхъ хозяйственныхъ и другихъ построекъ.

Обиліе построекъ Горицкаго монастыря и ихъ величественность были воспѣты въ слѣдующемъ стихотвореніи XVIII вѣка, обращенномъ къ Переславскому архіерейскому дому:

„Хвалилась древность вся и тѣмъ горда была,
Какой-то чудный домъ она создала,
Кой Лавиринѳъ отъ всѣхъ народовъ назывался,
Въ который кто входилъ, всегда въ немъ заблуждался.
Хвалиться долженъ ты тѣмъ болѣ, Переславль,
Что у тебя есть Лавиринѳъ и ты его прославь;
Отверсты храмы въ немъ и олтари дымятся,
Въ кой жители твои съ усердіемъ стремятся;
Не заблужденіе, но путь находятъ въ немъ,
Жилищемъ бо онъ тѣхъ, благотворятъ что всѣмъ" [1]).

Многія изъ зданій въ архитектурномъ отношеніи были цѣнными памятниками русскаго зодчества. Нѣкоторыя изъ нихъ относились къ XVII вѣк., напр. художественныя св. ворота, другія ко времени пребыванія архіереевъ, которые много содѣйствовали его украшенію. Горицы въ то время были „краса и свѣточъ Переславля". Нужно было умѣть хранить это сокровище...

Загородная дача переславскихъ архіереевъ, бывшій Борисоглѣбскій Надозерный монастырь, по упраздненіи Переславской епархіи также испыталъ на себѣ дальнѣйшую превратность судьбы. Онъ былъ обращенъ въ городское кладбище и остается имъ до настоящаго времени.

---

[1]) Истор. Вѣст., 1887 г., январь, 127.

XV.

Открытіе Владимірской губерніи. Переславль—уѣздный городъ. Новые города: Александровъ, Киржачъ. Покровъ. Статистическія свѣдѣнія о городѣ и уѣздѣ Переславля-Залѣсскаго. Промышленность заводская и фабричная XVIII ст. Переславское купечество и торговля въ XVIII ст. Ботикъ Петра Великаго. Шоссейная дорога. Состояніе Переславля въ половинѣ XIX столѣтія. Сѣверная желѣзная дорога.

Упраздненіе епархіи было жестокимъ ударомъ для Переславля. Но нужно сказать, что еще ранѣе того онъ разжалованъ былъ изъ провинціальныхъ городовъ въ уѣздные и даже самая площадь Переславскаго уѣзда подверглась сильному сокращенію. Дѣло въ томъ, что десять лѣтъ тому назадъ была проведена им. Екатериной областная реформа, произведенъ новый раздѣлъ губерній, послѣ чего было образовано Владимірское намѣстничество, переименованное потомъ при им. Павлѣ I-мъ во Владимірскую губернію, въ составъ которой включенъ былъ и Переславскій уѣздъ. Первому Владимірскому намѣстнику гр. Роману Иларіоновичу Воронцову было приказано, „не упуская времени, объѣхать губернію и повѣрить на мѣстѣ примѣрное расписаніе оной на 13-ть уѣздовъ и какъ о семъ, такъ и какіе вновь города назначить будетъ нужно, самолично представить“. Графъ нашелъ съ своей стороны необходимымъ увеличить губернію еще однимъ уѣздомъ. 1 сентября 1778 г. утверждено было слѣдующее раздѣленіе ея на уѣзды: Владимірскій, Суздальскій, Переславско-Залѣсскій, Юрьевско-Польскій, Шуйскій, Муромскій, Гороховецкій, Александровскій, Киржачскій, Покровскій, Судогодскій, Ковровскій, Вязниковскій и Меленковскій.

Съ этого времени Переславль сталъ рядовымъ уѣздомъ Владимірской губерніи. Первыя десять лѣтъ это положеніе еще скрашивалось нахожденіемъ въ немъ епархіальнаго управленія; съ упраздненіемъ же его уходило въ область преданія все историческое прошлое, строго говоря, кончалась исторія и наступалъ періодъ прозябанія.

Нельзя не замѣтить, что исторія Переславля Залѣсскаго принадлежитъ къ разряду тѣхъ, которыя хорошо начинаются и плохо оканчиваются. Въ древности стольный городъ Переславскаго княжества и одно время даже столица русской земли, Переславль, примкнувъ къ Москвѣ, былъ первымъ камнемъ въ фундаментѣ Московскаго государства. Считаясь принадлежностью великаго княженія, онъ долгое время находился какъ бы въ уніи съ Москвою. А когда окончательно былъ присоединенъ къ Москвѣ, долгое же время считался въ числѣ главныхъ городовъ государства. Съ теченіемъ времени это значеніе

стало меркнуть, такъ какъ на сцену исторической жизни стали выходить и выдвигаться новые города обширной русской земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ умалялось значеніе Переславля какъ крѣпости. Съ постройкой каменныхъ крѣпостей Переславская все болѣе и болѣе отходила на задній планъ. Но въ смутное время еще сослужила свою службу. Послѣ же этого смѣло можно было болѣе не возобновлять деревянныхъ стѣнъ и башенъ, но по инерціи дѣло шло до половины XVIII ст. [1]) и только тогда оффиціально Переславль былъ разжалованъ изъ крѣпостей. Время Петра I-го внесло въ Переславль большое оживленіе и поддержало падающее значеніе города. Возведеніе въ рангъ провинціальнаго, а потомъ епархіальнаго подняло городъ на большую высоту въ административномъ отношеніи. Но это была въ своемъ родѣ „лебединая пѣсня".

Тѣмъ менѣе становится понятнымъ и мало объяснимымъ восторгъ нѣкоего піиты того времени Михаила Прокудина, лейбъ-гвардіи офицера и вольнаго россійскаго собранія, что при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, члена, который сочинилъ на случай открытія Владимірскаго намѣстничества однодактный прологъ „Торжествующій городъ Владиміръ". Въ этомъ прологѣ дѣйствующими лицами выведены г. Владиміръ и всѣ уѣздные его города, между которыми Юрьевъ Польскій и Переславль Залѣсскій въ четвертомъ явленіи произносятъ слѣдующіе монологи:

Г. Юрьевъ Польскій. „Какой торжествующій сонмъ представляется моему взору? Какой шумъ празднующихъ? Откуда сіе столь величественное собраніе новыхъ городовъ, и между которыми Владиміръ, какъ между древами кедръ возноситъ главу свою? такъ! Я знаю сіе веленіемъ боговъ совершается; сіе премудрости Великія Екатерины приписать должно! Она! Она возводитъ насъ на верхъ совершенства. Ея попеченію обязаны мы щасливою перемѣною".

Г. Переславль Залѣсскій (обращаясь къ Юрьеву Польскому). „Воистину такъ. Сія несравненная монархиня день ото дня умножая благополучіе россовъ, всѣ стези испытуетъ, которыми бы могла ихъ привесть къ непоколебимому блаженству; между всѣми души ея дарованіями премудрость и правосудіе блистаетъ, какъ луна среди неисчетныхъ свѣтилъ, возженныхъ въ ноши на лазуревой тверди. Сама Минерва устами ея вѣщаетъ. Сама Астрея ея десницею предписала новые и отъ вѣка неслыханные законы, которыхъ исполненіе возвы-

---

[1]) Деревянныя стѣны на земляномъ валу были сломаны по указу 1759 года (Плишкинъ, стр. 10); а вѣрнѣе развалились сами собой. См. Переславль Залѣсскій М. 1884, стр. 28.

ситъ россовъ надъ всѣми державами, и которымъ всѣ племена земныя удивляться не престанутъ".

Къ этому прологу послѣднее явленіе сочинилъ въ стихахъ университетскій студентъ Ермилъ Костровъ, гдѣ уѣздные города славятъ императрицу и Россію, между прочимъ Переславль въ слѣдующихъ виршахъ:

„Владычицы плодовъ Церера и Помона,
Предстаньте веселясь предъ стопы росска трона,
И щедрою рукою разсыпьте Вы плоды,
Екатерины черезъ то почтивъ труды".

Другое дѣло—восторги г.г.: Александрова, Покрова и Киржача. „О щастіе...., восклицаетъ первый... и я... благости ея участникъ". „Какая во мнѣ новая разливается радость,—говоритъ Покровъ.—Я не познаю самъ себя... Какою десницею, изъ нѣдръ ничтожества и презрѣнія воздвигнутъ, произникъ я во славу и великолѣпіе? гдѣ нынѣ ветхія и къ паденію клонящіяся хижины? уже ихъ нѣтъ! На мѣстѣ ихъ созидаются гордыя зданія!.—„Но я гдѣ обрящу,—говоритъ Киржачъ,—толь витіійственныя уста, которыя могли бъ изъяснить достойно радость мою? Какою я возвѣщу трубою въ концы вселенныя восхитительныя свои чувства? [1])." Восторги эти весьма понятны. До того времени новые уѣздные города были дворцовыми и монастырскими селами Переславскаго уѣзда, а теперь, какъ говоритъ Покровъ, „произникли во славу и великолѣпіе". Въ сущности одинъ Александровъ, переименованный изъ дворцовой Александровой Слободы, имѣлъ значительное историческое прошлое, а остальные два города были простыми селами.

Киржачъ получилъ свое названіе отъ рѣки Киржача, а самыя селенія, изъ которыхъ образованъ городъ, носили названіе Благовѣщенской Слободы и Селивановой Горы. До XIV вѣка эта мѣстность была не обитаема. Первый, кто поселился здѣсь, былъ пр. Сергій Радонежскій, удалившійся сюда вслѣдствіе непріязни, проявленной его братомъ. Избралъ это мѣсто по указанію одного изъ монаховъ Махрискаго монастыря и положилъ тутъ начало Благовѣщенскому монастырю, настоящимъ строителемъ котораго, впрочемъ, былъ впослѣдствіи ученикъ преподобнаго Романъ, а самъ основатель вскорѣ удалился обратно въ свою Троицкую обитель. Киржацкій Благовѣщенскій монастырь находился потомъ вмѣстѣ съ Махринскимъ въ постоянной зависимости отъ Троице-Сергіева монастыря и былъ

---

[1]) Владимір. Сборникъ, 122—127.

далеко не изъ бѣдныхъ. Во второй половинѣ XVI вѣка имѣлъ во владѣніи „село, да восемь селецъ, да три погоста, да сто тридцать деревень съ полдеревнею, да деревня пуста, да четыре пустоши". Въ то время въ монастырѣ было двѣ каменныхъ церкви: одна во имя Благовѣщенія, вторая въ честь пр. Сергія. Въ половинѣ XVII вѣка боярин Иванъ Ѳедоровичъ Милославскій выстроилъ третью каменную церковь во имя Милостиваго Спаса надъ родовой усыпальницей. При императрицѣ Екатеринѣ, когда учреждены были монастырскіе штаты, Киржацкій монастырь упраздненъ и его церкви обращены въ приходскія. Около монастыря съ давнихъ поръ образовалась слободка, населенная монастырскими работниками и крестьянами. Въ XVII ст. она состояла изъ 12 дворовъ стрѣльцевъ, четырехъ дворовъ дѣтенышей, да бобылей пяти человѣкъ. На Селивановой горѣ въ то же время было 31 домовладѣлецъ и 7 бобылей. Въ концѣ XVIII ст., вскорѣ послѣ учрежденія города Киржача, насчитывалось въ немъ обоего пола душъ положенныхъ въ окладъ 12 и неположенныхъ 41.

Г. Покровъ образованъ изъ села того же имени, расположеннаго при небольшой рѣчкѣ Шиткѣ, близъ р. Клязьмы. По началу возникновенія имѣетъ большое сходство съ Благовѣщенской Слободой на р. Киржачѣ. Встарину на мѣстѣ Покрова находился мужской монастырь, называвшійся Антоніевой пустынью, время построенія котораго совершенно не извѣстно, но, судя по спискамъ настоятелей монастырей, существовалъ уже въ самомъ началѣ XVI ст. [1]). Въ концѣ XVII столѣтія пустынь прекратила свое существованіе, а остававшіеся въ ней иноки переселились на островъ Вятскаго озера вблизи Покрова и основали тамъ новую пустынь—Введенско-Островскую. Когда Антоніева пустынь была упразднена, на мѣстѣ ея осталась значительная слобода, современная монастырю по началу своего основанія. Слобода эта образовала Покровское село, поступившее сначала въ вѣдѣніе патріаршаго приказа, а потомъ стала синодальной вотчиной. Въ немъ изстари была таможенная изба; сюда ежегодно присылались изъ Переславля Залѣсскаго бурмистры и цѣловальники изъ посадскихъ людей. Вслѣдствіе недобросовѣстности послѣднихъ въ началѣ XVII столѣтія возникло любопытное дѣло. Присланные изъ Переславля сборщики питейнаго дохода самовольно перевели въ с Покровъ изъ сосѣдней вотчины кн. Прозоровскихъ Малой Покровской Слободки кружечный дворъ и помѣстили его подъ таможенной избой, находившейся вблизи церкви. Это вызвало жалобу въ синодъ обитателей Покрова: „Въ церковныхъ воротахъ,—писали они,—бываетъ завсегда у пьяныхъ людей драка, безчинства и скаредства, которыя и описать не возможно, и женскому полу къ службѣ

---

[1]) Строевъ. Списки іерарховъ и настоятелей монастырей, ст. 714.

Божіей ходить нельзя". Послѣ этого кружечный дворъ увели снова въ Малую Слободку, гдѣ былъ также и винокуренный заводъ [1]). С. Покровъ лежало на большой дорогѣ Московско-Владимірской; за десять лѣтъ до переименованія въ уѣздный городъ посѣтилъ его знаменитый академикъ Екатерининскаго времени Палласъ и называетъ большимъ селомъ. Въ началѣ своего существованія въ званіи уѣзднаго города въ Покровѣ насчитывалось 140 зданій, всѣ деревянныя, жителей 161 человѣкъ.

Всѣмъ городамъ при императрицѣ Екатеринѣ были присвоены особые гербы. Между прочимъ, Переславлю Залѣсскому „данъ (въ 1781 г.) гербъ, котораго медальонъ продолговатый, вверху прямоугольный, а внизу къ срединѣ отъ краевъ востроокруглый и раздѣленъ на двѣ части, въ верхней изображенъ гербъ губернскаго города Владиміра, а въ нижней двѣ золотыя сельди на черномъ полѣ". „Въ знакъ (того),—говорится въ сенатскомъ указѣ,—что сей городъ оною копченою рыбою производитъ торгъ". Составитель указа не погрѣшилъ бы противъ истины, если бы добавилъ, что также въ знакъ того, что переславскія сельди были традиціоннымъ символическимъ кушаньемъ на коронаціонныхъ обѣдахъ великихъ князей и царей московскихъ. Разсматривая гербъ съ этой точки зрѣнія нельзя не признать, что онъ выбранъ довольно удачно. Александровъ получилъ „двѣ наковальни и тиски въ красномъ полѣ въ знакъ множества въ семъ городѣ кузнецовъ"; Киржачъ—„сидящую на пнѣ сову съ распростертыми крылами на зеленомъ полѣ, въ знакъ того, что оныхъ великое множество въ лѣсахъ сей округи находится"; Покровъ—„въ синемъ полѣ двѣ изъ облакъ руки, держащія золотой покровъ, означающій имя сего города"[2]).

Къ каждому изъ четырехъ уѣздныхъ городовъ возникшихъ въ раіонѣ стариннаго Переславль-Залѣсскаго уѣзда была отдѣлена часть его территоріи. Область, находившаяся не дѣлимою въ теченіе пяти съ половиной вѣковъ, со времени вел. кн. Александра Невскаго, раздробилась теперь на четыре части. Передъ введеніемъ областной реформы она, можно считать, заключала въ себѣ площадь около 8½ тысячъ квадр. верстъ. Податное населеніе ея состояло изъ 82039 душъ. Всѣхъ населенныхъ мѣстъ считалось 2032, изъ нихъ помѣщичьихъ селеній 1508, коллегіи экономіи—404, дворцовыхъ и отписныхъ—119 и одинъ городъ. Крестьянскихъ дворовъ было—21800. По выдѣленіи трехъ новыхъ уѣздовъ Переславскій сократился почти втрое По спеціальному измѣренію того времени площадь земли опредѣлена въ

---

[1]) Описаніе докум. и дѣлъ св. синода II, ч. I, № 317; Полн. собр. постан. и распор. Прав., II, № 474.

[2]) Топографич. опис. Влад. губ., Владиміръ. 1906 г.

2984,6 кв. вер.; всѣхъ селеній осталось въ немъ 393; крестьянскихъ домовъ—7658; податного населенія—28701 душа [1]).

Въ самомъ Переславлѣ Залѣсскомъ въ то время было жителей 6132 человѣка, домовъ и всякаго строенія 1281, въ томъ числѣ каменныхъ 29; изъ послѣднихъ кромѣ храмовъ—трактиръ, питейный погребъ, кузница и двѣ фабрики. По сравненію съ другими городами, не только новообразованными, но и со всѣми остальными, не исключая и губернскаго города Владиміра, въ то время Переславль превосходилъ ихъ обширностью размѣровъ, количествомъ населенія и числомъ зданій. Это былъ первый по значительности городъ во Владимірскомъ намѣстничествѣ.[2])

Особое вниманіе останавливаетъ существованіе здѣсь двухъ каменныхъ фабрикъ. Чтобы отъ старинныхъ мѣстныхъ промысловъ дойти до фабричнаго производства потребовалось весьма много времени. Сначала нужно было использовать тѣ естественныя богатства края, добываніе которыхъ началось во времена отдаленнѣйшей старины: рыбу, птицу, звѣря („бобровые гоны"), воскъ, медъ, соль и пр. Съ истощеніемъ этихъ богатствъ и развитіемъ народной жизни появляются различныя заведенія, обработывавшія, главнымъ образомъ,

---

[1]) Слѣдующія села съ принадлежащими къ нимъ деревнями были отчислены въ новые уѣзды: въ ***Александровскій***—Старая Слобода, Рюминское, Егорьевское, Жилино, Лаврово, Годуново, Покровъ, что въ пустошахъ, Павловское, что въ пустошахъ, Бачевка, Кишкино, Ивановское-Холуденево, Горки, Степаново, Мошнино, Каринское, Ямъ, Андреевское-Чуркино, Григоро-Нѣхлово, Дерюзино, Слатино, Гагино, Бужаниново, Титовское, Новинки, Корела, Палиносово, Никульское, Волохово, Далматово, Мякишево, Дуброва, Бакшево, Ананасьево, Андреевское, Новоселка, Ивановское-Соболево, Веска, Никольское, Соколово, Буиаково, Успенское, (Крутецкое тожъ), Макарово, Козлово, Пог. Закубежскій, Малыгино, Подберезье (Ильинское), Пог. Дмитровскій, что въ Дубницахъ, Татариново, Сватково, Шеметово, Никульское, Нушпола, Покровъ, что въ Меленкахъ, Горшково, Каменки, Пог. Троицкій, что на Вытроскъ, Пог. Якиманскій, Пог. Никольскій, что на Дубнѣ, Пог. Благовѣщенскій, что на Дубнѣ, Парѣпово, Хомяково, Выпуково, Зудино, Константиновское, Богородское, Опарино, Кучки, Махра, Махринская Подмонастырская Слобода, Романовское, Рясницыно, Бакино, Зиновьево, Локотково, Ковырево, Ирково, Рождествино, Федоровское, Самарино, Барково:—въ ***Киржачскій***—Борисоглѣбское, Богородское, Ильинское, Аргуново, Воскресенское, Овчинино, Пог. Андреевскій, Паиково, Семино, Кумошь, Пог. Архангельскій на Утроскъ, Козлятево, Никольское-Коробовщина, Данутино, Заболотье, Елецъ, Филипповское, Семеновское-Шуйское, Смольиево, Мячково, Снятиново, Малое Алекспно, Ивановское-Зубово, Нововоскресенское, Стогово, Шарапово:—въ ***Покровскій***—Житенино (Жегулино), Воинова Гора, Новоспасское, Ивановское Прозоровыхъ, Богородское. Остальныя селенія, вошедшія въ составъ этого уѣзда, отдѣлены были отъ Владимірскаго. Въ 1796 г. Киржачскій уѣздъ былъ уничтоженъ и селенія его распредѣлены между Александровскимъ и Покровскимъ. Самый городъ сталъ заштатнымъ и безъуѣзднымъ.

[2]) См. Топографическое описаніе Владимірской губерніи, составленное въ 1784 году, изд. Влад. Арх. Ком., Владиміръ, 1906 года.

предметы производства сельскаго хозяйства. Къ сожалѣнію, послѣдовательно прослѣдить цѣпь развитія этой отрасли, за отсутствіемъ прямыхъ указаній, не представляется возможнымъ. Отрывочныя свѣдѣнія показываютъ, что въ XVII вѣкѣ существовали въ разныхъ мѣстахъ Переславскаго уѣзда винокуренные заводы (напр. въ пустоши Горьево, близъ с. Рюминскаго, въ Малой Покровской Слободѣ и пр.), пивоваренные (въ Александровой Слободѣ), кожевенные, кирпичные (въ Переславлѣ); послѣдніе, нужно оговориться, обслуживали исключительно церковное строеніе. Въ XVIII в. заводское и ремесленное производство достигаетъ большого развитія и свѣдѣнія объ этомъ полнѣе; такъ, въ самомъ Переславлѣ было свыше ста человѣкъ разныхъ ремесленниковъ: иконописцевъ, серебренниковъ, кузнецовъ, портныхъ, шапочниковъ, сапожниковъ, башмачниковъ, рукавичниковъ, оконничниковъ, свѣчниковъ, столяровъ, набойщиковъ, канатниковъ, кожевниковъ, хомутниковъ, телѣжниковъ. Кромѣ того существовали заводы: „солодовеные“, на которыхъ ростили ржаной и яровой солодъ, вырабатывая его на сумму до 900 руб. въ годъ; кожевенные—на нихъ выдѣлывали черной, бѣлой и красной юфти на 3500 руб. въ годъ; крашенинные—на нихъ выбивали набойки и производили разныхъ сортовъ крашенины на 1500 руб. въ годъ; горшечные—гдѣ, кромѣ глиняной посуды, вырабатывали плиты для настилки половъ, на сумму до 1600 руб. въ годъ, кирпичные заводы производили „для употребленія городскихъ жителей“ до 130 тысячъ кирпича.

Къ XVIII же вѣку относится и зарожденіе фабричной промышленности. Начало ея положено Петромъ Великимъ. Въ 1722 г. онъ приказалъ монахинямъ Ѳедоровскаго монастыря, не постриженнымъ дѣвицамъ и вдовамъ „обучаться пряденью нѣмецкой пряжи“ и для этого прислалъ сюда опытныхъ прядъ. Вырабатывавшаяся въ монастырѣ пряжа отсылалась на Екатерингофскій полотняный заводъ. Въ дальнѣйшемъ принимались мѣры къ развитію этого дѣла. Указомъ имп. Екатерины I было приказано, „дабы тѣ монахини, которыя пряденію выучены, не токмо сами того забвенію не предавали, но и другихъ обучали и прилежно въ томъ свой трудъ имѣли—и смотрѣть надъ ними накрѣпко игуменьямъ, и оную пряжу продавать того монастыря служителямъ въ Москвѣ и на мануфактурные дворы надлежащею цѣною и употреблять тѣ деньги на монастырскую и труждающихся монахинь пользу“.[1]) Видимо, вскорѣ появились въ самомъ Переславлѣ такъ называемыя „свѣтелки“, или, иначе говоря, мелкія кустарныя заведенія, имѣвшія по нѣсколько становъ, гдѣ стали вырабатываться полотна на мѣстѣ. Къ половинѣ столѣтія эта отрасль

[1]) Прот. А. Свирѣлинъ. Переслав. Ѳедоров. жен. монастырь. Владиміръ, 1903 г., стр. 28—29.

достигла такого значительнаго развитія, что въ 1758 г. была открыта здѣсь большая полотняная фабрика.[1]) На второмъ десяткѣ лѣтъ своего существованія она имѣла 312 становъ, на ней вырабатывались „полотна фламскія, сорты отъ 12 до 700, равендуки широкія 18 вершковыя, пятисотныя полуфламскія и каламенки".[2]) Въ періодъ времени 1776—1784 г.г. возникла вторая такая же фабрика въ самомъ Переславлѣ и третья—въ уѣздѣ.[3]) Владѣлецъ первой изъ нихъ былъ купецъ Филиппъ Фаддѣевичъ Угрюмовъ, въ 1784 году она принадлежала его сыну коллежскому ассесору Александру Филипповичу Угрюмову. Со времени основанія или впослѣдствіи она стала поссесіонной, т. е. принадлежала казнѣ и славалась въ пользованіе частнаго лица; къ фабрикѣ были приписаны недвижимость и фабричные рабочіе. При такомъ положеніи дѣла владѣльцемъ фабрики было новое лицо—Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ. При немъ и его сынѣ Константинѣ Алексѣевичѣ фабрика достигла наибольшаго расцвѣта, выработка значительно увеличилась, самыя издѣлія отличались большой добротностью, сбытъ ихъ не ограничивался внутреннимъ рынкомъ, а направлялся также въ Китай черезъ Кяхту, гдѣ владѣлецъ фабрики „пріобрѣлъ извѣстность и общее уваженіе произведеніями своей фабрики" [4]). Въ 1847 году фабрика перешла въ частную собственность купчихи Медвѣдевой, просуществовала около 25 лѣтъ и была закрыта. Около того же времени окончила свое существованіе и вторая фабрика, основанная купцомъ Василіемъ Темериным и все время находившаяся во владѣніи его потомковъ.

На первыхъ порахъ, когда насаждалась фабричная промышленность, правительство весьма покровительственно относилась къ ней и поощряло фабрикантовъ всевозможными льготами и привиллегіями. Переславскіе фабриканты, пользуясь этимъ, достигли дворянства: раньше всѣхъ Угрюмовы, затѣмъ Кумянины и наконецъ Темерины. Между прочимъ, предокъ Куманиныхъ былъ крестьянинъ Горицкаго монастыря Василій Куманинъ, которому было видѣніе (до 1653 года) пр. Даніила, „а велѣлъ ему (чудотворецъ) изговорить начальнымъ людемъ, чтобы приходили къ ево гробу и къ образу молебствовали"... „и тотъ крестьянинъ Василій Куманинъ на Москвѣ передъ патріар-

---

[1]) Въ Воен.-стат. обозрѣніи Рос. Имп., т. VI. ч. 2. СПБ., 1852 г., на стр. 263—266, начало фабрики отнесено къ 1688 г.; но ни въ одной изъ городскихъ росписей позднѣйшихъ лѣтъ XVII ст. нѣтъ упоминанія о ней.

[2]) Переславль Залѣсскій, М., 1884 г., стр. 29.

[3]) Принадлежала поручику Ѳедору Ивановичу Карцеву, имѣла 20 становъ; гдѣ находилась, неизвѣстно. (Топографическое описаніе, стр. 37).

[4]) Москвитянинъ, 1841 г. т. I, ст. „Мѣновый торгъ съ китайцами"; Сынъ Отечества, 1848, Іюнь, стр. 22".

хомъ ставленъ и ево Василія велѣно въ монастырѣ постричь“ [1]). Надо полагать, что передъ тѣмъ, какъ взять въ свои руки фабрику, Куманины принадлежали къ переславскому купечеству. Переселились потомъ въ Москву, гдѣ Алексѣй Алексѣевичъ Куманинъ вскорѣ выдвинулся какъ общественный дѣятель и былъ избранъ московскимъ городскимъ головой. Во французскій годъ (1812 г.); пожертвовалъ на ополченіе 50000 руб., имя его вмѣстѣ съ другимъ переславцемъ Кузьмой Васильевичемъ Крестовниковымъ занесено на мраморную доску въ храмѣ Христа Спасителя. Послѣ изгнанія французовъ былъ пожалованъ званіемъ коммерціи-совѣтника. Получили дворянство его дѣти (въ 1827 г.); изъ нихъ Константинъ Алексѣевичъ Куманинъ былъ московскимъ головою во время коронаціи императора Николая I, а Валентинъ Алексѣевичъ Куманинъ—первымъ предсѣдателемъ Биржевого Комитета въ Москвѣ, открывшаго свои дѣйствія въ 1839 году [2]).

Въ другихъ городахъ и уѣздахъ, образованныхъ изъ Переславскаго, черезъ шесть лѣтъ послѣ открытія губерніи, было не мало также разныхъ фабрикъ. Такъ въ Александровскомъ уѣздѣ—полотняная фабрика, 21 суконная и одна бумажная; въ Киржацкомъ—шелковыхъ двѣ, гарусныхъ двѣ, суконныхъ три и одна для выдѣлки листового золота; въ Покровѣ шелковая одна и въ уѣздѣ двѣ полотняныхъ. Разумѣется, начало ихъ относится къ тому времени, когда они входили въ раіонъ Переславскаго уѣзда. Можно судить по одному этому какое большое значеніе имѣло Залѣсье въ XVIII в. въ промышленномъ отношеніи.

Тоже нужно сказать и про торговое его значеніе. За два года до обращенія въ уѣздный Переславль Залѣсскій имѣлъ 61 лавку и харчевню. По указанію оффиціальнаго отчета:

„въ 10 лавкахъ продаются: шелковые и бумажные разныхъ названій товары, сукна, стамеды, байки, платки и всякая для городскихъ обывателей и крестьянства мелочь;

въ 7 лавкахъ продаются: мыло, чулки, рукавицы для крестьянства и шляпы;

въ 2 лавкахъ продаются шапки;

въ 5 лавкахъ продаются: сапоги, башмаки, черевики;

въ 2 лавкахъ продаются: юфть на дѣланіе сапоговъ и башмаковъ;

въ 2 лавкахъ продаются: замки, сковороды, гвозди и прочая желѣзная мелочь;

въ 4 лавкахъ скупаютъ льняной и посконный холстъ;

---

[1]) В. Добронравовъ, Ист. Дан.. монаст., прил., ст. 8.

[2]) Семейная хроника Крестовниковыхъ. Кн. I, М., 1903 года, стр. 18—19.

въ 6 лавкахъ продаются: хомуты, возжи и веревки;

въ 10 лавкахъ продаются: яблоки, орѣхи, пряники, чаи, сахаръ и прочіе плоды и живность и коренная рыба, икра и вязига;

въ 2 лавкахъ продаются виноградные напитки;

въ 6 лавкахъ продается ржаная и пшеничная мука и гречневая и просяная крупа;

въ 15 лавкахъ продается соленое и свѣжее говяжье и баранье мясо;

харчевень 6.

Купеческій промыслъ состоитъ въ торгахъ и разныхъ ремеслахъ. Первостатейные купцы отъѣзжаютъ для торговли въ разные малороссійскіе города и Ригу, туда они возятъ холстъ, крашенину, разныхъ звѣрей мѣхи, изъ Малороссіи въ оборотъ покупаютъ по большей части разныхъ сортовъ табакъ, а временемъ сукна и шелковые товары; другіе отъѣзжаютъ въ Оренбургъ и въ Оренбургскую губернію къ пограничнымъ таможнямъ съ портовыми и Россійскими разныхъ сортовъ товарами и красною кокушионелью, оттуда въ оборотъ покупаютъ разныхъ родовъ звѣриныя недѣланныя кожи и овчинные тулупы, пряденую и непряденую хлопчатую бумагу и прочіе азіатскіе товары; третьи отъѣзжаютъ въ С.-Петербургъ и отвозятъ соленыя и свѣжія мяса и сала, кои тамо продаются на деньги“ [1]).

Самое число купцовъ въ городѣ было весьма велико. Въ 1784 г. ихъ было 1191 муж. и 1171 жен., всего 2362 чел., что составляло болѣе трети всего населенія Переславля. Ни въ одномъ изъ городовъ губерніи не было такого громаднаго состава купеческаго общества, что само собою указываетъ на значительную оживленность торговыхъ операцій въ Переславлѣ. Свое положеніе значительнаго торговаго пункта Переславль сохранялъ издавна, но, видимо, къ концу XVIII ст. это положеніе стало измѣняться къ худшему. Болѣе энергичные и предпріимчивые люди стали покидать его и заводить дѣла въ другихъ мѣстахъ. Въ числѣ такихъ переселенцевъ былъ Кузьма Васильевичъ Крестовниковъ, родоначальникъ нынѣшнихъ Крестовниковыхъ. Предки его были „монастырскіе служебники“ изъ Луговой Слободки, принадлежавшей Данилову монастырю, носили кресты и хоругви въ крестныхъ ходахъ, откуда и получили свою фамилію. Въ XVIII в. немало Крестовниковыхъ было въ переславскихъ купцахъ и мѣщанахъ. Кузьма Васильевичъ молодымъ человѣкомъ переселился въ Москву, гдѣ развилъ значительную торговлю внутреннюю и заграничную: сахаромъ, кофе, пряжей, москательными товарами и пр. Завелъ сахарно-рафинадный заводъ на Щипкѣ и выстроилъ ткацкую

[1]) Переславль Залѣсскій, М., 1884 г., стр. 29.

фабрику подъ Москвою въ имѣніи Поляна. Отличаясь торговою предпріимчивостью и неутомимостью въ работѣ, онъ быстро выдѣлился среди московскаго купечества и нажилъ значительное состояніе. Не смотря на то, что въ 1812 г. сгорѣли и были разграблены его товарные склады въ Москвѣ, не смотря на пониженіе тарифовъ, больно ударившихъ въ то время русскихъ купцовъ по карману, состояніе его и послѣ того было милліонное.

Онъ всю жизнь оставался переславскимъ купцомъ первой гильдіи и, любя Переславль, подарилъ городу каменный домъ для городской думы; пожертвовалъ въ Даниловъ монастырь серебряную раку для мощей пр. Даніила, на которую пошло серебра 6 пудовъ 15 фунтовъ и золота 3 фунта на сумму 42535 рублей ас. Такой щедрый даръ былъ произведенъ имъ по слѣдующему поводу. Возвращаясь съ Ирбитской ярмарки, люди Крестовникова везли вымѣненную китайскую ямбу, слитки серебра, снабженные штемпелемъ китайскаго правительства. Дорогою купеческій обозъ былъ ограбленъ разбойниками, при чемъ послѣдніе перетаскали ямбу въ лѣсъ, сопровождавшихъ же обозъ людей оставили въ живыхъ. Узнавъ отъ нихъ о такомъ несчастіи, Кузьма Васильевичъ принялся энергично хлопотать о розыскѣ погребленнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ далъ обѣщаніе соорудить раку пр. Даніилу, если только найдется серебро. Когда пропажа нашлась, онъ обратилъ ее въ даръ. Но не дожилъ до самаго торжества переложенія мощей, происходившаго 28 іюня 1816 года [1]).

Послѣ Кузьмы Васильевича, умершаго въ званіи коммерціи совѣтника, торговое дѣло Крестовниковыхъ нѣсколько разъ видоизмѣнялось. Съ половины прошлаго столѣтія основанъ былъ въ Казани стеариновый заводъ, разросшійся теперь въ цѣлый городокъ, гдѣ вырабатывается свѣчъ, мыла, глицерина и оленновой кислоты на сумму до семи милліоновъ рублей. Ткацкая Полянская фабрика обращена въ бумаго-прядильную. Фирма носитъ теперь названіе „фабрично-торговаго Товарищества Бр. Крестовниковыхъ“ [2]).

Судьба остального переславскаго купечества въ концѣ XVIII ст. была болѣе проста. Многіе изъ нихъ хотя также переселились въ разныя мѣста, но какъ водится, достигли особенно благопріятнаго положенія далеко не всѣ. Оставшіеся въ Переславлѣ продолжали вести дѣло, при мѣнявшихся условіяхъ русской жизни. Сравнивая торговую дѣятельность послѣднихъ съ тѣмъ, что было раньше встарину, легко замѣтить громадную разницу. Въ XIV вѣкѣ переславскіе купцы

---

[1]) Торжество это подробно описано въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, 1816 г., № 105.

[2]) Семейная хроника Крестовниковыхъ, кн. I, М. 1903 г.

ходили съ товарами „въ поганскіе человѣки, еже зовутъ Югра и Печера, идѣже живутъ Чудь и Самоядь"; въ XVI и XVII в.в. торговали по сѣверному пути въ Вологдѣ и Архангельскѣ съ англичанами, а также со шведами черезъ Новгородъ Великій. Съ начала XVIII вѣка, когда были завоеваны порты на Балтійскомъ морѣ и значеніе Архангельска пало, они перенесли торговлю въ новыя мѣста: на Балтійское море въ Ригу и С.-Петербургъ, что отчасти было продолженіемъ торговли со шведами, въ Малороссію и Оренбургъ. Въ то время, какъ съ Малороссіей всѣ сношенія совершались по грунтовымъ дорогамъ, въ Оренбургъ дорога шла Волгою чрезъ Ярославль.

Хотя значеніе сѣвернаго Бѣломорскаго пути пало, но Московско-Ярославская дорога, на которой находился Переславль, осталась во всей силѣ, какъ наикратчайшая между столицей и р. Волгой. Путь этотъ былъ оживленъ не только въ XVIII столѣтіи, но и до половины минувшаго вѣка. Не одно торговое, но и обычное пассажирское движеніе по нему было значительное. О послѣднемъ свидѣтельствуютъ также довольно частые проѣзды черезъ Переславль Высочайшихъ особъ. Въ 1818 г. проѣзжала здѣсь им. Марія Ѳеодоровна на поклоненіе мощамъ св. Димитрія Ростовскаго. Она останавливалась въ Переславлѣ въ домѣ фабриканта Темерина, послѣ чего пожаловала хозяину брилліантовый перстень, а женѣ его—серьги. Посѣтила здѣсь всѣ монастыри, соборы и приходскую церковь князя Андрея, гдѣ надъ мощами его устроена богатая серебряная рака коммерціи совѣтникомъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ Куманинымъ. [1]) Черезъ пять лѣтъ городъ посѣтилъ проѣздомъ императоръ Александръ I-ый; [2]) въ 1837 г.—императоръ Александръ II, когда былъ еще наслѣдникомъ престола; въ 1850 г. вел. кн. Николай и Михаилъ Николаевичи и наконецъ въ 1858 г. вторично императоръ Александръ II съ государыней императрицей и великою княжною Маріей Александровною.[3])

Особенность Высочайшихъ посѣщеній императора Александра II и великихъ князей состоитъ въ томъ, что они считали своимъ долгомъ, находясь въ Переславлѣ, посѣтить мѣсто близъ с. Веськова, гдѣ Петръ Великій учился кораблестроенію, посмотрѣть на колыбель русскаго флота и обозрѣть сохранившіяся историческія реликвіи. Теперь все имѣло здѣсь другой видъ, чѣмъ во времена создателя русскаго флота, и прежде чѣмъ дойти до настоящаго положенія, пережило печальную превратность судьбы. По роковой случайности двор-

---

[1]) Сынъ Отечества, 1848 г., іюнь, стр. 17.

[2]) Отеч. Зап. 1823 г., № 44, ст. 468 и 1824 г. № 45 ст. 111.

[3]) Влад. Губ. Вѣд., 1858 г., № 50: Изд. А. Мартынова, Переславскій ботикъ Петра Великаго, М., 1872, стр. 26—31.

цовое село Веськово съ царскимъ дворцомъ и всѣми строеніями при преемникахъ Петра I было отдано въ вотчину ротмистру Бутакову.[1]) Одновременно ему же была пожалована Рыбная Слобода. Послѣднюю скоро выкупило дворцовое вѣдомство, хотя она не имѣла уже никакого значенія для царскаго стола и не отправляла больше рыбы ко двору, а Веськово осталось надолго во владѣніи частныхъ лицъ. По прекращеніи рода Бутаковыхъ перешло по наслѣдству къ Нечаевымъ; у нихъ оспаривали права на владѣніе Нелидовы, въ пользу которыхъ въ концѣ концовъ сенатъ рѣшилъ дѣло (въ 1828 г.). Послѣ этого Веськово, вмѣстѣ съ памятниками старины, продавалось съ публичнаго торга. Пріобрѣлъ его (8 апрѣля 1840 г.) коллежскій ассесоръ Иванъ Трофимовичъ Емельяновъ, оставившій самую мрачную память въ исторіи владѣнія с. Веськовымъ. Онъ вырубилъ вѣковыя березы, насаженныя при Петрѣ I-мъ, уничтожилъ разведенный имъ садъ, воспретилъ тамъ народное гулянье въ Петровъ день (29 іюня), построилъ для себя деревянный домъ со службами вблизи зданія, гдѣ хранился единственно уцѣлѣвшій изъ всей флотиліи ботикъ. Оскорбленное такимъ отношеніемъ къ памяти императора Петра владимірское дворянство рѣшило пріобрѣсти у Емельянова Веськово въ свою общую собственность. Нужно сказать еще гораздо раньше этого дворянство стремилось оградить историческіе памятники отъ дальнѣйшаго исчезновенія и съ этою цѣлью выстроило (въ 1803 г.) небольшой каменный музей, куда помѣстило ботикъ „Фортуна“, разныя принадлежности корабельнаго снаряженія и вещи изъ бывшаго царскаго дворца. Впослѣдствіи (въ 1842 г.) была выстроена особая караульня для сторожей изъ отставныхъ матросовъ для охраненія музея. Теперь дворянство (по купчей 11 іюля 1847 г.) стало владѣльцемъ этого историческаго уголка и прекратило дальнѣйшее исчезновеніе и гибель историческихъ памятниковъ. Императоръ Николай I по этому поводу отозвался, что „поступокъ этотъ вполнѣ достоинъ чувствъ Владимірскаго дворянства, какъ Его Величество всегда разумѣлъ оное“.

По описи, составленной (въ 1833 г.) чиновникомъ археографической комиссіи Я. Бередниковымъ, отъ Петровскаго времени сохранилось слѣдующее:

„1. Ботикъ съ остатками старинной оснастки, длиною 9½ арш., шириною 3 арш. 6 верш., высотою 2 арш.“

---

[1]) Историкъ И. Устряловъ полагаетъ, что это было сдѣлано дочерью Петра имп. Елизаветой (Истор. царств. Петра Великаго II, стр. 146), а А. Розовъ (въ ст. „Историческая записка о бывшей въ Переславлѣ Залѣсскомъ флотиліи Петра I“ во Влад. Губ. Вѣд., 1853 г., № 15, стр. 67) считаетъ, что обратила с. Веськово въ частную вотчину 7 декабря 1762 г. имп. Екатерина II. Новаго владѣльца с. Веськова нѣкоторые именуютъ Будаловымъ (Истор.-статистич. описаніе церквей и приходовъ Владим. еп., II, стр. 188).

„2. Вещи, принадлежащія къ оснасткѣ галеръ и яхтъ, какъ-то: мачты, реи и пр.“ [1])

„3. Шесть корабельныхъ разныхъ величинъ якорей и одинъ якорь меньшей величины, вѣроятно, употребляющійся при яхтахъ и ботикахъ“.

„4. Желѣзный котелъ, вышиною 1 арш. 1/2 верш., въ діаметрѣ 2 арш. 3 1/2 верш.“ [2])

„5. Деревянная ступа, вышиною 1 1/2 арш., въ діаметрѣ 8 3/4 верш.“.

„6. Четыре чугунныхъ пушечныхъ ядра“.

„7. Шесть кузнечныхъ мѣховъ“.

„8. Разныя вещи, какъ то: судовые канаты, войлочныя полости, употреблявшіяся для постилокъ на полы въ комнатахъ и судахъ, нѣсколько обыкновенныхъ плотничныхъ инструментовъ, каковы: топоры, пазники, гвозди и пр. желѣзныя жъ заслонки, дверцы и лейки. Два большихъ полуштофа“.

„9. Слюдовыя оконныя рамы, изъ коихъ на четырехъ изображены разноцвѣтными красками разныя человѣческія, также звѣрей и птицъ фигуры, на срединѣ оныхъ изображеніе двуглаваго орла, каждая рама вышиною 1 арш. 14 верш. и шириною 14 верш.“.[3])

„10. Нѣсколько обитыхъ бѣлыми войлоками зимнихъ оконичныхъ ставней, употреблявшихся въ Переславлѣ и называемыхъ тамъ тулками“.[4])

„11. Желѣзный механизмъ большихъ, вѣроятно, бывшихъ на колокольнѣ или на башнѣ боевыхъ часовъ, часовыя колеса, валъ, гири и пр.“.

---

[1]) Въ „Истор. запис. о флотиліи Петра I“ (Влад. Губ. Вѣд., 1853 г. 23 апрѣля, стр. 75) кромѣ того указано: блоковъ большихъ 47, малыхъ 48; рулей деревянныхъ съ желѣзными полосками; 5 мачтъ съ блоками и принадлежащими къ нимъ желѣзными крюками и веревками 18; два флажныя древка съ деревянными яблоками; дубовая корабельная петербалка для вынимания якорей; рѣзной безъ головы левъ, винты снасти съ юнгферами.

[2]) Въ „Истор. запис. о флотиліи Петра I“ обозначено два желѣзныхъ большихъ котла, корабельное точило, 1 печной и 2 трубные заслона, 4 топора, 2 весла, 2 паровика, петель большихъ 11, маленькихъ 9, подставка, цѣпи, закладки, пробой, скобы и кольца.

[3]) Въ „Истор. запис. о флотиліи Петра I“ показано 150 рамъ.

[4]) Въ „Истор. запис. о флотиліи Петра I“ указано 11 зимнихъ втулокъ твердыхъ и 6 ветхихъ; 6 обитыхъ войлоками дверей;

„12. Стоявшій нѣкогда на дворцѣ или какомъ-либо зданіи деревянный, обитый жестью двуглавый орелъ съ короною, нѣкогда позлащенною, вышиною 1 арш. 12 верш., шириною 1 арш. 11 верш.“.

„13. Образныхъ 22 доски (четвертныхъ или по старинному названію пядницъ), на коихъ изображеній отъ времени вовсе не видно“.[1])

Самый значительный по цѣнности изъ перечисленныхъ памятниковъ старины—ботъ „Фортуна“. Изъ всей переславской флотиліи уцѣлѣлъ только онъ одинъ, но и то подлинно не извѣстно: былъ ли онъ выстроенъ въ г. Переславлѣ или перевезенъ сюда изъ Москвы ко дню перваго флотскаго праздника (1 мая 1692 г.). Остальныя же суда, какъ крупныя, поставленныя въ сараяхъ на берегу р. Трубежа, невдалекѣ отъ церкви Знаменія, такъ и мелкія, хранившіяся на берегу озера при дѣловомъ дворѣ, погибли всѣ до одного. Годъ за годомъ старѣли они и гнили. Взыскивать за опущенія и неисполненіе грознаго Петровскаго указа было некому. И въ 70-хъ годахъ XVIII столѣтія, по словамъ оффиціальнаго отчета, „имѣлись подъ сохраненіемъ остатки корабля, яхтъ и галеръ, которые уже всѣ погнили; да... въ с. Веськовѣ при бывшемъ дворцѣ имѣется ботикъ“.[2]) Части сгнившихъ судовъ сгорѣли въ пожаръ 1783 г. и такимъ образомъ остался одинъ только ботикъ, хранившійся подъ надзоромъ крестьянъ с. Веськова. Одно время подымался вопросъ о перевозкѣ его въ С.-Петербургъ. Но съ тѣхъ поръ какъ владимірское дворянство приняло участіе въ сохраненіи его, эта мысль была оставлена.

Сохранивъ, что было можно, дворянство увѣковѣчило память Петра I созданіемъ памятника, поставленнаго на мѣстѣ бывшаго дворца на горѣ Гремячь. Первый камень въ основаніе этого сооруженія положили 17 августа 1850 г. вел. кн. Николай и Михаилъ Николаевичи. Ровно черезъ два года происходило его освященіе. По поводу этого еп. Іустинъ въ своемъ словѣ обращалъ вниманіе присутствовавшихъ на то, „чтобы открываемый памятникъ не былъ предметомъ одного безплоднаго любопытства; но чтобы онъ, напоминая намъ Петра I, научалъ насъ, подобно ему, проходить обязанности своего званія усердно, ревностно и совѣстно, къ славѣ и пользѣ русскаго народа“. Самый памятникъ работы художника Кампіони имѣетъ видъ четыреугольной колонны, высѣченной изъ гранита. На всѣхъ четырехъ сторонахъ выбиты надписи, изъ которыхъ одна гласитъ: „Петру Великому“, на другой воспроизведенъ его указъ 7 февраля 1722 г., на третьей резолюція императора Николая I-го по

---

[1]) Въ „Истор. запис. о флотиліи Петра I“ показано 24 образныхъ доски и двѣ деревянныя колодки для плетенія лаптей.

[2]) Переславль Залѣсскій, М., 1884 г., стр. 28.

поводу пріобрѣтенія дворянствомъ с. Веськова, на четвертой дата времени открытія памятника: „17 августа 1852 г.“.

Изъ дома, принадлежавшаго прежнему владѣльцу Веськова помѣщику Емельянову, дворянство устроило особый павильонъ, въ главномъ залѣ котораго хранятся нѣкоторыя вещи, видимо, находившіяся ранѣе въ Петровскомъ дворцѣ, разрушившемся еще въ XVIII столѣтіи. Здѣсь виситъ портретъ императора Петра I-го, писанный масляными красками, гравированный портретъ Лефорта, по угламъ стоятъ деревянные канделябры и пр. Въ этомъ же зданіи находится небольшая алебастровая модель памятника Петру Великому, поставленнаго въ С.-Петербургѣ на Сенатской площади. По сторонамъ монумента надписи: „Петру I-му Екатерина II“, на другой: „Petro I Catharina II“. Модель стоитъ на деревянномъ пьедесталѣ съ ящикомъ, въ которомъ раньше хранилась книга въ бархатномъ переплетѣ съ слѣдующимъ заглавнымъ листомъ: „Книга, въ которой имянной указъ Его Императорскаго Величества собственной Его Величества руки о храненіи въ Переславлѣ остатки кораблей, яхты и галеры, писанный въ Переславлѣ февраля 7 дня 1722 г., на 8 листу, который полученъ въ бытность въ Переславской провинціи воеводою Стольника князь Семена Федоровича Борятинскаго, и въ сей книгѣ 14 листовъ“. Теперь эта книга хранится въ музеѣ подъ стекляннымъ футляромъ. Въ ней кромѣ собственноручнаго указа императора приложенъ рескриптъ (22 іюля 1743 г.), императрицы Елизаветы переславскому воеводѣ о прекращеніи войны со Швеціей.

Всѣ сооруженія, возведенныя дворянствомъ, существуютъ до настоящаго времени и заботливо охраняются. Самая мѣстность, гдѣ находится дѣдушка русскаго флота, густо покрыта насажденіями, образующими тѣнистый паркъ, съ аллеями изъ березъ, липъ, съ группами рябинъ, орѣшника, съ лужайками и пр. Два раза въ годъ 29 іюня и 17 августа здѣсь происходятъ народныя гулянья; первое въ день тезоименитства Петра Великаго, второе въ день открытія ему памятника.

Нѣсколько ранѣе сооруженія памятника Петру I-му въ Переславлѣ производилось другое сооруженіе. Если первое отвѣчало историческимъ воспоминаніямъ, минувшему славному Переславля, то второе—насущнымъ потребностямъ текущаго момента, а именно: старинный сѣверный путь изъ Москвы на Ярославль изъ грунтового былъ обращенъ въ шоссейный, чего требовала вѣковая неисправность пути. По распоряженію императора Николая I-го подъ полотно дороги была отчуждена лента въ шесть саженъ ширины, при чемъ одна сажень подъ резервы и остальныя пять подъ насыпь Для удобства ѣзды путь былъ болѣе или менѣе выровненъ: въ низкихъ мѣстностяхъ сдѣланы насыпи до 5

саженъ высотою, въ холмистыхъ и гористыхъ мѣстахъ выемки до 3-хъ саженъ. Направленіе между Москвою и Ярославлемъ взято было самое кратчайшее на Троицу, оттуда на Переславль и Ростовъ по мѣстности возвышенной и холмистой. Г. Александровъ остался въ сторонѣ. Московско-Ярославское шоссе было открыто 15 сентября 1849 г. Это было большимъ событіемъ для Переславля, такъ какъ упрочивалось исконное положеніе его при большой дорогѣ и съ оживленіемъ движенія сулило экономическое оживленіе городу, который къ этому времени успѣлъ уже отстать отъ нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ. „Къ сожалѣнію должно сказать,—пишетъ одинъ современникъ,—что Переславль далеко уступаетъ многимъ изъ уѣздныхъ городовъ нашихъ: красоты и изящества вы не встрѣтите въ Переславлѣ, въ немъ очень мало хорошихъ домовъ, большая часть ихъ принадлежитъ къ весьма посредственнымъ“ [1]) Населеніе его состояло изъ 6253 чел., въ числѣ коихъ было купцовъ 230 чел., ремесленниковъ 288 чел., остальные—дворяне, духовные, мѣщане и пр. Домовъ обывательскихъ: каменныхъ—44, деревянныхъ—931: разныхъ зданій: лавокъ—18 каменныхъ, 166 деревянныхъ; магазиновъ соляныхъ, винныхъ и провіантскихъ по одному (деревянные); общественныхъ, монастырскихъ, церковныхъ и казенныхъ 20 каменныхъ и 70 деревянныхъ. Фабрикъ шесть: двѣ полотняныхъ Медвѣдевой и Темерина;—купчихи Поповой, гдѣ вырабатывались фламскія полотна, пестрядь, чешуйка; купца Савалева—миткали и холстинки; купца Гладкова—бумажныя издѣлія канифасы, платки, холстинки; купца Чичелева—бумажныя издѣлія и пр. Заводовъ 13, изъ нихъ: 4 солодовенныхъ, 3 табачныхъ, 2 мѣховыхъ, 1 свѣчной, 1 каретное заведеніе, 1 кожевенное и 1 колбасное. Учебныхъ заведеній пять: три свѣтскихъ и два духовныхъ. Городская больница на 10 кроватей. Городская богадѣльня и пр. [2]).

По сравненію съ прошлымъ временемъ замѣчается рѣзкое уменьшеніе купеческаго сословія, но зато увеличилось число ремесленниковъ, фабрикъ, заведеній. Появились новыя учебныя заведенія и больницы—признаки культурнаго развитія города, который сравнительно съ минувшимъ развивался и шелъ впередъ. Но, какъ замѣчено было выше, другіе города, благодаря разнымъ благопріятнымъ условіямъ, обогнали его въ отношеніи благоустройства и изящества. Устройство шоссе, вызвавшее усиленное движеніе пассажировъ и товаровъ лѣтомъ, давало надежду на лучшее будущее. Между тѣмъ въ Россіи стали примѣняться новые способы передвиженія, которые быстро смѣнили и оставили позади шоссированные пути. Еще въ

---

[1]) Сынъ Отечества, 1848, іюнь, 18.

[2]) Ibid, 1848, іюнь, 18—25.

1837 г. была устроена царскосельская желѣзная дорога,—первая по времени въ Россіи. Вслѣдъ за нею стали строиться другія. Въ 1862 г. началось сооруженіе желѣзной линіи отъ Москвы до Троицы. Это былъ головной участокъ, отъ котораго рельсовый путь постепенно протянулся до Архангельска, т. е. по всему направленію старинной сѣверной дороги. Къ постройкѣ участка отъ Троицы до Ярославля было приступлено въ 1868 г. и казалось неминуемо дорога должна была захватить Переславль, къ чему обязывали и городъ и владѣльцевъ новой дороги обоюдные интересы. Но на дѣлѣ оказалось, что городское управленіе не сумѣло оцѣнить моментъ, а желѣзнодорожники нашли болѣе выгоднымъ провести его на г. Александровъ въ обходъ Переславля Залѣсскаго, въ 21 вер. отъ него. Вмѣсто того, чтобы пересѣчь уѣздъ поперекъ, дорога прошла юго-восточной частью, захвативъ его на протяженіи лишь 32 верстъ. Съ тѣхъ поръ Переславль оказался въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ и остался съ устарѣлыми грунтовыми и шоссейными путями. Мирное это по виду событіе имѣло для Переславля, его уѣзда и города, чрезвычайно крупное значеніе. Достаточно вспомнить, что черезъ всю исторію Переславля красною нитью проходитъ его положеніе какъ придорожнаго города. Еще во времена борьбы Москвы съ Тверью, при Василіи Темномъ и въ послѣдующее время, особенно въ смуту XVII вѣка, Переславль игралъ роль только потому, что лежалъ на большомъ трактѣ. Становясь вдали отъ желѣзнодорожнаго пути, Переславль отрекался отъ всего прошлаго, отъ всей своей исторіи, и, не думая о будущемъ, обратился въ захолустный „богоспасаемый градъ“, оторванный отъ культурнаго міра. Теперь трудно было думать объ экономическомъ преуспѣяніи, какъ это было при проведеніи шоссе. Бездорожье легло съ тѣхъ поръ тяжелымъ бременемъ на городъ и уѣздъ и причинило населенію убытковъ больше, чѣмъ панъ Сапѣга за все смутное время. И кто знаетъ, когда эта ошибка будетъ исправлена. Не обойдется ли она дороже татарской дани. А исправить ее необходимо.

XVI.

Современный Переславль Залѣсскій. Памятники старины: соборы, монастыри, церкви и пр., позднѣйшія строенія. Фабрики. Общій очеркъ города.

Какъ конечный результатъ всей предшествовавшей исторіи современный Переславль Залѣсскій носитъ на себѣ живой отпечатокъ многовѣкового прошлаго. Онъ представляетъ теперь пестрое сочетаніе до-петровской старины съ фабричной современностью и имѣетъ весьма своеобразный обликъ.

Лучшимъ украшеніемъ его остается и въ настоящее время чудное Плещеево озеро, вблизи котораго неизмѣнно со временъ кн.

Юрія Долгорукова онъ занимаетъ первоначальное свое мѣсто. Теперь городъ раскинулся на при-озерной равнинѣ по двумъ направленіямъ: съ юга на сѣверъ вдоль Московско-Ярославской дороги, образующей главную улицу города, и съ востока на западъ по берегамъ р. Трубежа, раздѣляющей его на двѣ части: лѣвую сторону—кремлевскую, въ собственномъ смыслѣ городскую, и правую сторону—торговую. Та и другая сторона соединяются двумя деревянными мостами.

Наиболѣе застроенная и густо населенная часть находится на пересѣченіи Московско-Ярославской дороги и р. Трубежа. Здѣсь мѣстность сравнительно возвышенная и сухая; тогда какъ остальныя части долины имѣютъ нѣсколько болотистый характеръ и заселены слабо. Находясь въ непосредственной связи съ своими предмѣстьями, Переславль занимаетъ ими прилегающія возвышенности: конечнымъ пунктомъ съ юга служитъ Ѳедоровскій женскій монастырь, съ сѣвера—Никитскій мужской; до долинѣ—съ востока по р. Трубежу—фабрика Т-ва Переславской мануфактуры съ ея массивными кирпичными корпусами и трубами, съ запада при самомъ озерѣ—старинная Рыбная Слобода съ береговыми хижинами и развѣшанными передъ ними рыболовными снастями.

Издали городъ производитъ впечатлѣніе большого и краснваго. Первое, что бросается въ глаза каждому подъѣзжающему къ Переславлю, это его монастыри съ бѣлыми стѣнами и величественными храмами, обиліе приходскихъ церквей и среди нихъ фабричные трубы и корпуса. Лѣтомъ въ солнечные дни картина усиливается сверкающей поверхностью Плещеева озера, зеленью деревьевъ и окрестныхъ луговъ.

Вблизи, послѣ того какъ обнаруживаются детали и городъ представляется во всей непосредственности, впечатлѣніе мѣняется. Получаетъ преобладаніе будничная обстановка уѣзднаго города и только памятники старины поддерживаютъ первоначальное впечатлѣніе.

Какъ встарину, такъ и теперь центръ города составляетъ кремль, окруженный массивнымъ землянымъ валомъ. Валъ сохранился очень хорошо; лишь вмѣсто бывшихъ трехъ воротъ устроили четвертый проѣздъ (къ церкви Св. Духа) и пятый образовался на мѣстѣ разрушившагося тайника. Теперь валъ служитъ для самыхъ мирныхъ цѣлей: со стороны проѣздовъ устроены на него чугунныя лѣстницы, по нимъ очень удобно подниматься на валъ и совершать по нему прогулки. Были попытки засадить его деревьями, но успѣха не получилось.

Самая главная достопримѣчательность переславскаго кремля—Преображенскій соборъ, ровесникъ по годамъ городскому валу. Не смотря на то, что въ теченіе многовѣкового существованія его нѣсколько разъ жгли и грабили, особенно во времена татаръ, этотъ

патріархъ сохранился очень хорошо. Не обошлось, конечно, безъ потерь въ частностяхъ, такъ: почти совершенно утрачены карнизныя украшенія, надъ сводами, повидимому, въ позднѣйшее время поставленъ фонарь или трибунъ съ грушевидной главой, тѣмъ не менѣе соборъ остается драгоцѣннымъ памятникомъ русскаго зодчества XII столѣтія. Въ 1891—94 г.г. онъ реставрированъ изнутри въ византійскомъ стилѣ, при чемъ окончательно были уничтоженыпослѣдніе слѣды древнихъ фресокъ, открытыхъ въ куполѣ и другихъ мѣстахъ храма, и обычно относимыхъ въ XV столѣтію [1]). Теперь основной фонъ стѣнъ свѣтло-зеленый, столбы и арки расцвѣчены голубой краской, переходящей въ куполѣ въ небесную лазурь. Въ куполѣ помѣщено поясное изображеніе благословляющаго Спасителя, — по стѣнамъ медальонныя изображенія ангеловъ, греческіе четвероконечные кресты, древнія монограммы имени I. X. и нравственно—догматическія изрѣченія св. писанія, а также разные орнаменты. Тогда же поставленъ одноярусный мраморный иконостасъ, имѣющій лишь двѣ мѣстныхъ иконы Спасителя и Божьей Матери.

По стѣнамъ собора висятъ древнія иконы: „Спаса Всемилостиваго“, „Распятія Господня и семи таинствъ“, „Преображенія Господня“ и „Спаса Нерукотвореннаго“. На первой иконѣ изображенъ Спаситель въ архіерейскомъ одѣяніи, возсѣдающій на престолѣ, по сторонамъ Богоматерь и Предтеча. Эту икону относятъ къ глубокой старинѣ. На второй иконѣ изображенъ Спаситель, распятый на крестѣ, а вокругъ него семь таинствъ, изъ нихъ заслуживаетъ особаго вниманія изображеніе таинства брака. Здѣсь нарисованъ священникъ, благословляющій богато одѣтую чету въ древне-русскихъ одеждахъ. Кромѣ этихъ лицъ рядомъ съ невѣстой изображена немолодая женщина, очевидно, сваха, поддерживающая вѣнецъ на головѣ невѣсты. При женихѣ стоитъ дружка, поддерживающій на немъ вѣнецъ. Въ самомъ низу иконы подписано: „Въ лѣто 7190 (1682 г.) поставилъ сей образъ въ соборной и апостольской церкви Преображенія Спасителя по обѣщанію своему подъячій Никита Ведерницынъ. Писалъ иконописецъ Стефанъ Казариновъ“. Эта икона въ высшей степени интересна въ художественномъ отношеніи, какъ рѣдкій памятникъ русской жанровой живописи XVII столѣтія.[2]) Но гораздо болѣе этой иконы чтится въ Переславлѣ „Спаса Нерукотвореннаго“. По преданію этотъ образъ принесенъ великимъ княземъ Юріемъ Долгоруким изъ Переславля южнаго въ 1152 году и поставленъ надъ городскими воротами. Послѣ того какъ стѣны и ворота Переславской

---

[1]) Арцыбашевъ. Древніе фрески въ С.-Преображенскомъ соборѣ въ Переславлѣ въ „Трудахъ Влад. Губ. Стат. Комитета“, вып. I, 1864 г.

[2]) Шевыревъ. Поѣздка въ Бѣлозерскій монастырь, I, стр. 52.

крѣности были уничтожены, икона перенесена въ соборъ. Во всѣхъ крестныхъ ходахъ ее носятъ во главѣ другихъ святынь.

Другою достопримѣчательностью храма, бывшаго усыпальницей переславскихъ князей, служатъ гробницы, напоминающія собою тѣ отдаленные дни изъ исторіи Переславля, когда онъ былъ самостоятельнымъ удѣльнымъ княжествомъ. Здѣсь покоится прахъ двухъ послѣднихъ князей переславскихъ: вел. кн. Димитрія Александровича, возвысившаго Переславль до столицы земли русской, но вмѣстѣ съ тѣмъ навлекшаго на него цѣлый рядъ тяжелыхъ испытаній, и его сына, кроткаго и благочестиваго внука Невскаго героя, князя Ивана Димитріевича. Есть еще третья гробница, по преданію, поставленная надъ могилой малолѣтняго сына послѣдняго переславскаго князя, но есть предположеніе, что третья гробница принадлежитъ младенцу кн. Маріи, дочери Ярослава Всеволодовича.[1]).

Невдалекѣ отъ Преображенскаго собора находится такъ называемый новый соборъ, обращенный (въ 1764 г.) изъ закрытаго женскаго Срѣтенскаго монастыря. За стѣнами бывшей монастырской ограды находятся двѣ церкви: одна въ честь Срѣтенія Владимірской иконы Божіей Матери, другая во имя благовѣрнаго князя Александра Невскаго. Впереди церквей въ самой оградѣ колокольня, подъ нею ходъ въ ограду. Представляя собою постройку XVIII ст., эти зданія не имѣютъ особыхъ архитектурныхъ достоинствъ, но обычно предпочитаются старому собору и здѣсь именно совершается богослуженіе, въ старомъ же весьма рѣдко и только въ лѣтнее время.

За предѣлами кремля, въ предмѣстьѣ города, расположенъ на горѣ третій городской соборъ—Успенскій, „Пречистая на Горицѣ“, находящійся въ стѣнахъ упраздненнаго Горицкаго монастыря. Время первоначальнаго основанія собора не извѣстно; въ настоящемъ же своемъ видѣ онъ существуетъ со времени переславской епархіи и такъ какъ ремонту подвергался сравнительно мало, то сохранился до настоящаго времени довольно близко къ первоначальному виду, какъ былъ при послѣднихъ переславскихъ епископахъ. Вмѣстѣ съ пристроенными къ нему придѣлами представляетъ собою величественное зданіе, наружной красотѣ котораго соотвѣтствуетъ внутренняя величавость и выдержанная стильность. Сохранился прекрасной работы иконостасъ съ рѣзными украшеніями въ стилѣ рококо. Въ алтарѣ замѣчательное горнее мѣсто, съ архіерейскимъ сѣдалищемъ, къ которому ведетъ семь ступеней. По сторонамъ отъ него устроены сѣдалища для священниковъ, возвышающіяся отъ пола на три ступени и отдѣленныя деревянною позолоченною рѣшеткою.

---

[1]) Труды Влад. Уч. Арх. Ком., кн. IV, ст. 23, пр. I; кн. X, стр. 10—11.

Обращаетъ вниманіе икона Успенія Божіей Матери, писанная, по преданію, въ XIV вѣкѣ; внизу кіота подпись: „Образъ сей остался послѣ обветшанія стариннаго иконостаса, бывшаго еще при архимандріи въ Горицкомъ монастырѣ, когда московскаго князя Димитрія Іоанновича Донского, супруга Евдокія Димитріевна, столь украсила всю обитель, что около временъ пр. Димитрія Прилуцкаго, въ сей обители постриженнаго и постившагося, именовалась лаврою Горицкою". Служба здѣсь бываетъ только лѣтомъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Зимою же богослуженіе совершается въ Богоявленской церкви, находящейся подъ колокольней. Въ третьей, сохранившейся до нашего времени, церкви св. Николая, находящейся надъ воротами, служба бываетъ въ храмовые праздники.

Изъ этихъ трехъ церквей нѣсколько лучше сохранился Успенскій соборъ и гораздо менѣе ихъ Никольская церковь. Снаружи и особенно изнутри она потерпѣла настолько сильныя измѣненія вслѣдствіе разныхъ передѣлокъ, что утратила почти совсѣмъ свое художественное значеніе. Это тѣмъ обиднѣе, что вмѣстѣ съ монастырскими воротами относится къ выдающимся образцамъ древне-русскаго зодчества средины XVII ст.

Самыя монастырскія ворота, не имѣющія себѣ равныхъ по богатству архитектуры не въ одномъ только Переславлѣ и потому неоднократно описывавшіяся и изображавшіяся въ разныхъ изданіяхъ,[1]) много утратили украшеній послѣ уже послѣднихъ снимковъ и вмѣстѣ съ монастырской стѣной постепенно разрушаются дальше. Время неустанно дѣлаетъ свое дѣло, суля въ будущемъ полную гибель этимъ памятникамъ нашего стариннаго искусства.

Здѣсь наблюдается тотъ же процессъ и то же безсиліе спасти старину, что и въ отношеніи флотиліи Петра Великаго. „Краса и свѣточъ Переславля" Горицкій монастырь оказался въ одной участи съ нею. Вслѣдъ за закрытіемъ епархіи онъ сталъ лишнимъ и не находилось любящей руки, которая старалась бы охранять его отъ гибели. Этому немало способствовало еще и то обстоятельство, что въ бывшемъ монастырѣ первое время оказалось два хозяина: соборное духовенство и свѣтское начальство. Послѣднему отданы были подъ присутственныя мѣста бывшій архіерейскій домъ и другія зданія. Лишенныя всякой поддержки они быстро пришли въ упадокъ и дѣло дошло до того, что въ 1812 г. вмѣстѣ съ Геѳсиманіею, за исключеніемъ церквей, продавались на сломъ. Ихъ купилъ съ торговъ купецъ

---

[1]) Рихертомъ въ „Памятникахъ древн.-рус. зодчества", Потаповымъ въ „Древностяхъ" Моск. Арх. О-ва и др.

Найдышевъ; у него, впрочемъ, не поднялась рука сломать ветшавшее зданіе Геѳсиманіи и онъ пожертвовалъ его въ пользу собора.

Просуществовало оно въ видѣ руинъ еще около семидесяти лѣтъ и наконецъ было сломано (въ 1881—82 г.г.), послѣ того какъ рѣшено было перевести сюда изъ Данилова монастыря духовное училище. Для надобностей его были уступлены соборнымъ духовенствомъ всѣ зданія Горицкаго монастыря за исключеніемъ собора и церквей, остающихся и теперь въ его вѣдѣніи. Работу по постройкѣ начали съ уничтоженія Геѳсиманіи, изъ разрушенныхъ стѣнъ которой наготовили 557 тысячъ кирпича, 7290 шт. бѣлаго камня, множество щебня, мусора, желѣза, всего на сумму около пяти съ половиной тысячъ рублей. Такъ погибло самое грандіозное зданіе, какое когда либо видѣлъ Переславль. „Лавриневъ", воспѣтый въ XVIII столѣтіи, исчезъ окончательно. „Горицы, нѣкогда краса и свѣточъ Переславля,—говоритъ гр. Шереметевъ, нынѣ—безмолвная развалина, не сохранившая даже своего пепла".

Бывшій архіерейскій домъ съ церковью въ честь Всѣхъ Святыхъ съ сентября 1883 г. приспособленъ подъ классы и общежитіе духовнаго училища. Въ связи съ этимъ зданіемъ выстроенъ вновь двухъэтажный флигель для квартиръ смотрителя и его помощника. Постройка обязана своимъ осуществленіемъ, главнымъ образомъ, покойному смотрителю училища протоіерею Александру Ивановичу Свирѣлину, извѣстному своими многочисленными работами археологическаго и историческаго характера, преимущественно о Переславлѣ.[1])

Вслѣдъ за соборами служатъ памятниками старины переславскіе монастыри, сохранившіеся съ тяжелаго для нихъ 1764 г. въ томъ самомъ числѣ, какъ это было установлено штатами: Никитскій, Даниловъ, Ѳедоровскій и Никольскій. Всѣ они находятся въ ближайшихъ окрестностяхъ, а Никольскій въ самомъ городѣ.

Древнѣйшій изъ нихъ Никитскій мужской третьеклассный монастырь изстари богатъ многими каменными зданіями, заключенными въ массивной каменной оградѣ съ шестью башнями. Ограда, построенная еще при Грозномъ, во время литовскаго разоренія мѣстами была попорчена, но въ 1643 году снова возстановлена. Съ нѣкоторыми измѣненіями она сохраняется съ того времени. Стоявшія ранѣе на башняхъ пушки поставлены теперь при входѣ въ монастырь. Главная достопримѣчательность монастыря—соборъ во имя великомученика Никиты, построенный Иваномъ Грознымъ и освященный въ его присутствіи въ 1564 г. Во время многовѣкового существованія храма архитектура его подверглась измѣненіямъ отъ разныхъ поправокъ и

---

[1]) Перечень ихъ во Владимірскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ 1901 г., № 3, стр. 126—127.

передѣлокъ: еще въ XVIII ст. вмѣсто небольшихъ оконъ были пробиты большія; иконостасъ сдѣланъ новый, написаны новыя иконы; сводъ на паперти уроненъ и сдѣланъ вновь деревянный; живопись мѣнялась ни одинъ разъ и существующая теперь писана въ концѣ XIX ст. художникомъ Сафоновымъ. Тѣмъ не менѣе, хотя и лишенный стильности, храмъ остается величественнымъ сооруженіемъ старины, сохранившимъ свои основныя черты. Главная святыня его—рака надъ мощами пр. Никиты Столпника, серебряная чеканная; находится у праваго клироса. При ракѣ вериги преподобнаго съ тремя тѣльными желѣзными крестами. У праваго же клироса двѣ вышитыя золотомъ и шелками хоругви, даръ первый супруги царя Ивана, Анастасіи Романовны. Съ правой стороны алтаря придѣлъ во имя пр. Никиты Столпника, а кругомъ церкви—паперти, устроенныя царемъ Иваномъ IV.

Вторая монастырская церковь—Благовѣщенская, современница соборному храму, внутри передѣлана совершенно. Встарину она была большихъ размѣровъ трапезною церковью, имѣвшею два придѣла: одинъ во имя Іоанна Лѣствечника, другой во имя Ѳеодора Стратилата. Давно не существуетъ теперь ни того, ни другого; самая трапеза сокращена на половину и обращена подъ настоятельскія кельи. Въ оставшейся части трапезы увеличены окна, устроенъ новый иконостасъ, обновлены иконы и т. д. Изъ памятниковъ старины остались храмовыя иконы Благовѣщенія Пресвятой Богородицы и пр. Никиты, послѣдняя шита на голубой камкѣ шелками и золотомъ—даръ царицы Анастасіи Романовны.

Въ монастырѣ двѣ колокольни: одна построенная Грознымъ и поправленная послѣ смутнаго времени на средства царицы Маріи Ильиничны, другая выстроена въ 1818 г. надъ святыми воротами обители. Прежняя колокольня стоитъ теперь безъ всякой надобности, лишенная колоколовъ. Всѣ они перевѣшаны на новую колокольню, построенную арх. Лаврентіемъ „для достиженія благолѣпія обители". Не имѣя наличныхъ средствъ для возведенія постройки архимандритъ просилъ разрѣшенія епархіальнаго начальства продать изъ монастырской ризницы старинное серебро: водосвятную чашу, двѣ пивныя кружки, три подноса и чарки. Такъ казалось ему необходимымъ сдѣлать новую постройку. Но разрѣшена была другая операція: сломать старыя зданія—каменную братскую трапезу, двѣ кельи, погребъ, поварню и упраздненную надъ святыми воротами церковь. На полученныя такимъ страннымъ путемъ средства и была создана главная колокольня, не имѣющая при этомъ рѣшительно никакихъ архитектурныхъ достоинствъ сравнительно съ прежней,

Невдалекѣ отъ старой колокольни каменный столпъ, находящійся на мѣстѣ древняго, выкопаннаго пр. Никитою столпа („ископа себѣ

столпъ,--говорится въ житіи,—по благословенію отца своего и въ немъ сѣдъ ископа стезю узку подъ стѣну церкви, ею же на молитву прихождаше"), въ которомъ онъ подвизался и былъ потомъ убитъ. Въ теченіе многовѣкового существованія монастыря столпъ подвергался разнымъ передѣлкамъ и въ настоящемъ своемъ видѣ существуетъ съ 1755 года. Представляетъ собою круглую часовню, внутри которой помѣщенъ каменный столпъ; подъ нею въ землѣ каменная келья. Стѣны столпа и окружающей его галлереи изнутри расписаны картинами изъ жизни пр. Никиты. Приходящіе сюда богомольцы надѣваютъ на себя вериги и кладутъ на голову камень, съ которымъ обходятъ столпъ. Раньше здѣсь была каменная шапка „камня бѣлаго четыреугольная и на ней сверху рѣзьба простого мастерства гранено, а по сторонамъ крестовая въ клѣткахъ, а въ ней вверху значитъ пятно черное, а по сторонамъ золощено". Такъ какъ шапка эта пользовалась у суевѣрныхъ людей почитаніемъ за то, что она яко бы дѣло рукъ преподобнаго, то по синодскому распоряженію была взята (въ 1735 г.) въ Московскую синодальную канцелярію и гдѣ находится теперь, не извѣстно [1]).

Въ верстѣ отъ монастыря Черниговская часовня, построенная на мѣстѣ исцѣленія кн. Михаила Черниговскаго. Встарину она была весьма похожа на Собиловскую часовню, принадлежащую Ѳедоровскому монастырю: такъ же какъ и тамъ надъ крестомъ стоялъ шатровый верхъ на четырехъ бочкообразныхъ столбахъ. Крестъ и часовня пришли въ ветхость и въ 1702 г. дозволено было построить новую каменную часовню, послѣ этого и возникла существующая теперь, впрочемъ, довольно бѣдная въ архитектурномъ отношеніи.

Недалеко отъ монастыря, вблизи с. Троицкой Отхожей Слободки, до конца прошлаго столѣтія стояла на Ярославской дорогѣ „часовня каменная верхъ шестранъ", какъ значится по описи 1701 г. По преданію часовня эта выстроена въ память заключенія мира между переславцами и суздальцами, а вѣрнѣе, какъ можно догадываться, ростовцами. Начало ея такимъ образомъ относится къ XII—XIII ст. Во время жаркаго лѣта часовня отъ ветхости упала и разсыпалась въ прахъ.

Троицкій Даниловъ мужской второклассный монастырь въ настоящемъ видѣ безъ особыхъ измѣненій, по крайней мѣрѣ наружныхъ, существуетъ со времени кн. Барятинскаго съ конца XVII ст. Но есть зданія и болѣе древняго времени. Это Троицкій соборъ, построенный великимъ княземъ Василіемъ III. Первоначально при соборѣ съ южной стороны находился придѣлъ „Усѣкновенія Главы Іоанна Крестителя", въ память тезоименитства духовнаго сына игу-

---

[1]) Опис. докум. и дѣлъ св. синода, XV т., № 371.

мена Даніила, царя Ивана Грознаго. Со временемъ придѣлъ этотъ былъ нарушенъ, а въ 1660 г. устроенъ новый во имя пр. Даніила, существующій по настоящее время. Не смотря на позднѣйшія передѣлки, храмъ сохранилъ свою прежнюю архитектуру. Но стѣнамъ его живопись, альфреско 1668 г., съ картинами изъ Апокалипсиса, составляющая въ настоящее время самое лучшее украшеніе собора. Иконостасъ работы XVIII ст.; иконы большею частью древнія, но съ поновленіями, или же заново переписаны; клиросы новые. Къ собору пристроена паперть, чего первоначально онъ не имѣлъ.

Придѣлъ пр. Даніила находится съ лѣвой стороны храма и соединяется съ нимъ посредствомъ арки, пробитой въ стѣнѣ. Въ этомъ мѣстѣ на возвышеніи стоитъ богатая серебряная рака мощами преподобнаго, устроенная коммерціи совѣтникомъ Крестовниковымъ. На ней слѣдующія надписи:

I.

„Угодниче Христовъ, Блаженный Даніилъ!
Ты честности примѣръ намъ жизнію явилъ:
Отрекшись благъ земныхъ, къ небеснымъ прилѣпился,
Средь бурь, средь подвиговъ непоколебимъ явился;
Въ молитвѣ и трудахъ всю жизнь свою провелъ,
Нетлѣнный тѣмъ вѣнецъ на небеси обрѣлъ;
Споспѣшествуй и намъ расторгнуть сѣти міра,
Чтобы духомъ воспарить, какъ ты, въ края эфира“.

II.

„Великимъ за труды плетутъ вѣнки лавровы;
Но что воздать тому, кто подвиги суровы
Рѣшился перенесть, окончилъ ихъ, и вдругъ
По горькихъ опытахъ вручаетъ Богу духъ?
Чѣмъ должно ублажать тебя, душа святая,
Сердечный фиміамъ тебѣ здѣсь воскуряя,
Сожителю небесъ?! Се отъ лица любви
Приносимъ перстный даръ; отъ насъ его прими,
И буди вождь ты намъ, у Бога заступленье,
Будь радость для сердецъ, будь царства огражденье!“.

Внутреннее убранство придѣла пр. Даніила самое обычное современное: иконостасъ и живопись сдѣланы недавно. За лѣвымъ клиросомъ въ богатомъ кіотѣ Тихвинскій чудотворный образъ Божіей Матери, по преданію, принесенный пр. Даніиломъ изъ Боровского Пафнутьева монастыря, гдѣ преподобный принялъ постриженіе.

Другая монастырская церковь—во имя Похвалы Божіей Матери, теплая съ трапезой и придѣломъ во имя пр. Сергія. Построена въ 1696 г. кн. Барятинскимъ; первоначально была богато украшена живописью, цѣнною утварью и иконами, но все это погибло во время пожаровъ въ 1720 и 1749 г.г. Впослѣдствіи возстановлена, но опять нѣсколько разъ передѣлывалась и въ послѣдній разъ храмъ украшенъ заново безъ всякихъ остатковъ старины: стѣны обдѣланы подъ мраморъ, иконостасъ устроенъ легкій по современнымъ рисункамъ, живописи нѣтъ. Эта церковь находится въ связи съ настоятельскими кельями и расположена во второмъ этажѣ зданія Въ нижнемъ же этажѣ помѣщаются кельи для братіи, поварня кладовая и пр.

Третья церковь во имя Всѣхъ Святыхъ, при бывшей монастырской больницѣ, построена въ 1687 г., на мѣстѣ древней деревянной церкви, сооруженной пр. Даніилomъ. Подъ нею устроена выложенная кирпичемъ пещера, въ которой, по преданію, молился пр. Даніилъ, слушая черезъ окно церковныя службы. Долгое время церковь была училищною, но съ переводомъ духовнаго училища въ Горицкій монастырь, снова поступила во владѣніе монастыря вмѣстѣ съ бывшимъ зданіемъ училища. Въ концѣ XIX ст. внутри она отдѣлана заново въ современномъ вкусѣ.

Монастырская колокольня—шатровая, построена кн. Барятинскимъ въ 1689 г. Въ среднемъ ярусѣ ея помѣщается ризница и важнѣйшая часть архива.

Монастырь окруженъ каменной стѣной, идущей по горѣ уступами. Въ стѣнѣ величественныя св. ворота и двѣ башни, изъ коихъ въ одной колодезь, по преданію, выкопанный пр. Даніиломъ.

За монастырской оградой находится каменное зданіе странно-пріимницы для богомольцевъ и церковно-приходской школы.

Ѳедоровскій женскій монастырь, подобно переславскимъ мужскимъ обителямъ, также заключаетъ въ себѣ памятники старины. Главная соборная церковь, во имя Ѳеодора Стратилата, существуетъ со временъ Грознаго. Встарину имѣла придѣлъ ап. Ермія и колокольницу, уничтоженную въ началѣ XVIII ст. Она вошла въ связь съ папертями, а колокольня построена отдѣльно отъ храма (1704 г). Въ то же время измѣнены въ немъ первоначальныя окна и двери: однѣ задѣланы, другія пробиты шире, двери уменьшены. Въ 1886 г. паперти передѣланы вновь по рисунку, одобренному московскимъ археол. обществомъ. Иконостасъ и живопись первой половины XIX столѣтія. На престолѣ серебряное чеканное одѣяніе. Изъ иконъ замѣчательна мѣстная храмовая икона Ѳеодора Стратилата, письма древняго, но поновленнаго.

Теплая церковь во имя Введенія во храмъ Божіей Матери встарину находилась въ западномъ углу монастыря и два раза была передѣлана еще въ XVII ст. Существующая теперь церковь построена заново въ 1710 г. царевной Натальей Алексѣевной, но не сохранила прежняго внутренняго убранства. Иконостасъ и живопись недавняго происхожденія.

Третья церковь во имя Казанской иконы Божіей Матери построена въ 1714 г. царевной Натальей Алексѣевной вблизи бывшихъ больничныхъ келій. Во второй половинѣ XVIII ст. послѣднія сгорѣли и потомъ были разобраны. Богослуженіе совершается въ церкви только въ храмовые праздники.

Монастырь обнесенъ каменной оградой съ башнями, устроенной въ 1681 г. За оградой монастырская гостинница.

Въ четырехъ верстахъ отъ монастыря по московскому шоссе—часовня-портикъ, поставленная, по преданію, на мѣстѣ рожденія царя Ѳедора Ивановича. Такъ какъ древняя часовня пришла въ ветхость, то въ 1889 г., по порученію С.-Петербургскаго археологическаго О-ва, она возсоздана была заново во всей ея неприкосновенности археоло́гомъ-академикомъ г. Сусловымъ.

По сравненію съ мужскими обителями Ѳедоровскій монастырь находится въ цвѣтущемъ состояніи. Въ то время какъ самый многолюдный изъ нихъ Даниловъ насчитываетъ въ своихъ стѣнахъ человѣкъ 20 монашествующихъ, здѣсь содержится до 400 монахинь и послушницъ. Монастырь имѣетъ три филіальныхъ отдѣленія, называемыхъ пустынями: Алексѣевскую, Воскресенскую и Берендѣевскую. Первая находится недалеко отъ с. Выползовой Слободы, вторая вблизи „Ботика", третья при ст. Берендѣево Сѣверныхъ ж. д. Первыя двѣ построены среди значительныхъ земельныхъ угодій, полученныхъ монастыремъ въ даръ отъ разныхъ лицъ, ведутъ большое хозяйство. Каждая изъ нихъ имѣетъ храмы, кельи и представляетъ собою небольшой монастырекъ; двѣ первыхъ обнесены оградами. Кромѣ полевыхъ и другихъ сельско-хозяйственныхъ работъ, сестры, проживающія въ пустынькахъ и главнымъ образомъ въ монастырѣ, занимаются самыми разнообразными рукодѣліями: ткутъ половики и ковры, шьютъ гладью и золотомъ, вышиваютъ хоругви и иконы, шьютъ ризы, бѣлье, обувь, переплетаютъ книги и т. д. При монастырѣ и пустынькахъ четыре церковно приходскихъ школы.

На пути къ подобному же преуспѣянію находится Николаевскій или Никольскій монастырь, что на болотѣ, обращенный съ 1898 г. въ женскій. Передъ переименованіемъ монастырь насчитывалъ въ своихъ стѣнахъ всей братіи шесть человѣкъ вмѣстѣ съ настоятелемъ. Въ монастырскихъ зданіяхъ наблюдался полный упадокъ и запустѣніе. Теперь представляется совсѣмъ другая картина. Въ обители находятъ пріютъ

свыше ста монашествующихъ сестеръ. Монастырь высматриваетъ обновленнымъ, вездѣ опрятность, чистота и то именно благолѣпіе, которое встрѣчается только въ женскихъ обителяхъ

Не смотря на свою давность, монастырь уступаетъ другимъ переславскимъ обителямъ въ отношеніи памятниковъ старины, такъ какъ по своей бѣдности позднѣе другихъ монастырей приступилъ къ постройкѣ каменныхъ зданій. Главный монастырскій храмъ во имя святителя Николая строился 40 лѣтъ, съ 1680 г. по 1721 г. Доведенъ былъ до конца только благодаря пожертвованіямъ московскихъ купцовъ Обуховыхъ. Имѣетъ два придѣла: одинъ во имя пр. Димитрія Прилуцкаго, основателя монастыря, и другой—во имя пр. Герасима. Внутри храмъ недавно отремонтированъ заново въ современномъ стилѣ. Изъ остатковъ старины здѣсь обращаютъ на себя вниманіе: старинный чудотворный образъ святителя Николая и запрестольный Корсунскій крестъ. Этотъ рѣдкій археологическій памятникъ имѣетъ четырехъ-конечную форму, обложенъ по дереву мѣдными позолоченными листами, украшенъ круглыми серебряными ковчежцами съ частицами св. мощей, съ коронами и цвѣтными камнями, лицевая сторона обнизана жемчугомъ. Полагаютъ, что онъ принесенъ въ Ростовско-Суздальскую землю изъ Кіева въ концѣ X или началѣ XI в., а въ монастырь—въ XVII столѣтіи.[1])

Теплый храмъ во имя Благовѣщенія Божіей Матери двухъ-этажный. Выстроенъ въ 1748 г. вмѣсто сгорѣвшей Казанской церкви. Подвергался много разъ передѣлкамъ; въ послѣднее время расширенъ устройствомъ двухъ придѣловъ; находится во второмъ этажѣ, подъ нимъ кельи и другія помѣщенія.

Совершенно отдѣльно отъ соборовъ стоитъ шатровая колокольня, построенная въ 1693 г. Вслѣдствіе болотистой почвы она осѣла и готова была обрушиться, но въ 1899 г. починена и возстановлена въ первоначальномъ видѣ.

Монастырь окружаетъ каменная ограда съ четырьмя башнями, выстроенная въ 1761 г. Надъ св. воротами церковь во имя ап. Петра и Павла..

Заканчивая описаніе современныхъ монастырей г. Переславля Залѣсскаго, нельзя не вспомнить слѣдующихъ словъ проф. Шевырева, высказанныхъ имъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ при посѣщеніи Переславля: „Грустью отозвалось мнѣ въ сердцѣ,—говоритъ онъ,—слово поусердствовали, которое я нерѣдко слыхалъ въ монастыряхъ и древнихъ нашихъ храмахъ. Конечно, никто не осмѣлится порочить благочестивыхъ побужденій въ такомъ священномъ дѣлѣ; но если

---

[1]) Труды Влад. Арх. Ком., II, ст. 1—20. Прот. Свирѣлина „Древній запрестольный крестъ въ г. Переславлѣ Залѣсскомъ".

хотите построить или украсить храмъ Богу, то зачѣмъ же непремѣнно вамъ надобно разорить для того или заново измѣнить какое нибудь зданіе, которое служитъ памятникомъ молитвы вашихъ предковъ и прожило нѣсколько столѣтій? Вы строите въ XIX вѣкѣ: архитектура храма должна отвѣчать новымъ потребностямъ времени. Еще ужасно видѣть, какъ рука новаго живописца размазываетъ на древнихъ иконахъ свои новыя, румяныя и дебелыя изображенія, въ которыхъ самоуслаждается его развитая личность. Да неужели же нѣтъ для того простого дерева? Зачѣмъ же надобна непремѣнно для такихъ подвиговъ древняя икона, на которой печать вѣковъ? Великій художникъ, конечно, не совершитъ такого святотатства, и совершить его можетъ одинъ невѣжда".[1]) Трудно не согласиться съ этими правдивыми словами. Сколько погибло безвозвратно памятниковъ старины по такимъ, по виду, самымъ законнымъ побужденіямъ, какъ благочестивое усердіе и желаніе видѣть ветшающій храмъ Божій въ благолѣпномъ видѣ. Но оказывается, одного благочестиваго желанія мало. Необходимо вмѣстѣ съ тѣмъ глубокое уваженіе къ старинѣ и самое бережное отношеніе къ ней. Но какъ мало видѣла такихъ реставрацій переславская старина: возстановленіе Собиловской часовни едва ли не единственный примѣръ подобнаго рода.

Тѣмъ не менѣе, не смотря на всю совокупность неблагопріятныхъ условій охраненія древностей, переславскіе монастыри заслуживаютъ полнаго вниманія со стороны всѣхъ, сколько нибудь интересующихся своей страной, ея исторіей и искусствомъ. Не мало еще осталось въ нихъ драгоцѣнной старины, требующей изученія и дальнѣйшей поддержки. Монастырскія ризницы хранятъ дивные образцы стариннаго шитья. Монастырскія кладбища—этотъ переславскій Некрополь, не смотря на синодскій указъ объ уничтоженіи надгробныхъ плитъ,[2]) сохраняютъ на своихъ надгробіяхъ ряды именъ, имѣющихъ значеніе не для одного только Переславля. Здѣсь погребены представители множества дворянскихъ родовъ: кн. Барятинскіе, Яновы, Курзаковы, Малово и др., епископы: Павелъ (Подлипскій), Лаврентій (Бакшевскій), арх. Григорій, въ мірѣ прот. Иванъ Нероновъ, извѣстный противникъ патр. Никона, вице-адмиралъ Степанъ Петровичъ Хметевской, военный писатель XVIII ст., Ягужинская, жена Петровскаго генералъ-прокурора; ген. отъ инфантеріи Гавріилъ Петровичъ Самсоновъ и др. Монастырскіе архивы, затронутые въ незначительной части, заключаютъ въ себѣ богатый матеріалъ для исторіи края. „Исторія Переяславскихъ монастырей,—говоритъ А. А. Титовъ,—одна изъ самыхъ интересныхъ и содержательныхъ. Въ синодскихъ, консисторскихъ и другихъ архивахъ найдется не мало бытовыхъ сторонъ

---

[1]) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, стр. 53.

[2]) Описс. док. и дѣлъ св. Синода, т. II, ч. I, № 470.

не только древне-русской жизни, но и неособенно отдаленной отъ нашего времени".[1])

Переславль богатый своими монастырями, еще болѣе богатъ изстари многочисленными приходскими церквами. Первоначально всѣ онѣ были деревянныя, но уже въ XVI вѣкѣ появляется каменная приходская церковь (св. митр. Петра). Въ тяжелый XVII вѣкъ не было выстроено здѣсь ни одной каменной церкви, но зато въ слѣдующемъ столѣтіи происходило такое усиленное строительство, что за самыми малыми исключеніями возникли тогда почти всѣ существующіе теперь переславскіе каменные храмы. Въ настоящее время ихъ 22. Такое обиліе храмовъ, показателей древняго благочестія, можно встрѣтить во Владимірской губерніи развѣ въ одномъ г. Суздалѣ, такомъ же небольшомъ древнемъ городѣ. Большинство ихъ находится въ торговой части Переславля, расположенной на правомъ берегу р. Трубежа.

Церковь Богословская построена вмѣсто деревянной въ 1789—1796 г.г.; внутреннее убранство новое; въ концѣ минувшаго столѣтія по стѣнамъ украшена превосходными копіями съ картинъ извѣстныхъ художниковъ.

Церковь Вознесенская обращена въ приходскую въ 1724 г., а до того времени принадлежала дѣвичьему монастырю; существующая теперь каменная построена не позднѣе первой половины XVIII ст.; вслѣдствіе передѣлокъ наружный и внутренній видъ ея значительно измѣненъ. Изъ предметовъ старины обращаетъ на себя вниманіе старинная икона Вознесенія Господня, писанная въ 1693 г. Яковомъ Хабаринымъ [2]), и др. Къ Вознесенскому приходу относится подгородная Грачковская Слобода (Докука). При этой церкви состоялъ священникомъ съ 1842—1869 г.г. о. Николай Максимовичъ Меморскій, первый занявшійся детальнымъ описаніемъ переславской старины. Свои статьи онъ печаталъ во Владимірскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ [3]).

Златоустовская построена вмѣсто деревянной въ 1803—1820 г.г.

Знаменская, что при корабляхъ; встарину именовалась Предтеченскою, въ честь Рождества Іоанна Предтечи, и первоначально была деревянной, выстроена вел. кн. Евдокіей, супругою вел. кн. Димитрія Донского, въ память избавленія отъ татарскаго плѣна. Существующій каменный храмъ построенъ въ 1788 г. Названіе „при кораб-

---

[1]) Рус. Архивъ. 1902 г., т. I, ст. 350.

[2]) Влад. Губ. Вѣд. 1854 г. № 42 и 1885 г. № 43.

[3]) А. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владим. губ. III, стр. 108—115.

ляхъ“ появилось послѣ того, какъ на берегу р. Трубежа близъ церкви хранились суда Петровской флотиліи.

Ильинская, существовала во времена пр. Даніила; каменная выстроена въ 1771—1788 г.г., колокольня—въ 1803 г.; на одномъ изъ колоколовъ надпись: „Henrick Ter Horst me fecit... anno 1646; 7159 года Марта 23 положилъ сей колоколъ Переславской слободки торговый человѣкъ Левъ Гавриловъ сынъ Темеринъ“.

Князе—Андреевская (она же Никольская), съ главнымъ престоломъ въ честь Николая Чудотворца, существовала въ XIII ст. Потомъ при ней былъ женскій монастырь, упраздненный въ 1764 г.; до этого времени церковь была уже каменной и, видимо, построена въ первой половинѣ XVIII ст. Въ церкви подъ спудомъ почиваютъ мощи св кн. Андрея Смоленскаго.

Князе- Владимірская, существовала во времена пр. Даніила, каменная построена въ 1791—1803 г.г.

Варварская, (она же Воздвиженская) съ главнымъ престоломъ въ честь Воздвиженья Креста Господня, построена въ 1785 г.; изъ хранящихся въ ней иконъ замѣчательна Казанской Божьей Матери, приписываемая митр. Петру [1]).

Петромитрополитская, по старинным актамъ значится „на государевѣ старомъ дворѣ“ или въ „теремахъ“; по преданію, построена въ концѣ XIV или началѣ XV в., послѣ открытія мощей Петра митрополита. Каменная церковь, какъ полагаютъ, построена въ XVI ст.; отличается оригинальностью архитектуры, но сохранилась до настоящаго времени съ искаженіями. Каменная колокольня построена въ XIX вѣкѣ.

Покровская, построена вмѣсто деревянной въ 1789 г.; въ церкви замѣчательны царскія врата [2]).

Козмодемьянская, (она же Богородице-Рождественская) съ главнымъ престоломъ въ честь Рождества Богородицы, стала каменной съ 1770 г.; наружный видъ ея остается неизмѣннымъ со времени основанія, внутреннее убранство новое.

Духовская обращенная въ приходскую изъ монастырской въ 1764 г.; каменная построена въ 1788 году.

Симеоновская, существовала до смутнаго времени; два раза слушалъ въ ней литургію царь Ѳедоръ Алексѣевичъ; каменная построена въ 1771 г.; сохраняетъ безъ существенныхъ измѣненій свой первоначальный наружный видъ до сего времени.

---

[1]) П. М. Снегиревъ Памятники древняго художества въ Россіи. Изд. А. А. Мартынова, т. I, стр. 47.

[2]) Влад. Губ. Вѣд. 1855 г. № 3: Древности. Труды Им. Моск. Археол. О-ва, т. 3, прот. 36.

Смоленская, обращенна въ приходскую въ 1764 г., а до того времени была главною церковью Борисоглѣбскаго Песошкаго монастыря; построена въ 1694—1705 г.г. При ней каменное двухъэтажное зданіе. Безъ особыхъ измѣненій постройка сохраняется и теперь. Въ церкви почиваютъ подъ спудомъ мощи пр. Корнилія молчальника. Изъ остатковъ старины замѣчательна древняя Смоленская икона Божьей Матери.

Сергіевская, (она же Троицкая) съ главнымъ престоломъ въ честь Св. Троицы, существовала издавна; каменный двухъэтажный храмъ построенъ въ 1782 г. Наружный видъ ея измѣненъ нѣсколько передѣлками; сохранились старинные иконостасы.

Предтеченская, въ память Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, существовала издавна; каменная устроена въ 1730—1735 г.г., отличается легкой изящной архитектурой. сохранившейся съ наружной стороны безъ особыхъ измѣненій

Рождественская, въ честь Рождества Христова, основана была пр. Даніиломъ на осадномъ монастырскомъ дворѣ; каменная построена въ 1797—1796 г.г. Наружный видъ храма первоначальный.

Введенская церковь, обращена въ приходскую въ 1764 г., до того же времени была главнымъ храмомъ Введенскаго женскаго монастыря, стала каменною, какъ полагаютъ, въ 1698—1706 г.г. До настоящаго времени совиѣ и изнутри сохраняетъ особенности своей первоначальной архитектуры.

Филипповская, она же Успенская, съ главнымъ престоломъ въ честь Успенія Божьей Матери; существовала во времена пр. Даніила; стала каменной съ 1775 года.

Сорокосвятская, въ честь св Сорока Мучениковъ, существовала издавна; каменная построена въ 1775 году.

Александро-Невская церковь, она же Срѣтенская, возникла въ половинѣ XVIII ст.; каменная построена въ 1778—1785 г.г. и съ тѣхъ поръ сохраняется снаружи безъ существенныхъ измѣненіій. Къ приходу ея принадлежатъ: Нагорная и Подгорная Слободы, Ѳедоровская и Даниловская Слободки, Слободка Луговая, Соколка.

Владимірская церковь, въ честь Владимірской иконы Божьей Матери, встарину принадлежала Борисоглѣбскому Надозерному монастырю, обращенному въ загородную дачу переславскихъ архіереевъ, а съ 1788 г. въ кладбище: Когда построена—неизвѣстно. По ветхости ея богослуженіе въ ней не совершается; для этого въ 1885 г. выстроена новая каменная церковь.

Послѣднія пять церквей расположены въ предмѣстьяхъ города, находящихся съ нимъ въ неразрывной связи: Рыбной, Нагорной и Борисоглѣбской Слободкахъ.

Монастырскими и церковными сооруженіями, многочисленными и въ большинствѣ имѣющими археологическій интересъ, исчерпываются памятники Переславской старины.

Подобныхъ имъ по значенію гражданскихъ сооруженій въ городѣ не имѣется. Условія предшествовавшаго времени мало благопріятствовали этому. За самыми незначительными исключеніями остальныя постройки были деревянными, гибли отъ времени и отъ пожаровъ. Послѣднихъ въ исторіи Переславля было немало. Въ 1724 г. „учинился великій пожаръ и отъ того сгорѣли многія св. церкви и множество дворовъ и торговые ряды всѣ безъ остатку“ [1]); вторично въ томъ же столѣтіи былъ большой пожаръ въ 1783 г., послѣ него было рѣшено построить каменный гостиный дворъ, но не привели этого въ исполненіе. Въ 1847 г. въ ночь на 26 мая сгорѣло 40 домовъ, 18 каменныхъ лавокъ, 97 деревянныхъ, старый мостъ черезъ р. Трубежъ и обгорѣла Предтеченская церковь.

Изъ новыхъ современныхъ сооруженій слѣдуетъ отмѣтить фабрики. Самая большая бумаго-прядильная принадлежитъ Товариществу, переславской мануфактуры. Работаетъ на 90 т. веретенахъ суровую бумажную пряжу; имѣетъ рабочихъ около двухъ съ половиной тысячъ человѣкъ; вырабатываетъ товаровъ на сумму свыше четырехъ съ половиной милліоновъ руб. Фабрика первоначально была основана московскимъ купцомъ Максиміаномъ Борисовскимъ въ половинѣ минувшаго столѣтія [2]). Нѣсколько позднѣе ея на лѣвомъ берегу р. Трубежа возникла рядомъ со старинымъ земляным валомъ пунцово-красильная фабрика. С. П. Павлова, имѣющая до 500 чел. рабочихъ и вырабатывающая товаровъ на сумму до $2^1/_2$ мил. руб. Въ сторонѣ отъ Трубежа расположены фабрики: механическихъ вышивокъ Н. С. Зассъ, церковной утвари Т-ва Захряпиныхъ и др.

Разумѣется, эти зданія не могутъ быть разсматриваемы, какъ предшествовавшія, съ точки зрѣнія архитектурности и стильности. Ихъ назначеніе чисто утилитарное, поэтому и говорить о нихъ можно только какъ о фабрично-коммерческихъ предпріятіяхъ. Послѣднимъ мало благопріятствуютъ современныя условія положенія дѣла въ Переславлѣ; имъ приходится производить излишнія затраты на невыгодную гужевую подвозку сырья и обработаннаго продукта, что обычно компенсируется низкой заработной платой фабричныхъ рабочихъ. Какой выходъ будетъ найденъ изъ этого, покажетъ будущее.

Въ видѣ этаповъ развитія фабричнаго дѣла въ Переславлѣ встрѣчаются въ разныхъ частяхъ города остатки прежнихъ фабрикъ:

---

[1]) Холмогоровы. Переслав. десятина, Влад., 1897 г., ст. 54.

[2]) Владим. Губ. Вѣд. 1850 г., № 46, ст. 257—259.

Темерина, Медвѣдевой, Чичелева и др. Начинаютъ приходить въ упадокъ большіе корпуса не дѣйствующей фабрики Гладковыхъ.

Въ тонъ этимъ руинамъ или во всякомъ случаѣ съ сильнымъ отпечаткомъ отсталости и торговаго застоя высматриваютъ городскіе торговые ряды. Хотя, какъ была выше рѣчь, больше ста лѣтъ тому назадъ хотѣли устроить каменные, но до сихъ поръ не собрались и не извѣстно, когда соберутся, такъ какъ торговля весьма ограничена. Удовлетворяетъ она лишь мѣстнымъ нуждамъ и ничѣмъ не напоминаетъ былыя времена. Базары собираются еженедѣльно по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ. Ярмарки бываютъ два раза въ годъ: 23 іюня—Владимірская и 15 сентября—Никитская.

Подъ стать деревяннымъ торговымъ рядамъ обывательскіе дома въ большинствѣ также деревянные. Преобладаетъ типъ небольшихъ построекъ. Сколько нибудь интересныхъ и выдающихся изъ нихъ почти нѣтъ. Въ общемъ лежитъ отпечатокъ захолустности, дающей невыгодный тонъ всему городу. То же приходится сказать и о каменныхъ домахъ. Изъ нихъ можетъ быть отмѣченнымъ одно лишь женское училище, не такъ давно выстроенное, имѣющее довольно оригинальный видъ.

Благоустройство улицъ, площадей и пр. находится на невысокомъ уровнѣ и на городскомъ самоуправленіи лежитъ много заботъ въ этой области, а равно и въ другихъ сторонахъ городского хозяйства. Тѣмъ не менѣе имѣется водопроводъ, устроенный болѣе 30 лѣтъ тому назадъ вслѣдствіе того, что вода въ р. Трубежѣ загрязнена фабриками до послѣдней степени и совершенно непригодна для питья, а колодцы содержатъ невысокаго достоинства почвенную воду. Не такъ давно разбитъ небольшой садъ, успѣвшій, впрочемъ, достаточно разрастись. Есть телефонъ, устроенный земствомъ. Ему же принадлежитъ самая значительная больница въ городѣ на 30 кроватей, кромѣ которой имѣются еще фабричныя. Изъ благотворительныхъ заведеній есть богадѣльня и дѣтскій пріютъ; функціонируетъ благотворительное общество. Въ числѣ учебныхъ заведеній духовное училище, о которомъ уже была рѣчь, четыре начальныхъ школы, городское училище, женская гимназія, недавно открытая мужская и пр.

Общественная жизнь развита довольно слабо. Впрочемъ, въ послѣднее время замѣчается оживленіе, выражающееся въ новыхъ желательныхъ формахъ. При двухъ клубахъ, имѣющихъ довольно хорошія библіотеки-читальни, нерѣдко устраиваются спектакли, концерты, чтенія и т. п. Между тѣмъ, не такъ давно въ клубахъ кромѣ картъ почти ничего не было, а по переславскимъ улицамъ бродилъ юродивый Миша-Самуилъ, напоминавшій собой времена средневѣковья. [1])

[1]) Послѣ смерти юродиваго составленъ біографическій очеркъ его („Миша-Самуилъ“ СПБ., 1908 г.) со всѣми пріемами „житійнаго“ характера.

Теперь въ Переславлѣ 11538 жителей обоего пола и свыше 1700 зданій.

При сравненіи этого числа населенія съ другими городами Владимірской губерніи, гдѣ при открытіи ея Переславль занималъ первое мѣсто, теперь оказывается, что понизился на шестое. Отсталъ онъ также и въ другихъ отношеніяхъ. По суммѣ выработки фабричнаго производства вмѣстѣ съ своимъ уѣздомъ онъ занимаетъ изъ 12 уѣздовъ девятое мѣсто. Въ то время какъ въ Переславскомъ уѣздѣ общая цыфра производства равняется 7389 тыс. руб., въ Покровскомъ 35026 тыс. руб. и въ Александровскомъ 12775 тыс. руб.

Если въ своей губерніи Переславль Залѣсскій занимаетъ теперь невысокое мѣсто, то относительно общаго положенія его среди остальныхъ городовъ государства можно сказать лишь одно, что онъ совсѣмъ затерялся среди нихъ и оказался въ хвостѣ длиннаго списка.

Таково велѣніе судьбы . И тѣмъ не менѣе Переславль Залѣсскій одинъ изъ интереснѣйшихъ городовъ средней Россіи, заслуживающій лучшей участи и большаго вниманія. Иностранцы, умѣющіе цѣнить наши національные памятники, не преминули обратить свое вниманіе на Переславль, давно стали интересоваться имъ съ этой стороны; такъ напр. въ L'artiste Russe помѣщено описаніе Спасо-Преображенскаго собора и пр.[1]) Отечественные знатоки и любители исторіи и археологіи также удѣляли ему свое вниманіе. Начали навѣщать его и русскіе туристы.[2])

Но не въ этомъ одномъ значеніе Переславля. Онъ обладаетъ богатымъ даромъ природы—Плещеевымъ озеромъ, которое, быть можетъ, снова оживитъ судьбу города. Вотъ что писалъ проф. С. Шевыревъ, бывшій здѣсь во время своей поѣздки въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. „Подумаешь: въ 120 вер. отъ Москвы, по гладкому шоссе, которое скоро вполнѣ будетъ окончено, лежитъ это прекрасное озеро съ своими окрестностями. И никто изъ насъ никогда не вздумаетъ прокатиться сюда, чтобы полюбоваться на его чудныя волны, взглянуть на его серебристое дно, посмотрѣть на прекрасные виды, его окружающіе. Когда русская жизнь внутри отечества забьетъ сильнѣе, когда мы сознаемъ красоты и блага земли своей, когда отъ одного пустого комфорта, вкусныхъ обѣдовъ и безконечнаго проферанса обратимся къ чистымъ и благороднымъ наслажденіямъ мыслящей жизни: тогда подъ тысячами веселъ заплещутъ волны Переславскаго озера, запестрѣютъ разноцвѣтные флаги судовъ, раздастся одна полная хоровая пѣсня—и будутъ пѣть

---

[1]) Переведено В. Доброхотовымъ во Влад. Губ. Вѣд. 1847 г. въ № 51.

[2]) Русское Слово, 1910 г. № 172.

ее тысячи голосовъ. Это мечта—скажутъ мнѣ. Нѣтъ, это сбудется непремѣнно".[1])

Почему бы не осуществиться этой мечтѣ; почему бы напр. по берегамъ Плещеева озера, особенно возвышеннымъ, не настроить санаторій и дачъ, а на самомъ озерѣ организовать купанья и разный рѣчной спортъ? Современному нервному поколѣнію это принесло бы оздоровленіе, жизнерадостность и сослужитъ большую службу обществу. При мѣняющихся способахъ сообщенія, быть можетъ, найдется способъ быстраго и недорогого сообщенія съ Москвой, который далъ бы возможность привлечь сюда многочисленныхъ посѣтителей. Съ осуществленіемъ этого окрестности Переславскаго озера будутъ однимъ изъ интереснѣйшихъ курортовъ средней Россіи.

XVII.

Современный Переславскій уѣздъ. Населеніе. Занятія и промыслы. Торговые пункты. Населенные пункты. Ихъ перечень по волостямъ и приходамъ. Краткія историческія свѣдѣнія о нихъ.

Населеніе Переславскаго уѣзда—коренное великорусское, опредѣляется въ 85006 жителей обоего пола; по количеству его среди остальныхъ уѣздовъ Владимірской губерніи Переславскій занимаетъ послѣднее мѣсто.[2])

Основное занятіе жителей—хлѣбопашество; имъ занимаются вездѣ, но по свойству почвы оно становится доходнымъ только въ юго-восточной части. Сѣютъ, главнымъ образомъ, рожь, овесъ, ячмень и картофель, посѣвы льна незначительны. Развивается огородный промыселъ, начинающій пріобрѣтать довольно большое значеніе. Старинный промыселъ—рыболовство, которымъ переславская область славилась со временъ вел. кн. московскихъ, падаетъ изъ года въ годъ отъ постояннаго отравленія водъ Плещеева озера отбросами городскихъ фабрикъ, отъ хищническаго истребленія рыбы самими рыбаками а также отсутствія рыбоводческой школы, въ которой ощущается давнишняя нужда. Въ лѣсныхъ мѣстахъ жители занимаются рубкой дровъ, распилкой теса, выдѣлкой деревянной посуды, саней, телѣгъ, колесъ; значительное количество рукъ занято бондарнымъ промысломъ. Въ сѣверной части уѣзда дѣлаютъ глиняную посуду: горшки чашки, плошки и т. д., это подсобное занятіе даетъ самую крупную

---

[1]) Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, М., 1850 г. ст. 60—61.

[2]) Свѣдѣнія о числѣ жителей всего уѣзда, а также по отдѣльнымъ волостямъ заимствовано изъ журналовъ Переслав. уѣз. зем. собранія за 1908 г.

цифру заработка (около 22 тысячъ руб.) изъ всѣхъ остальныхъ подсобныхъ промысловъ. Въ многихъ селеніяхъ занимаются портняжнымъ дѣломъ, сапожнымъ, шитьемъ рукавицъ, льняной пряжей и т. п. Повсемѣстно занимаются скотоводствомъ, женщины прядутъ ленъ и ткутъ холстъ. Всего ежегодно вырабатывается кустарями (2700 чел.) товаровъ на сумму до 65 тысячъ руб. Отхожими и фабричными промыслами занято до 6 тысячъ человѣкъ, при чемъ, главнымъ образомъ, работаютъ на мѣстныхъ фабрикахъ, находящихся въ Переславлѣ и уѣздѣ. Число послѣднихъ все болѣе и болѣе сокращается вслѣдствіе отсутствія дешеваго фрахта; въ настоящее время остается наиболѣе крупнымъ предпріятіемъ стеклянный заводъ А. М. Назарова, близъ сельца Мартынки, съ 155 рабочими и 70 тысячъ производства. Немало бывшихъ фабричныхъ зданій стоитъ теперь заколоченными.

Торговыхъ пунктовъ въ уѣздѣ, кромѣ г. Переславля, три—с.с.: Нагорье, Заболотье и Хребтово, обслуживающія окрестное населеніе нѣсколькими годовыми ярмарками, главнымъ предметомъ торга которыхъ являются сельско-хозяйственные продукты и необходимые предметы въ крестьянскомъ обиходѣ. Всѣ эти три пункта находятся въ лѣсной и отдаленной отъ Переславля части уѣзда.

Благодаря культурной дѣятельности Переславскаго земства, уѣздъ покрытъ цѣлой сѣтью начальныхъ школъ и выработанъ планъ всеобщаго обученія, проводящійся въ жизни съ 1908 года. Тѣмъ же земствомъ открыты въ значительномъ числѣ селеній библіотеки-читальни, врачебные пункты, больницы и пр. Проведены новые шоссейные пути: отъ г. Переславля къ ст. Берендѣево Сѣверныхъ ж. д., по Калязинскому тракту и Угличскому. Улучшаются орудія крестьянскаго хозяйства, устроены показательныя поля и т. д.

Въ настоящее время работаетъ землеустроительная комиссія, въ результатѣ ея дѣятельности появились новые населенные пункты—хутора крестьянъ. Всѣ же остальныя поселенія существуютъ издавна: какъ мы видѣли, есть немало бывшихъ мерянскихъ поселеній, есть немало также извѣстныхъ со временъ вел. кн. московскихъ; въ XVII в., за самыми незначительными исключеніями, существовали всѣ села, сельца и деревни, состоящія теперь въ предѣлахъ Переславскаго уѣзда.

Ихъ считается 404, раздѣляются они въ административномъ отношеніи на 14 волостей и въ церковномъ на 88 приходовъ. Ниже приводится подробный списокъ ихъ съ примѣненіемъ указаннаго дѣленія.

Подобно Переславлю, сохранившимися въ уѣздѣ памятниками старины являются главнымъ образомъ каменные храмы. Древнѣйшій изъ нихъ относится къ XVI ст. (въ с. Елизаровѣ); немало возникло ихъ въ

XVIII ст., почти исключительно на средства мѣстныхъ помѣщиковъ. и окончательно въ остальныхъ селахъ въ XIX столѣтіи.

Объ этомъ, а также всѣхъ историческихъ данныхъ, касающихся переславскихъ поселеній, съ указаніемъ источниковъ и пособій; о школахъ, библіотекахъ, существующихъ въ нихъ и пр., будетъ указано въ частности въ перечнѣ населенныхъ мѣстъ [1]).

ВИШНЯКОВСКАЯ волость граничитъ съ Александровскимъ уѣздомъ, расположена, главнымъ образомъ, по теченію р. Кубри; населенныхъ пунктовъ 37 съ 5425 жителей обоего пола; удобной земли надѣльной 6012,75 десятинъ, частно-владѣльческой—3069,25 дес., всего 9082 десятины.

С. Вертягино. Съ недавняго времени снова числится въ Переславскомъ уѣздѣ, тогда какъ со времени областной реформы при им. Екатеринѣ II было отнесено къ Александровскому уѣзду [2]). Въ селѣ—двухъэтажная каменная церковь, построенная въ 1806—1809 г.г. Приходъ состоитъ изъ с-ца Михалева, Данилкова, Горокъ, д. Рупусова и Романки Вишняковской волости, с-ца Плотихина, д. Воронова и Македонки (въ старинныхъ актахъ Макидонова) [3]) Хребтовской вол. Среди этихъ селеній выдѣляется с-цо Плотихино (Туханка), въ которомъ имѣется земская школа съ 1877 г., почтовое отдѣленіе, камера земскаго начальника; въ д. Рупусовѣ—земская школа, близъ д. Воронова—лѣсопильные заводы одинъ П. Свѣшникова и второй Е. Арманидъ и В. Ангина.

С. Вѣдомша. (Яново). Самый значительный по населенности пунктъ въ уѣздѣ—1430 д. об. пола. Въ селѣ каменная церковь и школа. Церковь устроена въ 1824 г., своимъ украшеніемъ обязана, главнымъ образомъ, мѣстному уроженцу бывшему настоятелю Залонскаго монастыря арх. Прокопію. Земская школа открыта съ 1866 г. Къ приходу с. Вѣдомши принадлежитъ д. Ширяйка (Хмѣльк. вол.), извѣстная гончарнымъ производствомъ [4]). Встарину близъ нея находилась Успенская Кубринская пустынь, упразднена около 1790 года.

---

[1]) При составленіи этого отдѣла служили пособіями: Списокъ населенныхъ мѣстъ. Владимірской губерніи. Владим., 1907 г., печатные журналы Переславскаго уѣзда земскаго собранія: отчеты о церковно-приходскихъ школахъ: матеріалы для Владимірской епархіи. Переславская десятина. Владим. 1897 г.: Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Владим. епархіи. Владим., 1895 г., вып. II. Н. Ф. Масановъ. Библіографія Владимірской губ., т. I и др. Богатые матеріалы для исторіи, бывшихъ монастырскихъ селъ находятся въ архивахъ переславскихъ монастырей.

[2]) Журналы Перес. уѣз. Земскаго собр. 1998 г., Владимір., 109 г. стр. 215—216.

[3]) Акты юридич. быта, II, ст. 378.

[4]) Князь Мещерскій и Мадзолевскій. Сводъ матер. по кустарн. промышл. С.-П.-Б., 1874, стр. 434.

С. Гольцово. Вдревности носило названіе Айгустово, должно быть по фамиліи владѣльцевъ его дворянъ Айгустовыхъ, встрѣчающихся въ числѣ служилыхъ дѣтей боярскихъ Переславскаго уѣзда еще въ XVI ст. [1]). Позднѣйшее названіе Гольцово появилось въ XVIII ст. Въ селѣ каменная церковь, построенная вмѣсто деревянной въ первой четверти XIX ст., и земская школа, открытая съ 1877 г. Приходъ с. Гольцова состоитъ: изъ с-ца Вишнякова, гдѣ находится волостное правленіе и земская школа, с-ца Антонки, д. Яншина и с-ца Григорова.

Погостъ Дьяково на р. Кижилкѣ. До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было помѣщичьимъ владѣніемъ. Въ погостѣ—каменная церковь, устроенная въ 1855 г. и съ 1889 г.—начальная земская школа. Въ приходѣ числятся слѣдующія селенія: д. Дуленево, Елизарка, с-цо Мостищи, д. Лунево, с-цо Сабельское, Содино, д. Пикалево [2]).

Погостъ Никодо-Кижильскій. Названіе Кижила—старинное мерянское, принадлежитъ цѣлой мѣстности, заключающей въ себѣ большую часть волости. Изъ Кижилы встарину шла особая лѣсная дорога „Шуромка“ къ с. Веськову, одному изъ значительнѣйшихъ мерянскихъ поселеній. Преданіе упоминаетъ о какомъ-то князѣ Кижилѣ, который жилъ въ этой мѣстности, воздвигнулъ себѣ статую, но пришли попы и сбросили ее въ болото [3]). Въ погостѣ—каменная церковь, построенная въ 1789 г. и церковно-приходская школа. Въ Кижильскомъ приходѣ находятся: с-цо Анисимка, Глядково, Жолнино, Измайлово, Новая Якимка, Старая Якимка, Мервиново, Петрецово; д. Попова Гора, Терешино и Хомлево; въ д. Измайлово—земская школа.

С. Осипова пустынь на р. Кубри. Встарину на мѣстѣ села находился монастырь, причисленный потомъ къ Переславскому Борисоглѣбскому на пескахъ. Имя прежде бывшаго монастыря перешло къ образовавшемуся около него поселенію Въ немъ каменная церковь, существующая издавна, и церковно-приходская школа. Въ приходѣ его состоятъ: с-цо Ямъ, д. Обашево, Міроѣдово и бывшая пуцово-красильная фабрика Т-ва Бр. Барановыхъ въ пустоши „Крестьянка“.

ГЛѢБОВСКАЯ волость расположена по верховьямъ р. Кубри, вдоль Московско-Ярославскаго шоссе; населенныхъ пунктовъ 54 при 7082

---

[1]) В. Н. Сторожевъ. Матеріалы для исторіи рус. дворянства. вып. II. М. 1909 г. стр. 4—28.

[2]) Влад. Губ. Вѣд. 1857 г., № 41. Къ Дьяковскому приходу еще принадлежитъ д. Двойшино Александровскаго уѣзда.

[3]) Гр. Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ. стр. 667 и 686 (въ Трудахъ I Археологическаго Съѣзда).

жителей обоего пола; удобной земли надѣльной 15599,25 дес. и частновладѣльческой 22603 дес., итого 38202,25 дес.

Алексѣевская пустынь. Основана въ концѣ XIX ст. на землѣ, подаренной Ѳедоровскому женскому монастырю и представляетъ собою филіальное отдѣленіе послѣдняго. Пустынь обведена каменной оградой, внутри которой каменный храмъ и каменныя кельи для монашествующихъ.

С. Весьи. Древнее финское поселеніе. Упоминается вмѣстѣ съ д. Родіонцевымъ въ духовной грамотѣ в. кн. Василія Димитріевича (въ 1408 г.); имъ были отданы въ вотчину сыну его кн. Ивану. Позднѣе находились въ помѣстномъ владѣніи служилыхъ дѣтей боярскихъ. Церковь существовала издавна; въ 1808 г. построена существующая теперь каменная. Съ 1893 г. открыта земская школа. Въ Весьскомъ приходѣ находятся слѣдующія поселенія: с-цо Бутримо, Осники и Шешуково; дер.—Головнино, Большое Палицыно, Малое Палицыно, Воскресенское, Родіонцево, Малые Сокольники, Юрино [1]).

Воскресенская пустынь возникла въ концѣ XIX ст. на землѣ, подаренной Ѳедоровскому женскому монастырю; находится въ зависимости отъ послѣдняго. Въ пустыни—каменный храмъ, каменная ограда; кельи деревянныя.

С. Выползова Слободка на р. Кубри. Встарину было помѣщичьимъ селомъ [2]). Каменная церковь построена въ 1785 г.; къ приходу его принадлежатъ: д. Городищи, Савельево и Нелидово, послѣднее пополамъ съ Глѣбовскимъ приходомъ.

С. Глѣбовское на р. Выжигѣ. Встарину было вотчиной одного изъ видныхъ сподвижниковъ Петра Великаго „тайнаго совѣтника и государственной камеръ коллегіи президента“ Алексѣя Васильевича Макарова. (р. 1675 г —†1750 г.). Въ селѣ—каменная церковь, построенная Алексѣемъ Петровичемъ Макаровымъ въ 1792 г., начальная церковно-приходская школа съ 1884 г. и волостное правленіе [3]). Къ Глѣбскому приходу относятся: Аѳанасово, Елизарово (Елизарка), Костенки, Поповская, Поляна и Щелканка [4]).

С. Голоперово. Раньше было помѣщичьимъ селомъ (нач. VXII в.), имѣло деревянную церковь. Теперь въ селѣ—каменная церковь съ

---

[1]) Собр. гос. гр и дог. I, ст. 73: Древ. рос. вивліоѳ., VIII. стр. 318: Соловьевъ С. М., Исторія Гос. Рос. IV, 141, пр. 175.

[2]) Дамскій журналъ, 1827 г., ч. 18, стат. „Журналъ пѣшеходовъ“.

[3]) Дамскій журналъ, 1827 г., ч. 18 ст. „Журналъ Пѣшеходовъ“; Опис. докум. и бум. Арх. Мин. Юст.; кн. I, № 2922 и II кн. отд. 3, стр. 134.

[4]) Сказанія совр. о Димитріи Самозванцѣ II, 179: Дамскій Жур. 1826 г. № 18. „Журналъ пѣшеходовъ“.

1807 г., начальная земская школа съ 1893 г. Въ приходѣ его находятся: с-цо Кошелево и Романки; д. Ивкина, Кузьминка и Мартынка. Вблизи послѣдней находится стеклянный заводъ А. М. Назарова и лѣсопильный заводъ Первушина С-вей. Голоперово—родина извѣстнаго государственнаго дѣятеля статсъ-секретаря им. Александра II и государственнаго контролера въ 1863—71 г. Валеріана Алексѣевича Татаринова, автора кассовыхъ правилъ [1]).

С. Ильинское, по старинным актамъ Тюшино, а также Кисма, на р. Сухомѣ. Судя по первоначальному названію (Кисма) основано мерянами. Царемъ Ѳедоромъ Ивановичемъ отдано въ вотчину Переславскому Ѳедоровскому монастырю. Съ давнихъ поръ въ селѣ существовала церковь; каменная, находящаяся теперь, выстроена въ 1808 г. Къ приходу его принадлежатъ: с-цо Есипово, д. Кружково и с-цо Горки (пополамъ съ Новскимъ приходомъ) [2]).

С. Новое на р. Кубри. Было вотчиной извѣстной дворянской фамиліи Голохвастовыхъ. Въ селѣ—величественный каменный храмъ, построенный въ 1853—1861 г.г. и церковно-приходская школа съ 1893 г. Новскій приходъ состоитъ изъ д.д.: Деревково и Горокъ (послѣдняя пополамъ съ Ильинскимъ приходомъ [3]).

С. Новоселка на р. Кубри. Старинное помѣщичье село, принадлежавшее кн. Гагаринымъ.[4]) Здѣсь находится каменный княжескій домъ съ обширнымъ садомъ, каменная церковь, построенная въ 1790 г., почтовое отдѣленіе, начальная земская школа съ 1907 г. Къ Новосельскому приходу принадлежатъ д.д.: Василево, Леонтьево и Новинцы (Овинцы).

С. Пожарское. Вмѣстѣ съ д. Климово было пожертвовано владѣльцемъ ихъ кн. Иваномъ Михайловичемъ Глинскимъ въ 1585 г. Троице-Сергіевскому монастырю, во владѣніи котораго находилось до отобранія вотчинъ отъ монастырей. Въ селѣ имѣется каменная церковь, построенная въ 1813 г. Къ Пожарскому приходу относятся д.д.: Борисовское, Долгое Поле и Климово.

С. Семендяево (Благовѣщенское) на р. Выжигѣ. До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было помѣщичьимъ. Въ селѣ—

---

[1]) А. Смирновъ. Уроженцы и дѣятели Владим. губ. I, 36–48: Семенов., Геогр. Стат. Словарь, III, 183; Акт. истор. I, 342.

[2]) Пр. Свирѣлинъ, Переся. Ѳедоров. жен. мон., Владиміръ, 1903 г., стр. 27. Акт. юридич. быта III. ст. 435: Опис. докум. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст. II, от. 3: стр. 138.

[3]) Тоже, стр. 136.

[4]) Акты истор. III. ст. 182: Опис. дом. и бум. Арх. Мин. Юст. II. Отд. 3, 129. 130, 134—138.

каменная церковь, построенная въ концѣ XVIII ст. Къ Семендяевскому приходу относятся: д. Антуфьево и Подраменье.

С. Соломидино. До упраздненія монастырскихъ вотчинъ принадлежало Горицкому монастырю. Полагаютъ, что названо въ честь в. кн. Соломоніи (въ простонародьи Соломониды), первой супруги в. кн. Василія III.[1]) Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ 1785 г., и церковно-приходская школа. Къ Соломидинскому приходу принадлежатъ: с-цо Евсевьево, Воскресенское, Новое, Никитское и Весьлево. Послѣднее считается родиной пр. Димитрія Прилуцкаго; здѣсь земская школа.

С. Ярополчъ (Ярополецъ или Ерополецъ) на р. Трестянкѣ. Въ прежнее время было монастырскимъ селомъ. Въ приходѣ его находится д. Ченцы (Черницово). Въ селѣ есть каменная церковь, недавней постройки.[2])

ЕЛИЗАРОВСКАЯ волость расположена по Московско-Ярославской ж. д. и по теченію притоковъ Малой Нерли, составляющей сѣверо-восточную границу волости,—р.р. Тошмы и Шахи; населенныхъ пунктовъ 32 съ 8658 жителями обоего пола; удобной земли надѣльной 14325,25 дес. и частновладѣльческой—4472,25 дес., итого 18797,25 дес.

С. Будовское на р. Круглицѣ. Въ первой четверти XVI ст. было помѣщичьимъ, а затѣмъ монастырскимъ, куплено пр. Даніиломъ въ основанный имъ монастырь. Въ приходѣ Будовскомъ теперь состоятъ д.д.: Борисово (Смоленской вол.), Любимцево и Ониково (Елизаровской вол.). Всѣ онѣ сильно пострадали въ смутное время. Въ селѣ Будовскомъ—каменная церковь, построенная въ 1852 г., и церковно-приходская школа.[3])

С. Дубровицы на р. Глуховкѣ. До отмѣны крѣпостного права было разнопомѣстнымъ селомъ. Въ одинъ приходъ объединяются съ нимъ слѣдующія деревни: Вилино, Ивашково, Новая, Соболево; с-цо Никольское, Беклемишево и Охотино (послѣднее Погостовской вол.). Въ Дубровицахъ—двѣ каменныхъ церкви, построенныя въ концѣ XVIII ст., земская начальная школа съ 1879 г.; вторая школа въ с. Никольскомъ.

С. Елизарово (Елизаровское) на р. Шахѣ. Повидимому, встарину находилось въ предѣлахъ Юрьевскаго уѣзда, отъ границы котораго находится теперь недалеко. Въ такомъ случаѣ можно считать, что

---

[1]) Строміловъ Н. Александрова Слобода. М. 1884 г., стр. 68—69, прим.; Щекатовъ, Словарь географ., V, ст. 1091.

[2]) Описс. док. и бум. Арх. Мин. Юст. II, Отд. 3, ст. 137.

[3]) Добронравовъ В., Исторія Данилова мон., прил. 5, 16 и др.; Юшковъ, Акты, поданные въ разр. приказ. М. 1898 г.

оно именно было прикуплено вел. кн. Димитріемъ Донскимъ.[1]) При царѣ Иванѣ Грозномъ принадлежало боярину Алексѣю Даниловичу Басманову, который выстроилъ здѣсь каменную церковь и далъ вкладъ пустошь Вишку.[2]) Впослѣдствіи село перешло къ Троице-Сергіевскому монастырю. Елизаровскій приходъ состоитъ изъ деревень: Богородскаго, Веськи, Стараго Высокова, Берсенева, Клиновъ, Остѣева, Ильинки, Пишикова. Въ селѣ, кромѣ старинной каменной церкви, выстроена въ XIX ст. новая каменная; съ 1879 г. начальное земское училище; библіотека-читальня. Вторая земская школа въ приходѣ въ д. Старомъ Высоковѣ съ 1898 г. и библіотека-читальня.

С. Кабанское на р. Тезѣ. Бывшее мерянское поселеніе. Въ половинѣ XIX ст. за селомъ на горѣ при впаденіи р. Тезы въ р. Сотьму обслѣдовано 251 курганъ, въ которыхъ оказалось множество находокъ, среди нихъ рѣдкая монета царя Булгарскаго Мумина начала X в., западныя монеты короля Оттона III и разныя восточныя. Подобные же курганы (числомъ 17), относящіеся къ тому же времени, найдены вблизи д. Аламово на берегу р. Сотьмы.[3]) Встарину село принадлежало помѣщикамъ, среди нихъ были кн. Трубецкіе и бояре Милославскіе. Въ селѣ имѣется каменная церковь, построенная въ первой четверти минувшаго столѣтія, начальная земская школа, открытая въ 1883 г., и земская больница. Въ составъ прихода входятъ, кромѣ упомянутой деревни Аламово, еще д. Забѣлино.

С. Насакино на р. Сотьмѣ. Въ 1498 г. было завѣщано кн. Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣевымъ своему сыну кн. Ивану; въ XVII ст. находилось въ запустѣніи и именовалось „сельцомъ, что было селомъ"; снова потомъ застроилось и принадлежало разнымъ помѣщикамъ. Въ селѣ—каменная церковь и церковно-приходская школа.[4])

С. Никульское (или Микульское). Монастырское село, отданное кн. Шуйскими въ даръ Троице-Сергіеву монастырю. По отобраніи отъ монастырей было экономическимъ. Къ приходу его относятся: с-цо Аѳанасово и Безмино Смоленской вол., с-цо Березовка и д. Погостъ (Поганый)—Переславской вол. Въ селѣ имѣется каменная церковь и церковно-приходская школа.

С. Рязанцево на р. Тошмѣ. Встарину принадлежало помѣщикамъ, среди которыхъ были кн. Барятинскіе и кн. Сулешовы. Въ

---

[1]) Соловьевъ, IV, 153; Карамзинъ V, пр. 116; Собр. гос. гр. и дог. 1, 81, 84 ст. Древ. Рос. вивл., VIII, 279, 341, 348; Акты Юрид. I, 279; Отеч. Зап. 1857 г. № 6, стр. 527 и № 7 стр. 153; Влад. Еп. Вѣд. 1881 г. № 9, ст. 233—7.

[2]) Собр. госуд. грам. и дог. I, 335; Владим. Сборн., стр. 132—133, Владим. Губ Вѣд. 1855 г. № 48.

[3]) Гр. Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ, стр. 667.

[4]) Собр. гос. грам. и дог. I, стр. 335.

приходѣ числятся деревни, свѣдѣнія о которыхъ относятся къ весьма давнему времени: Сарево, неправильно называемое Царево, бывшее мерянское поселеніе; Климово и Угриново, принадлежавшія въ концѣ XV в. кн. Патрикѣеву, Боронуково (собственно Бороноволоково), пожертвованное въ XVI в. кн. Оболенскими Троице-Сергіеву монастырю, д. Внуково и станція Сѣверныхъ ж. д. „Рязанцево". При послѣдней находится почтово-телеграфное отдѣленіе и волостное правленіе; въ д. Боронуковѣ—земская школа; въ с. Рязанцевѣ—каменная церковь, церковно-приходская школа.[1])

С. Славитино на р. Шахѣ. Въ XV в. было митрополичьимъ селомъ, потомъ монастырскимъ (Горицкаго монастыря) и далѣе экономическимъ. Въ селѣ—каменная церковь и церковно-приходская школа.[2])

С. Твердилково (Елизаровской вол.) и д. Сотьма (Переславской вол.). Послѣдняя бывшее мерянское поселеніе. Встарину оба эти поселенія принадлежали помѣщикамъ, среди которыхъ были кн. Щетининъ и кн. Баратынскій, пожертвовавшій ихъ въ Даниловъ монастырь. Въ селѣ—каменная церковь и земская школа.[3])

ЗАГОРСКАЯ волость. Расположена по теченію р. Сольбы, находится на границѣ Тверской и Ярославской губ.; имѣетъ населенныхъ пунктовъ 26, жителей 5190 обоего пола; удобной земли надѣльной 5841,25 дес., частновладѣльческой 6138 дес., итого 11979,25 дес.

Погостъ Воскресенье-Волинское. Приходъ его состоитъ изъ слѣдующихъ деревень: Александровки, Васильцова, Воскресенки, Ивановки (Иванова), Кишкина, Сараева, Семиградова и Филипцева (Филипковки). Въ селѣ—каменная церковь и земская школа.[4])

С. Дарагинки. Въ XVII в. принадлежало помѣщикамъ, среди которыхъ были кн. Львовы и кн. Хворостинины. Приходъ его состоитъ изъ д.д.: Бурцева, Бережковъ, Жданова, Васильцова, Кисемки и Михеева. Въ селѣ съ давнихъ поръ церковь, въ концѣ XVIII ст. построена каменная, существующая до сего времени; съ 1895 г. земская начальная школа.

С. Загорье при р. Сольбѣ. Въ XVII в. принадлежало помѣщикамъ Милославскимъ, а съ XVIII ст.—Нарышкинымъ. Въ приходѣ его состоятъ деревни: Волино Старое и Волино Новое, Березники, Липовцы, Степанцево, упоминаемое въ грамотѣ в. кн Ивана III въ 1504 г., а

---

[1]) Гр. Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ, стр. 640; Древ. Рос. вивліов. IV, 272; Собр. Гос. грам. и дог. I, 335.

[2]) Владим. Губ. Вѣд., 1858 г., № 20; Труды Владим. Арх. Ком., вып. VI, стр. 101.

[3]) Владим. Губ. Вѣд., 1854 г., № 48.

[4]) Опис. докум. и бум. Арх. М. Ю., II, от. 3, стр. 130 и 133; Древн. рос. вивл., ч. VI, стр. 18; Соловьевъ, Ист. Рос. IV, 155.

также Старово, Долгово, Кудрино, Вороново и Рудѣево. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ 1800 г., земская школа съ 1894 г., волостное правленіе и фельдшерскій пунктъ; кромѣ того, есть такая жé школа въ д. Старое-Волино.[1])

Сольбинская Николаевская Пустынь. Возобновлена послѣ литовскаго разоренія арх. Варлаамомъ, настоятелемъ Переславскаго Данилова монастыря, въ 1711 г. на правомъ берегу р. Сольбы. Раньше же находилась въ пустоши Былинино на версту дальше. Около двухъ сотъ лѣтъ была мужскою, а съ 1903 г. переименована въ женскую. Главный храмъ—въ честь Успенія Божіей Матери; главная святыня его—икона Николая Чудотворца, современная основанію обители и почитаемая чудотворною.[2])

КОПНИНСКАЯ волость расположена по теченію р. Большой Нерли; заключаетъ въ себѣ 12 селъ и деревень съ 4041 жителей обоего пола; удобной земли надѣльной 7393, 25 дес. и частновладѣльческой—3604 дес. итого 10997,25 дес.

С. Новоселка-Горы. До отчужденія монастырскихъ вотчинъ принадлежало Николаевскому Угрѣшскому монастырю. Приходъ образовался въ 1712 г.; въ составъ его входятъ деревни: Исайцево и Климово Копнинской вол. и Жупѣево (Моздовка или Мостовка) Половецкой вол. Въ селѣ каменная церковь, построенная вмѣсто деревянной въ 1828 г. [3]).

С. Копнино на р. Б. Нерли. Къ приходу его относятся: д. Свѣчино, Измайлово, Мериново (Меряново), Желтиково, Селезенево, Федосово, Бахмурово и бывшій Серженскій стеклянный заводъ. „Сельцо Копнинское, да деревни Свѣчинскія съ пустоши и съ лѣсы" были пожертвованы Радонежской боярыней Маріей Копниной († до 1478 г.) Троице-Сергіеву монастырю. Въ XVI в. въ Копнинѣ была уже церковь; каменная выстроена въ началѣ XIX ст.; училище открыто земствомъ въ 1875 г.; въ селѣ—волостное правленіе. Въ Свѣчинѣ и Желтиковѣ—земскія школы, въ бывшемъ стеклянномъ заводѣ—богадѣльня. Въ Копнинскомъ приходѣ процвѣтаетъ бочарный промыселъ [4]).

С. Усолье на р. Векслѣ. Вблизи его встарину существовали соляные промыслы, отданные въ XV в. Троице-Сергіеву монастырю.

---

[1]) Собр. Гос. грам. и дог. I. 354 стр.: Журн. Мин. Внут. Дѣлъ, 1850 г., ч. 30, № 5, стр. 212—226.

[2]) В. В. Косаткинъ. Монастыри, соборы и церкви Влад. еп., I, стр. 336 343; Звѣринскій. Матер. для исторіи правосл. монаст., II, СПБ., 1892 г., стр. 218.

[3]) Допол. къ актамъ ист., I, ст. 381.

[4]) Акты арх. экс. I, стр. 133 и 392: кн. Мещерскій и Мадзолевскій: Сводъ матеріаловъ по кустарной промышл., С.-П.-Б., 1874 г., стр. 205—206; 255.

Въ XVII в. выработка соли прекратилась. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ началѣ XIX ст., и земская начальная школа, открытая въ 1882 г. [1]).

НАГОРСКАЯ волость расположена на границѣ съ Тверской губ. по теченію р. Бол. Нерли; населенныхъ пунктовъ 22, жителей 6019 чел., удобной земли надѣльной 9430,5 дес. и частновладѣльческой 5984,5 дес., итого 15415 дес.

С. Ѣлатьево на р. Нерли. Изстари было помѣщичьимъ селомъ, въ XVI ст. перешло къ Троице-Сергіеву монастырю, во время смуты XVII ст. снова стала помѣщичьимъ, каковымъ оставалось до уничтоженія крѣпостной зависимости. Владѣльцами села были: въ 1560 г. кн. Димитрій Оболенскій, въ 1608—г.—воевода Михаилъ Вельяминовъ, въ 1711.—стольникъ Семенъ Готовцевъ, въ 1814 г.—камергеръ Павелъ Петровичъ Нарышкинъ. Въ селѣ—каменная церковь и каменное двухъ-этажное земское училище. Къ приходу с. Елпатьева относятся: д.д : Евстигнѣево, Лихарево, Мишутино, Ситницы, Слѣпцово [2]). Въ д. Лихарево - земская школа. Въ Елпатьевскомъ приходѣ значительный подсобный промыслъ—плотничество.

С. Нагорье. Въ XVII ст. принадлежало окольничему Михаилу Замыцкому, потомъ Салтыковымъ и Апраксинымъ. Въ 1770 г. было пожаловано им. Екатериной II адмиралу Григорью Андреевичу Спиридову за Чесменскую побѣду; далѣе перешло къ его сыну Матвѣю Григорьевичу, историку, издателю (1793—4 г.). „Россійскаго родословнаго словаря", автору „Краткаго опыта историческаго извѣстія о россійскомъ дворянствѣ" и пр. Спиридовы владѣли Нагорьемъ до самой отмѣны крѣпостного права. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ 1785—87 г., земская и церковно-приходская школа, больница, библіотека-читальня, волостное правленіе, камера земскаго начальника, квартира станового пристава. Нагорье—торговое село, въ немъ бываютъ ярмарки—Петропавловская (29 іюня), Ильинская (20 іюля), Спасская (1 августа), Семеновская (1 сентября), Покровская (1 октября). Въ Нагорномъ приходѣ значительнымъ подсобнымъ промысломъ служитъ плотничество. Кромѣ села въ составъ прихода входятъ: д. Вѣхово, Коробово, Манцино, Меленки (Ракитово), Огорѣльцово. Овчинниково, Родіоново, Сидорково съ земской школой и Торчаново Нагорской вол., Бояково (Обояково) Хмельниковской вол., Воронкино, Михальцово, Фонинское. Послѣднее одно изъ насе-

---

[1]) Акты истор. I, 133; т. III, стр. 182; Допол. къ акт. ист., т. VI, стр. 53 и 54; т IX, ст. 350 и 351: Опис. док. и дѣл. св. синода, т. II, ч. 2, ст. 376: Семеновъ. Геогр.-стат. словарь, V, ст. 363: Влад. Губ. Вѣд., 1859 г. № 18: Жур. Мин. Внут. Дѣлъ 1858, ч. 32, отд. 3, стр. 45; Лѣтопись занят. арх, комис. VII, 154.

[2]) Собр. гос. гр. и дог. I, 355; Сборникъ кн. Хилкова, стр. 33.

ленныхъ поселковъ уѣзда (807 чел., почти столько же, сколько въ самомъ Нагорьи, насчитывающемъ 850 чел.); въ старину Фонинское было также помѣщичьимъ владѣніемъ, здѣсь имѣется земская школа [1]).

С. Святово. на р. Нерли. Возникло въ самомъ концѣ XVII или началѣ XVIII ст. около выстроеннаго въ этой мѣстности храма стольникомъ Ѳедоромъ Ивановичемъ Замыцкимъ. До того же времени мѣстность была пустошью и называлась Семенковой и Марковой. Теперь въ селѣ каменная церковь, построенная въ 1794 г., и земская школа съ 1882 г. Приходъ состоитъ изъ с-ца Фалисова, гдѣ встарину была церковь и самое сельцо изстари было помѣщичьимъ, д.д. Ананьина, Камышева, Мясоѣдова и Гаврилкова съ земской школой. Въ Святовѣ была найдена рукописная, такъ наз., Башмаковская разрядная книга [2]).

ПЕРЕСЛАВСКАЯ волость расположена по Московско-Ярославскому шоссе и Юрьевскому тракту вблизи г. Переславля; населенныхъ пунктовъ 43, жителей обоего пола 10528 чел., удобной земли надѣльной 21026,25 дес. и частновладѣльческой 19555,5 дес., итого 39581,75 дес.

С. Большая Брембола на р. Ветлянкѣ. Древнее мерянское поселеніе; во времена переславскаго княжества принадлежало къ подклѣтнымъ селамъ кн. переславскихъ, въ томъ же видѣ перешло къ в. кн. и царямъ московскимъ; въ XVII в. стало помѣщичьимъ. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ 1709 г., и земская школа съ 1903 г. Къ приходу его относятся: с-цо Словеново, с-цо Хомяково и д. Коротково. Значительный подсобный промыслъ для населенія—работа на переславскихъ фабрикахъ. [3])

С. Малая Брембола. Основано мерянами, памятникомъ чего оставалось до половины XIX ст. 34 кургана, находившіеся въ лѣсу, вблизи села. Выдѣлилось изъ Большой Бремболы, надо думать, въ XI ст. Далѣе было дворцовымъ владѣніемъ, а потомъ въ XVII в перешло къ помѣщикамъ. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ составъ прихода входятъ деревня Пономаревка и с-цо Скулино [4]).

---

[1]) Щекатовъ, Словарь географ., IV. 471–473; К. Тихонравовъ, Влад. Губ. Вѣд. 1847 г. № 27; кн. С. Гагаринъ. Всеобщій геогр. и стат. словарь, III, ст. 4; Влад. Губ, Вѣд. 1847 г., № 27 и 1880 г., № 3 и 4.

[2]) Акты арх. эк. I, 392; Влад. Губ. Вѣд, 1854 г., № 15 и 32, 1856 г., № 12; 1857, № 3.

[3]) Труды Влад. Арх. Ком., вып. IX, а также отд. оттиски: „Село Б. Брембола", I—110 стр.

[4]) Гв. Уваровъ. Меряне и ихъ бытъ, стр. 655.

С. Веськово на р. Веськовкѣ (Веськѣ) и Плещеевѣ озерѣ. Основано мерянами. Въ окрестностяхъ его разрыто было въ половинѣ XIX столѣтія 279 кургановъ на горѣ и склонѣ горы Гремячъ и 133 подъ горою по направленію къ озеру. Во времена московскаго государства село принадлежало переславскому Горицкому монастырю. При Петрѣ I пріобрѣло извѣстность тѣмъ, что служило исходной точкой для его плаваній по Переславскому озеру (въ 1688—1699 г.г.), послѣ чего стало дворцовымъ. При преемникахъ им. Петра отдано въ отчину ротмистру Бутакову и въ частномъ владѣніи находилось до половины XIX ст. Съ того же времени составляетъ собственность Владимірскаго дворянства, во владѣніи котораго теперь осталась мѣстность на горѣ Гремячъ, извѣстная подъ именемъ „Ботика". Въ селѣ—каменный храмъ, построенный въ началѣ XIX ст., и земская школа. Въ Веськовскомъ приходѣ находятся деревни Глѣбовской вол.:—Сокольники Большіе, Дубовицы, Дялькино [1]).

С. Воронцово на р. Ламнейкѣ. Встарину принадлежало разнымъ помѣщикамъ. Имѣетъ два храма—деревянный и каменный.

С. Городищи на берегу Плещеева озера. Образовалось въ мѣстѣ самаго значительнаго поселенія мерянъ, памятникомъ котораго служило 1341 курганъ, сохранившихся до половины XIX ст. Въ первые вѣка существованія русскаго государства здѣсь былъ устроенъ земляной городъ Клещинъ; при изслѣдованіи его въ минувшемъ столѣтіи открыты слѣды построекъ, основаніе церкви и бывшаго при немъ кладбища. На разстояніи саженъ 300 отъ бывшаго города находится историческая Александрова гора, съ недавняго времени распаханная подъ поле. При п. Иванѣ Грозномъ с. Городищи было пожаловано Никитскому монастырю; въ концѣ XVIII ст. было отобрано отъ него въ вѣдѣніе Коллегіи Экономіи. Немного позднѣе этого былъ выстроенъ каменный храмъ, вмѣсто существовавшихъ издавна деревянныхъ церквей. Къ Городищенскому приходу, кромѣ села, относятся д.д.: Кріушкино и Княжево [2]). Въ селѣ—земская школа.

---

[1]) Семеновъ, Геогр.-стат. словарь I. 448: Энц. словарь Брокгауза, VI. кн. II, стр. 127: гр. А. Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, стр. 655 и др.: Семеновъ, Россія, т. I, С.-П.-Б., 1899, стр. 276: Влад. Губ. Вѣд. 1853 г., № 15: Изд. Мартынова. Переслав. ботикъ Петра Вел., М. 1872 г., ст. 24: Устряловъ, Ист. царств. Петра В., II, С.-П.-Б., 1858 г., стр. 146 и др.: Влад. Губ. Вѣд. 1852 г. № 39: 1853 г., №№ 1, 3, 36, 39: 1855 г. № 24.

[2]) Гр. Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, стр. 656—659: Древн. Рос. Вивл., ч. VI, стр 18: Собр Госуд. гр. и дог. ч. I, стр. 207: ошибочно у Карамзина, т. III, пр. 164: Соловьевъ, IV, стр. 155, пр. 29: Семеновъ, Геогр.-стат словарь, I, 670: Переславль Залѣсскій. Никитскій монастырь. Матеріалы для его исторіи XVII и XVIII ст., стр. 1, 2, 9 и др.: Владимір. Сборн., стр. 94; Владимір. Губ. Вѣд. 1858 г., № 22.

С. Ивановское на р. Нилкѣ, притокѣ М. Нерли. При царѣ Иванѣ Грозномъ было дворцовымъ селомъ, крестьяне котораго по особой уставной грамотѣ были освобождены отъ „ключнича и отъ постельнича суда“ и имѣли право судиться у своихъ выборныхъ судей. При томъ же царѣ Иванѣ IV село было пожаловано Ѳедоровскому монастырю, во владѣніи котораго находилось до отобранія монастырскихъ вотчинъ. Въ окрестностяхъ села производилась переславскими сокольниками ловля соколовъ и ястребовъ, въ изобиліи водившихся при Ивановскомъ озерѣ. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ 1791—94 г.г., и земская школа, основанная въ 1899 г. Къ Ивановскому приходу относятся: дер. Бутаково, принадлежавшая встарину Московскому Симонову монастырю, дер. Красногоръ и бывшее село Конюцкое.[1])

С. Красное на р. Трубежѣ. При царѣ Иванѣ Грозномъ было дворцовымъ селомъ, потомъ пожаловано имъ въ Никитскій монастырь, во владѣніи котораго находилось до отобранія вотчинъ. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ первой четверти XIX ст. и земская школа, основанная въ 1875 г. Въ Красновскомъ приходѣ находится д. Чашницы, принадлежавшая встарину Горицкому монастырю.[2])

С. Купань (Хопань или Хупань). Мерянское поселеніе. Въ концѣ XV в. была деревней, а въ началѣ слѣдующаго столѣтія—селомъ, принадлежавшимъ Троице-Сергіевскому монастырю, во владѣніи котораго оставалось до 1764 г. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ началѣ XIX ст., и земская школа. Въ приходѣ его находится д. Хмельники (Копнинской вол.).[3])

С. Лучинское. Встарину принадлежало Переславскому Никитскому монастырю. Въ селѣ—каменная церковь, построенная вмѣсто деревянной въ началѣ XIX ст., и земская школа. Къ приходу относится с-цо Курянниново [4]).

С. Нила на р. Нилкѣ. Мерянское поселеніе. До упраздненія монастырскихъ вотчинъ принадлежало переславскому Горицкому мона-

---

[1]) Акты историч., I. 315. III. 182: Словарь Щекатова, II. ст. 681: Перес. Залѣс. Никитскій монастырь XVII и XVIII ст., стр. 2, 11 и др.

[2]) Опис. докум. и бум. Моск. арх. Мин. Юст., II кн., отд. 3, стр. 131; Акты истор. I, 342: Перес. Залѣс. Никит. монаст. XVII и XVIII ст., М. 1888 г., стр. 6, 13, 48 и др.

[3]) Гр. Уваровъ, Меряне и ихъ бытъ, ст. 659; Семеновъ Т., Къ вопросу о родствѣ и связи Мери съ Черемисами (въ Трудахъ VII Съѣзда въ Ярославлѣ 1887 г., ст. 228); Акты Арх. Экси. I, 333, 392. Лѣтопись занятій Археогр. Ком. VII, 154.

[4]) Переславль Зал. Никит. монаст. XVII и XVIII ст., стр. 4, 15 и др.; Прот. Свирѣлинъ, Опис. Никит. монастыря, М., 1879 г., стр. 43, 45.

стырю. Въ селѣ—каменная церковь, построенная вмѣсто деревянной въ началѣ прошлаго столѣтія, и земская школа.[1])

С. Пердово на р. Мурмажѣ. Принадлежало Переславскому Горицкому монастырю до отобранія вотчинъ. Въ селѣ—каменная церковь постройки прошлаго столѣтія. Къ приходу его относятся: с-по Большево, бывшее встарину административнымъ центромъ („Большевъ станъ“) и с-цо Семенцево (Семеновка), оба Петровской вол.[2])

С. Троицкая (Отхожая) **слобода.** Изстари населена была служками Никитскаго монастыря и принадлежала ему до упраздненія монастырскихъ вотчинъ. Въ приходѣ состоитъ Никитская Слободка, также старинная вотчина Никитскаго монастыря. Въ селѣ—каменный храмъ, построенный въ половинѣ XIX ст. на мѣстѣ деревянной церкви, и церковно-приходская школа.[3])

С. Фалелѣево. Дворцовое село; было пожаловано ц. Иваномъ Грознымъ Никитскому монастырю, который владѣлъ имъ втеченіе двухъ сотъ лѣтъ до 1764 г. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ 1872 г.[4])

С. Ямская слобода. Основана при ц. Иванѣ Грозномъ до 1581 г. на старинномъ сѣверномъ тракту изъ Москвы въ Бѣломорье. Въ Ямскомъ приходѣ состоитъ с-цо Троицкое, принадлежавшее встарину Данилову монастырю. Въ Слободѣ—каменная церковь, построенная вмѣсто деревянной въ первой четверти XIX ст., и земская школа, открытая въ 1883 г.[5])

С. Ягренево (встарину также Гренево). До упраздненія монастырскихъ вотчинъ принадлежало переславскому Никитскому монастырю. Въ селѣ—каменная церковь, устроенная въ началѣ XIX ст., и земская школа. Въ приходѣ состоятъ: с-цо Дементьево, с-цо Вырыпайка, д. Маурино, Милитино и Осанино.[6])

ПЕТРОВСКАЯ волость расположена по теченію р. Трубежа, граничитъ съ Александровскимъ уѣздомъ; черезъ нея проходитъ Московско-

---

[1]) Гр. С. Шереметевъ. Два упраздненныхъ монастыря надъ Переславскимъ озеромъ, М., 1901 г.

[2]) ibib.

[3]) Переславль Залѣс. Никитскій монас. XVII и XVIII ст., стр. I, 8, 41 и др.

[4]) Переславль Зал. Никитскій мон. XVII и XVIII ст., стр. 5, 17 и др.; Акты истор. I, 315. Влад. Епарх. Вѣд. 1883 г. № 16, стр. 473—75.

[5]) В. Добронравовъ. Исторія Данилова монаст., стр. 19, 26; прилож. 18, 43, 52, 53, 62, 64 и др.

[6]) Перес. Залѣс. Никитскій монаст. XVII и XVIII ст., М., 1884 г., стр. 2, 12, 59 и др.; Описаніе докум. и бум. Моск. арх. Мин. Юст. II, отд. 3, стр. 138.

Ярославская ж. д. и шоссейная на Переславль; населенныхъ пунктовъ 28, жителей 5350 чел., удобной земли надѣльной 10691 и частновладѣльческой 5006,25 дес., итого 15697,25 дес.

С. Багрѣмово при р. Соболкѣ и Стрѣлицѣ. Встарину принадлежало разнымъ помѣщикамъ. До 1705 г. было деревней; въ этомъ году помѣщикомъ Лопыревымъ выстроена деревянная церковь. Въ прошломъ столѣтіи вмѣсто деревянной построена существующая теперь каменная. Сюда прихожа д. Новая. Въ приходѣ занимаются портняжнымъ промысломъ.

Берендѣевская пустынь при станціи Сѣверныхъ ж. д.—Берендѣево. Возникла въ концѣ XIX ст. и находится въ зависимости отъ Ѳедоровскаго женскаго монастыря. Здѣсь имѣется каменная церковь, церковно-приходская школа и кельи для монашествующихъ.

С. Бѣберево при р. Трубежѣ. Основано мерянами. Въ XVI вѣкѣ находилось въ запустѣніи; ц. Иваномъ Грознымъ было пожаловано въ вотчину Данилову монастырю, во владѣніи котораго находилось около двухъ сотъ лѣтъ. Въ селѣ—каменный храмъ, построенный въ началѣ XIX ст. Къ приходу принадлежитъ д. Громоздово.[1])

С. Давыдово (Давыдовское). Въ XVI в. значится въ числѣ вотчинъ Троице-Сергіевскаго монастыря; съ 1764 г. стало экономическимъ, потомъ казеннымъ. При немъ съ давнихъ поръ числятся въ приходѣ слѣдующія деревни: Милославка, Ростиново (Петр. вол.), Федосово, Шушково (Смоленской вол.). Въ селѣ—каменный храмъ, устроенный въ началѣ прошлаго столѣтія; и второклассная церковно-приходская школа.[2])

С. Добрилово на р. Трубежѣ. Принадлежало Переславскому Борисоглѣбскому Надозерному монастырю; съ 1764 г. стало экономическимъ, потомъ казеннымъ. Въ селѣ - каменная церковь, построенная въ половинѣ XIX ст., и земская школа. Къ приходу его относятся: д. Загорье, принадлежавшая Данилову монастырю, и д. Никитское; встарину послѣдняя была административнымъ центромъ Никитскаго стана.[3])

С. Ефимьево. Въ XVI ст. было помѣщичьимъ селомъ, но съ 1564 г. пожертвовано бояриномъ Шеинымъ Ростовскому Богоявленскому

---

[1]) Описаніе докум. и бум. Моск. арх. Мин. Юст., II, отд. 3, ст. 136; В. Добронравовъ. Исторія Данил. мон. стр. 26, 38; прилож. 34, 43 и др. Юшковъ, Акты, поданные въ разр. приказ., М., 1895 г., стр. 152—154. Въ архивѣ Данилова монастыря имѣются цѣнныя свѣдѣнія о с. Биберевѣ въ видѣ отчетности и разныхъ вотчинныхъ бумагъ.

[2]) Акты Арх. Экп. I, стр. 392.

[3]) Гр. Шереметевъ. Два упраздненныхъ монастыря: В. Добронравовъ, Исторія Дан. мон., ст. 24, 39; прил. 26 и др. Акты ист. II, 279.

ПОЛОВЕЦКАЯ волость расположена на водораздѣлѣ волжскихъ и клязьменскихъ притоковъ, граничитъ съ Ярославской губ., населенныхъ пунктовъ 13, жителей обоего пола 3250 чел., удобной земли надѣльной 5164,25 дес. и частновладѣльческой 8738,75 дес., итого 13903 дес.

С. **Алферьево** и составляющая съ нимъ одинъ приходъ д. Рыково встарину принадлежали помѣщикамъ. Въ селѣ каменная церковь.

С. **Лычевцы** на р. Нерли. Въ XVII ст. принадлежало помѣщикамъ Плишкинымъ; позднѣе было многопомѣстнымъ. Къ приходу его принадлежатъ д. Пески, с-цо Студенецъ, д. Ченцы. Въ селѣ каменный храмъ, земская школа и фельдшерскій пунктъ [1]).

С. **Половецкое** на р. Смородиновкѣ. Монастырское село (было за переславскимъ Никитскимъ монастыремъ), въ приходѣ съ нимъ состоятъ: д. Акалово, Ботогово (Поляна), Колганъ, с-цо Андреевское, д. Скоморохово; въ послѣдней волостное правленіе. Въ селѣ же каменная церковь и земская школа, открытая въ 1883 г. [2]).

СМОЛЕНСКАЯ волость расположена по Московско-Ярославской ж. д., граничитъ съ Переславскимъ и Александровскимъ уѣз., населенныхъ мѣстъ 29, жителей—6784 чел., удобной земли надѣльной 11521 дес. и частновладѣльческой 6835,5 дес., итого 18356,5 дес.

С. **Алексино** на р. Тошнѣ. Послѣ смутнаго времени находилось въ запустѣніи, но въ послѣдней четверти XVII ст. снова было заселено и принадлежало боярину кн. Михаилу Юрьевичу Долгорукому. До освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости было помѣщичьимъ селомъ вмѣстѣ съ входящею въ составъ прихода д. Новоселки. Въ селѣ—каменная церковь постройки прошлаго вѣка; въ д. Новоселкахъ—земская школа, открытая въ 1898 году.

С. **Бектышево.** По переписи 1628–29 г.г. значилось за патріаршимъ стольникомъ Архипомъ Семеновичемъ Самсоновымъ, въ роду котораго село оставалось до реформы 1861 г. Въ селѣ—каменная церковь, министерская мужская начальная школа съ 1868 г., женская церковно-приходская и межъуѣздная амбулаторія. Въ Бектышевскомъ приходѣ числится с-цо Поварово, въ которомъ встарину была церковь [3]).

---

[1]) Влад. Епарх. Вѣд. 1900 г., № 24, ст. 837–50; Рус. Листокъ, 1900 г. № 360 3989; 1901 г. № 21 4011–29 4019, 33 4023; Живопис. Россія. 1901 г., № 8, Временникъ, стр. 91.

[2]) Пересл. Залѣс. Никит. монаст., М., 1888 г., 4, 16 и др.

[3]) Описаніе док. и бум. Моск. Арх. Мин. Юст. II, отд. 3, стр. 136. Владим. Губ. Вѣд., 1868 г. № 41; 1870 г. № 22; 1878 г., № 3.

С. Каллистово при р. Шахѣ и Бабухѣ. До раскрѣпощенія крестьянъ было вотчиною разныхъ помѣщиковъ, среди которыхъ встрѣчаются фамиліи Федосѣевыхъ, Изъединовыхъ, Загоскиныхъ и пр. Къ Каллистовскому приходу относятся с-цо Кіучеръ, древнее мерянское поселеніе, во времена Московскаго государства бывшее главнымъ пунктомъ стана, носившаго названіе Кіучерскаго, и д. Новорѣчево (Нечаевка). Въ селѣ каменная церковь и церковно-приходская школа; въ с-цѣ Кіучеръ—земская школа. Изъ подсобныхъ промысловъ имѣетъ значеніе плотничный [1]).

С. Михалево, при р. Черноръчкѣ. Находилось въ помѣстьѣ за разными служилыми людьми, а потомъ въ вотчинѣ до самой отмѣны крѣпостного права. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ 1849 г. помѣщикомъ Димитріемъ Ивановичемъ Бекетовымъ.

С. Нестерово (Телешово). Старинное помѣщичье село. Владѣльцами его были въ XVII ст. кн. Анисья Уварова и бр. Полозовы, въ XVIII ст.—сенаторъ Петръ Сергѣевичъ Свиньинъ, въ XIX—его потомокъ—ротмистръ Петръ Павловичъ Свиньинъ. Въ селѣ—каменная церковь, построенная ротмистромъ Свиньинымъ, и церковно-приходская школа. Въ приходѣ Нестеровскомъ состоятъ д. Исаково, Крюково, Скрипицыно.

С. Петрищево, при р. Шахѣ. Упоминается въ завѣщаніи (1498 г.) кн. Патрикѣева; со временемъ принадлежало другимъ владѣльцамъ: Губаревымъ, Зубовымъ и пр. Въ селѣ—каменная церковь и церковно-приходская школа. Къ приходу его относятся с-цо Горки и Станщи [2]).

С. Рождествено. До отобранія вотчинъ отъ монастырей принадлежало Переславскому Никитскому монастырю, потомъ было экономическимъ и казеннымъ. Въ селѣ—каменная церковь.

С. Романово, на р. Рокшѣ. Существовало въ XV вѣкѣ, но могло быть основано и раньше этого времени. Царемъ Иваномъ Грознымъ пожаловано переславскому Данилову монастырю, во владѣніи котораго находилось до 1764 г. Сильно пострадало во время смуты, но впослѣдствіи оправилось. Въ селѣ—каменная церковь постройки XIX ст. и земская школа, открытая въ 1898 году [3]).

С. Смоленское. Долгое время находилось во владѣніи г.г. Свиньиныхъ, изъ коихъ генералъ-поручикъ Петръ Сергѣевичъ Свиньинъ

---

[1]) Опис. док. Моск. Арх. Мин. Юст., I, № 1994. Къ Каллистовскому приходу относятся еще дер. Новопавловка Юрьевскаго у. и с-цо Яковлево Александровскаго у.

[2]) Собр. гос. гр. и дог. I, 335; Древ. Рос. вив., IV, 272.

[3]) Собр. гос. гр. и дог. I, 335; В. Добронравовъ, исторія Данилова монастыря, стр. 26, 38, 40; прилож. 33, 51 и др.

выстроилъ здѣсь великолѣпный каменный домъ въ три этажа въ связи съ нимъ двухъ-этажную каменную же церковь (1779 г.), существующую до настоящаго времени. Въ селѣ находится четырехъ-классная казенная сельско-хозяйственная школа на 50 чел. учащихся, раздѣляющихся на казенныхъ стипендіатовъ и земскихъ съ платою сто руб. въ годъ. Кромѣ этой школы въ селѣ есть земская начальная школа, открытая въ 1901 г., и волостное правленіе [1]).

С. Спасское. Въ 1589 г. принадлежало помѣщику Семену Ивановичу Чемоданову, во владѣніи рода котораго находилось и въ XVIII ст.; потомъ перешло къ другимъ владѣльцамъ. Въ селѣ—каменная церковь, построенная помѣщицей Васильчиковой въ первой четверти XIX ст., и церковно приходская школа. Въ приходѣ состоятъ с-цо Никуленка и д. Черницыно [2]).

С-цо **Савельево** (къ приходу с. Исакова Юрьевскаго уѣз.) извѣстно производствомъ валяныхъ сапогъ.

Д. д. **Чернецкое** на Шахѣ и Чернецкое на Оселкѣ—къ приходу с. Павловскаго Александровскаго уѣзда.

ѲЕДОРЦЕВСКАЯ волость граничитъ съ Тверской губ. и Александровскимъ уѣз., отъ послѣдняго отдѣляетъ р. Дубна, по притокамъ которой расположена вся волость, насчитывающая 23 поселенія съ 3607 жителей обоего пола; заключаетъ удобной земли надѣльной 7002 дес. и частновладѣльческой 15745 дес., итого 22747 дес.

С. Заболотье. Упоминается въ документахъ XVI в. Въ окрестныхъ лѣсахъ его охотился на медвѣдей царь Иванъ Грозный по дорогѣ отъ Макарія Калязинскаго къ Троицѣ. Въ смутное время было отдано Самозванцемъ Григорію Мошотову и Димитрію Салманову. Царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ пожаловано стольнику Богдану Дубровскому за посольскую службу. Въ XVIII и XIX ст. принадлежало гр. Салтыковымъ, изъ нихъ гр. Владиміръ Семеновичъ Салтыковъ въ 1756 г. построилъ каменную церковь, существующую и теперь. Къ приходу принадлежатъ д.д. Болеботино, Веригино, Демидово, Замостье, Колошино, Макарово, Меркурьево, Морозово, Полубарское, Скорынино, Смолино, Ѳедорцево. Въ послѣднихъ двухъ деревняхъ земскія школы; въ Ѳедорцевѣ—волостное правленіе; въ Заболотьи—церковно-приходская школа. Для окрестныхъ поселеній Заболотье служитъ торговымъ пунктомъ, здѣсь бываютъ ярмарки: Богоявленская (6 января), Предмасляничная (въ субботу предъ масляницей), Благовѣщенская (25 марта) и Ильинская (20 іюля). Изъ под-

---

[1]) Щекатовъ. Словарь геогр., V, ст. 1056.

[2]) Юшковъ. Акты XIII—XVII в.в. поданные въ разрядный приказъ М., 1898 г., стр. 266.

собныхъ промысловъ Заболотскаго прихода имѣетъ значеніе плотничество и плетеніе шнурковъ. [1]).

С. Мергусово. Стало селомъ съ половины XVII ст., послѣ того, какъ владѣлецъ его Владиміръ Сергѣевичъ Салтыковъ выстроилъ здѣсь церковь. Въ 1883 г. переславское земство открыло начальную школу, существующую до сего времени. Къ приходу его относятся: д. Копалово, Переславицы, Толстоухово; Хребтовской вол.—д. Запольская, имѣвшая встарину деревянную церковь, д.д. Катунино и Селково, принадлежавшія до упраздненія монастырскихъ вотчинъ Троицкой лаврѣ.

С. Шекелево. Объединено въ одинъ приходъ съ деревнями: Спятинкой и Строиловымъ. Въ селѣ каменный храмъ постройки прошлаго столѣтія и земская школа, открытая въ 1879 году.

ХМЕЛЬНИКОВСКАЯ волость—на границѣ Тверской губ., черезъ нея проходитъ р. Б. Нерль; населенныхъ мѣстъ 30, жителей обоего пола 8461 чел., удобной земли надѣльной 13518, 75 дес. и частновладѣльческой 13083,5 дес., итого 26602,25 дес.

С. Андреяново (Адріаново), на р. Б. Нерли. Около двухъ сотъ лѣтъ принадлежало (1575—1764 г.г.) Троицкому монастырю потомъ было экономическимъ и казеннымъ. Въ селѣ—каменная церковь, построенная въ 1796—1802 г.г., земская школа, существующая съ 1843 г. и волостное правленіе. Андреяновскій приходъ, кромѣ села, составляютъ: д. Ананкино, въ которой въ XVII в. была церковь; д. Григорово, Калинкино, Захарово, Лисавы (послѣднія двѣ деревни выдѣлились въ XIX ст. изъ д. Григорово послѣ пожара); Маринкино, Панская, Поповская, Хороброво (послѣднія двѣ деревни съ 1578 г. находились во владѣніи Троицкаго монастыря), Тукаленка.[2])

С. Горъ-Пневицы. Въ XV в. было становымъ селомъ; Пневицкій станъ упоминается въ межевой грамотѣ в. кн. Ивана III. Въ XVII и началѣ XVIII в. Пневицы были погостомъ, вблизи котораго находилась д. Горы, принадлежавшая разнымъ помѣщикамъ. Въ селѣ—каменный храмъ, построенный въ концѣ XVIII ст. и церковно-приходская школа. Къ Пневицкому приходу относятся: д. Акулово (Окулово), Конякино, Подолъ (Подолецъ), Старово и д. Юрцево (Ѳедорцевской вол.), съ которой послѣ пожара 1831 г. слилось существовавшее ранѣе село Зарой.[3])

---

[1]) Карамзинъ, VIII, пр. 153: Щекатовъ, Словарь, II, 505; Акты ист., II, 151: Словарь Полунина, М., 1788 г., II, стр. 1.

[2]) Акты арх. экп. I, 392: Опис. докум. и бум. Моск. арх. Мин. Юст. I, № 2019.

[3]) Собр. гос. гр. и дог. I, ст. 354; Допол. къ акт. истр. I, ст. 381.

С. Ермово. Встарину принадлежало кн. Ромодановскимъ, коими пожертвовано было въ переславскій Горицкій монастырь. Послѣдній владѣлъ имъ до отобранія отъ монастырей вотчинъ. Въ селѣ—церковно-приходскія школа и каменный храмъ, построенный въ 1764—1800 г.г., въ украшеніи котораго принималъ участіе архіепископъ Черниговскій Павелъ, уроженецъ этого села. Въ храмѣ до настоящаго времени сохраняются приложенныя имъ сюда иконы и разныя принадлежности архіерейскаго облаченія. Къ Ермовскому приходу относятся: д. Бѣлоглазово и Деревенька.[1])

С. Михайловское. До освобожденія отъ крѣпостной зависимости находилось во владѣніи помѣщиковъ, изъ коихъ слѣдуетъ отмѣтить кн. Щербатова, кн. Сентову (XVII ст.), кн Прінмкову-Ростовскую, кравчаго Кирилла Нарышкина (XVIII ст.). Въ селѣ—каменный храмъ, выстроенный въ 1840—1850 г.г. помѣщикомъ Зубовымъ, и церковно-приходская школа. Къ приходу относятся: д. Палумихалево и д. Дворики (Постоялый дворъ).

Д. Хмельники, Пылаиха и Головинское составляютъ Хмельниковскій приходъ, селенія котораго до отмѣны крѣпостного права находились во владѣніи помѣщиковъ: Лихачевыхъ, Салтыковыхъ и Свиридовыхъ. Объединяющимъ центромъ прихода служитъ погостъ Воскресенскій, находящійся вблизи д. Хмельниковъ. Здѣсь находится каменная церковь, построенная въ началѣ XIX ст. вотчинникомъ Свиридовымъ. Въ ней сохраняется поступившій отъ родственницы храмоздателя серебряный медальонъ съ каплею крови отъ мощей св. ап. Павла. Въ Хмельникахъ –земская школа, существующая съ 1843 года.[2])

ХРЕБТОВСКАЯ волость граничитъ съ Александровскимъ уѣз. р. Дубною, расположена по ея притокамъ, имѣетъ населенныхъ мѣстъ 29, жителей 5531 чел. обоего пола; удобной земли надѣльной 9017,5 дес. и частновладѣльческой—5884,25 дес., итого 14901,30 дес.

Погостъ Подлипы (Шурма). До раскрѣпощенія крестьянъ находился во владѣніи помѣщиковъ, которыми въ началѣ XIX ст. выстроенъ здѣсь каменный храмъ, въ 1865 г. переславскимъ земствомъ открыта была начальная школа. Въ Подлипскомъ приходѣ значатся слѣдующія селенія: д. Боблово, принадлежавшая встарину Троицкой лаврѣ, Ваулино, Григорово, Дубровы, Климово, Малинки, Мухарево, Новая Шурма (образована въ XIX ст. кн. Голицынымъ по устройствѣ имъ каменнаго храма) и с-цо Трехселище. Изъ подсобныхъ промысловъ имѣетъ значеніе плотничный.[3])

---

[1]) Влад. Губ. Вѣд. 1861 г., № 46—48.

[2]) Опис. док. и бум. Моск. арх. Мин. Юст. II, от. 3, стр. 134.

[3]) Кромѣ того, въ составъ Подлипскаго прихода входятъ д.д. Александровскаго у.:—Федотово, Становищи, Дубровка, Горки.

С. Пустое Рождество. По переписнымъ книгамъ 1628—29 г.г. числилось за переславцемъ Иваномъ Михайловичемъ Палицинымъ, фамиліи котораго принадлежало и въ XVIII ст. Въ селѣ—каменный храмъ, церковно-приходская школа и пріемный покой для больныхъ. Къ Пусто-Рождественскому приходу принадлежатъ: д. Власово, Горюшки, Мардарьево, Сорокино и с-цо Торгошино Ѳедорцевской волости.

С. Хребтово. Принадлежало печатнику Ивану Михайлову, но царемъ Иваномъ Грознымъ (въ 1571 г.) „с. Хребтово съ церковью и со дворомъ съ боярскимъ, съ прудомъ и съ пашнею и съ садомъ", а также со множествомъ деревень отдано было въ вотчину кн. Василію Ивановичу Темкину. Но владѣлъ онъ имъ весьма недолго, такъ какъ въ томъ же году Никитою Парфентьевымъ, новымъ владѣльцемъ, село было пожертвовано Троице-Сергіеву монастырю. Полагаютъ, что существующая въ селѣ каменная церковь построена въ первой половинѣ XVIII ст. Въ селѣ—земская школа, библіотека-читальня и волостное правленіе. Хребтово обслуживаетъ окружающія поселенія годовыми ярмарками: Никольской (9 мая и 6 декабря) и Крестовоздвиженской (15 сентября). Къ Хребтовскому приходу принадлежатъ: д. Барово, Вонятино, Дмитріевское, Петрушино, Новая, и с-цо Сальково; въ послѣднихъ двухъ—земскія школы.[1])

---

[1]). Акты историч. I, 342.

Хронологическія свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Переславля-Залѣсскаго.

1152 г. Первое лѣтописное упоминаніе о Переславлѣ. Основаніе крѣпости и перенесеніе княземъ Юріемъ Долгорукимъ въ Переславль заложенія церкви во имя Всемилостиваго Спаса. Переславль—главный городъ Залѣсья.

1157 г. Окончаніе постройки каменной церкви Спаса кн. Андреемъ Боголюбскимъ въ Переславлѣ.

1174 г. † в. кн. Андрея Боголюбскаго. Участіе переславцевъ на Владимірскомъ вѣчѣ для избранія князя.

1175 г. Раздѣленіе Ростовско-Суздальской области. Начало Переславскаго княжества. Первый переславскій князь Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо.

1186 г. мая 24 дня † пр. Никиты Столпника переславскаго чудотворца.

1191 г февраля 8. Рожденіе въ Переславлѣ кн. Ярослава Всеволодовича.

1194 г. іюля 29. Постройка деревяннаго города на земляномъ валу.

1201 г. августа 3 (или 10). Отправленіе князя Ярослава на княженіе въ Переславль южный.

1212 г. апрѣля 15. † в. кн. Всеволода Юрьевича.

„ „ 18 „ Принесеніе присяги переславцами кн. Ярославу Всеволодовичу.

1214 г. Женитьба кн. Ярослава Всеволодовича на Ростиславѣ Мстиславнѣ.

1216 г. апрѣля 21. Липицкая битва.

„ мая 3. Сдача Переславля союзникамъ: кн. Константину Всеволодовичу и Мстиславу Удалому.

1219 г. Рожденіе въ Переславлѣ кн. Ѳедора Ярославича.

1220 г. мая 30. Рожденіе кн. Александра Ярославича въ Переславлѣ.

1225 г. Походъ кн. Ярослава съ переславскими полками въ Литву.

1228 г. Псковскій походъ князя Ярослава съ переславскими полками.

„ Бѣгство изъ Новгорода кн. Ѳедора и Александра въ Переславль.

1233 г. † кн. Ѳедора Ярославича въ Новгородѣ. Походъ князя Ярослава въ Ливонію изъ Переславля.

1236 г. Ярославъ—великій князь Кіевскій.

1238 г. февраль. Татарское нашествіе. Разореніе Переславля.

1240 г. іюля 15 дня. Невская побѣда надъ шведами кн. Александра Ярославича.

„ Начало княженія его въ Переславлѣ.

1242 г. апрѣля 5 дня. Ледовое побоище.

1247 г. † великаго князя Ярослава Всеволодовича.

1247—49 г.г. Путешествіе въ Орду князя Александра Ярославича.

1252 г. іюня 24. Второе разореніе Переславля татарами.

2262 г. Возстаніе въ Переславлѣ противъ татаръ.

1263 г. ноября 14. † великаго князя Александра Ярославича.

„ Четвертый переславскій князь—Димитрій Александровичъ.

1276—1281. Князь Димитрій Александровичъ—великій князь Владимірскій. Переславль Залѣсскій—столица русской земли.

1280 г. декабря 6. † митрополита Кирилла въ Переславлѣ.

1281 г. „ 19. Третье разореніе Переславля татарами.

1283—1293 г.г. Димитрій Александровичъ—второй разъ в. кн. Владимірскій.

1292 г. † бл. кн. Андрея Смоленскаго въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

1293 г. Опустошеніе Переславля кн. Ѳедоромъ Ростиславичемъ ярославско-смоленскимъ.

1294 г. † кн. Димитрія Александровича. Начало княженія въ Переславлѣ князя Ивана Димитріевича.

1296 г. Путешествіе князя Ивана Димитріевича въ Орду.

1302 г. мая 15. † послѣдняго переславскаго кн. Ивана Димитріевича.

1302 г. Конецъ Переславскаго княжества.

„ Переславль Залѣсскій подъ властью Москвы.

1303 г. Избраніе переславцами кн. Юрія Даниловича Московскаго.

„ Съѣздъ князей въ Переславлѣ.

1304 г. Нападеніе на Переславль тверского боярина Акинѳа.

1310 (или 1311) г. Соборъ въ Переславлѣ Залѣсскомъ по дѣлу митрополита Петра.

1321 г. Посольство тверского князя въ Переславль къ князю Юрію Даниловичу.

1339 г. Встрѣча въ Переславлѣ тѣла пострадавшаго въ Ордѣ князя тверского Александра Михайловича.

1344 г. Посвященіе въ игумена пр. Сергія епископомъ Аѳанасіемъ.

1359—1362 г.г. Переславль Залѣсскій подъ властью великаго князя Димитрія Константиновича Суздальскаго.

1369 г. Возобновленіе рубленаго города на земляномъ валу.

1371 г. Великій кн. Димитрій Ивановичъ собралъ ополченіе въ Переславлѣ противъ тверского князя Михаила Александровича.

1372 г. апрѣля 6. Набѣгъ литовцевъ; опустошеніе переславскихъ посадовъ и предмѣстій.

1374 г. ноября 26. Рожденіе въ Переславлѣ кн. Юрія Димитріевича.

1377 г. Переславскій дьякъ Алексѣй Владычка списалъ творенія пр. Ефрема Сирина.

1379 г. Переславль отданъ во владѣніе кн. литовскому Димитрію Ольгердовичу.

1380 г. сентября 8. † переславскаго воеводы Андрея Серкизовича съ двадцатью боярами на Куликовскомъ полѣ.

1382 г. Нашествіе Тахтамыша. Четвертое разореніе Переславля татарами.

1382—1385 г.г. Митрополитъ Пименъ на Московской каѳедрѣ.

1392 г. февраля 11. † пр. Димитрія Прилуцкаго.

1392 г. Возстановленіе Горицкаго монастыря.

1399 г. Переславль отданъ во владѣніе бывшаго кашинскаго князя Василія Михайловича.

1406 г. Переславль отданъ во владѣніе бывшаго литовскаго князя Александра Ивановича Нелюба.

1408 г. іюня 26. Переславль отданъ во владѣніе литовскаго князя Свидригайла Ольгердовича.

„ декабря 4. Нашествіе Эдигея. Пятое и послѣднее разореніе Переславля татарами.

1409 г. — 1420 г. Моровая язва въ Переславлѣ.

1425—29 г.г. Переславскія соляныя варницы. (Первое упоминаніе о нихъ).

1433 г. апрѣль. Кн. Юрій Димитріевичъ галицкій занялъ Переславль своими войсками.

1445 г. октября 26. Торжественная встрѣча въ Переславлѣ великаго князя Московскаго Василія II.

1446 г. мая 6. Шемяка встрѣчаетъ въ Переславлѣ дѣтей великаго князя Ивана и Юрія.

1468 г. Великій кн. Иванъ III принимаетъ въ Переславлѣ литовскаго посла.

1475 г. Заточеніе въ Переславлѣ тверской княгини.

1488—89 г.г. Выселеніе новгородцевъ въ Переславль.

1491 г. Заточеніе въ Переславлѣ дѣтей князя Угличкаго—Ивана и Димитрія.

1504 г. Богомольный походъ великаго князя Ивана III въ Переславль.

1508 г. іюля 15. Основаніе Данилова монастыря.

1510 г. 1-ое посѣщеніе
1516 г. 2-ое посѣщеніе
1525 г. 3-ье посѣщеніе
1528 г. 4-ое посѣщеніе
} Переславля Залѣсскаго в. кн. Василіемъ III.

1530 г. сентября 4. Преподобный Даніилъ былъ воспріемникомъ Ивана Васильевича IV.

1532 г. Построеніе каменной Троицкой церкви въ Даниловомъ монастырѣ.

1540 г. апрѣля 7. † Даніила переславскаго чудотворца.

1544 г. декабря 16 д. Заточеніе кн. Ивана Кубенскаго въ Переславлѣ.

1545 г. Первое посѣщеніе г. Переславля царемъ Иваномъ IV.

1552 г. Второе посѣщеніе „ „

1556 г. Третье посѣщеніе „ „

1564 г. Четвертое посѣщеніе „ „

1562 г. Написаніе житія пр. Даніила.

1564—66 г.г. Митрополитъ Аѳанасій на Московской каѳедрѣ.

1564 г. Переѣздъ царя Ивана Грознаго въ Александрову Слободу.

1567 г. Заключеніе литовскаго купца Игнатія Ршанина въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

1577 г. Андроникъ Невѣжа напечаталъ въ Александровой Слободѣ псалтирь.

1598 г. Посѣщеніе Переславля царемъ Борисомъ Годуновымъ.

1605 г. † боярина Семена Годунова въ Переславлѣ.

1608 г. сентября 27. Осада Троицкаго монастыря Сапѣгою.

1608 г. Начало октября. Переславль цѣловалъ крестъ Тушинскому вору.

„ октября 11. Взятіе Ростова переславцами и литовцами.

„ декабрь. Возстаніе въ Переславлѣ противъ поляковъ.

1609 г. январь—февраль. Переславцы Петръ Ошушковъ и Игнатій Ковѣзинъ—защитники Троицкаго монастыря.

1609 г. іюня 28. Участіе переславцевъ въ приступѣ Сапѣги къ Троицкому монастырю.

„ сентября 1. Освобожденіе Переславля отъ власти поляковъ.

1610 г. января 12. Снятіе осады Троицкаго монастыря поляками.

„ августъ. Переславль присягаетъ королевичу Владиславу.

„ октября 28. Опись переславскимъ губнымъ старостою Семеномъ Дахинымъ Даниловскихъ вотчинъ.

1611 г. февраля 1. Выступленіе головы Ивана Можарова изъ Переславля противъ поляковъ.

„ мартъ. Переславль—сборный пунктъ для передовыхъ отрядовъ перваго ѣополченія.

„ іюля 18.— } Набѣгъ Сапѣги на Переславль Залѣсскій.
„ августа 6. } Звѣрское опустошеніе окрестностей.

„ октябрь. Переславль Залѣсскій - сборный пунктъ для отрядовъ противъ поляковъ.

1612 г. Опустошеніе Переславля Залѣсскаго Иваномъ Зуруцкимъ.

„ Изгнаніе казаковъ Заруцкаго.

„ іюль — августъ. Прохожденіе черезъ Переславль Залѣсскій второго ополченія подъ начальствомъ Козьмы Минина и кн. Пожарскаго.

1613 г. апрѣль. Шествіе черезъ Переславль Михаила Ѳедоровича на царство въ Москву.

1618 г. сентябрь. Набѣгъ подъ Переславль полковника Чаплинскаго.

1619 г. августа 29. Богомольный походъ царя Михаила Ѳедоровича. Посѣщеніе Переславля.

1638 г. Второе посѣщеніе Переславля царемъ Михаиломъ.

1642 г. Возобновленіе Борисоглѣбскаго Песоцкаго монастыря.

1650 г. Основаніе Лукьяновой пустыни.

1651 г. Основаніе Успенскаго женскаго монастыря въ Александровой Слободѣ.

1653 г. декабрь 30. Обрѣтеніе мощей пр. Даніила.

1654 г. Моровая язва въ Переславлѣ.

1661 г. іюня 21. Кардисскій миръ. Шведское подворье въ Переславлѣ.

1666 г. Возобновленіе переславскихъ стѣнъ.

1667 г. Переименованіе Ѳедоровскаго монастаря въ женскій.

1671 г. апрѣля 4. Посѣщеніе царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Александровой Слободы.

1676 г. ноября 25—27. Первый богомольный походъ царя Ѳедора Алексѣевича въ Переславль Залѣсскій.

1679 г. сентября 17—20. Второй походъ царя Ѳедора Алексѣевича.

1687 г. февраль. Посѣщеніе ц. Иваномъ и Петромъ Алексѣевичами и правительницей Софьей Переславля Залѣсскаго.

1688 г. іюль. Первый пріѣздъ царя Петра на Переславское озеро.

1689 г. апрѣль и іюль. Занятія царя Петра на Переславскомъ озерѣ.

1691 г. ноября 3. Указъ о построеніи дворца на берегу Переславскаго озера.

„ ноября 16—30. } Занятія царя Петра на Переславскомъ озерѣ.

1692 г. февраль. }

„ мартъ. }

„ апрѣль. }

„ мая 1. Первый флотскій праздникъ. Спускъ и освященіе кораблей.

„ іюля 22—сентября 3. Пріѣздъ царицъ въ Переславль Залѣсскій.

1693 г. Послѣднія занятія царя Петра на Переславскомъ озерѣ.

„ Учрежденіе почты на Московско-Архангельскомъ трактѣ.

„ Село Веськово вымѣнено на дворцовое село.

„ іюня 26. † пр. Корнилія.

1707 г. декабря 17. Перечисленіе Переславскаго уѣзда въ Московскую губернію.

1716 г. Положеніе мощей пр. Даніила на вскрытіи.

1719 г. Переславль Залѣсскій – провинціальный городъ Московской губерніи.

1722 г. февраля 7. Указъ императора Петра 1-го о береженіи флотиліи.

„ іюня 12. Пожаръ въ Горицкомъ монастырѣ.

1723 г. іюня 10 Публичное покаяніе арх. Варлама.

1744 г. Открытіе переславской епархіи.

1744—1752 г.г. Архіепископъ Арсеній Могилянскій.

1745—1753 г.г. Епископъ Серапіонъ Лятошевичъ.

1753 г. марта 20. Учрежденіе епархіей семинаріи въ Даниловомъ монастырѣ.

1753—1761 г.г. Епископъ Амвросій Зертисъ-Каменскій.

1758 г. Основаніе первой полотняной фабрики въ Переславлѣ Залѣсскомъ.

1761—1768 г.г. Епископъ Сильвестръ Строгальскій.

1764 г. февраля 26. Манифестъ о монастырскихъ штатахъ. Закрытіе переславскихъ монастырей: Введенскаго, Вознесенскаго, Борисоглѣбскаго Песоцкаго, Князе-Андреевскаго и др.

1768—1773 г.г. Епископъ Геннадій Кратинскій.

1772 г. Возникновеніе раскольничьяго толка „бѣгуновъ“.

1774—1776 г.г. Епископъ Антоній Румовскій.

1776—1788 г.г. Епископъ Ѳеофилактъ Горскій.

1778 г. сентября 1. Обращеніе Переславля Залѣсскаго въ уѣздный городъ Владимірской губерніи; возведеніе въ рангъ уѣздныхъ городовъ: дворцовой Александровой Слободы; с. Покрова и Киржача.

1787 г. Открытіе городскаго училища въ Переславлѣ.

1788 г. Упраздненіе переславской епархіи и епаршей семинаріи. Открытіе духовнаго училища.

1803 г. Построеніе музея для храненія ботика и разныхъ вещей, оставшихся отъ пребыванія Петра I въ Переславлѣ.

1818 г. Посѣщеніе императрицей Маріей Ѳедоровной Переславля.

1823 г. Посѣщеніе императоромъ Александромъ I гор. Переславля

1837 г. Посѣщеніе наслѣдникомъ в. кн. Александромъ Николаевичемъ г. Переславля.

1847 г. Покупка дворянами с. Веськова въ общую собственность Владимірскаго дворянства.

1849 г. сентября 15. Открытіе Московско-Ярославскаго шоссе.

1850 г. августа 17. Закладка памятника императору Петру в. кн. Николаемъ и Михаиломъ Николаевичами.

1852 г. августа 17. Открытіе памятника императору Петру I-му.

1858 г. августа 13. Посѣщеніе Переславля императоромъ Александромъ II-мъ.

1862 г. Проведеніе желѣзной дороги отъ Москвы до Сергіева Посада.

1868 г. Проведеніе желѣзной дороги отъ Сергіева Посада до гор. Ярославля въ обходъ г. Переславля Залѣсскаго.

Оглавленіе.

Стран.

ВВЕДЕНІЕ. Географическія свѣдѣнія о Переславскомъ уѣздѣ и древнемъ Залѣсьи.—Задачи настоящаго изданія . . . . . I—XII.

I ГЛАВА. Древнее населеніе Залѣсья. Колонизація. Города. Образованіе великорусскаго населенія . . . . . 1—13

II ГЛАВА. Ростовско-Суздальское княжество при кн. Юріи Долгорукомъ. Время основанія Переславля-Залѣсскаго. Сооруженіе земляного вала и церкви Спаса. Монастыри . . . . . 13—19

III ГЛАВА. Борьба старыхъ и новыхъ городовъ по смерти в. кн. Андрея Боголюбскаго. Начало Переславскаго княжества. кн. Всеволодъ Юрьевичъ Большое Гнѣздо. Пр. Никита Столпникъ . . . . . 20—28

IV ГЛАВА. Переславское княжество при кн. Ярославѣ Всеволодовичѣ и св. благ. кн. Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ . . . . . 28—40

V ГЛАВА. Переславское княжество при кн. Димитріи Александровичѣ. Св. бл. кн. Андрей Смоленскій. Кн. Иванъ Димитріевичъ. Конецъ самостоятельнаго существованія Переславскаго княжества . . . . . 41—50

VI ГЛАВА. Переславль-Залѣсскій подъ властью кн. Московскихъ Пр. Димитрій Прилуцкій. Воевода Андрей Серкизовичъ . . . . . 50—64

VII. ГЛАВА. Переславль-Залѣсскій при в. кн. Василіи I, Василіи II и Иванѣ III . . . . . 64—74

VIII ГЛАВА. Переславль-Залѣсскій при в. кн. Василіи III. Пр. Данилъ—переславскій чудотворецъ . . . . . 74—84

IX ГЛАВА. Переславль-Залѣсскій во времена Ивана IV 84- 96

X ГЛАВА. Переславль-Залѣсскій въ смуту XVII ст. . . . . 97—118

XI ГЛАВА. Переславль-Залѣсскій при царяхъ дома Романовыхъ XVII ст. . . . . 119—132

XII ГЛАВА. Переславль-Залѣсскій при Петрѣ Великомъ. Переславская потѣшная флотилія . . . . . 133—146

II.

Стран.

XIII ГЛАВА. Переславскіе монастыри въ царствованіе Петра Великаго . . . . . 147—159

XIV ГЛАВА. Переславль-Залѣсская провинція. Переславская епархія . . . . . 160—171

XV. Переславль-Залѣсскій—уѣздный городъ Владимірской губерніи. Состояніе его въ XVIII и XIX ст. . . . . 172—189

XVI. ГЛАВА. Современный Переславль-Залѣсскій. Памятники старины и позднѣйшія строенія. Общій очеркъ . . . . . 189—208

XVII ГЛАВА. Современный Переславскій уѣздъ. Населенные пункты Ихъ перечень по волостямъ и приходамъ. Краткія историческія свѣдѣнія о нихъ . . . . . 208—231

Приложеніе. Хронологическія свѣдѣнія, относящіяся къ исторіи Переславля-Залѣсскаго . . . . . 232—240

ОПЕЧАТКИ.

					Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
На	2	стр.	16	строка сверху	—Кписа, Клязьма, Кубря	Кписа, Кубря
„	6	„	2	„ „	—а деревянные дома	а и деревянные дома
„	9	„	16	„ „	—разцвѣта	расцвѣта
„	11	„	2	„ „	—одолевали	одолѣвали
„	„	„	3	„ „	—изъ которыхъ нѣкоторые	изъ нихъ нѣкоторые
„	12	„	18	„ „	—колонистали	колонистами
„	17	„	10	„ „	—не нелегко	нелегко
„	21	„	1	„ снизу	—забылъ	забывъ
„	24	„	14	„ сверху	—ослѣплѣны	ослѣплены
„	25	„	2	„ снизу	—обвѣтшавшія	обветшавшія
„	31	„	17	„ сверху	—съ ними	съ нимъ
„	37	„	12	„ „	—вызвало	вызывало
„	39	„	10	„ „	—безпоить	безпоконть
„	40	„	„	„ снизу	—на сорокъ пятомъ	сорокъ четвертомъ
„	42	„	13	„ сверху	—согнами	согнали
„	47	„	8	„ „	—крязя	князя
„	49	„	14	„ „	—и выгналъ	и выгнать
„	„	„	17	„ „	—лагарѣ	лагерѣ
„	51	„	„	„ снизу	—коротскій	короткій
„	58	„	22	„ сверху	—принадлежащее	принадлежавшее
„	62	„	10	„ „	—радоначальникъ	родоначальникъ
„	65	„	12	„ „	—разчитывалъ	расчитывалъ
„	66	„	6	„ снизу	—увѣнчаннаго шатровымъ съ постепенно	съ шатровымъ постепенно
„	67	„	16	„ сверху	—варицы	варницы
„	84	„	13	„ снизу	—великія	великій
„	89	„	18	„ сверху	—видахъ	винахъ
„	111	„	6	„ снизу	—тягля	тягла
„	123	„	13	„ сверху	—да мосту	до мосту
„	124	„	7	„ снизу	—изъѣзднновy	изъ единову
„	134	„	20	„ сверху	—„дѣлой дворъ“	„дѣловой дворъ“
„	142	„	17	„ „	—съ горяча	сгоряча
„	159	„	10	„ „	—надъ ее	надъ ея
„	167	„	19	„ снизу	—расцвѣта монашества	расцвѣта монастырскаго хозяйства
„	191	„	14	„ сверху	—изрѣченія	изреченія
„	192	„	16	„ снизу	—въ предмѣстьѣ	въ предмѣстьи
„	197	„	14	„ сверху	—мощами	съ мощами
„	204	„	18	„ „	—1796	1798
„	214	„	11	„ снизу	—построенныя	построенныхъ
„	219	„	14	„ „	—оставалось	оставались
„	„	„	„	„ „	—находившіеся	находившихся
„	226	„	18	„ сверху	—Переславскимъ	Юрьевскимъ
„	227	„	15	„ снизу	—Никитскому	Никольскому
„	233	„	7	„ „	—2262 г.	1262 г.
„	239	„	4	„ сверху	—1723 г.	1722 г.

Цѣна 2 рубля.

10~20 коп.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ У АВТОРА

въ Нижнемъ-Новгородѣ, по Острожной улицѣ, № 18.

ВЫПИСЫВАЮЩІЕ ОТЪ АВТОРА ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НЕ ПЛАТЯТЪ.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

1) О князьяхъ Мещерскихъ XIII—XV в.в. Рязань. 1904 г. **Цѣна 50 коп.**

2) Къ родословной князей Мещерскихъ. Москва. 1907 г. **Цѣна 50 коп.**

3) Село Большая Брембола. Владиміръ. 1908 г. **Цѣна 75 коп.**